

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XIII.

Подъ редакціей *кн. С. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина.*

Книга II (62).

МАРТЪ — АПРѢЛЬ 1902 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., соб. домъ.

1902.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Вѣра. Психологическій этюдъ. — П. Соколова	909
Неогеометрія и ея значеніе для теоріи познанія. (Статья 1-я) Г. Челпанова	934
Изъ жизни высшихъ школъ Римской имперіи. — И. Цвѣтаева	954
Методъ самонаблюденія въ психологіи. — Л. Лопатина	1031

Вильгельмъ Вундтъ и психологія языка. — Ф. Зѣлинскаго	635
Волюнтаристическое ученіе о волѣ. — Н. Лосскаго	667
Очерки философіи естествознанія. Направленіе мірового процесса. — А. Шукарева	710

Критика и библиографія.

I. Библиографическій листокъ.	
II. Обзоръ журналовъ.	
Mind . New Series, Vol. X, №№ 37—40, январь — октябрь 1901. — П. Мокіевскаго	734
Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie . Vier- undzwanzigster Jahrgang 1901. — З. Столицы	744
Rivista filosofica . Ноябрь — декабрь 1901. — Н. Вальден- бергъ	751

ОБЪЯВЛЕНІЯ	1 47
----------------------	------

Вѣра.

Психологическій этюдъ. ¹⁾.

I.

„Отрицать, вѣрить и сомнѣваться для человѣка то же, что для лошади бѣжать“, говорилъ Паскаль. Въ этомъ своеобразномъ и немножко грубомъ афоризмѣ онъ высказалъ одну изъ самыхъ безспорныхъ истинъ, какія только когда-нибудь оспаривались людьми. Вѣра, въ психологическомъ смыслѣ этого слова, есть самая естественная и необходимая функція человѣческаго ума. На ней покоится каждый актъ сознанія, изъ нея вытекають всѣ наши дѣйствія, и трудно назвать другой вопросъ, который могъ бы имѣть большую важность для человѣческой мысли и жизни, чѣмъ вопросъ о вѣрѣ.

Не нужно думать, что значеніе этого вопроса ограничивается предѣлами одной только религіи, которая многими считается исключительною областью вѣры. Истины религіи, это лишь идеальныя высоты, на которыя должна подняться наша мысль, чтобы найти тамъ нравственное примиреніе окружающихъ насъ противорѣчій дѣйствительности и дать успокоеніе нашему страждущему сердцу. Но спу-

¹⁾ Вопросъ о вѣрѣ обыкновенно разсматривается у насъ только съ богословской или съ чисто гносеологической точки зрѣнія. Психологическій анализъ этого важнаго фактора почти не затронутъ въ нашей литературѣ. Попытку такого именно анализа я сдѣлалъ въ рѣчи «*О вѣрѣ*», напечатанной въ № 4 Харьковскаго журнала «Вѣра и Разумъ» за текущій годъ. Въ настоящей статьѣ мнѣ хотѣлось бы дополнить высказанные тамъ взгляды нѣкоторыми новыми теоретическими соображеніями и фактами.

п. с.

ститесь съ этихъ священныхъ высотъ въ нашу земную юдоль и загляните въ любой уголокъ знанія и жизни, и вы увидите, что все здѣсь проникнуто вѣрой, все держится и движется этою силой. Мы живемъ въ пространственно-чувственномъ мірѣ, который для насъ полонъ свѣта, красокъ и звуковъ, и этотъ міръ намъ кажется дѣйствительностью. Кто сталь бы отрицать, что это солнце свѣтитъ? Кто усомнился бы въ существованіи природы, безконечно разнообразной и прекрасной,—прекрасной даже среди нашихъ сѣверныхъ снѣговъ? Развѣ мы не видимъ окружающихъ насъ вещей своими глазами и не осязаемъ ихъ руками? Развѣ мы не знаемъ о нихъ по непосредственному чувственному опыту? Намъ кажется, что поставить эти вопросы значитъ рѣшить ихъ. Однако, если мы обратимся съ ними къ современному физику, онъ отвѣтитъ на нихъ иначе, чѣмъ мы ожидаемъ. Онъ скажетъ намъ, что нашъ обыкновенный чувственный опытъ есть только вѣра, и, притомъ, иллюзорная вѣра. На мѣсто этого чувственнаго опыта онъ намъ представитъ научную концепцію міра, которая совершенно противорѣчитъ нашимъ обычнымъ воззрѣніямъ. По этой концепціи, въ мірѣ нѣтъ ни свѣта, ни красокъ, ни звуковъ, ни гармоніи, ни дисгармоніи, ни красоты, ни безобразія. То, что мы называемъ свѣтомъ и красками, суть лишь колебанія ээира и его преломленія; то, что мы считаемъ звукомъ, суть лишь движенія воздушныхъ волнъ, прозаически бьющихъ въ нашу барабанную перепонку; то, что намъ кажется красотой и безобразіемъ, суть безжизненныя формы равнодушныхъ къ красотѣ и безобразію элементовъ. Всѣ эти качества, украшающія собой нашъ чувственный міръ, суть, говоря словами Гельмгольца, только *знаки*, или субъективные символы, тѣхъ воздѣйствій, которыя мы получаемъ со стороны окружающей насъ дѣйствительности: въ нихъ отражаются не свойства вещей, а лишь ихъ законѣрныя отношенія ¹⁾.

¹⁾ Helmholtz, *Physiologische Optik*, 2-te Aufl., Hamburg und Leipzig 1896, S. 586.

Дѣйствительный міръ, міръ, лежащий за предѣлами нашихъ ощущеній и очищенный отъ ихъ субъективныхъ прибавокъ, есть царство неизмѣнной матеріи и вѣчной силы; это — безконечно сложная *система молекулярныхъ движеній*, подчиненныхъ непреложнымъ законамъ. Въ нашемъ чувственномъ воспріятіи эта система движеній облекается, какъ остовъ, въ плоть и кровь, принимая различныя видимыя и осязаемыя формы; но имѣютъ ли эти формы какой-нибудь реальный смыслъ, мы не знаемъ и знать не можемъ. Мы только *вѣримъ* въ ихъ дѣйствительность, повинуюсь обманчивому голосу нашихъ виѣшнихъ чувствъ.

Какъ бы ни противорѣчила научная концепція міра нашимъ обычнымъ представленіямъ, она гораздо болѣе удовлетворяетъ нашу мысль, чѣмъ простой чувственный опытъ: она превращаетъ міръ въ пустыню, но она даетъ намъ его объясненіе. Однако, можемъ ли мы утверждать, что сама эта концепція основывается на истинномъ знаніи природы вещей и вполнѣ выражаетъ ихъ дѣйствительность? Если бы мы предложили этотъ вопросъ философу, онъ произнесъ бы надъ міровоззрѣніемъ физика такой же приговоръ, какой тотъ произноситъ надъ нашимъ чувственнымъ опытомъ. Онъ сказалъ бы, что научная концепція міра основана также на вѣрѣ и выражаетъ не дѣйствительную природу вещей, а только наиболѣе удовлетворяющій насъ способъ мышленія о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что знаетъ ученый о дѣйствительномъ существованіи матеріи и силы, движенія и законовъ природы? Столько же, сколько профанъ знаетъ о дѣйствительномъ существованіи свѣта и звука. Такъ называемой матеріи, — этой единой, простой и неизмѣнной матеріи, — ученый не наблюдаетъ и не можетъ наблюдать въ своемъ непосредственномъ опытѣ. Онъ видитъ здѣсь только разнообразныя, сложныя и измѣнчивыя формы вещей, которыя въ свою очередь открываются его познанію только въ сложныхъ и измѣнчивыхъ комплексахъ его собственныхъ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній. Въ системѣ научныхъ представленій матерія является простымъ

„вымысломъ (ein Gedankending), который мы построили себѣ довольно несовершенно, для того, чтобы представить постоянное среди перемѣны явленій“¹⁾). Наблюдаетъ ли ученый въ своемъ опытѣ молекулярное движеніе, физическія силы и законы матеріи? Также нѣтъ. Онъ имѣетъ дѣло лишь съ состояніями видимыхъ имъ предметовъ и, наблюдая ихъ измѣненія и законы, въ дѣйствительности наблюдаетъ только перемѣны и постоянныя соотношенія въ своихъ ощущеніяхъ и представленіяхъ. Все, что онъ прибавляетъ къ этимъ ощущеніямъ и представленіямъ, суть идеи,—его собственныя идеи, полученныя въ результатѣ логической переработки чувственнаго опыта или конструированныя по общимъ законамъ человѣческой мысли въ цѣляхъ его объясненія. Эти идеи онъ переноситъ вмѣстѣ съ своими ощущеніями въ объективный міръ и рассматриваетъ ихъ какъ принципы и законы вещей. И если онъ открываетъ неизмѣнное дѣйствіе этихъ законовъ въ природѣ, то въ сущности онъ открываетъ здѣсь только неизмѣнную связь своихъ понятій, координированныхъ съ непосредственными ощущеніями, и познаетъ незыблемость законовъ своей мысли. Въ этомъ случаѣ онъ впадаетъ въ ту своеобразную теоретическую иллюзію, которую отмѣтилъ съ такою ясностью и силой Шиллеръ въ своей эпиграммѣ „*Menschliches Wissen*“:

Weil du liesest in ihr was du selber in sie geschrieben,
 Weil du in Gruppen fürs Aug' ihre Erscheinungen reihst,
 Deine Schnüre gezogen auf ihrem unendlichen Felde,
 Wahnst du, es fasse dein Geist ahnend die grosse Natur.

Спиноза говорилъ, что „порядокъ и связь идей то же, что порядокъ и связь вещей“ (ordo et connexio idearum idem est, ac ordo et connexio rerum). Но въ мірѣ нѣтъ такого генія, который могъ бы разгадать намъ порядокъ и связь

¹⁾ Ostwald, *Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus*, Leipzig, 1895, S. 26. Сравн. недавно вышедшую книгу *Vorlesungen über Naturphilosophie*, Leipzig, 1902, S. 148 ff., и др.

вещей самихъ по себѣ, и Фихте имѣлъ полное право сказать болѣе рѣшительно и просто: „порядокъ вещей лежитъ только въ нашихъ понятіяхъ“ ¹⁾. Итакъ, ученый отличается отъ профана лишь тѣмъ, что профанъ останавливается на своихъ ощущеніяхъ и принимаетъ ихъ за дѣйствительныя вещи, а ученый выходитъ за предѣлы ощущеній и замѣняетъ ихъ понятіями. Открывая въ сложныхъ и измѣнчивыхъ формахъ ощущаемыхъ имъ вещей нѣкоторыя общія и неизмѣнныя свойства, онъ сводитъ ихъ къ понятію простой и единой матеріи; наблюдая въ объектахъ своихъ ощущеній перемѣны, взаимную связь и зависимость, онъ обобщаетъ ихъ въ понятіяхъ движенія, силы и закона. Если міръ профана, говоря словами Милля, есть только совокупность нашихъ дѣйствительныхъ и возможныхъ ощущеній, то міръ ученаго есть *система обективированныхъ понятій*. Имѣютъ ли эти обективированныя понятія дѣйствительное существованіе за предѣлами его собственнаго ума, ученый этого не знаетъ. Онъ только *вѣритъ* въ ихъ обективную реальность, вѣритъ самую простою, обыкновенною вѣрой,—вѣритъ какъ дикарь, который олицетворяетъ свои наивныя мысли, чувства и надежды и вкладываетъ ихъ въ видѣ живыхъ существъ и силъ

¹⁾ J. G. Fichte, *Die Thatsachen des Bewusstseins*, vorgetr. im J. 1813, Nachgelassene Werke, herausgeg. von I. H. Fichte, Bonn 1834—1835, I Bd. S. 515—516. Вотъ подлинныя слова Фихте,—они очень интересны и мало извѣстны: «Die Natur ist durchaus nicht Bild Gottes, sondern nur dasjenige, worin Gott zu bilden ist; eben so wenig ist sie Gottes Geschöpf, sie hat mit Gott gar Nichts gemein. Wir, die vernünftigen Iche, möchten werden, wenn wir wollten, Gottes Geschöpfe, und die Natur machen zu unserm eigenen Geschöpfe, wir sind das Bild Gottes, und die Natur ist unser Bild. Wenn die Leute die Weisheit Gottes in der Natur bewundern, was bewundern sie da eigentlich? Nur ihr Denken, denn *die Ordnung liegt lediglich doch in ihrem Begriffe*; und ein solches sichtbares Bilden merken sie nicht! *Die Ordnung und Weisheit in der Natur ist die Ordnung und Weisheit des Denkens*, und diese Ordnung ist Weisheit, denn in ihr ist abgebildet und abgedrückt das Grundgesetz der Erscheinung». Современная научная мысль въ сущности очень близка къ этимъ возрѣніямъ стараго нѣмецкаго идеалиста. Достаточно вспомнить опредѣленіе закона и теорію научнаго опыта у Гельмгольца, *Physiol. Optik*, 2 Aufl., S. 591 ff.; достаточно прочесть любопытную замѣтку Вундта «*Wer ist der Gesetzgeber der Naturgesetze?*» *Philosophische Studien*, III Bd. S. 493 ff.

въ поразившія его явленія природы. Самое точное научное познаніе пропитано вѣрой нисколько не меньше, чѣмъ самая фантастическая міеологія. Оно есть, по справедливому выраженію Селли, только *систематическая координація или организація нашихъ вѣрованій* ¹⁾.

Я замѣтилъ, что ученый, разсматривающій міръ какъ систему движеній и законовъ, превращаетъ его въ пустыню. Философъ, который видитъ въ этой системѣ движеній и законовъ лишь систему нашихъ субъективныхъ понятій, превращаетъ міръ въ ничто. Во всей вселенной остается для него дѣйствительнымъ только одинъ фактъ,—фактъ его собственнаго сознанія. Сомнѣніе во всемъ,—вотъ единственная вещь, въ которой не можетъ усомниться самый смѣлый и рѣшительный скептикъ. Этотъ жалкій остатокъ дѣй-

¹⁾ Sully, *The Human Mind. A text-book of Psychology*, London, 1892, vol. I, p. 495.—Гельмгольцъ, соединявшій съ научнымъ гениемъ глубокой философскій умъ, прекрасно понималъ это значеніе вѣры въ научномъ познаніи. Разсматривая теоретическія основы научнаго изслѣдованія, онъ говоритъ въ 26 своей *Физиологической Оптики* (2 Aufl., S. 593—594): «Jeder Inductionsschluss stützt sich auf das *Vertrauen*, dass ein bisher beobachtetes gesetzliches Verhalten sich auch in allen noch nicht zur Beobachtung gekommenen Fällen bewähren werde. Es ist dies ein Vertrauen auf die Gesetzmässigkeit alles Geschehens. Die Gesetzmässigkeit aber ist die Bedingung der Begreifbarkeit. Vertrauen in die Gesetzmässigkeit ist also zugleich Vertrauen auf die Begreifbarkeit der Naturerscheinungen. Setzen wir aber voraus, dass das Begreifen zu vollenden sein wird, dass wir ein letztes Unveränderliches als *Ursache* der beobachteten Veränderungen werden hinstellen können, so nennen wir das regulative Princip unseres Denkens, was uns dazu treibt, das *Causalgesetz*. Wir können sagen, es spricht das Vertrauen auf die vollkommene Begreifbarkeit der Welt aus... Für die Anwendbarkeit des Causalgesetzes haben wir aber keine weitete Bürgschaft, als seinen Erfolg... Das Causalgesetz ist wirklich ein a priori gegebenes, ein transcendentales Gesetz. Ein Beweis desselben aus der Erfahrung ist nicht möglich; denn die ersten Schritte der Erfahrung sind nicht möglich ohne die Anwendung von Inductionsschlüssen, d. h. ohne das Causalgesetz; und aus der vollendeten Erfahrung, wenn sie auch lehrte, dass alles bisher Beobachtete gesetzmässig verlaufen ist,—was zu versichern wir doch lange noch nicht berechtigt sind,—würde immer nur erst durch einen Inductionsschluss, d. h. unter Voraussetzung des Causalgesetzes, folgen können, dass nun auch in Zukunft das Causalgesetz giltig sein werde. Hier gilt nur der eine Rath: Vertraue und handle!

Das Unzulängliche
Dann wird's Ereigniss».

ствительности кажется намъ безконечно ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ блестящимъ, полнымъ красоты и поэзіи миражемъ, который создаютъ намъ наши чувства; но для философа онъ становится источникомъ новыхъ идейныхъ построений, изъ которыхъ въ его головѣ вырастаетъ еще болѣе прекрасное царство сверхчувственныхъ идеаловъ и цѣнностей. Выходя изъ явленій и законовъ своего собственного сознанія, философъ пытается при помощи нѣсколькихъ субъективныхъ гипотезъ проникнуть въ сущность и цѣли вещей, понять ихъ смыслъ и назначеніе, разгадать ихъ начало и конецъ. вмѣсто чувственного представленія природы и научной концепціи міра онъ предлагаетъ намъ метафизическую концепцію вселенной, которая должна съ избыткомъ возратить дѣйствительности ея права, отнятыя имъ же самимъ. Что правды въ этой метафизической концепціи дѣйствительности? Философъ этого не знаетъ. Онъ только *вѣритъ*, что его система истинна и неопровержима, вѣритъ немножко эгоистическою вѣрой, потому что всѣ остальные философскія системы кажутся ему невѣроятными. Другіе философы смѣются надъ этою вѣрой и предлагаютъ вмѣсто его теории свои собственные рѣшенія мировыхъ проблемъ,— рѣшенія столь же разнообразныя и противоположныя, какъ разнообразны и противоположны умы, характеры и вѣрованія людей. А надъ всѣми ими смѣется капризная природа, которая про себя знаетъ, что философы только обманываютъ себя самихъ своими собственными иллюзіями, что они создаютъ свой міръ идей точно такъ же, какъ дѣти создаютъ себѣ фантастическій мірокъ, когда играютъ въ свои куклы, что ихъ философская вѣра возникаетъ не изъ нѣдръ дѣйствительности, а изъ нѣдръ ихъ собственной мысли и сердца, что она диктуется не строемъ вещей, а строемъ ихъ собственной души, ихъ личными мечтами и чувствами, ихъ стремленіями и привычками, ихъ страстями и предразсудками¹⁾.

1) Сравни интересные замѣчанія Джемса о философскихъ критеріяхъ истины и о различныхъ рѣшеніяхъ философскихъ проблемъ въ его прекрас-

Чувственный порядокъ природы и идеальный порядокъ мыслимыхъ нами вещей являются условіями нашего личнаго и общественнаго существованія. На почвѣ ихъ создается тотъ порядокъ практическихъ отношеній и цѣлей, который называется жизнью. Не моя задача разсматривать здѣсь законы жизни и управляющія ею силы; но мнѣ кажется, что вѣра есть одна изъ самыхъ главныхъ и самыхъ могучихъ такихъ силъ. Возьмите любую область практическихъ отношеній и любую категорію цѣлей, не только въ нашемъ человѣческомъ мірѣ, но даже въ жизни природы, и вы всюду встрѣтитесь съ этимъ неопровержимымъ фактомъ. „Животное, опредѣляющее свою пищу по одному ея виду или идущее къ мѣсту убѣжища, — говоритъ Бэнь, — распознаетъ извѣстныя совпаденія естественныхъ свойствъ и обнаруживаетъ въ полной мѣрѣ состояніе вѣры въ отношеніи къ нимъ. Самое скромное насѣкомое, обладающее постояннымъ жилищемъ или извѣстными средствами для удовлетворенія своихъ потребностей, одарено способностью вѣрить. Каждое новое совпаденіе явленій, внесенное въ рутину животнаго существованія и содѣйствовавшее достиженію его цѣлей, есть новый членъ вѣры. Ребенокъ, нашедшій дорогу къ груди матери, которая накормитъ и согрѣетъ его, сдѣлалъ успѣхи въ способности вѣры; и тотъ же путь идетъ, расширяясь, черезъ всю жизнь“¹⁾. Уже въ колыбели ребенокъ вѣритъ въ ласковую улыбку матери и въ строгій взоръ отца, и съ этою инстинктивною вѣрой связаны его первыя моральныя радости и страданія. Когда онъ выйдетъ изъ колыбели, вѣра въ чужой авторитетъ и въ свой собственный маленькій опытъ будетъ сопровождать его первые шаги въ этомъ необъятномъ и невѣдомомъ мірѣ и поведетъ его по пути дальнѣйшаго воспитанія и развитія. Когда онъ вступитъ въ жизнь взрослымъ человѣкомъ, вѣра окрылитъ его молодыя мечты, подскажетъ ему предметы

ной рѣчи «*The Will to Believe*», *Essays in popular Philosophy*, New-York, London and Bombay, 1897, p. 14 ff.

1) Bain, *The Emotions and the Will*, 3 ed., London, 1888, p. 506.

желаній, создасть его счастье и горе, научить его любить и ненавидѣть. Когда, наконецъ, онъ пройдетъ поле жизни и похоронитъ свои несбывшіяся мечты и надежды, вѣра утѣшитъ его въ ихъ потерѣ и мирно проведетъ въ могилу. Вѣра и жизнь, убѣжденіе, чувство и дѣйствіе связаны между собой тысячью неуловимыхъ нитей, и часто бываетъ невозможно рѣшить, что изъ нихъ слѣдствіе и что причина. Если наши чувства, стремленія и страсти служатъ скрытыми мотивами нашихъ вѣрованій, то въ свою очередь наши вѣрованія выливаются въ потокъ чувствъ, стремленій и страстей. Любите, и вы будете вѣрить; вѣрьте, и вы будете любить,— вотъ двѣ одинаково несомнѣнныхъ нравственно-психологическихъ аксіомы. Развѣ не сходство вѣры и не взаимное довѣріе сближаютъ людей другъ съ другомъ и соединяютъ ихъ въ общественныя и политическія группы? И развѣ не различіе ихъ вѣръ поселяетъ между ними вражду? Что, какъ не вѣра въ возможное будущее, побуждаетъ людей стремиться къ ихъ цѣлямъ, корыстнымъ и безкорыстнымъ, низкимъ и благороднымъ, пошлымъ и возвышеннымъ? Что иное приковываетъ ихъ умы и сердца къ тѣмъ иллюзіямъ и химерамъ, которыми они убаюкиваютъ себя среди житейскихъ комедій и драмъ? Что служитъ движущею пружиной ихъ борьбы за истину и противъ истины, ихъ подвиговъ и преступленій? Маленькій эгоистъ, утопающій въ болотѣ житейской пошлости, добивается своего маленькаго личнаго счастья, потому что онъ вѣритъ въ его возможность и не вѣритъ въ другія, высшія цѣли; великій общественный герой, жертвующій всѣмъ для блага другихъ, борется за свой идеаль, потому что онъ вѣритъ въ его достижимость и не вѣритъ въ смыслъ будничнаго личнаго счастья. Фонвизинскій Митрофанъ и Гоголевская Коробочка имѣютъ свой символъ вѣры и живутъ этою несложною вѣрой точно такъ же, какъ жили своею Ньютонъ или Кантъ. И вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ воплощенная въ дѣйствіяхъ и событіяхъ человѣческая вѣра,—вѣра Колумба, открывающаго людямъ новый міръ, и

вѣра калифа Омара, сжигающаго безцѣнныхъ сокровища Александрийской библіотеки, вѣра мучениковъ и героевъ, идущихъ на костры во имя своихъ убѣждений, и вѣра палачей, воздвигающихъ эти костры, вѣра пророковъ, призывающихъ толпу къ истинному Богу, и вѣра толпы, побивающей пророковъ камнями.

II.

Итакъ, вѣра есть универсальный фактъ. Она служитъ основой нашего познанія и жизни; она проникаетъ наши идеи, вторгается въ міръ нашихъ чувствъ и управляетъ нашими дѣйствіями. Безъ сомнѣнія, въ этомъ именно всеобъемлющемъ значеніи вѣры нужно искать объясненія того факта, что она понимается теоретиками очень различно. Смотри по тому, какая изъ ея сложныхъ теоретическихъ и практическихъ функций принимается въ расчетъ, вѣра опредѣляется то какъ извѣстный способъ познанія, то какъ особая форма чувства, то какъ своеобразный волевой актъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если все наше знаніе сводится къ вѣрѣ, то не заслуживаетъ ли самая вѣра имени *знанія*? Вѣдь, познавать вещи значитъ представлять ихъ въ связи между собой и мыслить ихъ взаимныя отношенія, т. е., иными словами, ассоціировать ихъ другъ съ другомъ, помнить ихъ antecedentes, ожидать ихъ слѣдствій, судить объ ихъ свойствахъ и законахъ. Но то, что связано въ нашемъ представленіи нерасторжимою связью, внушаетъ намъ мысль о реальности этой связи; то, что мы помнимъ и чего ожидаемъ, кажется намъ достовѣрнымъ; то, о чемъ мы судимъ, утверждается нами, какъ существующій фактъ, или отрицается, какъ несуществующее. Все это лишь различныя выраженія для одного и того же состоянія вѣры, и намъ остается только рѣшить: не совпадаетъ ли вѣра съ „неразрывною ассоціаціей идей“, какъ полагалъ въ свое время Джемсъ Милль? ¹⁾ Не состоитъ ли она лишь въ памяти о

¹⁾ James Mill, *Analysis of the Phenomena of the Human Mind*, 2 ed., London, 1878, vol. I, chap. XI, въ частности p. 361 ff.

прошломъ и въ ожиданіи будущаго, какъ говорилъ позднѣе другой Милль, Джонъ Стюартъ? ¹⁾ Не есть ли она актъ сужденія, какъ думаютъ Brentano ²⁾, Липпсъ ³⁾, Стаутъ ⁴⁾, и другіе?

Съ другой стороны, если вѣра мотивируется чувствомъ и порождаетъ рядъ новыхъ эмоцій и страстей, не обязываетъ ли это насъ признать, что она сама имѣетъ *эмоціональную* природу? Какую бы роль ни играла вѣра въ нашемъ познаніи, она никогда не бываетъ чисто познавательнымъ или теоретическимъ состояніемъ. Это нравственная стихія, захватывающая наше сердце, часто вопреки нашему уму, и обладающая всѣми свойствами нравственныхъ чувствъ. Вѣра то же, что любовь, говорилъ Паскаль: она чужда расчетовъ и не понимаетъ доказательствъ. Вѣдь тотъ, кто искренно вѣритъ, вѣритъ не рассуждая; какая-то инстинктивная сила непобѣдимо влечетъ его мысль и волю туда, гдѣ лежитъ кумиръ его вѣры. Когда вы хотите убѣдить въ чемъ-нибудь человѣка, не обращайтесь къ нему съ сухими и безплодными рассудочными доводами; вы достигнете своей цѣли только тогда, когда сумѣете взволновать его душу и найти откликъ въ его сердцѣ. И когда онъ вамъ скажетъ: „я чувствую, что вы правы“, онъ выразитъ смыслъ своей вѣры лучше, чѣмъ всѣ теоріи въ мірѣ. Вотъ почему вѣра даетъ намъ такое глубокое внутреннее удовлетвореніе; и вотъ почему сомнѣніе, эта противоположность вѣры, служитъ источникомъ такихъ мучительныхъ душевныхъ страданій. Не значить ли это, что вѣра есть своеобразное „чувство, отличающее идеи сужденія отъ

¹⁾ John Stuart Mill, *Note to Jas. Mill's Analysis*, vol. I, p. 411 ff. Сравн. также *Examination of Sir William Hamilton's Philosophy*, 6-th edition, London, 1889, chap. XI, p. 225 ff., и *Логикѣ*, перев. Ивановскаго, Москва, 1899, стр. 65 слѣд., , 430, 453, и др.

²⁾ Brentano, *Psychologie vom empirischen Standpunkte*, I Bd., Leipzig, 1874, S. 266 ff.

³⁾ Lipps, *Grundtatsachen des Seelenlebens*, Bonn, 1883, S. 402 ff.

⁴⁾ Stout, *Analytic Psychology*, London, 1896, vol. I, p. 97 ff.

вымысловъ воображенія“, какъ говорилъ Юмъ?¹⁾ Не въ правѣ ли мы назвать ее „эмоціей убѣжденія“, какъ называлъ извѣстный англійскій писатель Вальтеръ Бэджотъ? ²⁾

Наконецъ, если вѣра возникаетъ изъ нѣдръ нашихъ стремленій и воплощается въ дѣйствіяхъ воли, не слѣдуетъ ли отсюда, что именно въ *воле* нужно искать ея разгадку? Вѣдь какъ бы ни были могущественны наши чувства и страсти, они точно такъ же не властны заставить насъ вѣрить въ то, что отвергается нашимъ умомъ, какъ внѣшнее принужденіе не въ состояніи навязать насильно вѣру нашему сердцу. Вѣра—какъ мысль: она не знаетъ цѣпей и можетъ жить только въ стихіи полной свободы. Отнимите у нея эту свободу, подчините ее внутреннему или внѣшнему детерминизму, и она станетъ слѣпою инстинктивною привычкой или превратится въ жалкое лицемѣріе. Истинная или ложная, страстная или спокойная, твердая или колеблющаяся, вѣра зависитъ только отъ одной власти въ мірѣ,—отъ согласія нашей собственной воли. Она не есть ни чувство, ни знаніе; она есть „рѣшимость воли признать знаніе“ (*ein Entschluss des Willens, das Wissen gelten zu lassen*), какъ говорилъ Фихте ³⁾. Вотъ почему вѣрить и хотѣть, хотѣть и дѣйствовать для цѣльнаго человѣка значить одно и то же. Рожденная волей, вѣра съ нею живетъ и умираетъ. Тамъ, гдѣ она является живою силой, она сама собою стремится обнаружиться въ нашихъ дѣлахъ. И если она лишена живыхъ обнаруженій, это свидѣтельствуетъ о томъ, что ея

1) Hume, *Treatise of Human Nature*, book I, pt. III, sect. VII, edited by Green and Grose, London, 1889—1890, vol. I, p. 398: „something felt by the mind, which distinguishes the ideas of the judgment from the fictions of the imagination“. Сравни. Appendix, p. 555—556. *Enquiry concerning Human Understanding*, sect. V, pt. II, Essays moral, political, and literary, the same edition, vol. II, p. 41: „a feeling or sentiment, different from the loose reveries of the fancy“.

2) Walter Bagehot, *The Emotion of Conviction*, Literary Studies, London, 1879, vol. I, p. 412 ff.

3) Fichte, *Die Bestimmung des Menschen*, Sämtliche Werke, herausgeg. von I. H. Fichte, Berlin; 1845—1846, Bd. II, S. 254.

источникъ изсякъ, такъ какъ „вѣра безъ дѣль мертва“. Даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ не имѣетъ возможности исполнѣ осуществить свою вѣру, готовность дѣйствовать для ея осуществленія является ея основною чертой. Такимъ образомъ, свободная, какъ мысль, сама по себѣ, вѣра становится необходимою причиною дѣятельности. Не правъ ли былъ Декартъ, когда онъ думалъ, что вѣра есть свобода мыслить? ¹⁾ И не имѣлъ ли основанийъ Бэнъ сказать, что вѣра есть готовность дѣйствовать? ²⁾.

¹⁾ Декартъ, *Метафизическія Размышленія*, перев. Невѣжиной подъ ред. проф. А. И. Введенскаго (*Труды С.-Петербургскаго Философскаго Общества*, вып. I), Спб., 1901, Размышленіе IV, стр. 61 и слѣд. Также *Principia philosophiæ*, pars I, §§ 32—37. Сравн. Ollé-Laprune, *De la certitude morale*, 2-me éd., Paris, 1892, 48 et suiv.

²⁾ Bain, *The Emotions and the Will*, p. 505 ff.; *Note to Jas. Mill's Analysis*, vol. I, p. 394 ff.—Современные психологи, особенно нѣмецкіе, очень часто проходятъ вопросъ о вѣрѣ полнымъ молчаніемъ. Но всюду, гдѣ они касаются этой проблемы, ихъ теории или примыкаютъ къ какому-нибудь изъ трехъ указанныхъ мною сейчасъ типовъ, или представляютъ болѣе или менѣе удачныя попытки ихъ примиренія. Такъ, среди французовъ, Рабье и Поланъ—чистые интеллектуалисты. По мнѣнію Рабье, вѣра есть „un mode de la représentation. Chez le vulgaire, la croyance c'est l'objectivation de la représentation, autrement dit l'identification de la représentation avec l'idée de la réalité absolue. Chez le philosophe, la croyance c'est plutôt l'association, à la représentation, de l'idée de la réalité absolue correspondante à cette représentation“ (*Psychologie*, 3-me éd., Paris, 1888, p. 268—269). Поланъ, согласно съ своими общими психологическими воззрѣніями, понимаетъ подъ именемъ вѣры „un mode particulier de l'association systématique... mais cette association est moins complète, et les éléments qui y entrent sont moins étroitement liés, l'association est plus faible“ (*L'Activité mentale et les éléments de l'esprit*, Paris, 1889, p. 116—119). Рибо, повидимому, усволяетъ себѣ взгляды Юма, не пытаясь устранить ихъ противорѣчій: съ одной стороны, онъ принимаетъ его эмоциональную теорію вѣры, съ другой—онъ склоненъ думать, что „la croyance dépend uniquement des éléments moteurs de notre organisation, ... de la nature motrice des images“ (*Essai sur l'imagination créatrice*, Paris, 1900, 92—95). Фулье всего скорѣе можетъ быть названъ волюнтаристомъ, или можетъ быть точнѣе, энергетистомъ. По его опредѣленію, „la croyance est la résultante, à la fois passive et active, d'un conflit de représentations dont chacune tend à une action conforme; elle est l'effet final des idées-forces réfléchies dans la conscience“ (*La Psychologie des idées-forces*, Paris, 1893, t. I, p. 332). Селли стремится примирить эти различныя точки зрѣнія. Онъ разсматриваетъ вѣру какъ сложное состояніе,—„a compound of three factors—intellectual representation, feeling, and active impulse“ (*The Human Mind*, vol. I, p. 485); но въ сущности онъ не даетъ ей никакого точнаго

Какая изъ этихъ теорій наиболѣе справедлива?

Мнѣ кажется, что всѣ названные мною взгляды страдаютъ односторонностью, и въ то же время каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ извѣстную долю правды. Въ самомъ дѣлѣ, когда интеллектуалисты говорятъ намъ, что вѣра есть знаніе, развѣ они по своему не правы? Вѣдь для того, чтобы

опредѣленія, и его, въ остальныхъ отношеніяхъ превосходный, анализъ вѣры, быть можетъ страдаетъ недостаткомъ опредѣленнаго принципа. (Сравн. *Outlines of Psychology*, 7 ed., London, 1891, p. 397 ff.; *Sensation and intuition. Studies in Psychology and Aesthetics*, 2 ed., London, 1880, p. 75 ff.; *Les illusions des sens et de l'esprit*, Paris, 1883, 213 et suiv.). Больдвинъ также считаетъ вѣру результатомъ взаимодѣйствія всѣхъ трехъ психическихъ факторовъ, но среди этихъ факторовъ онъ выдвигаетъ на передній планъ эмоціональные и волевые элементы, которые онъ объединяетъ въ понятіи „потребности“. По его мнѣнію, „belief is the consciousness of the personal indorsement of reality. Reality we have found to be a general term for that kind of experience which satisfies one or more of the needs of the individual. Belief in anything is then, put most generally, the consciousness of the presence of that thing as fitted to satisfy a need“ (*Handbook of Psychology*, New-York, 1890—1891, vol. II, p. 171; сравн. p. 157—158. См. также его *Dictionary of Philosophy and Psychology*, vol. I, New-York—London, 1901, art. «Belief», p. 110). Теорія интересная и оригинальная, но, какъ всѣ эмоціональныя и волевыя теоріи, она, мнѣ кажется, начинается съ конца и впадаетъ въ *petitio principii*. Какъ бы ни было могущественно вліяніе потребностей на складъ, направленіе и силу нашихъ вѣрованій, но тайна этого вліянія лежитъ прежде всего въ силѣ тѣхъ представленій, съ которыми онѣ ассоціируются и изъ которыхъ онѣ сами очень часто возникаютъ. Вѣдь неопредѣленная или безпредметная потребность сама по себѣ еще не заключаетъ элементовъ вѣры; а потребность въ какой-нибудь опредѣленной вещи начинается чувствоваться лишь въ томъ случаѣ, когда мы уже *напередъ* кое-что знаемъ объ этой вещи и до извѣстной степени *вѣримъ* въ ея дѣйствительность. Ниже я еще буду имѣть случай коснуться этой теоріи. Джемсъ въ своихъ *Principles of Psychology* (New-York, 1890, vol. II, chap. XXI) посвящаетъ вопросу о вѣрѣ одинъ изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ трактатовъ, какіе вообще существуютъ; но, какъ справедливо замѣтилъ Больдвинъ (*Op. cit.*, p. 172), его теорія лишена опредѣленнаго принципа. Пытаясь понять вѣру то какъ эмоціональный, то какъ интеллектуальный, то какъ волевой актъ, онъ начинаетъ свою главу о вѣрѣ слѣдующимъ опредѣленіемъ: „*In its inner nature, belief, or the sense of reality, is a sort of feeling more allied to the emotions than to anything else*“ (p. 283), а кончаетъ такимъ замѣчаніемъ: „*The most compendious possible formula perhaps would be that our belief and attention are the same fact*“ (p. 322, note). Въ своей рѣчи „*The Will to Believe*“ (*Essays in popular Philosophy*) онъ, повидимому, склоняется къ волюнтаризму; но и здѣсь мы напрасно стали бы искать вполне опредѣленной точки зрѣнія.

вѣрить, мы должны знать предметъ своей вѣры, представлять его свойства, мыслить его реальныя или идеальныя отношенія. Безпредметной вѣры не существуетъ, и *представленіе ея объекта* есть основной ея элементъ. Но въ то же время интеллектуалисты неправы. Если все, что внушаетъ намъ вѣру, мы представляемъ и мыслимъ, то не все, что мы представляемъ и мыслимъ, внушаетъ намъ вѣру. Представлять мы можемъ все на свѣтѣ, но вѣримъ только въ то, что намъ представляется *дѣйствительнымъ*. Такимъ образомъ вѣра не исчерпывается знаніемъ. Къ этому мертвому, безразличному и холодному знанію долженъ присоединиться еще элементъ, способный дать ему живой колоритъ дѣйствительности.

Въ чемъ состоитъ этотъ элементъ? Мы не найдемъ его въ „неразрывной ассоціаціи“ Джемса Милля, потому что такихъ ассоціацій на самомъ дѣлѣ не существуетъ, и тамъ, гдѣ связь нашихъ идей кажется намъ нерасторжимой, не она внушаетъ намъ вѣру въ ихъ дѣйствительность, а наоборотъ, вѣра въ ихъ дѣйствительность создаетъ иллюзію ихъ нерасторжимости. Отожествлять вѣру съ памятью о прошломъ и съ ожиданіемъ будущаго, какъ дѣлаетъ Джонъ Стюартъ Милль, значитъ оставить проблему нерѣшенной. Въдъ вопросъ въ томъ именно и состоитъ, почему мы вѣримъ въ событія нашей памяти и въ предметы нашихъ ожиданій и надеждъ, почему прошлое кажется намъ дѣйствительнымъ, а ожидаемое будущее возможнымъ или несомнѣннымъ? ¹⁾ Найдемъ ли мы рѣшеніе этого вопроса въ

¹⁾ Впрочемъ, Стюартъ Милль самъ признаетъ проблему вѣры по существу неразрѣшимой. По его мнѣнію, внутренняя разница между вѣрой въ дѣйствительность и простымъ вымысломъ не подлежитъ объясненію. Это такая же коренная и первоначальная разница, какую онъ находитъ между ощущеніемъ и идеей. „What, in short,—спрашиваетъ онъ,—is the difference to our minds between thinking of a reality, and representing to ourselves an imaginary picture? I confess that I can perceive no escape from the opinion that the distinction is ultimate and primordial. There is no more difficulty in holding it to be so, than in holding the difference between a sensation and an idea to be primordial (Note to Jas. Mill's *Analysis*, p. 412—413).“

теоріи Brentano и другихъ, полагающихъ, что вѣра есть сужденіе? Также нѣтъ, потому что объектъ сужденій можетъ быть для насъ невѣроятнымъ, а ихъ формы могутъ не соотвѣтствовать тому, что мы на самомъ дѣлѣ считаемъ реальнымъ порядкомъ вещей. Утверждать или отрицать еще не значить вѣрить, и если сужденіе можетъ выражать актъ вѣры, то не потому, что оно тождественно съ нею, а потому, что вѣра входитъ въ него какъ составная часть. Вотъ почему въ концѣ концовъ сами защитники этой теоріи ищутъ критерія вѣры не въ интеллектуальныхъ элементахъ сужденія, а въ его волевыхъ и эмоціональныхъ условіяхъ. Такъ, Стаутъ считаетъ этимъ критеріемъ *ограниченіе субъективной дѣятельности* различными условіями нашего внѣшняго и внутренняго опыта (ограниченіе свободы движеній материальными препятствіями и ограниченіе свободы мысли опредѣленно сложившимися „апперцептивными системами“) ¹⁾, а Липпсъ видитъ его въ *чувствѣ принужденія* (das Zwangsgefühl), которымъ сопровождается всякій актъ сознанія дѣйствительности ²⁾.

Итакъ, тотъ элементъ, который даетъ реальный смыслъ предметамъ нашей вѣры, лежитъ, очевидно, за предѣлами мысли и ея ассоціативныхъ и логическихъ соотношеній. Это элементъ ирраціональный, и если мы хотимъ понять его природу, мы не можемъ назвать его иначе, какъ своеобразнымъ *чувствомъ*. Вотъ пунктъ, въ которомъ правы эмоціональная теорія вѣры. Но правы ли эти теоріи, когда онѣ сравниваютъ эмоціональный элементъ вѣры съ чувствомъ обыкновеннаго удовольствія или относятъ его къ категоріи нравственныхъ эмоцій, подобныхъ чувству любви? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Удовольствіе и страданіе часто служатъ мотивами вѣры и являются обычными ея спутниками, но слишкомъ очевидно, что они не составляютъ ея суще-

1) Stout, *Analytic Psychology*, vol. II, p. 239 ff. Сравн. его статьи „The Genesis of the Cognition of Physical Reality“, *Mind*, O. S. vol. XV, p. 22 ff., и „Belief“, *Ibid.*, vol. XVI, p. 449 ff.

2) Lipps, *Grundtatsachen des Seelenlebens*, S. 397.

ственного свойства. Какъ бы ни были пріятны предметы нашей мечты, наслаждаться ими и вѣрить въ ихъ дѣйствительность не одно и то же. Подобное же нужно сказать и о нравственныхъ чувствахъ. Эти чувства находятся въ постоянномъ взаимодействіи съ вѣрой; они сливаются съ нею и осложняютъ ее точно такъ же, какъ обертоны осложняютъ основной тонъ въ музыкальномъ звукѣ. Но между ними и вѣрой существуетъ одно глубоко важное различіе. Нравственныя чувства не имѣютъ познавательнаго значенія; они вырастаютъ изъ практическихъ отношеній жизни и стоятъ въ связи съ нашими идеалами добра и счастья. Вѣра возникаетъ на почвѣ нашихъ воспріятій, представленій и идей; она связана съ нашимъ идеаломъ истины и удовлетворяетъ не только практическимъ запросамъ, но и теоретическимъ интересамъ познанія.

Эмоціональный элементъ вѣры принадлежитъ къ категоріи такъ называемыхъ *интеллектуальныхъ чувствъ*. Онъ аналогиченъ съ чувствами истины и лжи, согласія и противорѣчія мыслей; онъ имѣетъ одинаковый съ ними аффективный тонъ и одинаковыя различія интенсивности. Но въ немъ есть и свои особенности, которыя не позволяютъ смѣшивать его съ этими эмоціональными состояніями. Считать вещь истинной, значитъ представлять ее и чувствовать, что представленіе о ней совпадаетъ съ остальною совокупностью нашихъ идей; вѣрить въ эту вещь значитъ представлять ее и въ то же время чувствовать, что она *существуетъ*,—существуетъ не только въ представленіи, но и въ дѣйствительности. Отношеніе между эмоціональнымъ элементомъ вѣры и чувствомъ истины такое же, какое существуетъ между вѣрой и познаніемъ вообще. Чувство вѣры—первичная, простая и непосредственная интеллектуальная эмоція: оно удостовѣряетъ дѣйствительность вещей прежде, чѣмъ мы начинаемъ размышлять о нихъ; оно можетъ соединяться не только съ цѣлыми группами или синтезами познавательныхъ элементовъ, но и съ самымъ простымъ представленіемъ. Напротивъ, чувство истины является уже вторич-

нымъ и болѣе сложнымъ психическимъ образованіемъ: оно возникаетъ только изъ извѣстнаго соотношенія представленій; оно предполагаетъ познавательный синтезъ и логическую переработку дѣйствительности. Если познаніе есть систематическая координація нашихъ вѣрованій, то чувство истины есть не что иное, какъ эмоціональный эквивалентъ этой координаціи. Чувство истины можетъ совпадать съ вѣрой, но можетъ и противорѣчить ей. Въ томъ случаѣ, когда оно совпадаетъ съ нею, оно становится ея подтвержденіемъ, или возстановленіемъ, и вѣра въ связи съ нимъ получаетъ болѣе сложный характеръ. Если же оно противорѣчитъ ей, вѣра переживаетъ кризисъ, переходитъ въ сомнѣніе, разрушается и замѣняется новою вѣрой. Хотя вѣра обуславливается не логическими, а психологическими мотивами, но она такъ же невольна, какъ и чувство истины. Въ актѣ вѣры мы чувствуемъ не только реальность предмета, но и внутреннюю необходимость признавать эту реальность; мы чувствуемъ, что предметъ существуетъ независимо отъ нашей мысли и воли, что его существованіе навязывается нашему уму самою природою вещей, что въ данную минуту мы не властны ни устранить, ни измѣнить его, какъ это мы могли бы сдѣлать съ любимъ созданиемъ нашей фантазіи. Съ этой стороны эмоція вѣры дѣйствительно сродна съ тѣмъ, что Липпсъ называетъ „чувствомъ принужденія“, или что можно назвать въ терминахъ Стаута „чувствомъ ограниченія субъективной дѣятельности“. Однако, эти формулы не выражаютъ вполне ея своеобразной природы: онѣ показываютъ намъ только ея отношеніе къ волѣ, но не вскрываютъ ея существа. Подобно всѣмъ основнымъ чувствованіямъ, подобно всѣмъ простымъ и непосредственно переживаемымъ психическимъ состояніямъ вообще, эмоціональный элементъ вѣры не поддается точному опредѣленію, и я не найду для него другого болѣе подходящаго названія, какъ употребляемый нѣкоторыми англійскими психологами простой и общій терминъ: *чувство реальности* ¹⁾.

1) Больдвинъ различаетъ эмоціональный элементъ вѣры и «чувство реальности» какъ два совершенно особенныхъ состоянія. По его мнѣнію, чувство

Анализъ эмоціональнаго элемента вѣры уже показываетъ намъ, насколько ошибочно мнѣніе тѣхъ волюнтаристовъ, которые, подобно Декарту, полагаютъ, что вѣра такъ же свободна, какъ мысль. Если чувство реальности само по себѣ обладаетъ внутреннею принудительностью, то, очевидно, оно не можетъ соединяться съ любымъ объектомъ нашей мысли по произволу. Свобода мысли не есть свобода вѣры: мы можемъ думать о чемъ угодно, но мы не можемъ вѣрить во все, что захотимъ. Есть масса вещей, въ которыя мы вѣримъ неизбѣжно, и есть множество другихъ, въ которыя мы не можемъ повѣрить, несмотря на всѣ усилія воли. Развѣ какіе бы то ни было математическіе

реальности соединяется только съ наличнымъ содержаніемъ нашего опыта,— съ непосредственными ощущеніями и идеями, заключающими въ себѣ самихъ гарантію дѣйствительности. Оно возникаетъ ранѣе всякихъ сомнѣній, предшествуетъ вѣрѣ и есть не что иное, какъ простое «сознаніе присутствія вещи». Напротивъ, вѣра стоитъ въ связи съ «репрезентативными» или репродуктивными элементами опыта,— съ тѣми представленіями и идеями, гарантія которыхъ лежитъ не въ нихъ самихъ, а въ другихъ, связанныхъ съ ними психическихкихъ состояніяхъ. Она возникаетъ только *послѣ сомнѣній*, предполагаетъ существованіе какой-нибудь индивидуальной потребности и является, какъ мы видѣли, «сознаніемъ присутствія вещи, какъ способной удовлетворить эту потребность» (*Handbook of Psychology*, vol. II, p. 149—158). Я долженъ признаться, что для меня совершенно непонятно, какимъ образомъ вѣра можетъ быть мыслима безъ чувства реальности, а чувство реальности безъ интеллектуальныхъ и волевыхъ элементовъ вѣры. Поэтому попытка Болдвина обособить эти два явленія мнѣ кажется искусственной и произвольной. Въ самомъ дѣлѣ, почему простое сознаніе присутствія вещи мы должны называть непременно чувствомъ реальности, а сознаніе присутствія той же вещи, «какъ способной удовлетворить потребность», можемъ назвать только вѣрой? Въдѣ *въ томъ и другомъ случаѣ* «сознаніе присутствія вещи» есть сознаніе или чувство ея существованія, т.-е. *чувство реальности*, и это чувство реальности, въ связи съ представленіемъ его объекта и съ вызванною имъ волевою реакціей, *въ обоихъ случаяхъ* будетъ составлять актъ *вѣры*. Разница лишь одна: тамъ, гдѣ вещь признается способною удовлетворить какую-нибудь потребность, чувство реальности усложняется новымъ эмоціональнымъ элементомъ,—*чувствомъ удовольствія*. Соображеніе, что въ первомъ случаѣ «гарантія дѣйствительности» можетъ заключаться въ самой вещи, а во второмъ она дается связанными съ этою вещью психическими состояніями, нисколько не измѣняетъ дѣла. При какихъ бы условіяхъ ни возникало чувство дѣйствительности, по существу оно всегда остается однимъ и тѣмъ же,—*чувствомъ дѣйствительности*. Измѣняются только его интенсивность и его формы: оно

софизмы разубѣдятъ насъ въ томъ, что дважды-два—четыре? Развѣ я повѣрю, что пять рублей, лежащихъ въ моемъ кошелькѣ, въ дѣйствительности составляютъ пять тысячъ? Я могу сказать, что дважды-два—пять; я могу предположить, что въ моемъ карманѣ лежатъ пять тысячъ,—но вѣрить этому я не въ состояніи. Хотя Кантъ и утверждалъ вслѣдъ за Юмомъ, что предикатъ существованія ничего не прибавляетъ къ вещи, что „сто дѣйствительныхъ талеровъ содержатъ въ себѣ ничуть не больше, чѣмъ сто возможныхъ (или мыслимыхъ)“, но я не думаю, чтобы при *нормальныхъ* условіяхъ сознанія кто-нибудь могъ заставить себя повѣрить, что мыслимый талеръ вполне тождественъ съ дѣйствитель-

можетъ быть сильнымъ или слабымъ, сложнымъ или простымъ, вотъ и все. Больдвинъ полагаетъ, что вѣра возможна только послѣ сомнѣнія, между тѣмъ какъ чувство реальности всегда предшествуетъ послѣднему. Почему онъ такъ полагаетъ, это нетрудно понять. Ему нужно непременно доказать, что вѣра есть результатъ удовлетворенія извѣстной потребности; а отсюда само собой слѣдуетъ, что предшествующая ей стадія неудовлетворенной потребности должна соединяться съ противоположнымъ вѣрѣ состояніемъ сомнѣнія. Но если мы оставимъ въ сторонѣ эти теоретическіе мотивы и обратимся къ дѣйствительности, то мы увидимъ, что взглядъ Больдвина лишенъ всякаго основанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ слѣдующій простой примѣръ. Человѣкъ, заслуживающій полного довѣрія, сообщаетъ мнѣ, что мой давно отсутствовавшій и давно ожидаемый другъ г. N недавно прибылъ въ Москву. Я не имѣю никакихъ основаній сомнѣваться въ этомъ извѣстіи и признаю его вполне достовѣрнымъ. Какое психическое состояніе я въ эту минуту испытываю? Такъ какъ гарантія дѣйствительности сообщеннаго мнѣ факта заключается не въ немъ самомъ, а въ полученномъ мною извѣстіи, то, по теоріи Больдвина, это будетъ, очевидно, вѣра. Но эта вѣра возникаетъ у меня *ранѣе всякихъ сомнѣній*. Не значитъ ли это, что она будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чувствомъ реальности? Узнавъ о приѣздѣ г-на N, я, однако, нигдѣ его не встрѣчаю и не получаю никакихъ другихъ подтвержденій слышаннаго мною извѣстія. Поэтому я начинаю сомнѣваться въ достовѣрности факта и предполагаю, что знакомый, сообщившій мнѣ его, ошибся, принявъ за г-на N другое лицо. Но вотъ, г. N самъ является ко мнѣ: всѣ мои сомнѣнія исчезаютъ и я собственными глазами убѣждаюсь, что переданное мнѣ извѣстіе было совершенно вѣрно. Спрашивается, какъ Больдвинъ назвалъ бы эту вторичную увѣренность,—вѣрой или чувствомъ реальности? Мы видимъ, что гарантія дѣйствительности факта заключается теперь уже не въ извѣстіи о немъ, а въ самомъ этомъ фактѣ: я удостоверяюсь въ прибытіи г-на N его непосредственнымъ присутствіемъ и, слѣдовательно, испытываю чувство реальности. Но, вопреки теоріи Больдвина, это чувство

нымъ. Даже въ области такихъ представленій и истинъ, которыя не имѣютъ для насъ никакой непосредственной очевидности, воля оказываетъ на вѣру лишь косвенное вліяніе. Путемъ постепенныхъ и долгихъ усилій она можетъ измѣнить складъ нашихъ идей и вмѣстѣ съ ними увлечь нашу вѣру въ другое русло; но она не въ силахъ произвести этотъ психическій переворотъ сразу и непосредственно. Вѣдь если внѣшнее насиліе не въ состояніи навязать намъ искреннихъ убѣжденій, то и сами мы не можемъ сфабриковать ихъ по собственной прихоти. Болѣе того, вѣра потому именно и не терпитъ внѣшняго насилія, что она подчинена внутренней детерминаціи, исключаящей возможность всякой прихоти и произвола. Насиліе наль совѣстью вторгается въ чужую душу со взломомъ: оно на-

реальности является у меня *послѣ сомнѣнія* и потому, согласно его схемѣ, должно быть названо не иначе, какъ вѣрой. Очевидно, вся эта схема ошибочна нѣ принципѣ. И вѣра, и чувство реальности могутъ возникать одинаково какъ до сомнѣнія, такъ и послѣ него; и это потому, что чувство реальности есть только необходимый элементъ вѣры, а вѣра есть необходимый психическій синтезъ, безъ котораго чувство реальности немислимо. Между ними такое же отношеніе, какое существуетъ между цѣлымъ и его частью, и они такъ же нераздѣльны, какъ цѣлое и часть. Справедливымъ въ наблюденіяхъ Больдвина можетъ быть опять только то, что послѣ сомнѣнія вѣра бываетъ сложнѣе; въ этомъ случаѣ простое чувство реальности дополняется въ ней *чувствомъ истины*, которое является естественнымъ слѣдствіемъ разрѣшенныхъ недоумѣній и противорѣчій. Чувство истины несомнѣнно имѣетъ громадное вліяніе на вѣру, и мнѣ кажется, что главная ошибка Больдвина въ томъ именно и состоитъ, что онъ смѣшалъ эти два тѣсно связанныхъ и аналогичныхъ психическихъ факта. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ признаки, которыми онъ опредѣляетъ вѣру въ противоположность чувству реальности, весьма близко подходятъ къ тѣмъ особенностямъ, которыя, какъ мы видѣли выше, свойственны чувству истины въ отличіе отъ вѣры. Чувство истины дѣйствительно соединяется не съ наличнымъ содержаніемъ опыта, а съ его репрезентативными элементами; оно имѣетъ свою гарантію не въ простыхъ фактахъ, а въ связанныхъ съ ними представленіяхъ и идеяхъ; оно возникаетъ не сразу, а лишь послѣ того, какъ мы узнаемъ чувство лжи и порождаемая имъ сомнѣнія. Но, повторяю, всѣ эти особенности характеризуютъ вовсе не вѣру, а только чувство истины. Какъ бы ни было велико сходство этихъ явленій, между ними всегда будетъ существовать еще большее различіе. И это различіе состоитъ въ томъ, что чувство истины показываетъ намъ *отношеніе дѣйствительности къ нашимъ представленіямъ*, а вѣра, наоборотъ, выражаетъ *отношеніе нашихъ представленій къ дѣйствительности*.

лагаеть свою грубую руку на представленія и чувства, тѣсно сросшіяся со всѣмъ нравственнымъ міромъ человѣческой личности. Требуя отреченія отъ однихъ вѣрованій и навязывая вмѣсто нихъ другія, оно хочетъ вынудить у человѣка то, въ чемъ онъ самъ не властенъ. Чтобы стать элементами вѣры, представленія должны обладать особыми свойствами, которыя зависятъ отъ очень сложныхъ условій нашей душевной жизни. Тамъ, гдѣ эти свойства и условія существуютъ, чувство реальности соединяется съ представленіемъ само собой; тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, не только насилія произвола, но и никакія усилія воли не могутъ вызвать въ нашей душѣ этого чувства.

Но если воля не въ состояніи непосредственно управлять нашей вѣрой, то вѣра, наоборотъ, несомнѣнно управляетъ волей. Вѣра не можетъ быть ни чисто теоретическимъ, ни чисто эмоціональнымъ состояніемъ; какъ скоро представленіе соединяется съ чувствомъ реальности и становится объектомъ вѣры, оно неизбѣжно реализуется въ стремленіяхъ и актахъ. Поэтому нужно вполне согласиться съ тѣми защитниками волевой теоріи вѣры, которые вмѣстѣ съ Бэнномъ считаютъ готовность дѣйствовать существеннымъ элементомъ этого состоянія. Необходимость активнаго элемента въ вѣрѣ основывается, по моему мнѣнію, на законѣ такъ называемыхъ *идеомоторныхъ дѣйствій*. По этому закону *всякое представленіе, если оно не встрѣчаетъ себя противовѣса въ другихъ элементахъ сознанія, само собой переходитъ въ соответствующее движеніе*. Дѣти не могутъ описывать видѣнныя ими событія иначе, какъ представляя ихъ въ лицахъ. Взрослые люди на каждомъ шагу совершаютъ рядъ дѣйствій, и очень сложныхъ дѣйствій, подъ вліяніемъ простой мысли объ ихъ необходимости. Когда ученый, занимаясь какимъ-нибудь вопросомъ, живо припоминаеть, что въ такой-то книгѣ сообщается интересный для него фактъ, онъ тотчасъ же беретъ эту книгу и отыскиваетъ въ ней нужную страницу: простое воспоминаніе о фактѣ приводитъ въ движеніе его руки и становится стимуломъ всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Когда самоотверженный человекъ бросается на помощь другому въ минуту опасности, онъ въ эту критическую минуту не размышляетъ: онъ дѣйствуетъ подъ неотразимымъ вліяніемъ одной мысли объ опасности и необходимости помощи. Такимъ же образомъ дѣйствуемъ мы въ каждомъ актѣ истинной вѣры. Если вѣра крѣпка и не колеблется никакими сомнѣніями, она съ неодолимою силой увлекаетъ насъ въ ту сферу дѣятельности, которая ей соотвѣтствуетъ, и неизбѣжно разрѣшается въ нашихъ поступкахъ. Ея объектъ самъ собою становится нашею цѣлью, и Бэнъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что сумма энергіи, затрачиваемой нами для достиженія своихъ цѣлей, является лучшимъ мѣриломъ нашей вѣры ¹⁾. Объекты вѣры могутъ быть бесконечно разнообразны; степень энергіи, затрачиваемой на ея осуществленіе, бываетъ у людей неодинакова; активныя проявленія ея могутъ состоять въ самыхъ простыхъ идеомоторныхъ актахъ или обнимать сложную систему замысловъ и дѣйствій,—но ея законъ всюду одинъ и тотъ же: *динамизмъ вѣры основывается на динамизмъ представленій* ²⁾.

¹⁾ Bain, *Note to Jas. Mill's Analysis*, vol. I, p. 394—395.

²⁾ Современная теорія идеомоторныхъ дѣйствій состоитъ въ слѣдующемъ. Каждое движеніе, тѣмъ бы оно первоначально не было вызвано,—будь это простой рефлексъ или автоматическій актъ,—отражается въ нашемъ сознаніи въ видѣ известной группы зрительныхъ, осязательныхъ и мускульныхъ ощущений: мы видимъ поднимающуюся руку, чувствуемъ ея прикосновеніе къ предмету, ощущаемъ сокращеніе ея мышцъ. Эти ощущения, которыя англійскій анатомъ Чарльтонъ Бастіанъ предложилъ называть общимъ именемъ «двигательныхъ» или *кинестетическихъ* ощущений, тѣсно ассоціируются съ тѣмъ объектомъ, которымъ вызвано движеніе или который былъ его непосредственною цѣлью. Поэтому, всякій разъ, когда представленіе этого объекта вновь появляется въ сознаніи, вмѣстѣ съ нимъ репродуцируются и соотвѣтствующія ему кинестетическія ощущенія. Если представленіе живо, если оно не вытѣсняется изъ сознанія никакими другими психическими состояніями, его кинестетическіе элементы приобретаютъ свою первоначальную интенсивность и реализуются, превращаясь въ то самое движеніе, которому они были обязаны своимъ возникновеніемъ. Такимъ образомъ, благодаря этимъ элементамъ представленіе становится движущею силой, а сопровождающее его дѣйствіе—«идеомоторнымъ» актомъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Эббингаузъ, кинестетическія ощущенія являются неизбѣжнымъ усло-

Итакъ, вѣра столь же сложное состояніе, какъ сложны ея обнаруженія въ познаніи и жизни. Она захватываетъ всѣ стороны нашей души,—и интеллектуальную, и эмоціо-нальную, и волевою. Въ ней живетъ вся наша личность въ ея конкретномъ единствѣ. Какъ нѣтъ музыки безъ звуковъ, такъ нѣтъ вѣры безъ представленій и идей; какъ нѣтъ музыки безъ эстетическаго впечатлѣнія, такъ нѣтъ вѣры безъ чувства реальности; какъ нѣтъ музыки безъ исполненія, такъ нѣтъ вѣры безъ активныхъ проявленій. Эти элементы сливаются въ вѣрѣ въ одно неразложимое цѣлое, и я не могу опредѣлить ее иначе, какъ слѣдующею простою синтетическою формулою: *вѣра есть представленіе объекта, соединенное съ чувствомъ его реальности и выражающееся въ соответствующихъ ему стремленіяхъ и актахъ.*

Когда нарушается естественная связь этихъ элементовъ, когда представленіе объекта не пробуждаетъ болѣе чувства реальности и перестаетъ быть стимуломъ дѣятельности,—вѣра исчезаетъ. Она смѣняется тѣмъ своеобразнымъ состояніемъ внутренняго колебанія и умственной ажитации, которое называется *сомнѣніемъ*. Уже не разъ было замѣчено

вѣемъ всякаго внѣшняго обнаруженія воли. Воля можетъ приводить въ движеніе наше тѣло лишь въ томъ случаѣ, если при этомъ воспроизводятся соответствующія двигательныя ощущенія и представленія. Если мы не знаемъ, какъ совершается это движеніе, оно намъ не удастся. Вотъ почему всѣ непривычные координированные акты бываютъ такъ трудны; вотъ почему, на-примѣръ, незнающій грамотѣ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не можетъ сразу правильно написать самой простой буквы, между тѣмъ какъ для грамотнаго подобная вещь не стоитъ никакого труда. Въ этомъ смыслѣ каждый *внѣшній* актъ воли есть *идеомоторная функція*, а самая воля состоитъ только во внутреннемъ *рѣшеніи* совершить этотъ актъ.—Объ идеомоторныхъ дѣйствіяхъ см. Lotze, *Medicinische Psychologie*, Leipzig 1852, S. 293 ff.; Charlton Bastian, *Das Gehirn als Organ des Geistes*, Autorisirte deutsche Ausgabe, Leipzig 1882, II Th S. 216, 222 ff.; Féré, *Sensation et mouvement*, Paris 1887, p. 8 et suiv.; Carpenter, *Principles of Mental Physiology*, 6-th. ed., London 1888, p. 279 ff.; Pierre Janet, *L'automatisme psychologique*, Paris 1889, p. 56 suiv.; James, *Principles of Psychology*, vol. II, p. 522 ff., 486 ff.; Bain, *The Senses and the Intellect*, 4-th ed., London 1894, p. 354 ff.; Фонсегривъ, *Элементы Психологіи*, рус. перподъ редакціей П. Соколова, Сергіевъ Посадъ 1900, стр. 97 слѣд.; Ebbinghaus, *Grundzüge der Psychologie*, I Bd., Leipzig 1902, S. 354 ff., 690 ff.

психологами, что сомнѣніе есть истинная противоположность вѣры ¹⁾. То, что мы называемъ „невѣріемъ“, есть только отрицательное выраженіе какой-нибудь положительной увѣренности. Подобно тому, какъ логическое отрицаніе всегда основывается на скрытомъ утвержденіи противоположнаго, такъ точно невѣріе всегда предполагаетъ вѣру во что-нибудь другое. Вѣра и невѣріе, это лишь различныя стороны одного и того же психологическаго факта, и если невѣріе съ обратной стороны есть вѣра, то и вѣра въ извѣстномъ отношеніи также есть невѣріе. Напротивъ, въ сомнѣніи мы видимъ полный, хотя и временный, разрывъ со всякою вѣрой. Представленіе, до сихъ поръ безраздѣльно властвовавшее надъ нашимъ умомъ и обладавшее для насъ всѣми свойствами дѣйствительности, встрѣчается здѣсь съ другимъ, противоположнымъ, которое оспариваетъ у него эти свойства. Ни то, ни другое изъ этихъ представленій не въ силахъ вытѣснить своего противника изъ сознанія; но оба они достаточны для того, чтобы уравновѣсить и парализовать другъ друга. Ослабляя себя взаимно въ этой борьбѣ, они одинаково утрачиваютъ и свою связь съ чувствомъ реальности, и свое вліяніе на волю. Такимъ образомъ, если невѣріе означаетъ лишь перемѣщеніе центра тяжести вѣры, то сомнѣніе равносильно полной диссоціаціи ея элементовъ. Оно есть *конфликтъ двухъ враждебныхъ представленій, лишаящихъ другъ друга способности вызывать чувство реальности и обнаруживаться въ дѣйствіи.*

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. Соколовъ.

¹⁾ James, *Principles of Psychology*, vol. II, p. 284; Bain, *The Emotions and the Will*, p. 509; Baldwin, *Handbook of Psychology*, vol. II, p. 157.

Негеометрія и ея значеніе для теоріи познанія.

(Статья 1-я).

Не-евклидовская геометрія, иначе называемая метагеометріей или негеометріей, въ послѣднее время приобрѣла особенное значеніе въ теоріи познанія, потому что казалось, что она доставляетъ данныя для доказательства эмпирическаго положенія, что всѣ наши познанія о пространствѣ являются отраженіемъ свойствъ реального пространства. Такой выводъ вытекаетъ изъ того, что не-евклидовская геометрія показываетъ возможность существованія пространственныхъ формъ отличныхъ отъ формъ, нами воспринимаемыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы допустимъ возможность существованія пространства отличнаго отъ нашего, то мы должны будемъ допустить, что возможны представленія пространства, совершенно отличающіяся отъ нашихъ и находящіяся въ зависимости отъ воспріятія того или иного пространства; а отсюда ясно, что вообще наши сужденія о пространственныхъ отношеніяхъ имѣютъ характеръ чисто эмпирической, т. е. что они находятся въ зависимости отъ свойствъ воспринимаемаго пространства. Поэтому наши понятія о пространствѣ, которыя получаютъ свое выраженіе въ аксіомахъ, имѣютъ характеръ просто эмпирическихъ обобщеній, которыя подобно всѣмъ другимъ эмпирическимъ обобщеніямъ, имѣютъ только приблизительный характеръ. Слѣдовательно, аподиктически необходимый характеръ математическихъ положеній подвергается вслѣдствіе этого сомнѣнію, а такъ какъ необходимость и аподиктической характеръ

являются самыми существенными признаками понятія апріорности, то вполне естественно, что апріорность суждений о пространствахъ тоже подвергается сомнѣнію.

Такимъ образомъ, повидимому, негеометрія рѣшаетъ судьбу вопроса объ апріорности понятія пространства.

Предполагая познакомить читателей съ сущностью негеометрії и ея значеніемъ для теоріи познанія, я не предполагаю однако давать общую оцѣнку ея, опредѣлять, какое она можетъ имѣть значеніе, какъ обобщеніе математическихъ положеній. Я разсмотрю сущность негеометрії только лишь постольку, поскольку это необходимо для разрѣшенія вопроса объ апріорности понятія пространства, и остановлюсь главнымъ образомъ на разсмотрѣннн вопроса, дѣйствительно ли негеометрія говоритъ въ пользу правильности эмпиризма, какъ это обыкновенно принято думать.

Какъ мы только что видѣли, съ измѣненіемъ реальныхъ пространственныхъ отношеній должны измѣняться и понятія, служащія для ихъ выраженія, а такими понятіями обыкновенно считаются геометрическія аксіомы.

Но что такое *аксіомы*? Это понятіе не можетъ считаться безусловно яснымъ, потому что исторически оно постоянно связывалось съ понятіемъ постулата.

Къ числу собственно геометрическихъ аксіомъ относятся, между прочимъ, слѣдующія: „Если двѣ величины могутъ быть приведены въ совмѣщеніе, то онѣ равны“, и „двѣ прямыя не могутъ замыкать пространства“. Здѣсь мы дѣйствительно имѣемъ предложенія, формулирующія пространственные отношенія, подобно тому, какъ обыкновенные физическіе законы являются выраженіемъ свойствъ внѣшней природы.

Евклидъ насчитываетъ пять постулатовъ. Къ числу ихъ относятся между прочимъ слѣдующія: „Требуется, чтобы мы могли отъ любой точки до любой другой провести прямую линію“. „Требуется, чтобы ограниченная прямая линія могла быть безгранично продолжена“. Наконецъ, самый важный постулатъ состоитъ въ томъ, чтобы „если прямая линія пересѣкаетъ двѣ прямыхъ линіи и сумма внутреннихъ

угловъ, лежащихъ на одной и той же сторонѣ, меньше, чѣмъ два прямыхъ, то обѣ прямыхъ, продолженныхъ до безконечности, встрѣчаются на той сторонѣ, на которой углы меньше, чѣмъ два прямыхъ“.

Это положеніе сначала выставлялось именно подѣ видомъ „постулата“, но впоследствии оно стало считаться „аксіомой“ и именно XI-й по числу¹⁾.

Хотя обыкновенно въ геометріи и не проводится строгаго различія между аксіомами и постулатами, повидимому даже самые термины аксіома и постулатъ (оба означаютъ „требованіе“) указываютъ на то, что древніе геометры не проводили строгаго различія между этими понятіями.

Однако между ними есть несомнѣнное различіе. Мнѣ кажется, что понятіе аксіомъ слѣдовало бы сохранить за тѣми построеніями, которыя стремятся выразить реальныя свойства нашего пространства. Постулаты выражаютъ собою условія, которымъ должны удовлетворять тѣ или другія пространственныя образованія, которыя, разумѣется, предполагаютъ опредѣленныя свойства пространства. Въ случаѣ аксіомъ дѣло идетъ объ очень точныхъ положеніяхъ, между тѣмъ какъ, когда мы говоримъ о постулатахъ, то имѣемъ въ виду, что всеобщность тѣхъ или другихъ положеній только требуется нами²⁾.

Какъ я только что сказала, наибольшую важность для насъ представляетъ XI-ая аксіома, которая еще иначе называется „аксіомой параллельности“. Геометры думали, что это собственно не аксіома, а теорема, и прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы найти для нея доказательства. По ихъ мнѣнію нужно и можно было доказать, что „перпендикуляръ и наклонная при достаточномъ ихъ продолженіи должны пересѣчься“. Но усилія ихъ были тщетны: доказательства этого положенія нельзя было найти. Въ числѣ многочисленныхъ

¹⁾ Killing. Einführung in die Grundlagen d. Geometrie. В. I. 1893. Стр. 1 и д. Ващенко-Захарченко. Начала Евклида. 1880. Стр. 1 и д. Каганъ. Очеркъ геометрической системы Лобачевского. 1900. Стр. 3 и д.

²⁾ Hölder. Anschauung u. Denken in d. Geometrie. 1900. Стр. 24—5.

попытокъ доказать эту аксіому слѣдуетъ упомянуть о попыткѣ Лежандра. Этотъ послѣдній пытается доказать эту аксіому именно такимъ образомъ, что показываетъ, что она въ дѣйствительности совпадаетъ съ теоремой, по которой „сумма угловъ въ плоскомъ треугольникѣ равняется двумъ прямымъ“. Ему, поэтому представлялось необходимымъ доказать именно эту послѣднюю теорему (разумѣется, совершенно независимо отъ аксіомы параллельности, какъ она обыкновенно доказывается). Но доказать этого положенія ему не удалось. Онъ доказалъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ не можетъ быть *больше* двухъ прямыхъ, но не могъ доказать, что сумма угловъ не можетъ быть также *меньше* двухъ прямыхъ.

Изъ попытки разрѣшить эту задачу рождается также и геометрическая система Лобачевского. Но онъ разсуждалъ совсѣмъ не такъ, какъ Лежандръ. По его мнѣнію, если признать, что XI-я аксіома можетъ быть доказана, то мы должны будемъ признать, что она есть логическое слѣдствіе другихъ общепризнанныхъ аксіомъ, а отсюда должно было бы слѣдовать, что изъ отрицанія правильности ея должна проистекать неправильность другихъ аксіомъ. Другими словами, если истинность аксіомы параллельности зиждется на истинности другихъ аксіомъ, то отрицаніе ея должно привести къ противорѣчію. Слѣдовательно, чтобы убѣдиться въ доказуемости или недоказуемости аксіомы параллельности, нужно было начать именно съ отрицанія правильности аксіомы параллельности. Такъ Лобачевскій и дѣлаетъ. Онъ начинаетъ именно съ предположенія, что XI-я аксіома Евклида недопустима.

Это онъ дѣлаетъ такимъ образомъ, что намѣренно даетъ такое опредѣленіе параллельности, чтобы стать въ противорѣчіе съ евклидовскимъ опредѣленіемъ. Именно, по его мнѣнію, всѣ прямыя, проведенныя черезъ одну и ту же точку на плоскости, могутъ по отношенію къ данной прямой раздѣляться на прямыя, которыя ее пересѣкаютъ и на прямыя, которыя ее не пересѣкаютъ. Прямая, которая со-

ставляетъ общую границу этихъ двухъ классовъ, называется параллельной къ данной прямой. Такимъ образомъ существуетъ два параллельныхъ къ данной прямой, симметричныхъ по отношенію къ перпендикуляру, опущенному съ данной точки. Отсюда слѣдуетъ, что изъ какой-либо внѣшней точки могутъ быть проведены двѣ параллельныхъ по одной въ каждомъ направленіи. Г. е. Лобачевскій просто предположилъ, что такъ какъ евклидовское положеніе, по которому „изъ точки внѣ прямой можно провести только *одну* прямую, не встрѣчающую данной прямой“ ¹⁾, не доказано, то возможно исходить и изъ другого допущенія, именно, что ихъ можно провести не одну, а *множество*. Этимъ его допущеніе совершенно отличается отъ допущенія Евклида.

Чтобы правильно понять мысль Лобачевского, замѣтимъ слѣдующее.

Лобачевскій не имѣетъ намѣренія доказывать, что положеніе Евклида просто неправильно, но онъ утверждаетъ, что такъ какъ оно не доказано, то мы и не будемъ считать его правильнымъ, а сдѣлаемъ и другія допущенія, которыя въ этомъ случаѣ также возможны. Евклидъ предполагаетъ, что черезъ точку, находящуюся внѣ данной прямой, можно провести только одну прямую, не встрѣчающую данной, а Лобачевскій предполагаетъ, что ихъ можно провести больше, чѣмъ одну. Такое предположеніе, кажется, имѣетъ вполнѣ законное основаніе. Разъ что-нибудь не доказано, то оно является только предположеніемъ, а предположеніе, по самому смыслу своему, допускаетъ возможность и обратнаго допущенія. Если евклидовское допущеніе дѣлаетъ возможнымъ и другія допущенія, то слѣдуетъ эти послѣднія принять. Лобачевскій это именно и дѣлаетъ. Онъ измѣняетъ допущеніе Евклида относительно параллельности.

Но что происходитъ отъ такого измѣненія?

Само собою разумѣется, что если измѣнить исходную точку геометріи, то это отразится и на всемъ дальнѣйшемъ

¹⁾ Другое выраженіе аксіомы параллельности.

построеніи ея. Дѣйствительно, если мы предположимъ, что постулатъ Евклида не доказанъ, и что его можно принять въ измѣненномъ видѣ, то всѣ тѣ положенія, которыя въ евклидовской геометріи были связаны съ этимъ постулатомъ, должны были измѣниться. Вслѣдствіе этого, такъ какъ съ аксіомой параллельности въ евклидовской геометріи связано доказательство относительно суммы угловъ въ треугольникѣ, то при евклидовскомъ предположеніи сумма угловъ въ треугольникѣ равняется двумъ прямымъ, при предположеніи же Лобачевского оно *меньше*, чѣмъ 2 прямыхъ. Отсутствие параллелизма въ евклидовскомъ смыслѣ въ геометріи Лобачевского производитъ то, что въ ней нѣтъ подобія фигуръ, нѣтъ теоремы Пифагора, сумма угловъ въ треугольникѣ въ геометріи Лобачевского находится въ зависимости отъ длины сторонъ, именно съ увеличеніемъ длины сторонъ сумма угловъ треугольника уменьшается.

Можно было бы отмѣтить еще множество другихъ измѣненій, которыя происходятъ въ геометрическихъ положеніяхъ евклидовской геометріи съ измѣненіемъ въ исходной точкѣ, но и тѣхъ немногихъ примѣровъ, которые я привелъ, вполне достаточно.

Благодаря такому видоизмѣненію аксіомы параллельности получается особая *система формулъ*, которая собственно и называется геометрической системой Лобачевского.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ именно объ измѣненіи *формулъ*, которое находится въ зависимости отъ измѣненія исходной точки.

Такъ какъ возможныя въ этомъ случаѣ измѣненія въ евклидовскихъ положеніяхъ могутъ быть выражены аналитически, то это даетъ возможность превращенія формулъ одной геометріи въ формулы другой, при соответствующихъ, разумѣется, видоизмѣненіяхъ. Напр., „если въ формулахъ сферической геометріи системы Евклида введемъ радіусъ и этотъ радіусъ измѣнимъ въ ki , $i = \sqrt{-1}$, то получимъ формулы геометрической системы Лобачевского; откуда слѣдуетъ, что система Лобачевского построена на сферѣ, коей

радіусъ есть мнимая величина или коей квадратъ радіуса есть величина отрицательная" 1).

Такимъ образомъ основной смыслъ геометріи Лобачевскаго ясенъ. Если измѣнить постулатъ Евклида, то придется измѣнить содержаніе геометріи вообще, т. е., другими словами, придется создать новую систему геометрическихъ формулъ.

Отсюда ясно также, что геометрическая система Лобачевскаго не содержитъ никакого противорѣчія. Изъ измѣненной исходной точки оказалось возможнымъ вывести рядъ слѣдствій, которыя хотя непримѣнимы для выраженія пространственныхъ отношеній евклидовскаго пространства, однако въ то же время *не содержатъ никакого внутренняю противорѣчія*. Если же, отвергая аксіому параллельности, и удерживая всѣ остальные, мы можемъ получить систему, свободную отъ логическихъ противорѣчій, то ясно, что аксіома параллельности не можетъ содержаться скрыто въ другихъ. Другими словами, это значитъ, что аксіома параллельности не выводима изъ другихъ, или не доказуема при помощи другихъ.

Такимъ образомъ евклидовская система геометріи представляетъ собою систему формулъ, выводимыхъ одна изъ другой при предположеніи истинности XI-й аксіомы. Геометрическая система Лобачевскаго есть система формулъ, выводимая при предположеніи, что XI-я аксіома не доказана. Мы получаемъ двѣ геометріи, совершенно другъ отъ друга отличныя. Отношеніе между ними таково, что одна изъ нихъ, именно евклидовская, является *частнымъ* видомъ геометріи Лобачевскаго, которую можно назвать *абсолютной геометріей*. Это различіе происходитъ вслѣдствіе того, что геометрія Евклида получается изъ геометріи Лобачевскаго, если мы въ этой послѣдней сдѣлаемъ одно частное предположеніе, именно допустимъ истинность XI-й аксіомы.

Это же можно объяснить еще иначе. Какъ извѣстно, въ

1) Ващенко-Захарченко, ук. соч., стр. 56.

евклидовой геометріи линія параллельная данной пересѣкаетъ перпендикуляръ къ этой послѣдней подъ прямымъ угломъ. У Лобачевского этотъ уголъ называется угломъ параллельности; онъ не равенъ прямому углу; онъ можетъ имѣть различную величину, въ зависимости отъ того, какова длина перпендикуляра, а у Евклида онъ всегда равняется прямому углу. Слѣдовательно, у Евклида линіи параллельны при одномъ *частномъ* предположеніи. Ясно, что евклидовская геометрія въ этомъ смыслѣ является частнымъ случаемъ абсолютной геометріи ¹⁾).

Взглядъ Лобачевского, по которому евклидовская геометрія представляетъ только частный видъ геометріи, имѣетъ огромную гносеологическую важность по слѣдующимъ причинамъ.

Если возможна другая геометрія, то слѣдовательно возможны и другія пространства и мыслимы другія пространственныя отношенія, въ сравненіи съ тѣми, которыя намъ извѣстны. Новая геометрія является выраженіемъ именно этихъ послѣднихъ.

Геометрическая система Лобачевского наводила также на мысль, что можетъ быть и само наше пространство въ дѣйствительности не обладаетъ тѣми свойствами, которыя мы ему приписываемъ. Можетъ быть евклидовская геометрія не изображаетъ истинныхъ свойствъ *нашего* пространства. Поэтому Лобачевскій прямо ставитъ вопросъ, „дѣйствительно ли въ природѣ существуетъ геометрія Евклида?“ По его мнѣнію, мы должны собственно заняться изслѣдованіемъ свойствъ нашего пространства, мы должны произвести *опытную* провѣрку нашего пространства. По его собствен-

1) Еще иначе это отношеніе объясняетъ Лобачевскій. „Воображаемая геометрія,—говоритъ Лобачевскій,—обнимаетъ употребительную геометрію, какъ частный случай, къ которому переходимъ, принимая линіи бесконечно малыми, такъ что въ этомъ отношеніи употребительная геометрія можетъ быть названа дифференціальной.“ Т.-е. другими словами, изъ формулъ геометріи Лобачевского можно получить формулы геометріи евклидовой, если только взять линіи бесконечно малыя. (См. его Собраніе Сочиненій. 1883, стр. 89).

ному выраженію, „только опытъ можетъ рѣшить, какая геометрія существуетъ въ природѣ“.

Но какой опытный путь въ этомъ случаѣ можетъ быть примѣненъ? Лобачевскій думаетъ, что этотъ вопросъ можно рѣшить при помощи опредѣленія суммы угловъ очень большихъ треугольниковъ. Въ этомъ случаѣ онъ руководствуется слѣдующими соображеніями. Евклидовская геометрія представляетъ предѣльный случай геометріи Лобачевского, т. е. при безконечномъ уменьшеніи линейныхъ размѣровъ фигуръ въ пространствѣ Лобачевского получается геометрія Евклида. Если, слѣдовательно, мы возьмемъ очень большія фигуры, то, можетъ быть, для нихъ окажутся справедливыми положенія геометріи Лобачевского, т. е. въ нихъ сумма угловъ, можетъ быть, будетъ *меньше* двухъ прямыхъ. Поэтому измѣреніе реальныхъ очень большихъ треугольниковъ дало бы намъ возможность опредѣлить, дѣйствительно ли сумма угловъ треугольника въ нашемъ пространствѣ равняется двумъ прямымъ. Въ самомъ дѣлѣ сумма угловъ равняется двумъ прямымъ только при евклидовскомъ допущеніи, при допущеніи же Лобачевского она меньше двухъ прямыхъ. Такое измѣреніе дало бы намъ возможность опредѣлить истинныя свойства нашего пространства. Лобачевскій произвелъ такое изслѣдованіе. Онъ именно вычислилъ сумму угловъ въ астрономическихъ треугольникахъ. „Въ моемъ сочиненіи „О началахъ геометріи“ я доказывалъ,—говоритъ Лобачевскій,—основываясь на нѣкоторыхъ астрономическихъ наблюденіяхъ, что въ треугольникѣ, котораго бока почти таковы, какъ разстояніе отъ земли до солнца, сумма угловъ можетъ разниться отъ двухъ прямыхъ не болѣе 0,0003” въ шестидесяти тысячныхъ секундахъ градуса“.

Но однако это доказательство онъ не считаетъ убѣдительнымъ. Онъ думаетъ, что такое отклоненіе можетъ происходить вслѣдствіе несовершенства методовъ въ астрономическихъ измѣреніяхъ. Поэтому онъ находитъ, что „предположеніе употребительной геометріи слѣдуетъ считать *какъ бы* строго доказаннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ быть убѣжденну въ

томъ, что независимо отъ *опыта* напрасно было бы искать доказательствъ на такую истину, которая еще не заключается сама собою въ нашихъ понятіяхъ о тѣлахъ“.

Сомнѣніе Лобачевского относительно истинныхъ свойствъ нашего пространства не имѣетъ характера положительнаго утверждения. „Изложенная нами теорія параллельныхъ линій, говоритъ онъ,—предполагаетъ линіи съ углами въ такой зависимости, которая находится или нѣтъ въ природѣ, доказать никто не въ состояніи“. „Очень вѣроятно, что евклидовы положенія одни только истинныя, хотя и останутся навсегда недоказанными“.

Такимъ образомъ у Лобачевского мы находимъ мысль о возможности иныхъ пространственныхъ отношеній, и сомнѣніе относительно соответствія нашихъ геометрическихъ построеній дѣйствительности. Абсолютная достовѣрность математики такимъ образомъ была поколеблена. Мы можемъ принять, что наше пространство приблизительно евклидовское, но доказать этого съ полной точностью мы не можемъ.

Взглядъ Лобачевского, по которому евклидовская геометрія представляетъ собою только *частный* видъ геометріи, долгое время не казался достаточно важнымъ, и только послѣ того, какъ нѣмецкіе математики Риманнъ и Гельмгольцъ совершенно независимо, впрочемъ, отъ Лобачевского пришли къ той же мысли, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Это произошло главнымъ образомъ оттого, что Гельмгольцъ придавъ этой мысли философскій характеръ. У него неевклидовская геометрія перестала быть просто геометріей, а сдѣлалась философскимъ ученіемъ о пространствѣ.

Риманнъ изложилъ свои взгляды въ сочиненіи „О гипотезахъ, которыя лежатъ въ основѣ геометріи“, написанномъ въ 1854 г., а опубликованномъ только въ 1866 году. Гельмгольцъ въ 1866 г. въ сочиненіи „О фактическихъ основахъ геометріи“.

*Риманнъ*¹⁾ думаетъ, что для рѣшенія вопроса о сущности

¹⁾ Ueber die Hypothesen, welche der Geometrie zu Grunde liegen. (Gesammelte Werke, 1876, 254—268).

пространства слѣдуетъ дать правильное *опредѣленіе* понятія пространства. Чтобы это можно было сдѣлать, необходимо найти какое-нибудь высшее понятіе, въ которое понятіе пространства входило бы какъ видъ. Но что нужно, чтобы найти такое высшее понятіе? Для этого сначала нужно найти однородныя съ пространствомъ понятія, а равнымъ образомъ нужно найти признаки, которые отличаютъ понятіе пространства отъ понятія однороднаго съ нимъ. Риманнъ находитъ, что основные признаки пространства, благодаря которымъ мы можемъ сопоставлять его съ другими однородными съ нимъ понятіями, это суть признаки *троякой протяженности и непрерывности*. Руководствуясь этими признаками, не трудно отыскать понятіе однородное съ понятіемъ пространства. Такимъ понятіемъ является, напр., понятіе цвѣтовой системы. Этой послѣдней такъ же, какъ и пространству, присущи свойства троякой протяженности и непрерывности.

Не трудно объяснить, почему цвѣтовая система обладаетъ троякой протяженностью. О пространствѣ мы говоримъ, что оно обладаетъ троякой протяженностью, потому что въ немъ положеніе каждой точки опредѣляется при помощи трехъ координатъ, при помощи трехъ независимыхъ перемѣнныхъ. Слѣдовательно, опредѣляемость при помощи трехъ независимыхъ перемѣнныхъ есть причина того, что мы говоримъ о пространствѣ, что оно обладаетъ троякой протяженностью. Ту же самую опредѣляемость мы находимъ и въ системѣ цвѣтовъ. Именно въ ней каждый цвѣтъ опредѣляется при помощи трехъ независимыхъ перемѣнныхъ (цвѣтъ, насыщенность, сила свѣта и т. п.). Т. е. если намъ дадутъ эти три элемента, то мы будемъ въ состояніи опредѣлить мѣсто, которое данный цвѣтъ занимаетъ въ цвѣтовой системѣ. Поэтому-то мы можемъ сказать, что цвѣтовая система есть троекратно протяженная система.

Благодаря этой общности между пространствомъ и цвѣтовой системой, общностью, выражающейся въ томъ, что каждый элементъ той или другой системы опредѣляется

при помощи того или другого количества данныхъ, ихъ можно подвести подъ болѣе общее понятіе, которое онъ называетъ *многообразіемъ* (Mannigfaltigkeit), существеннымъ признакомъ котораго оказывается то, что въ немъ опредѣленіе мѣста сводится къ опредѣленію извѣстнаго числа величинъ, въ данномъ случаѣ трехъ.

Понятіе „многообразія“ и есть то общее понятіе, которое Риманнъ считалъ необходимымъ найти для опредѣленія понятія пространства.

Мы нашли понятіе многообразія въ *три* измѣренія, но его не трудно обобщить. Изъ аналитической геометріи извѣстно, что можетъ существовать многообразіе одного измѣренія, какъ напр. линія (на ней положеніе точки опредѣляется при помощи одной величины), многообразіе двухъ измѣреній, именно поверхность, на которой положеніе точки опредѣляется при помощи двухъ величинъ, и многообразіе трехъ измѣреній, какъ тѣло. Поэтому мы можемъ взять это понятіе въ самомъ обобщенномъ смыслѣ, и сказать, что существуетъ *n*-кратное многообразіе, въ которомъ опредѣленіе мѣста сводится къ опредѣленію *n*-величинъ. Вслѣдствіе этого *n*-кратное многообразіе есть то общее понятіе, подъ которое можно подвести понятіе пространства; *n*-кратное многообразіе есть то родовое понятіе, по отношенію къ которому понятіе пространства является видомъ.

Существуетъ два вида многообразія, это именно *непрерывныя* многообразія и *дискретныя* многообразія. Подъ дискретными многообразіями Риманнъ понимаетъ числа, такъ какъ въ нихъ переходъ отъ одного числа къ другому оказывается дискретнымъ, прерывистымъ; въ пространственномъ многообразіи переходъ отъ одного элемента къ другому оказывается непрерывнымъ.

„Дискретныя многообразія чрезвычайно часты, между тѣмъ какъ для непрерывнаго многообразія въ обиходной жизни не существуетъ примѣровъ, такъ что мѣста чувственныхъ предметовъ и цвѣта суть единственныя простыя понятія, способъ опредѣленія которыхъ образуетъ много-

кратно протяженное многообразіе. Болѣе частые поводы для образованія и развитія этихъ понятій находятся въ высшей математикѣ“. Слѣдовательно, по мнѣнію Риманна, существуетъ еще много видовъ непрерывныхъ многообразій, но только они не имѣютъ конкретнаго характера; этимъ послѣднимъ обладаютъ только пространство и цвѣтовая система.

Найдя такимъ образомъ, что пространство есть n -кратно протяженное многообразіе, намъ слѣдуетъ ближе разсмотрѣть, какіе еще признаки можно было бы приписать многообразіямъ. Это намъ нужно для того, чтобы найти ту точку зрѣнія, съ которой можно было бы сравнивать различныя сходныя съ пространствомъ многообразія, потому что, какъ мы видѣли, могутъ существовать многообразія, которыя не суть пространства. Для выясненія этого Риманнъ вводитъ понятіе „внутреннія мѣровыя отношенія, (Innere Massverhältnisse). Подъ этимъ онъ понимаетъ слѣдующее.

Всякое многообразіе мы можемъ разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія, именно съ точки зрѣнія числа протяженій, (Dimensionen), (т.-е. имѣетъ ли данное многообразіе одно, два, три и т. д. измѣреній), и съ точки зрѣнія „внутреннихъ мѣровыхъ отношеній“. Внутреннія мѣровыя отношенія между прочимъ опредѣляютъ, возможенъ ли процессъ *измѣренія*. Не всякое многообразіе допускаетъ измѣреніе, потому что для этого послѣдняго необходима наличность опредѣленныхъ условій. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы измѣрить вещи, необходимо ихъ сравнивать. Для сравненія необходимо, чтобы они накладывались другъ на друга, а для этого въ свою очередь необходимо, чтобы величины были независимы отъ мѣста, т. - е. чтобы „какая-либо величина при перенесеніи съ одного мѣста на другое не измѣнялась“. Это условіе вовсе не есть предположеніе, само собою разумѹющееся, потому что мыслимо, что оно можетъ быть невыполнимо.

Выполнимость этого условія находится въ зависимости

отъ внутреннихъ мѣровыхъ отношеній, которыя мы тотчасъ и рассмотримъ.

Такимъ образомъ мы должны допустить, что есть такія многообразія, въ которыхъ можетъ осуществляться измѣреніе, и есть многообразія, въ которыхъ измѣреніе невозможно. Риманну нужно было найти аналитическій признакъ для такого различенія, и онъ его нашелъ именно въ понятіи „мѣры кривизны“.

Чтобы понять мысль Риманна, слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее. Риманну нужно найти тѣ признаки, посредствомъ которыхъ пространство, это трояко-протяженное многообразіе, отличается отъ другихъ многообразій. Для этой цѣли Риманнъ подвергаетъ изслѣдованію одинъ частный видъ многообразій. Именно онъ беретъ конкретно данное двояко протяженное многообразіе или поверхности и изслѣдуетъ, чѣмъ онѣ различаются другъ отъ друга. Эти различія онъ предполагаетъ затѣмъ перенести на многообразія *n*-измѣреній. Этотъ вопросъ въ его время былъ изслѣдованъ Гауссомъ, который нашелъ, что поверхности отличаются другъ отъ друга именно „мѣрою кривизны“ ¹⁾.

1) Объяснимъ, что такое мѣра кривизны.

Общее понятіе кривизны таково. Мы считаемъ кривую линію, напр. окружность, тѣмъ болѣе кривой или обладающей тѣмъ болѣе кривизной, чѣмъ болѣе она отклоняется отъ прямой или отъ дуги круга. Легко понять, что это отклоненіе будетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше радіусъ окружности, т.-е. эта величина будетъ обратно пропорціональна радіусу и потому обыкновенно обозначается при помощи единицы, дѣленной на радіусъ. Для каждой кривой можно отыскать такую окружность, кривизна которой будетъ равняться кривизнѣ кривой въ данной точкѣ. Радиусъ такой окружности принято называть *радіусомъ кривизны*. Кромѣ того различаютъ *полную кривизну дуги* круга и *среднюю кривизну* ея. Среднею кривизною дуги называютъ отношеніе угла, составляемаго касательными, проведенными къ концамъ дуги, къ длинѣ дуги. Отсюда можно получить опредѣленіе кривизны кривой въ данной ея точкѣ, именно она есть „средняя кривизна элемента кривой, начинающагося въ данной точкѣ“.

Отъ этихъ опредѣленій кривизны кривой на плоскости легко перейти къ опредѣленіямъ кривизны *поверхностей*.

Здѣсь также возможна кривизна и при томъ различная для той или другой точки.

Замѣтимъ, что прямая, проведенная черезъ точку касанія перпендику-

Но что такое *кривизна поверхности*? Иногда подъ ней понимали настоящую реальную кривизну, но въ дѣйствительности это неправильно. Когда мы говоримъ о кривизнѣ поверхности, то рѣчь идетъ объ аналитическомъ выраженіи, которое имѣетъ только символическое родство съ обыкновенной кривизной. Для насъ въ понятіи кривизны поверхностей представляется важнымъ только то обстоятельство, что поверхности по отношенію къ своей кривизнѣ могутъ дѣлиться на три класса. Есть поверхности съ *положительной кривизной* (напр. шаръ); поверхности съ *отрицательной кривизной* (напр. псевдосфера) и поверхности съ *нулевой кривизной*—плоская поверхность, поверхность конуса, цилиндра).

Такимъ образомъ поверхности, или многообразія двухъ измѣреній дѣлятся на три класса.

Поверхности отличаются другъ отъ друга также и тѣмъ, будетъ ли эта мѣра кривизны одинакова для всѣхъ частей

лярно къ касательной плоскости, называется *нормальной линіей* къ поверхности. Проведемъ черезъ данную точку на поверхности нормальную линію. Черезъ эту линію проведемъ во всѣхъ направленіяхъ плоскости. Плоскости эти пересѣкутъ поверхность по кривымъ, которыя расходятся по всѣмъ направленіямъ отъ взятой точки. Если мы опредѣлимъ радіусы кривизны каждой кривой въ данной точкѣ, то составитя понятіе о кривизнѣ поверхности въ данной точкѣ. Между радіусами кривизны есть два такихъ, изъ которыхъ одинъ будетъ всегда больше всѣхъ, а другой меньше всѣхъ. Эти радіусы кривизны называются *главными*, такъ же, какъ и соотвѣтствующія имъ сѣченія. Плоскости главныхъ сѣченій, т.-е. сѣченій, въ которыхъ кривизна кривыхъ наименьшая и наибольшая, всегда наклонены подъ прямымъ угломъ. Всегда существуетъ два взаимно перпендикулярныхъ сѣченія, одно съ наибольшей, а другое съ наименьшей кривизной. Кривизна поверхности въ данной ея точкѣ равняется произведенію кривизнъ главныхъ сѣченій.

Для опредѣленія кривизны той или другой поверхности Гауссъ предлагаетъ сравнивать линіи, проведенныя на опредѣляемой поверхности съ линіями, проведенными на поверхности шара, радіусъ котораго равенъ единицѣ. Онъ называетъ соотвѣтственными такія точки на данной поверхности и на поверхности шара, нормали которыхъ взаимно параллельны. Каждой точкѣ поверхности соотвѣтствуетъ въ этомъ смыслѣ своя точка на шарѣ; каждой линіи, проведенной на данной поверхности, соотвѣтствуетъ своя линія на шарѣ. Отсюда слѣдуетъ, что если мы проведемъ на поверхности замкнутый контуръ, то ему на поверхности шара будетъ соотвѣтствовать свой замкнутый контуръ, который получается въ томъ случаѣ, если мы проведемъ нормали параллельно нормалямъ, проведеннымъ въ точкахъ контура поверхности. Вслѣдствіе суще-

ея, или же въ одной части эта мѣра будетъ одна, а въ другой части другая. Въ первомъ случаѣ говорятъ, что мѣра кривизны поверхности есть величина *постоянная*, во второмъ случаѣ величина *непостоянная*.

Это различіе между постоянной кривизной и непостоянной имѣетъ для насъ важное значеніе, потому что той или другой мѣрой кривизны обуславливается такъ называемая *свободная подвижность*, которая въ свою очередь является необходимымъ условіемъ измѣренія. Именно, если мѣра кривизны какой-либо поверхности постоянна, т.-е. если мѣра кривизны въ какой-либо точкѣ равна мѣрамъ кривизны любой другой точки, то на ней возможно передвиженіе фигуры въ любомъ направленіи, при чемъ эта послѣдняя не подвергается никакимъ измѣненіямъ, т.-е. не подвергается ни сжатію, ни растяженію. На такой поверхности возможно

ствованія такого соотвѣтствія можно опредѣлить среднюю кривизну данной поверхности; она именно равняется отношенію площади упомянутого контура на шарѣ къ площади контура на данной поверхности. Кривизною поверхности въ данной ея точкѣ Гауссъ назвалъ среднюю кривизну бесконечно малого элемента поверхности, окружающаго данную точку.

Въ этомъ опредѣленіи кривизны поверхности мы находимъ наилучшій принципъ для классификаціи поверхностей. Именно существуетъ три вида поверхностей.

Поверхности съ *положительной* кривизной, въ которыхъ главные радіусы кривизны или оба положительны или оба отрицательны. Въ этомъ случаѣ главные нормальныя сѣченія обращены своими вогнутостями въ одну сторону. Сюда относится напр. поверхность шара.

Поверхности съ *отрицательной* кривизной, въ которыхъ одинъ изъ главныхъ радіусовъ кривизны положителенъ, а другой отрицателенъ. Въ этомъ случаѣ главные нормальныя сѣченія обращены вогнутостями въ разныя стороны. Если поверхность имѣетъ во всѣхъ своихъ точкахъ отрицательную кривизну, то ее называютъ *сѣдлообразною*, такъ какъ въ каждой своей точкѣ она имѣетъ форму сѣдла, главные радіусы котораго обращены въ противоположныя стороны. Какъ примѣръ поверхностей съ отрицательной кривизной приводятъ обыкновенно поверхность псевдосферы.

Поверхности съ *нулевой* кривизной, если одинъ изъ радіусовъ кривизны равняется бесконечности. Въ этомъ случаѣ произведеніе ихъ равняется 0. Сюда относятся плоская поверхность, поверхность цилиндра и конуса. Главные радіусы плоской поверхности оба равняются бесконечности. (См. *Delong. Руководство къ изученію высшей математики. 1900. стр. 142 и д.; 291 и д. Ващенко-Захарченко. ук. соч. 56 и д.*)

совмѣщеніе, а вслѣдствіе этого и измѣреніе. Эту мысль можно было бы пояснить при помощи слѣдующаго примѣра. На поверхностяхъ съ постоянной мѣрой кривизны, напр., на поверхности шара, фигура, изображенная въ одной ея части, можетъ быть передвигаема безъ сжатія и растяженія въ любую другую часть, между тѣмъ какъ на поверхностяхъ съ непостоянной кривизной, напр., на поверхности эллипсоида, та же фигура, изображенная въ одной части, не можетъ быть передвинута въ другую часть безъ того, чтобы не подвергнуться сжатію и растяженію. Такимъ образомъ можно сказать, что на поверхностяхъ съ постоянной мѣрой кривизны возможно свободное передвиженіе, между тѣмъ какъ на поверхностяхъ съ непостоянной мѣрой кривизны такое передвиженіе невозможно; а если свободное передвиженіе невозможно, то невозможно и измѣреніе.

Такимъ образомъ существуютъ поверхности съ постоянной и измѣняющейся мѣрой кривизны.

Но такъ какъ поверхности суть многообразія, то, обобщая, можно сказать вообще, что существуютъ многообразія съ постоянной и измѣняющейся мѣрой кривизны. Многообразія съ постоянной мѣрой кривизны дѣлятся въ свою очередь на такія, въ которыхъ величина послѣдней будетъ положительной или отрицательной, или нулемъ.

Теперь спрашивается, что представляетъ собою наше пространство? Оно, какъ мы видѣли, представляетъ собою частный случай многообразія, именно оно есть тройко протяженное многообразіе. Но неопредѣленнымъ оказывается вопросъ о мѣрѣ кривизны его. Эта послѣдняя можетъ быть какъ измѣняющейся, такъ и постоянной, въ послѣднемъ случаѣ или положительной, или отрицательной, или нулемъ.

Поэтому ее слѣдуетъ опредѣлить. Но такъ какъ это свойство не можетъ быть выведено изъ общихъ понятій о величинѣ, то ее нужно опредѣлить именно изъ *опыта*: тѣ свойства, которыми пространство отличается отъ другихъ тройко-протяженныхъ многообразій, могутъ быть опредѣлены изъ опыта.

Такимъ образомъ ясно, что вопросъ о томъ, какая мѣра кривизны присуща нашему пространству, можно рѣшить только при помощи опыта. При помощи этого послѣдняго мы можемъ рѣшить, будетъ ли мѣра кривизны нашего пространства величиной постоянной или измѣняющейся, положительной, отрицательной или нолевой.

Риманнъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что мѣра кривизны нашего пространства обладаетъ постоянной величиной и въ доказательство этого онъ приводитъ слѣдующія соображенія.

„Если мыдопустимъ,—говоритъ онъ,—что тѣла существуютъ независимо отъ ихъ положенія въ пространствѣ, то мѣра кривизны пространства вездѣ постоянна, а затѣмъ и изъ астрономическихъ измѣреній слѣдуетъ, что она не отличается отъ нуля“. Т. е. если возможна свободная поверхность, то значить пространство наше имѣетъ *постоянную мѣру* кривизны, съ другой стороны изъ астрономіи мы знаемъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ не отличается отъ двухъ прямыхъ, слѣд. мѣра кривизны нашего пространства равняется нулю. Если бы сумма угловъ въ указанномъ треугольникѣ была меньше $2d$, то мѣра кривизны была бы отрицательной, а если бы она была больше $2d$, то мѣра кривизны была бы величиной положительной.

Такимъ образомъ у Риманна мы находимъ сомнѣніе относительно истинныхъ свойствъ нашего пространства, именно, по его мнѣнію, оказывается неопредѣленнымъ, какова мѣра кривизны нашего пространства, а отсюда, разумѣется, рождается сомнѣніе относительно того, *можно ли къ нашему пространству прилагать евклидовскую геометрію*. Это выражается въ требованіи Риманна, чтобы мѣровыя отношенія нашего пространства были опредѣлены эмпирически.

„Изъ признанія необходимости опредѣлять свойства нашего пространства изъ опыта,—говоритъ Риманнъ,—возникаетъ задача отыскать простѣйшіе факты, изъ которыхъ могутъ быть опредѣлены мѣровыя отношенія пространства, задача, которая по самой природѣ вещей не вполне опре-

дѣленна, ибо можно взять нѣсколько системъ простыхъ фактовъ, достаточныхъ для опредѣленія мѣровыхъ отношеній пространства. Для настоящей цѣли всего важнѣе та система, которая положена въ основаніе Евклидомъ. Эти факты, какъ и всѣ факты, не необходимы, но обладаютъ только *эмпирической* достовѣрностью, они суть *ипотезы*, поэтому можно изслѣдовать ихъ вѣроятность, которая очень велика въ предѣлахъ наблюденія“.

Риманнъ этимъ хочетъ сказать, что мы не знаемъ, какими свойствами пространство обладаетъ на самомъ дѣлѣ. Относительно этого можно дѣлать различныя предположенія. Самымъ вѣроятнымъ является предположеніе евклидовской геометріи, но оно тоже является только предположеніемъ и имѣетъ гипотетическій характеръ.

Есть еще одинъ выводъ, который въ системѣ Риманна имѣетъ важное значеніе потому, что онъ еще разъ показываетъ, что, по мнѣнію Риманна, истинныя свойства нашего пространства намъ не извѣстны, поэтому мы можемъ дѣлать предположенія, которыя, разумѣется, отступаютъ отъ обычныхъ евклидовскихъ предположеній.

Вся евклидовская геометрія строится при предположеніи, что „прямая линия безконечна“, но понятіе прямой линии вовсе не предполагаетъ необходимо, что она должна быть безконечной. Слѣдовательно, ничего не препятствуетъ намъ признать, что она конечна.

„*Безграничность* пространства,—говоритъ Риманнъ,—обладаетъ большею эмпирическою достовѣрностью, чѣмъ какой бы то ни было внѣшній опытъ. Но отсюда никоимъ образомъ не вытекаетъ *безконечности*, напротивъ, если предположить независимость тѣлъ отъ мѣста ими занимаемаго, т.-е. если приписать пространству постоянную мѣру кривизны, то пространство было бы необходимо конечно, коль скоро эта мѣра кривизны имѣла положительное значеніе, хотя бы сколь угодно малое. Тогда, продолжая лежащія въ нѣкоторомъ элементѣ поверхности кратчайшія линіи, мы получимъ безграничную поверхность положительной кривизны,

т.-е. поверхность, которая въ плоскомъ тroyко-протяженномъ многообразіи приняла бы видъ шаровой поверхности, и которая, слѣдовательно, конечна“¹⁾). Тогда у насъ получилось бы совершенно особенное многообразіе или пространство, которое обыкновенно называютъ Риманновскимъ; оно въ отличіе отъ евклидоваго называется также конечнымъ.

Риманнъ теоретическимъ путемъ пришелъ къ выводу, что мыслимо еще одно многообразіе, которое отлично отъ евклидоваго, обладаетъ постоянной мѣрой кривизны и которое конечно.

Такимъ образомъ самое существенное въ теоріи Риманна заключается въ слѣдующемъ.

Пространство не есть что-либо *sui generis*, что-нибудь такое, что ни съ чѣмъ не могло бы быть сравниваемо. Напротивъ, оно есть многообразіе и какъ таковое представляетъ только частный видъ многообразій вообще. Отсюда слѣдуетъ, что если пространство есть просто многообразіе, то можетъ быть пространство не только тroyко-протяженное, но вообще n -кратно-протяженное, а равнымъ образомъ имѣющее и другую мѣру кривизны въ сравненіи съ той, которая принадлежитъ нашему пространству. Отсюда слѣдуетъ также, что мы только *эмпирическимъ* путемъ можемъ ближе опредѣлить свойство нашего пространства, именно то, имѣетъ ли оно постоянную мѣру кривизны или нѣтъ, а потому, всѣ наши геометрическія аксіомы имѣютъ эмпирической, гипотетической характеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. Челпановъ.

1) Объ основаніяхъ геометріи Казанск. Сбор. 1893 стр. 79—80.

Изъ жизни высшихъ школъ Римской имперіи.

Начало высшаго образованія Европы принято относить къ половинѣ V в. до Р. Хр., когда въ разныхъ мѣстахъ греческаго міра появились публичные преподаватели началъ философіи и ораторскаго искусства, называвшіе себя *софистами*.

Софисты считаются первыми профессорами въ исторіи высшихъ наукъ, какъ ихъ слушатели первыми студентами. Ихъ курсы были свободными и стояли внѣ всякаго отношенія къ государству. Они устраивались тамъ, гдѣ на нихъ былъ спросъ и гдѣ предстояла лучшая жатва въ смыслѣ матеріальной выгоды и славы. Оттого софисты любили мѣнять мѣста своей дѣятельности, ведя бродячую и безпкойную жизнь.

Преподаваніе ихъ имѣло форму отдѣльныхъ публичныхъ лекцій и систематическихъ курсовъ, прохожденіе которыхъ обусловливалось уже денежной платой, *впервые* тогда ими введенной въ практику высшаго преподаванія древнихъ.

Возбудивъ своими отрицательными сторонами полемику Сократа и Платона, софисты оказали этимъ значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе философіи въ иныхъ направленіяхъ; но тѣмъ сильнѣе ихъ значеніе осталось въ наукѣ риторики, ставшей однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ высшаго образованія древняго міра.

Въ IV в. до Р. Хр., по смерти Сократа, постепенно формируются философскія школы, избравшія своимъ главнымъ центромъ Аѣины. Аѣинскіе схолярхи академіи, школы

перипатетиковъ, стои и садовъ Эпикура послѣ привлекають слушателей со всѣхъ концовъ древняго міра—и въ нѣкоторыя времена число аѳинскихъ студентовъ должно было достигать значительныхъ размѣровъ, если судить по тому, что у одного Теофраста, непосредственнаго преемника Аристотеля, собиралось въ аудиторіи до 2.000 человѣкъ¹⁾,—цифра, которой едва ли могъ бы похвалиться какой-либо философъ другихъ странъ и другихъ временъ.

Школы философіи, обнимавшей собою цѣлую энциклопедію ученій, и школы ораторскаго искусства, возникши по частной инициативѣ, остаются *частными* учреждениями за все время существованія греческихъ республикъ. Высшее образованіе молодыхъ поколѣній греческими государствами не было поддерживаемо *матеріально*, если не считать разрѣшенія преподавателямъ пользоваться для своихъ лекцій общественными зданіями, каковы гимнасіи, крытыя галлерей и даже храмы.

Не принимая на себя *матеріальныхъ* заботъ относительно преподавателей высшихъ наукъ, греческія правительства тѣмъ менѣе склонны были поддерживать денежной помощью студентовъ, поставленныхъ въ затруднительныя матеріальныя условія. По крайней мѣрѣ за все время существованія даже аѳинской республики, наиболѣе просвѣщенной среди остальныхъ эллинскихъ государствъ и дававшей дѣтямъ павшихъ воиновъ даровое воспитаніе въ институтѣ эфебовъ, даже въ Аѳинахъ извѣстенъ лишь *одинъ* примѣръ особаго милосердія ихъ правительства къ студенческой бѣдности. Это было въ началѣ III в. до Р. Хр., когда въ школь Зенона-стойка появился изъ Малой Азіи молодой человѣкъ настолько бѣдный, что онъ вынужденъ былъ добывать себѣ хлѣбъ ночью работой по поливкѣ садовъ и въ пекарняхъ. Аѳинскій ареопагъ, узнавъ о чрезвычайномъ научномъ прилежаніи этого бѣдняка, предложилъ ему помощь въ 10 минъ²⁾ (ок. 313 руб. на наши деньги). Но Зенонъ отсо-

1) Диог. Лаерт. V, 2, 38.

2) Диог. Лаерт. VII, 5, 168—169.

вѣтоваль своему слушателю принимать это пособіе, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы сохранить независимость духа и научиться въ юности выносить испытанія судьбы.

Живя собственными средствами въ теченіе почти пяти столѣтій, философскія школы Аѣинъ дорожили своей самостоятельностью. А потому, когда въ 306—5 г. до Р. Хр. изданъ былъ законъ, воспрещавшій философамъ принимать управление школой или открывать новыя мѣста преподаванія ихъ наукъ безъ соизволенія на то ареопага и народа, философы покинули Аѣины.

Это событіе вызвало затѣмъ цѣлую бурю въ городѣ, но философы возвратились лишь на слѣдующій годъ, по уничтоженіи этого закона и по наказаніи гражданина, его предложившаго, пеней въ 5 талантовъ (ок. 11.110 руб.)¹⁾.

Послѣ этого опыта аѣинскія философскія школы, подобно школамъ риторовъ, жили своей, ничѣмъ не стѣсняемой жизнью. Философы и риторы не разъ оказываютъ важныя услуги государству и иногда удостоиваются почетныхъ отличій. Такъ, наприм., въ честь Зенона, основателя стоической школы, составлено было народное постановленіе о награжденіи его золотымъ вѣнкомъ, о погребеніи его и о надгробномъ памятникѣ ему на государственный счетъ. Текстъ этого документа редактированъ былъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, съ указаніемъ его заслугъ какъ учителя нравственности молодого поколѣнія. Въ знакъ почета, въ его домъ клались на храненіе ключи отъ городскихъ воротъ. Ему было предложено и право аѣинскаго гражданства—честь, которую Зенонъ, однако, отклонилъ, гордясь званіемъ гражданина своего родного города Китія на о-вѣ Кипрѣ²⁾.

Но если греческія республики остались чуждыми идеѣ матеріальнаго обезпеченія преподаванія высшихъ наукъ, то республиканское правительство Рима до самаго начала I в. до Р. Хр. принимало всѣ мѣры къ прегражденію до-

¹⁾ См. ниже, стр. 981.

²⁾ Диог. Лаерт. V, 1, 6.

ступа философскимъ и риторскимъ школамъ, старательно изгоняя греческихъ философовъ и раторовъ, появившихся въ Римъ, и ведя въ этомъ случаѣ открытую борьбу съ высшимъ обществомъ, которое ревностно училось по-гречески и усваивало произведенія греческой литературы. Допустивъ, наконецъ, преподаваніе греческой риторики и упражненія въ краснорѣчіи только на греческомъ языкѣ, оно еще въ 92 году до Р. Хр.; когда Цицерону шелъ уже 14-й годъ, издало въ лицѣ своихъ цензоровъ знаменитый своей запоздалостью запретъ на латинскія риторскія школы.

При такомъ отношеніи римскаго республиканскаго правительства къ высшему образованію, о матеріальной помощи преподаванію наукъ со стороны государства тамъ нечего было и думать—вплоть до эпохи римской имперіи.

Заботы о матеріальномъ обеспеченіи процвѣтанія высшихъ наукъ и объ ихъ распространеніи въ возможно широкихъ кругахъ населенія составляютъ въ древнемъ мірѣ неотъемлемую заслугу монархическихъ правительствъ. Позволительно думать, что Александръ Македонскій, ученикъ гениальнаго Аристотеля, если бы ему суждена была болѣе долгая жизнь, самъ бы заложилъ и открылъ знаменитый александрійскій Мусей, который потомъ сыгралъ такую блестящую роль въ исторіи высшаго образованія время послѣдующихъ. Но какъ бы то ни было, фактически начало обеспеченія преподавателей наукъ освобожденіемъ ихъ отъ матеріальныхъ заботъ у грековъ было положено главнымъ образомъ въ Александріи при первыхъ двухъ Птолемахъ ¹⁾, съ основаніемъ Мусея и библіотеки, когда рядъ знаменитыхъ ученыхъ, принятыхъ туда на полное содержаніе, получилъ себѣ ничѣмъ нестѣсняемую возможность заниматься наукою и

¹⁾ До сихъ поръ остается не рѣшеннымъ вопросъ, кто былъ основателемъ александрійскаго Мусея, Птолемей ли Лаги или сынъ его Птолемей Филадельфъ. См. доводы въ пользу перваго у Parthey, Das Alexandrinisches Museum (Berl. 1838), стр. 36; Baumstark Pauly's Real-Encyclop. s. v. Museum. Но какъ бы то ни было, полную организацію это учрежденіе должно было получить при Птоlemeѣ Филадельфѣ. Партэй склоненъ считать перваго Птолемея строителемъ зданія Мусея, für den Erbauer Museums.

преподавать ее другимъ. Развившаяся въ послѣдствіи здѣсь высшая школа съ кафедами филологіи, риторики, философіи, математики, стала надолго однимъ изъ наиболѣе видныхъ центровъ высшаго просвѣщенія во всемъ древнемъ мірѣ. Большою славою пользовалась и медицинская школа Александріи.

Съ покореніемъ царства Птолемеевъ римской власти, римскіе императоры приняли на себя роль покровителей Мусея и, можетъ быть, здѣсь и у Атталидовъ Пергама они почерпнули образецъ для тѣхъ благодѣяній высшему просвѣщенію, которыми прославлена память многихъ изъ нихъ въ исторіи.

Начиная съ Юлія Цезаря, римскіе властители не перестаютъ совершенствоваться бытъ школъ по всей имперіи, увеличивая ихъ число и поднимая, по мѣрѣ силъ и обстоятельствъ, матеріальное и нравственное положеніе учащаго сословія. Одни изъ нихъ назначаютъ денежное содержаніе преподавателямъ изъ средствъ государственной казны; другіе даруютъ имъ права и преимущества по освобожденію отъ различныхъ государственныхъ повинностей, обезпечивая имъ этими мѣрами покой, необходимый для веденія научнаго дѣла; третьи защищаютъ ихъ отъ произвола муниципальныхъ властей въ вопросахъ матеріальнаго вознагражденія; четвертые ставятъ предметомъ своихъ попеченій учрежденіе новыхъ или поддержку старыхъ школъ какъ въ Римѣ, такъ и по всѣмъ провинціямъ. Одинъ изъ императоровъ принимаетъ къ сердцу интересы бѣдныхъ учениковъ, даруя имъ пособія на полученіе ими образованія. Создаются правительственные университеты въ Аѳинахъ, Римѣ, Константинополѣ, открывается юридическая школа въ финикійскомъ городѣ Беритѣ; дѣлая сѣтъ высшихъ школъ учреждается по греческому востоку и въ западной части имперіи, въ Испаніи, Галліи и даже до Британіи.

Этотъ рядъ императорскихъ попеченій выясняется предъ нами изъ нижеслѣдующихъ мѣропріятій касательно преподавателей, школъ и студентовъ.

I.

Начнемъ съ вопросовъ, касающихся *преподавательскаго* со- словія.

До тѣхъ поръ пока преподаваніе высшихъ наукъ было дѣломъ частнымъ, государственная власть обыкновенно не касалась вопроса о *замѣщеніи* учительскихъ или *профессорскихъ* вакансій.

Школы въ этомъ случаѣ управлялись сами собою. Когда у афинскихъ философовъ умиралъ ихъ представитель, слѣдующій схолярхъ заступалъ его мѣсто или по назначенію умершаго, или по выбору членовъ школы, часто изъ числа лицъ, указанныхъ въ духовномъ завѣщаніи прежнимъ схолярхомъ ¹⁾.

Но иной порядокъ долженъ былъ наступить, когда правительства приняли интересы высшаго образованія подъ свое особое покровительство и стали оказывать ему матеріальную помощь. Это прежде всего должно было случиться въ Александріи съ основаніемъ Мусея, члены котораго избирались и назначались уже царскою властью.

Примѣръ Птолемеевъ могъ послужить здѣсь образцомъ для римскихъ императоровъ. Веспасіанъ, первый государь, назначившій жалованіе изъ государственной казны профессорамъ греческой и латинской риторики въ Римѣ ²⁾, былъ, надобно предполагать, и первымъ изъ императоровъ, который самъ назначалъ оплачиваемыхъ такимъ образомъ преподавателей этихъ наукъ.

Объ Адрианѣ существуетъ свидѣтельство, что этотъ императоръ отпускалъ съ отличіями и хорошимъ вознагражденіемъ учителей, оказывавшихся за старостью или по

¹⁾ Ср. духовныя завѣщанія философовъ на этотъ счетъ, собранныя изъ Диогена Лаертскаго у Zumpt, Über den Bestand der philosophischen Schulen in Athen und die Succession der Scholarchen въ Abhandl. der königl. Akad. der Wissensch. Aus dem Jahre 1842 (Berlin 1844). Philol. u. histor. Abhandl. стр. 30 и слѣд. и отдѣльной книги (Berlin 1843), стр. 7 и слѣд. Ниже мы повсюду цитуемъ отдѣльное изданіе.

²⁾ Suet. Vesp. 18. Ср. ниже, стр. 978.

какимъ-либо другимъ причинамъ неспособными продолжать свое дѣло ¹⁾). И если такимъ образомъ этого государя занимали вопросы увольненія преподавателей, то слѣдуетъ думать, что въ одинаковой степени должно было интересоваться его и опредѣленіе ихъ на службу.

Извѣстно далѣе, что Маркъ Аврелій, основывая университетъ въ Аѳинахъ, самъ назначалъ при этомъ профессоровъ краснорѣчія, предоставивъ замѣщеніе каѳедры философіи своему бывшему наставнику, знаменитому въ свое время оратору и руководителю молодежи въ наукѣ краснорѣчія, видному дипломату и прославленному своими колоссальными благотвореніями Героду Аттику ²⁾). Послѣдній, такимъ образомъ, получилъ чрезъ это какъ бы постъ попечителя аѳинскаго университета ³⁾.

Дальнѣйшая практика показываетъ, что хотя и бывали отдѣльные случаи назначенія профессоровъ исключительно императорскою властію ⁴⁾, безъ всякихъ иныхъ формальностей; но обыкновенно полученію правительственной каѳедры предшествовалъ конкурсъ, происходившій въ присутствіи избранныхъ судей, изъ лучшихъ, болѣе просвѣщенныхъ гражданъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ предсѣдательствовалъ въ провинціальныхъ городахъ при этомъ представитель императорской власти, проконсулъ области.

Здѣсь аспиранты на званіе официальнаго профессора должны были доказать способности и знанія предъ своими

¹⁾ Spartian. Hadrian. 16. Ср. ниже, стр. 979.

²⁾ Діонъ Касс. LXXI, 31. Филостратъ Βίοι σοφιστῶν II, гл. 2; гл. 10, 7.

³⁾ Позднѣе обязанности попечителя аѳинскаго университета перешли къ проконсулу Ахаіи. Онѣ состояли въ испытаніи и избраніи профессоровъ и въ высшемъ судѣ надъ университетомъ особенно въ студенческія волненія, которыя были нерѣдки, преимущественно въ IV в., при распушенности студенческихъ корпорацій, соперничествѣ и враждѣ преподавателей между собою. Въ такихъ случаяхъ попечитель имѣлъ очень широкія права наказанія виновныхъ студентовъ, высылалъ профессоровъ изъ города, отставлялъ отъ службы или запрещалъ имъ чтеніе лекцій на опредѣленное время. Попечитель представлялъ собою особу императора, и никакая апелляція была на него невозможна.

⁴⁾ Филостратъ указ. соч. II гл. 2, 12, гл. 30, 1. Ср. ниже рассказываемый случай назначенія Евменія въ городъ Августодунъ, стр. 985 и слѣд.

соперниками. Конкуррентамъ ставились вопросы для рѣшенія и предлагались темы для рѣчей, которыя произносились или по приготовленіи или тутъ же экспромptomъ. Если при этомъ о достоинствѣ кандидатовъ между судьями возникали неустрашимыя разногласія, проконсулъ доносилъ о дѣлѣ императору и просилъ его рѣшенія ¹⁾).

Матеріальныя выгоды и слава правительственнаго профессора въ послѣдствіи получили столь важное значеніе въ глазахъ преподавательскаго сословія, что замѣщеніе кафедры становилось событіемъ, поглощавшимъ интересы не только ученаго міра, но и жителей города. Въ болѣе важныхъ случаяхъ избирательная агитація охватывала всѣхъ, создавая сильныя и ожесточенныя партіи. Особенно нужно сказать это о такомъ исключительно академическомъ городѣ, какъ Аѳины.

Естественно возникаетъ при этомъ вопросъ, откуда, изъ какой среды являлись конкурренты на профессорскія мѣста.

Питомникомъ кандидатовъ въ данномъ случаѣ были *профессорскіе помощники* и частные преподаватели высшихъ наукъ или *приватъ-доценты*. Сложность и разнообразіе обязанностей заставляли профессоровъ, пользовавшихся извѣстностью и собиравшихъ большую аудиторію, имѣть при себѣ *помощниковъ* (*πρόσβολος*, *subdoctor*) ²⁾. Это были обыкновенно ихъ прежніе, болѣе близкіе, любимые ученики, продвинувшіеся въ наукѣ. Они брали на себя всѣ внѣшнія заботы, ограждая профессора отъ всего, что могло бы нарушать ходъ его ученыхъ и преподавательскихъ занятій; они устраняли отъ него непріятности и мелочи практической жизни. Они вели надзоръ за аудиторіей, за студентами, побуждали къ занятію наукою болѣе лѣнливыхъ и отгоняли искусителей и со-вратителей на дурное. Они читаютъ профессорамъ письма;

¹⁾ См. Лукіана *Εὐνοῦχος*. Эта сцена избранія второго перипатетика для Аѳинъ въ подробности передана нами въ «Русск. Вѣстн.» 1898 кн. III, стр. 199 и слѣд.

²⁾ Ср. *Ausonii Commem. professorum Burdigalensium XXII*.

они служатъ имъ секретарями, они сопровождаютъ ихъ, когда представляется надобность являться къ высшимъ властямъ. Они слѣдятъ за сочиненіями и рѣчами, издаваемыми въ свѣтъ, за перепискою ихъ и за храненіемъ. Они проходятъ со студентами болѣе простыя, элементарныя части курса. Словомъ, они для стараго профессора—все ¹⁾.

Естественно, что эти люди, близко знакомые съ академическимъ міромъ, и въ кругу профессоровъ, и въ рядахъ ихъ студентовъ, жили надеждою сдѣлаться впослѣдствіи профессорами сами. Начинали они обыкновенно опытами частнаго преподаванія на свой страхъ, въ положеніи приватъ-доцентовъ ²⁾. Дальнѣйшая ихъ судьба зависѣла отъ успѣха этого преподаванія, потому что лицу, заявившему себя лекторскимъ талантомъ и приготовившему видныхъ учениковъ ³⁾, естественно отдавалось предпочтеніе на выборахъ профессора предъ конкуррентами, этого преимущества не имѣвшими. Но ожиданія своего чередъ бывали иногда очень продолжительны, потому что профессорамъ была присуща привычка засиживаться на кафедрѣ до кончины, а многіе изъ нихъ жили долго. Такъ, Аспасій Равеннскій, учившій краснорѣчію въ Римѣ (кон. II и нач. III в. по Р. Хр.) въ молодые годы съ большимъ успѣхомъ, въ глубокой старости возбуждалъ порицанія тѣмъ, что не хотѣлъ уступить свою кафедру другому ⁴⁾. Риторъ IV в. Юліанъ училъ въ Афинахъ въ преклонномъ возрастѣ до

1) У антиохійскаго ритора IV в. по Р. Хр. Либанія такихъ необходимыхъ помощниковъ было послѣдовательно два, Максимъ и Талассій. См. о значеніи ихъ для этого профессора Sievers, *Das Leben d. Libanius*, стр. 28.

2) Это положеніе, какъ и всякаго частнаго предпріятія, для многихъ было сначала труднымъ. Потому Либаній, имѣя въ Антиохіи сначала только 15 слушателей, перенесъ аудиторію на болѣе видное мѣсто на городскую площадь. И этотъ приемъ послужилъ ему въ пользу. См. *Libanii sophistae orationes et declamationes* T. I, стр. 71 и слѣд. по изд. Reiske.

3) Филостратъ *Vitae sor.* II, гл. 33, 2 объ отсутствіи этого условія.

4) Филостратъ (указ. соч. II, гл. 33, 2—3) говоритъ о его многочисленныхъ путешествіяхъ по разнымъ странамъ въ свѣтъ императора Септимія Севера и въ званіи начальника его канцеляріи. Очевидно, что онъ или возвратился на кафедру, или удержалъ ее за собою и въ придворной службѣ.

самой смерти, и его любимый ученикъ Прозересій сталъ его преемникомъ по каедрѣ, когда ему было свыше шестидесяти лѣтъ ¹⁾).

Продолжительность ожиданій этого рода со стороны частныхъ преподавателей была можетъ быть одною изъ важныхъ причинъ той ожесточенной борьбы, которая завязывалась изъ-за официальныхъ каедръ. Случалось, что конкурренты пускали при этомъ въ ходъ всякія средства, не исключая и такихъ, которыя съ нравственной стороны не могутъ быть никоимъ образомъ оправданы. Возбуждались страсти студенчества, поднималась агитація среди гражданъ, подкупались и деньгами и иными способами власти, причастныя къ дѣлу избранія профессора; соперниками давались пышные обѣды, иной разъ при исключительной и безнравственной обстановкѣ. Въ ряды соискателей каедръ, вмѣстѣ съ достойными лицами, втискивались люди отличавшіеся лишь честолюбіемъ, не доказавшіе своей правоспособности предыдущей дѣятельностью или извѣстные дурнымъ своимъ нравомъ. Бывали въ средѣ частныхъ преподавателей, наряду съ дѣйствительными служителями науки, также и лица нравственно падшіе, люди пьяные и способные декламировать даже передъ публикою харчевень и винныхъ лавокъ ²⁾). Одинъ приватъ-доцентъ удивляетъ своей настойчивостью въ исканіи каедръ, не имѣя на то никакихъ правъ и тщетно выставляя много разъ свою безнадежную кандидатуру ³⁾. Другой, такой же неудачникъ, заводитъ ожесточенную ссору въ Афинахъ съ главою профессоровъ краснорѣчія въ томъ же городѣ, Геродомъ Аттикомъ, и тѣмъ скорѣе проигрываетъ свою кампанію, что послѣдній, съ учрежденіемъ правительственныхъ каедръ его ученикомъ Маркомъ Авреліемъ, сталъ какъ бы попечителемъ афинской высшей школы ⁴⁾).

1) Евнапій *Βίοι φιλοσόφων καὶ σοφιστῶν—Προαφρέσιος*, стр. 487 и слѣд. по изд. Voissonade—Didot. Clinton, *Fasti Rom.* I p. 313, 355, 401.

2) Филостратъ *Βίοι σοφ.* II, 33, 2: софистъ Аврелій въ Іоніи.

3) Тамъ же: нѣкто Кассій, учившій въ Іоніи.

4) Его же указ. соч. II, 8, 1—3. Позднѣ этотъ Филагръ, однако, добился каедръ греческой риторики въ Римѣ.

Лучшей иллюстраціей интригъ и общественныхъ нестроений, сопровождавшихъ иногда профессорскіе выборы, служатъ обстоятельства избранія преемника ритору Юліану въ Афинахъ, приблизительно въ 337—39 гг. по Р. Хр.

Этотъ, пользовавшійся большою извѣстностію, профессоръ жилъ, какъ сказано выше, до преклонной старости и не покидалъ катедры до самой смерти, и потому, надобно думать, уже задолго возникалъ и между студентами, и среди частныхъ преподавателей вопросъ о томъ, кто займетъ его видное профессорское мѣсто. И едва онъ умеръ, какъ весь городъ и все афинское студенчество пришло въ сильное движеніе. Выступила цѣлая плеяда аспирантовъ и достойныхъ, и такихъ, которые не имѣли за собою ни ученыхъ, ни преподавательскихъ заслугъ, и когда послѣдніе, согласно обычаю, были устранены комиссіей судей, все же осталось цѣлыхъ шесть конкурентовъ, между которыми приходилось рѣшить возгорѣвшійся споръ.

Самымъ виднымъ между ними былъ Прозересій, уроженецъ римской Арменіи, давно состоявшій любимымъ ученикомъ Юліана. Сынъ знатной, но обѣднѣвшей семьи, христіанинъ по вѣроисповѣданію, исполненный необычайной любознательности, онъ учился краснорѣчію и связаннымъ съ нимъ дисциплинамъ сначала въ Антиохіи и потомъ въ Афинахъ. Прибывши сюда, въ возрастѣ около 32 лѣтъ, безъ всякихъ средствъ, онъ терпѣлъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Гестіономъ, страшную бѣдность. Все ихъ имущество состояло изъ какихъ-то потертыхъ одѣялъ и одной пары верхняго платья, гиматія и студенческаго плаща. Слушать лекціи приходилось имъ по очереди: нынѣ выходилъ одинъ, завтра другой. Возвращавшійся съ лекціи сообщалъ свои записки товарищу, сидѣвшему дома и на свободѣ занимавшемуся чтеніемъ и декламаторскими упражненіями.

Эта необыкновенная энергія обратила на себя вниманіе профессора Юліана, бывшаго родомъ изъ Каппадокіи, страны близкой къ Арменіи. Онъ приблизилъ бѣдняковъ къ себѣ и съ этихъ поръ привязался къ Прозересію. Этотъ молодой человѣкъ колоссальнаго роста, статный, сильный, высокодаровитый ораторъ, ловкій и остроумный, охотникъ, при своей силѣ, подрагаться во славу своей корпораціи и учителя, скоро занялъ командуемое положеніе среди товарищей. Изъ слушателя онъ, по академическому обычаю, сдѣлался въ свой чередъ помощникомъ своего профессора, и потому ученики послѣдняго много лѣтъ должны были смотрѣть на него, какъ на единственнаго преемника Юліана. На это надѣялся и самъ учитель, передавшій передъ смертью ему въ наслѣдство и свой домъ, и свою изящную, мраморную аудиторію.

За Прозересію теперь встала вся студенческая молодежь, происходившая изъ припонтійскихъ странъ, а также уроженцы Арменіи, Каппадокіи, Виѳиніи и всей западной части Малой Азіи и большая часть египтянъ. Отъ всякой конкуренціи съ нимъ устранился другъ его Гестіонъ, оставившій съ этой цѣлью и самый городъ. Но тѣмъ сильнѣе выступили противъ него другіе соперники, каждый съ своей партией студентовъ и горожанъ. Студенты арабы явились бойцами за своего земляка привать-доцента Діофанта, сирійцы, финикіане и жители пограничныхъ съ ними областей—за Епифанія, сирійскаго уроженца. Партіи боролись съ сильнѣйшимъ и неимовѣрнымъ ожесточеніемъ. Враги Прозересіи пустили въ ходъ деньги, большіе расходы на угощенія и, повидимому, даже на подкупъ. Весь городъ всталъ при этомъ, какъ говорится, на ноги, и возникшіе беспорядки достигли такой степени, что Прозересій не только не получилъ на этотъ разъ каѳедры, но, какъ причина городскихъ и академическихъ неурядицъ, былъ высланъ римскимъ проконсуломъ изъ Аѳинъ.

Терпя бѣдность, Прозересій вынужденъ былъ ждать лучшихъ дней, которые, на его счастье, и не замедлили придти. Случилось такъ, что проконсулъ Ахаіи, осудившій его, былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ другой, человѣкъ лучшихъ нравственныхъ принциповъ и безпристрастный. Между тѣмъ усиліями одного друга исходатайствовано было императорское разрѣшеніе Прозересію возвратиться въ Аѳины. А съ этимъ возгорѣлась и прежняя борьба изъ-за все еще вакантной каѳедры.

Новый проконсулъ Ахаіи, переѣхавши по этому случаю изъ своей обычной резиденціи Коринѳа въ Аѳины, повелъ дѣло съ особеннымъ вниманіемъ и осмотрительностью.

Когда собравшіеся конкуренты произнесли свои рѣчи на темы, заранѣе данныя, проконсулъ потребовалъ отъ нихъ рѣчей — экспромптовъ. Всѣ остальные отказались отъ этого неожиданнаго предложенія, ссылаясь на то, что они принадлежатъ къ числу тѣхъ ораторовъ, которые „не выбрасываютъ свои рѣчи и говорятъ только хорошо продуманное“ ¹⁾. Послѣ всѣхъ дано было слово Прозересію на тему, только что передъ тѣмъ предложенную двумъ явнымъ недругамъ и особенно докучавшимъ ему своею непріязнью. Прозересій попросилъ себѣ двухъ наилучшихъ, наиболѣе скорыхъ въ работѣ, официальныхъ писцовъ, и чтобы никто не рукоплескалъ ему. Писцы стали подлѣ него и едва успѣвали за потокомъ полившейся рѣчи. Ораторъ долго говорилъ въ одномъ направленіи, потомъ, перевернувши весь вопросъ въ противоположную сторону, онъ, по обычаю древнихъ софистовъ, произнесъ новую рѣчь, разбивая прежнія положенія и защищая диаметрально противоположныя. Обратившись затѣмъ

¹⁾ Собств. οὐκ εἰσι τῶν ἑμποῦτων, ἀλλὰ τῶν ἀκριβοῦτων у Евнапія Βίοι φιλοσόφων καὶ σοφιστῶν стр. 488 Boissonade—Didot.

къ писцамъ, онъ наказалъ имъ слѣдить за нимъ по ихъ записи и затѣмъ всю свою рѣчь, въ обѣихъ частяхъ, повторилъ безъ запинки, будто бы слово въ слово. Этотъ неожиданный никѣмъ пріемъ произвелъ настоящій фуроръ въ собраніи. Забыто было запрещеніе проконсула, и аудиторія (θέατρον), въ которой происходило это испытаніе, огласилась нескончаемыми рукоплесканіями и криками. Публика бросилась обнимать и цѣловать оратора, даже его руки и ноги. Рукоплескали ему теперь и прежніе враги. Самъ проконсулъ и его свита вмѣстѣ съ остальною публикой сопровождали Проэресія въ торжественномъ шествіи, устроенномъ ему по этому случаю ¹⁾.

Каедръ, оплачивавшихся изъ государственной казны, было во всей римской имперіи немного; обыкновенно же официальные профессора получали свое содержаніе изъ городскихъ средствъ. Въ этомъ случаѣ избраніе ихъ, по должномъ испытаніи, зависѣло въ небольшихъ городахъ отъ рѣшенія общины ²⁾, въ муниципіяхъ отъ городского совѣта (ordo decurionum), въ столицахъ, Римѣ и Константинополѣ, они опредѣлялись особымъ декретомъ сената ³⁾ сенатъ и декуріоны давали отставку, если ихъ дѣятельность не соотвѣтствовала возлагавшимся на нихъ надеждамъ.

Но императоры, которымъ въ принципѣ принадлежала власть и надъ школами, содержимыми на счетъ городовъ, по временамъ проявляли свою волю и здѣсь. Въ 297 году по Р. Хр. Констанцій Хлоръ, отецъ Константина Великаго, не только самъ посылаетъ профессора краснорѣчія городу Августодуну (нынѣ Autun во Франціи) въ Галлію, но, какъ увидимъ ниже, назначаетъ ему изъ городскихъ средствъ содержаніе, по своей необычайной высотѣ небывалое въ исторіи высшихъ школъ какъ греческихъ, такъ и римскихъ ⁴⁾.

¹⁾ Евнапій указ. соч. стр. 487—490.

²⁾ Либаній, Т. I, стр. 30 Reiske говоритъ о городѣ Никееѣ.

³⁾ Cod. Theod. XIII, tit. 3, l. 5.

⁴⁾ Eumenius Pro restaur. scholis с. 11, 14. См. ниже, стр. 985.

Въ 362 г. императоръ Юліанъ обращаетъ вниманіе на то, чтобы при назначеніи преподавателей наукъ имѣли въ виду прежде всего хорошую нравственность и потомъ ихъ краснорѣчіе, чтобы никто не дѣлался официальнымъ учителемъ иначе, какъ *по декрету городскаго совѣта и съ согласія лучшихъ гражданъ*, и при этомъ декретъ долженъ быть представляемъ на утвержденіе императора ¹⁾. Хотя этотъ эдиктъ написанъ въ общихъ выраженіяхъ, но рассматривая его въ связи съ другими узаконеніями Юліана, нельзя не видѣть, что цѣлью его было устраненіе христіанъ отъ учительскихъ и профессорскихъ кафедръ въ провинціяхъ, гдѣ, какъ надобно думать, не исполнялся въ точности указъ этого императора, воспрещавшій преподаваніе учителямъ христіанской религіи.

Слѣдующіе императоры, отмѣнивъ послѣднее ограниченіе, однако не разъ требуютъ отъ преподавателей хорошей жизни и безукоризненной нравственности, и чтобы только достойные опредѣляемы были во вновь открываемыя или возобновляемыя школы. Безнравственные философы изгоняются изъ мѣстъ ихъ вредной дѣятельности и выселяются на родину ²⁾.

Въ IV ст. централизація управленія высшимъ образованіемъ усиливается въ такой степени, что не только назначеніе профессоровъ и ихъ отставка ³⁾, но и продолжительный отпускъ профессора восходили на рѣшеніе императора. И потому, когда одинъ константинопольскій риторъ замедлил возвращеніемъ на службу, ему былъ присланъ императорскій указъ возвратиться къ мѣсту своей дѣятельности ⁴⁾.

¹⁾ Cod. Theod. XIII, tit. 3, l. 5: iubeo, quisquis docere vult, non repente, non temere prosiliat ad hoc munus, sed iudicio ordinis probatus decretum curialium mereatur, optimorum conspirante consensu. Hoc enim decretum ad me tractandum referetur...

²⁾ Cod. Theod. XIII, tit. 3, l. 6, 7.

³⁾ Либаній Т. I, стр. 66 Reiske.

⁴⁾ Его же, 'Επιστολ. 407 Wolf: 'Επί τούτοις γράμματα βασιλέως ἀφικνεῖται κλεῖουτα ἀναστρέφειν. Приводимъ это свидѣтельство Либанія о самомъ себѣ, желая показать, какія мелочныя дѣла академической жизни восходили къ императорамъ въ послѣдней четверти IV в.

И чѣмъ тверже становится императорская власть Византіи, тѣмъ подчиненіе высшаго образованія объединяющему началу дѣлается замѣтнѣе по всей имперіи.

Сначала обученіе высшему знанію греческими философами было *бесплатнымъ* и обыкновенно ограничивалось небольшимъ кругомъ лицъ, ближе къ нимъ стоящихъ. Еще Сократъ училъ, не принимая никакой денежной платы за свои бесѣды. Единственная форма благодарности, которую онъ допускалъ, были подарки ему хлѣбомъ и виномъ ¹⁾, или, что вѣрнѣе, вообще съѣстными продуктами. Сохраня старинныя традиции, бесплатно учили послѣ Платонъ и, навѣрное, Аристотель ²⁾. Но уже въ V вѣкѣ софисты, какъ упомянуто выше, стали сообщать научныя познанія за деньги. Новаторомъ въ этомъ отношеніи обыкновенно называется Протагоръ изъ Абдеры, первый профессоръ, который около 440 года до Р. Хр. потребовалъ съ своихъ учениковъ денежнаго вознагражденія и притомъ, будто бы, въ суммѣ необычайно высокой—100 минъ (ок. 3.136 р.) ³⁾ за курсъ ученія.

Послѣ софистовъ, ученикъ ихъ Исократъ (род. 436 г.)

1) Диог. Лаерт. V, 8, 74.

2) Диог. Лаерт. IV, 1, 2. Насчетъ Аристотеля прямыхъ свидѣтельствъ нѣтъ, но такъ полагаютъ потому, что въ противномъ случаѣ указанія на взиманіе имъ гонорара сохранились бы, какъ это ясно говорится, между прочимъ, у Квинтиліана о Зевонѣ, Клеанѣ, Хрисиппѣ: Inst. Orat. XII, 7, 8 и слѣд.

3) Диог. Лаерт. IX, 8, 52; у него же въ другомъ мѣстѣ (II, 8, 65) разсказывается это объ ученикѣ Сократа Аристиппѣ Киренскомъ. Относительно невѣроятности такого высокаго гонорара Протагора см. Zeller, Die Philos. d. Griech. I¹, стр. 863 и слѣд. Касательно перевода денегъ классическихъ народовъ на современную валюту слѣдуетъ замѣтить, что въ новѣйшихъ историческихъ трудахъ греческія и римскія денежныя единицы оцѣниваются *выше* прежняго. Доказательствомъ этому служитъ примѣръ перевода ихъ на германскія марки у Friedländer, Darstell. aus Sittengesch. Roms 5 изд. Принявши его въ руководство, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи переводимъ марки на наши деньги, по текущему курсу 46 р. 30 к. за 100. Низкая цѣнность нашего *современнаго* рубля явилась новой причиной столь значительнаго повышенія стоимости греческихъ и римскихъ денегъ, сравнительно съ прежними переводами ихъ въ русской ученой и учебной литературѣ. Но при этомъ слѣдуетъ, конечно, помнить, что всѣ эти переводы какъ на Западѣ, такъ и у насъ имѣютъ лишь *приблизительное* значеніе.

за весь курсъ риторики бралъ только 10 минъ (ок. 313 р.) и своимъ преподаваніемъ, вмѣстѣ съ приготовленіемъ рѣчей для другихъ, составилъ большое состояніе ¹⁾.

Примѣръ софистовъ, поставившихъ высшее преподаваніе на коммерческую почву и притомъ съ правомъ преслѣдованія неисправнаго должника судомъ ²⁾, увлекъ потомъ и философовъ, потому что уже ближайшій преемникъ Платона по управленію академіей и племянникъ его, Спевсиппъ ³⁾, училъ за денежную плату, не взирая на упреки, обращенные къ нему, и на примѣръ своего великаго дяди.

Гонораръ (μισθός, рѣже ἀμοιβή, лат. merces), такимъ образомъ, вошелъ въ практику высшаго преподаванія грековъ и навсегда сдѣлался обычнымъ источникомъ содержанія ихъ профессоровъ и черезъ римлянъ впоследствии былъ перенесенъ въ западную Европу. Порицаніе у древнихъ возбуждалъ не этотъ прочно установившійся обычай, но лишь жадность нѣкоторыхъ преподавателей и тѣ нехорошія средства, къ которымъ прибѣгали ученые охотники быстрой наживы. Уже о знаменитомъ софистѣ Продикѣ разсказывается, что онъ изъ корыстолюбія гонялся за юношами знатныхъ и богатыхъ фамилій и для улавливанія ихъ держалъ даже особыхъ агентовъ ⁴⁾.

Насмѣшки поднимались, съ другой стороны, противъ тѣхъ преподавателей, которые уже слишкомъ энергично таскали въ судъ своихъ неоплатныхъ слушателей.

У Лукіана (во второй половинѣ II в. по Р. Хр.), со свойственнымъ этому сатирику юморомъ и преувеличеніемъ, представленъ одинъ философъ, который, будучи выведенъ

¹⁾ Westermann, Gesch. der griech. Beredsamkeit I, стр. 78.

²⁾ Такъ назв. δίκη ὑπὲρ μισθοῦ. Этотъ процессъ пришлось возбудить будто бы самому Протагору противъ ученика своего Еваэла (Диог. Лаерт. IX, 8, 56). То же разсказывается о сиракузскомъ риторѣ Тисіи, судившемся изъ-за гонорара съ учителемъ своимъ Коракомъ, изобрѣтателемъ теоріи ораторскаго искусства. См. объ этомъ Westermann, указ. соч. I, стр. 37 и 39.

³⁾ Диогенъ Лаертскій (IV, I, 2) говоритъ объ упрекѣ ему въ корыстолюбіи со стороны тиранна сиракузскаго Діонисія.

⁴⁾ Филостратъ Βίαι σοφιστῶν I, гл. 12.

изъ терпѣнія уклоненіемъ слушателя отъ уплаты слѣдующаго ему гонорара, хватаетъ своего ученика за горло и тащитъ его къ судѣ. Раздраженіе обиженнаго учителя достигло высшаго предѣла и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта уличная сцена, если бы не подоспѣли къ должнику на выручку его товарищи и не освободили его изъ объятія разъяреннаго профессора ¹⁾.

Установленіе размѣра гонорара было дѣломъ исключительно частнымъ и здѣсь, въ вѣкъ римской имперіи, господствовало большое разнообразіе. Все зависѣло отъ личнаго возрѣнія и привычекъ преподавателя. Нѣкоторые опредѣляли плату соотвѣтственно состоянію слушателей, съ однихъ большую, съ другихъ меньшую, слѣдуя и въ этомъ пріемѣ образцамъ классической древности, когда нѣкоторые софисты съ богатыхъ учениковъ брали болѣе высокое вознагражденіе, чѣмъ съ остальныхъ.

1. Софистъ Горгій бралъ большія деньги съ очень богатаго ученика своего агригентинца Пола, который, изъ привязанности къ учителю и изъ желанія какъ можно болѣе пользоваться уроками этого наставника, сопровождалъ его и въ путешествіяхъ по различнымъ городамъ и странамъ ²⁾

2. Скопеліанъ, учитель Герода Аттика, учившій риторикѣ и философіи въ Смирнѣ, устанавливалъ гонораръ отдѣльно съ каждымъ ученикомъ, смотря по его состоянію ³⁾.

3. Тогда какъ преподаватели высшихъ наукъ назначали и брали высокую плату, богатый египтянинъ, аеинскій риторъ Прокль, довольствовался 100 (ок. 36 руб.) драхмами за цѣлый курсъ и при этомъ предоставлялъ въ пользованіе студентовъ свою бібліотеку ⁴⁾.

¹ См. діалогъ 'Ερητύσις 9.

²⁾ Филостратъ *Vita soph.* I, гл. 13.

³⁾ Его же указ. соч. I, гл. 21, 10. Ср. тамъ же II, гл. 19, 2 объ Аполлоніи изъ Навкритиды.

⁴⁾ Его же указ. соч. II, гл. 21, 3.

4. На средства, полученные со слушателей риторики, смиръскій профессор пріобрѣтаетъ себѣ помѣстье, которое и называетъ *Риторикою* ¹⁾, между тѣмъ какъ въ Аѳинахъ даровитый и пользовавшійся широкою популярностью частный преподаватель того же предмета, довольствуясь своими 100 слушателями и не зная корыстолюбія, отклоняетъ отъ себя правительственную кафедру съ 10,000 драхмами (ок. 3.640 руб.) годичнаго оклада, выставивъ положеніе, что „не 10.000 дѣлаютъ человѣка“ ²⁾.

5. А философъ и риторъ Ѳемистій въ Канстантинополѣ и совсѣмъ не бралъ гонорара, подражая древнимъ ³⁾. Другіе преподаватели освобождали отъ гонорара людей бѣдныхъ.

Отсутствіе какой бы то ни было таксы въ данномъ вопросѣ для города или области доказывается и тѣмъ, что богатые родители студентовъ или сами слушатели иногда приносили знаменитымъ учителямъ необыкновенно высокіе гонорары и, съ другой стороны, отдѣльные профессора проявляли, пользуясь случаемъ, необычайную жадность въ отношеніи лицъ, исключительно богатыхъ.

1. Отецъ Герода Аттика, залучивъ смирнаго профессора Скопеліана къ себѣ въ домъ и видя, какіе блистательные успѣхи сдѣлалъ его сынъ подъ его руководствомъ въ искусствѣ ораторской импровизаціи, заплатилъ Скопеліану 15 талантовъ, къ каковой суммѣ Геродъ прибавилъ столько же, итого приблизительно 66.672 руб. ⁴⁾.

2. Даміанъ изъ Эфеса юношей заплатилъ риторамъ Аристиду въ Смирнѣ и Адріану въ Эфесѣ за свое ученіе по 10.000 драхмъ, оправдывая эту щедрость тѣмъ, что ему пріятнѣе дѣлать издержки на такія наслажде-

1) Филостр. *Vita soph.* II, гл. 26, 6.

2) Его же указ. соч. II, гл. 26, 6.

3) Ѳемистій *Or.* XXIII p. 288 ed. Dind.

4) Филостратъ указ. соч. I, гл. 21, 13.

ніа, чѣмъ слѣдовать примѣру другихъ расточителей низкопробнаго свойства. Впослѣдствіи, ставши самъ профессоромъ, онъ не бралъ гонорара вовсе *съ иностранцевъ*, гнетомыхъ нуждою, подобно тому, какъ даромъ онъ служилъ своими адвокатскими способностями всѣмъ бѣднымъ ¹⁾).

3. Когда разъ Геродъ Аттикъ явился къ Антонію Полемону въ Смирну, то за три импровизаціи, произнесенныя на данныя ему Геродомъ темы и за три дня такихъ бесѣдъ Полемонъ остался доволенъ только платой въ 250.000 драхмъ (ок. 92.600 руб.). Когда же Геродъ Аттикъ, при всей своей щедрости, прислалъ ему сначала 150.000 (55.560 руб.), то онъ ихъ не принялъ. Заплативъ за свою любознательность такую почтенную цифру, Геродъ Аттикъ поспѣшилъ въ ближайшую же ночь выѣхать изъ Смирны, при всѣмъ очень большомъ уваженіи къ Полемону ²⁾).

Гонораръ римскихъ риторовъ не былъ высокъ, потому что, если не видѣть въ словахъ Ювенала большого преувеличенія, обычнаго у сатириковъ, богатые люди, тратя колоссальныя суммы на роскошь всякаго рода, считали тамъ достаточною плату въ 2.000 сестерцій (ок. 201 руб.) за цѣлый годъ обученія даже такой знаменитости, какъ Квинтиліанъ ³⁾. Едва-ли была высока плата и за другія науки. Но, конечно, бывали избранники судьбы, которые и на этомъ поприщѣ составляли себѣ состоянія и послѣ жили безбѣдно, какъ бывали примѣры обогащенія учителей языка и литературы или грамматиковъ, считавшихся *ниже* учителей краснорѣчія.

Вотъ послѣднему нѣсколько примѣровъ изъ конца республики и начала имперіи. Грамматикъ М. Антоній Гнифонъ, современникъ Цицерона, не имѣлъ обычая

1) Филостратъ *Віа соф.* II, гл. 23, 2—3.

2) Тамъ же I, гл. 25, 16 *πένητα καὶ εἴησι μαριάδας.*

3) Sat. VII, 186 и слѣд. Вообще о тяжелой долѣ риторовъ въ Римѣ въ началѣ II в. по Р. Х., см. ст. 150—214 этой сатиры.

предварительно назначать плату за ученье, предоставляя этотъ вопросъ добросовѣстности учениковъ, которыхъ у него было такъ много, что онъ нажилъ себѣ состояніе. Школа его помѣщалась позднѣе въ собственномъ домѣ. Маркъ Веррій Флаккъ принялъ предложеніе Августа учить его внуковъ за 100.000 сестерцій (около 10.070 руб.) ежегоднаго жалованья только послѣ того, какъ императоръ согласился оставить за нимъ его школу и перевести ее на Палагинѣ. Луцій Апулей зарабатывалъ такъ много, что одинъ богатый римскій всадникъ (Eficius Calvinus) находилъ для себя выгоднымъ платить ему по 400.000 сестерцій (около 40.280 р.) съ тѣмъ, чтобы доходы со школы этого грамматика поступали въ его пользу. Публий Валерій Катонъ имѣлъ виллу и сады въ Тускулѣ. Ученые рабы, преподававшіе грамматику и литературу, иногда стояли въ огромной цѣнѣ, какъ можно судить по тому, что Квинтъ Катуль заплатилъ за грамматика-раба 700.000 сестерцій (около 70.490 руб. сер.)¹⁾. Но всего яснѣе исключительное положеніе счастливаго грамматика I вѣка имперіи выражается на примѣрѣ Квинта Реммія Палемона.

Родившись въ домѣ своей госпожи въ городѣ Вицетіи (нынѣшн. Vicenza въ Венеціанской области), онъ сначала работалъ въ ткацкой и здѣсь такъ хорошо ознакомился съ дѣломъ, что въ послѣдствіи завелъ собственную фабрику шерстяныхъ товаровъ. Когда господскому сыну настало время посѣщать школу, Палемона выбираютъ носить за нимъ учебныя принадлежности и сопровождать его въ классъ и обратно. Въ школѣ этотъ даровитый и любознательный рабъ не только выучился всему, что приходилось ему видѣть и слышать, но даже опередилъ всѣхъ свободно рожденныхъ учениковъ. Спустя нѣкоторое время, онъ получаетъ свободу и, называясь съ тѣхъ поръ Квинтомъ

1) Suet Gramm. 7; 17; 3; 10.

Ремміемъ Палемономъ въ честь своихъ господъ, принимается за преподаваніе грамматики, сначала, вѣроятно, въ той же Вицетіи. При Тиберіѣ Реммій Палемонъ открылъ школу въ Римѣ и скоро здѣсь достигъ большой педагогической славы. Его школа становится первой въ столицѣ и доставляетъ ему по 400.000 сестерцій въ годъ. Многочисленному стеченію учениковъ нисколько не препятствовала даже и его очень дурная нравственная репутація; этого напыла не могло остановить также и явно недоброжелательное отношеніе къ Реммію Палемону императоровъ Тиберія и Клавдія, открыто говорившихъ, что „ему менѣе всего должно было бы поручать обученіе мальчиковъ и юношей“ (*nemini minus institutionem puerorum vel iuvenum committendam*). Большіе доходы отъ уроковъ скоро развили въ немъ спекулятивно-промышленныя наклонности. Онъ заводитъ фабрику для изготовленія тканей и платья на продажу, усердно и съ величайшимъ успѣхомъ занимается разведеніемъ винограда въ купленной имъ за 600.000 сестерцій (около 60.420 руб. сер.) виллѣ близъ города Номенты въ Сабинской области. На восьмой годъ владѣнія этимъ помѣстьемъ Реммій Палемонъ сдаетъ урожай винограда еще на лозахъ за 400.000 сестерцій. Слава этой виллы, съ одной стороны, возбуждаетъ подозрительность и зависть лѣнливыхъ и малосвѣдущихъ сосѣдей, приписавшихъ хозяйственные успѣхи Палемона его чародѣйствамъ, а съ другой—привлекаетъ къ нему выгодныхъ покупателей и въ томъ числѣ философъ Сенеку, который и приобрѣлъ помѣстье за сумму, въ 4 раза превысившую прежнюю плату. Торговля и хозяйство давали Реммію Палемону немного менѣе 400.000 сест. въ годъ. Богатство, успѣхи и ученая репутація однако сильно вскружили голову прежде безправнаго и бѣднаго раба. Онъ началъ обнаруживать непомѣрную гордость, то обзывая свиньей (*porcus*) Марка Теренція Варрона—эту величайшую славу Рима, то ве-

личаясь тѣмъ, что „съ нимъ наука родилась на свѣтъ, съ нимъ и умереть“, и что уже *Виргилій* помѣщеніемъ въ своихъ *Буколикахъ* имени пастуха *Палемона*, какъ судьи въ одномъ спорѣ, предсказалъ пришествіе нѣкогда *Палемона* — судьи всѣхъ поэтовъ и ихъ произведеній. Хвалился онъ и тѣмъ, будто однажды разбойники не посмѣли тронуть его, услыхавъ его славное имя. Выскочка изъ рабовъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ предаваться роскоши и распутству въ такой степени, что ему не хватало большихъ доходовъ и онъ сдѣлался посмѣшищемъ въ обществѣ, которое слагало на его счетъ анекдоты скабрезнаго свойства ¹⁾).

Исключительно гонораромъ со слушателей были вознаграждаемы до поздняго времени юристы, обучавшіе правовѣднію, о назначеніи которымъ жалованья нѣтъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ ²⁾). Но о матеріальномъ положеніи профессоровъ этого предмета судить трудно, потому что, можетъ быть, главный источникъ ихъ доходовъ составляла ихъ юридическая практика. Также затруднителенъ вопросъ и объ учебномъ гонорарѣ профессоровъ-врачей.

¹⁾ Suet. De Gramm. 23; Juvenal. VII, 215 и слѣд.; Hienorym. ad Euseb. Chron. подъ 49 г. по Р. Хр. или 802 г. города. Naase у Ersch u. Gruber Encycl. sect. III, T. IX, стр. 286 и слѣд. Zanella, Di Remmio Palemone, antico grammatico Vicentino. Vicenza 1885. Jullien, Les professeurs de littérature dans l'ancienne Rome et leur enseignement depuis l'origine jusqu'à la mort d'Auguste. Paris 1885, стр. 174 и слѣд. Слишкомъ часто повторяющаяся въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о *Палемонѣ* цифра 400.000 сестерцій возбуждаетъ наше сомнѣніе, нѣтъ ли здѣсь какой-либо порчи текста.

²⁾ Неужели не были правительственными профессорами юристы славной школы *Берита*, поставившей съ половины III в. по Р. Хр. законовѣдовъ на всю имперію? Ея громкая слава (ср. между друг. *Geographii Graeci Minores* ed. Müller II p. 517: Berytus civitas valde deliciosa et auditoria legum habens, per quam omnia judicia Romanorum. Inde enim viri docti in omnem orbem terrarum adsident iudicibus et scientes leges custodiunt provincias, quibus mittuntur legum ordinationes; *Либанія* *Ἐπιστολ. 566 τῶν νόμων ἡγέται*) даетъ основаніе нѣкоторымъ романистамъ предполагать, что эта школа была правительственною, профессора которой пользовались жалованьемъ (*Krüger, Gesch. der Quellen u. Litteratur der röm. Rechts* (1888), стр. 747 и слѣд. и др. новѣйшіе труды). Считаю долгомъ принести здѣсь глубокую признательность профессору В. М. Хвостову за его цѣнныя для насъ указанія.

Въ концѣ III в., въ силу тягостнаго экономическаго положенія имперіи, при всеобщемъ подъемѣ цѣнъ на всѣ товары и на всякій трудъ, императорское правительство нашло себя вынужденнымъ, въ числѣ другихъ формъ товаровъ и труда, таксировать также и трудъ учителей школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ. Знаменитый въ этомъ случаѣ эдиктъ о цѣнахъ, изданный въ 301 г. императоромъ Діоклетіаномъ, установилъ *maximum* мѣсячной платы, которую преподаватели могли брать съ каждаго ученика: 50 динариевъ учитель чтенію и письму, 75—учитель счету и учитель скорописи, 200—грамматикъ греческой и латинской и учитель геометріи и 250—риторъ ¹⁾. При такой платѣ, годовой доходъ преподавателей долженъ былъ зависѣть, кромѣ количества учениковъ, и отъ числа учебныхъ мѣсяцевъ въ году, каковыхъ было едва ли болѣе шести ²⁾.

Стоимость динарія при Діоклетіанѣ опредѣляется очень низкой цифрой, сравнительно съ прежнимъ временемъ, именно $\frac{1}{8}$; тогда мѣсячная плата даже ритора съ ученика не превышала 10 руб. съ копейками. Въ этомъ эдиктѣ не поименованы ни философы, ни учителя права, ни врачи, преподававшіе науку другимъ.

Какое вліяніе этотъ законъ имѣлъ на практику школъ Греціи и греческаго востока и какъ примирить это узаконеніе съ тамошнимъ обычаемъ платить гонораръ профессорамъ передъ началомъ ученія, сказать трудно. Можетъ быть, послѣ того гонораръ рассчитывался по количеству учебнаго времени и въ этой мѣрѣ вносился впередъ. Къ тому же на обширномъ пространствѣ римской имперіи могли имѣть силу мѣстные обычаи и установившіяся традиціи.

Временемъ для уплаты гонорара было I-е число января, при началѣ учебнаго года. Это былъ желанный день жатвы для преподавателей высшихъ наукъ ³⁾; особенно для тѣхъ, кто вынужденъ былъ жить исключительно этими средствами,

¹⁾ Corp. Inscr. Lat III (2) p. 802 sqq. и особенно p. 809.

²⁾ См. объ этомъ ниже.

³⁾ Либаній Т. I, стр. 259 изд. Reiske; 'Επιστολ. 343 Wolf.

и у кого студенты не страдали особой медлительностью въ исполненіи этой обязанности. А это, какъ увидимъ немного ниже, встрѣчалось нерѣдко, а въ инныя эпохи бывало сплошь и рядомъ.

Вторымъ источникомъ матеріальнаго вознагражденія преподавателей высшихъ наукъ было опредѣленное *жалованіе* (*salarium*) ¹⁾ со стороны правительства или городовъ, въ которыхъ приходилось имъ дѣйствовать. Этотъ способъ обезпеченія высшаго образованія установился у обоихъ классическихъ народовъ, какъ сказано выше; сравнительно поздно и обязанъ своимъ существованіемъ исключительно монархическому принципу государственнаго правленія ²⁾. Онъ не былъ одинаковъ во всѣхъ частяхъ имперіи и долженъ былъ мѣняться въ связи съ политическимъ и экономическимъ положеніемъ страны.

Первымъ римскимъ государемъ, выступившимъ на путь правительственнаго дотированія высшаго образованія былъ императоръ Веспасіанъ (69—79), назначившій профессорамъ латинской и греческой риторики по 100.000 сестерцій ³⁾ (около 10.070 руб. въ годъ). Эта благодѣтельная мѣра на первый разъ касалась только города Рима и притомъ неизвѣстно сколькимъ лицамъ выпала на долю эта щедрая милость. Первымъ правительственнымъ профессоромъ латинской риторики въ Римѣ былъ знаменитый Квинтиліанъ ⁴⁾, который, при различныхъ императорахъ, училъ 20 лѣтъ и, считая этотъ срокъ вообще предѣльнымъ для преподавательской службы, послѣ удаленія въ частную жизнь, чтобы продолжать свои ученые труды ⁵⁾.

1) Тогда какъ гонораръ со слушателей назывался по-латыни *mercès*, жалованіе изъ государственной казны или изъ средствъ городовъ носило названіе *salarium*. Ср. *Cod. Theod.* XIII, tit. 1, 1. 2. *Mercedes etiam et salaria reddi praecipimus.*

2) Объ александрийскомъ Мусеѣ и Птолемяхъ см. выше стр. 957.

3) *Suet. Vespas.* 18.

4) *Hieronym. in Chron. Eusebii a.* 88.

5) *Quintil. Inst. Or. I prooem.* 1.

Примѣръ, поданный Веспасіаномъ, не остался въ исторіи высшихъ школъ римской имперіи безъ подражанія.

Ученикъ Квинтилиана Плиній Младшій, прославляя императора Траяна (97—117), говоритъ объ особенныхъ попеченіяхъ, посвященныхъ имъ воспитанію юношества, и объ отличіяхъ, какія оказывалъ этотъ государь учителямъ краснорѣчія и философіи ¹⁾.

Несравненно ярче выступаетъ въ роли покровителя просвѣщенія личность преемника его, императора Адриана (117—138). Онъ имѣлъ обыкновеніе окружать себя и въ Римѣ, и въ Александріи, и въ Аѳинахъ, и повсюду, гдѣ являлась къ тому возможность, философами, грамматиками, риторамъ, математиками, юристами, астрологами, живописцами и музыкантами, и всѣ эти представители наукъ и искусствъ пользовались его вниманіемъ. Съ учеными онъ любилъ вступать въ оживленные бесѣды, самъ задавалъ имъ вопросы, хотя, при своемъ необыкновенномъ ученостомъ самонѣннѣи, ставилъ часто ихъ въ затруднительное положеніе и смѣялся надъ ними. Несомнѣнно, что онъ увеличилъ въ Римѣ число профессоровъ литературы и ораторскаго искусства, которые получали жалованіе отъ казны. По словамъ его біографа, онъ будто бы „всѣхъ преподавателей наукъ отличалъ почестями и богато награждалъ подарками“ (*omnes professores et honoravit et ditavit*) и заботился о вознагражденіи преподавателей, за старостью или по инымъ причинамъ неспособныхъ продолжать свое дѣло ²⁾. Ему первому пришла счастливая мысль избавить преподавателей наукъ отъ тяжелыхъ трудовъ по приискиванію мѣста для чтенія лекцій въ центрѣ большого города устройствомъ особаго и хорошо приспособленнаго зданія. Это былъ извѣстный и долгое время служившій университетомъ для Рима *Athenaeum*, большое сооруженіе на подобіе театра, съ каеэдрами и рядами сидѣній для слушателей. Будучи предназначено для преподаванія разнородныхъ наукъ, публичныхъ чтеній по-

1) Plin. Panegyр. 47.

2) Spartian. Hadr. 16; 18; 20.

этовъ и рѣчей ораторовъ, оно должно было заключать въ себѣ нѣсколько отдѣленій, чтобы занятія могли происходить одновременно безъ стѣсненія другихъ ¹⁾.

Много сдѣлавши для высшаго образованія Рима, этотъ императоръ, какъ страстный поклонникъ славы древней Эллады, употребилъ колоссальныя средства для возстановленія померкшаго блеска Аѳинъ. Создавши здѣсь новую часть города на мѣстѣ пустырей, огородовъ и лачугъ, выстроивъ нѣсколько новыхъ храмовъ и одно пышное сооруженіе со 120 колоннами изъ фригійскаго мрамора и съ капеллами, которыя были облицованы по стѣнамъ дорогимъ алебастромъ и блистали золотомъ своихъ потолоковъ, соорудивъ большой и великолѣпный гимнасій, извѣстный библиотекою и портикомъ, крыши котораго опирались на 100 колоннъ изъ ливійскаго мрамора и блистательно окончивъ храмъ Зевса Олимпійскаго, стоявшій свѣше 600 лѣтъ, еще со временъ Писистрата, недостроеннымъ, — Адрианъ сдѣлалъ то, что прежнія, подъ римскимъ владычествомъ все болѣе и болѣе падавшія Аѳины, стали неузнаваемы. Превративъ ихъ въ блистательный городъ, онъ много способствовалъ той притягательной силѣ, которая послѣ, въ теченіе 300 лѣтъ, непрерывно привлекала юношество со всѣхъ странъ къ философскимъ и риторскимъ каѳедрамъ аѳинскаго университета ²⁾.

Преемникъ императора Адриана Антонинъ Пій (131—161) полагалъ много попеченій на распространеніе образованія по всѣмъ провинціямъ имперіи, назначая риторамъ, грамма-

¹⁾ Aur. Vict. Hadr. 14; Capitolin. Pertin. 11; Gordian. sen. 3; Lamprid. Alex. Sev. 35. Діонъ Кассій (LXXIII, 17) упоминаетъ о засѣданіи сената въ этомъ зданіи. Оно служило еще въ V в.: Appollin. Sidon. Epist. II, 4; IX, 14. Помѣщеніе его нѣкоторые предполагали на Капитоліи (Kuhn, Die städt. u. bürgerl. Verf. d. röm. Reichs (Leipzig 1864) I, стр. 95 и слѣд.); но лучший въ настоящее время знатокъ топографіи Рима Гюльзенъ рѣшительно высказывается противъ такого предположенія (Pauly-Wissowa Real-Encycl. s. v. Athenaeum).

²⁾ См. Gregorovius, Gesch. d. röm. Kaisers Hadrian u. seiner Zeit, стр. 205 и слѣд.

тикамъ и учителямъ философіи опредѣленные оклады содержания и награждая ихъ отличіями ¹⁾. Но главную заслугу въ исторіи просвѣщенія онъ приобрѣлъ подробною разработкой вопроса о *привилегіяхъ* врачей, риторовъ и грамматиковъ по отбыванію государственныхъ и муниципальных повинностей, вопроса, котораго мы должны будемъ коснуться нѣсколько ниже.

Если благородное сердце этого государя занимали судьбы врачеванія и высшаго просвѣщенія всей имперіи, безъ различія ея частей, то слѣдовавшій за нимъ философъ на тронѣ Маркъ Аврелій (161—180) ознаменовалъ себя въ исторіи преподаванія высшихъ наукъ возвышеніемъ школъ философіи и краснорѣчія Аѳинъ на степень правительственнаго университета.

Философія и ораторское искусство грековъ, возникшія сами собою изъ глубинъ народнаго гения, въ теченіе многихъ столѣтій существовали собственными силами, не зная матеріальной помощи со стороны государства. Философскія школы, постепенно выливавшіяся изъ общаго начала, утвердились, главнымъ образомъ, въ Аѳинахъ, и каждая изъ нихъ поддерживала себя своими частными средствами ²⁾. Гонораромъ съ учениковъ, утвердившимся также и въ философской практикѣ, жили преподаватели этихъ школъ не только безбѣдно, но перипатетики во время общихъ трапезъ иногда позволяли себѣ такую роскошь, что несомвѣстимость

1) Capitolin. Ant. Pius 11: philosophis et rhetoribus et honores et salaria detulit. Здѣсь напрасно пропушены грамматики, потому что они упоминаются самимъ Антониномъ (Dig. XXVII, 1, 6).

2) См. о закрѣпленіи земельной собственности за философскими школами Zumpt, Über d. Bestand der philosoph. Schulen in Athen u. die Succession d. Scholarchen (Berl. 1843) стр. 7 и слѣд. Земельные участки этихъ школъ находились въ разныхъ мѣстахъ за городомъ; позднѣе, вслѣдствіе вражескихъ нападений на Аѳины и по климатическимъ причинамъ, философамъ пришлось жить и учить въ городѣ. Академики, перипатетики и эпикурейцы, съ самаго начала, владѣли земельной собственностью, перешедшей къ нимъ отъ ихъ основателей. Позднѣе школа академиковъ обогащалась дарами разныхъ благотворителей, такъ что первоначальный годовой доходъ съ сада Платона въ 3 золотыхъ возросъ къ V ст. до суммы свыше 1.000 золотыхъ.

ея съ достоинствомъ философіи возбуждала упреки другихъ ¹⁾).

Философы, живя внутренней жизнью, высоко цѣнили свою независимость, и потому, когда въ 306—305 г. до Р. Хр., по предложенію нѣкогда Софокла изъ Сунія, прошелъ законъ, воспрещавшій имъ принимать управленіе школой и открывать новыя школы безъ разрѣшенія государства, они всё оставили Аѣины. Въ числѣ ихъ былъ и Теофрастъ, имѣвшій особенно многочисленную аудиторію ²⁾. И философы возвратились въ Аѣины не ранѣе, какъ этотъ законъ былъ отмѣненъ, а виновникъ его понесъ денежную пеню въ 5 талантовъ ³⁾.

Научной и преподавательской работы философовъ и риторовъ не могли прекратить совсѣмъ и такія тяжелыя политическія событія, какъ нашествіе Филиппа III Македонскаго (200 г. до Р. Хр.) или даже Суллы, потому что и разоренныя послѣднимъ Аѣины, немного времени спустя, стали привлекать къ себѣ учениковъ не только, попрежнему, съ востока, но и изъ Италіи и изъ самага Рима ⁴⁾. Однако открытіе другихъ высшихъ школъ въ разныхъ концахъ римской имперіи, въ Александріи, въ Антиохіи, Родосѣ, Смирнѣ, Эфесѣ, Византіи, Массиліи, Неаполѣ, къ исходу I ст. до Р. Хр., остановило этотъ приливъ молодыхъ людей въ Аѣины. Ихъ школы стали падать, и время, когда науки и преподаваніе ихъ другимъ счастливо развивались собственными силами, для Аѣинъ прошло безвозвратно. Наступила, напротивъ, пора, когда стала необходимою помощь со стороны городской или государственной казны. Но аѣинское городское управленіе, держа на свой счетъ нѣсколько грамматиковъ и одного профессора краснорѣчія, послѣдняго

¹⁾ Аѣиней XII, 69.

²⁾ Діогенъ Лаертскій (V, 2, 38) говоритъ, что у него было до 2.000 слушателей.

³⁾ Діог. Лаерт. V 2, 38, Поллуксъ (Полидевкъ) *Ἐπιτομὴ*. IX, 5, 42. Аѣин. XIII, 92.

⁴⁾ Cic. de fin. V, 1. — Рассказываемое здѣсь относится къ 79 г. до Р. Х.

съ жалованіемъ въ одинъ талантъ (ок. 2.222 руб.) ¹⁾, было не въ силахъ сдѣлать ничего болѣе. Маркъ Аврелій сначала прибавляетъ одну каѳедру для преподаванія ораторскаго искусства и назначаетъ четыремъ главнымъ философскимъ школамъ, академикамъ, перипатетикамъ, стоикамъ и эпикурейцамъ, какъ ученые обыкновенно полагаютъ, по двѣ каѳедры съ жалованіемъ въ 10.000 драхмъ (ок. 3.611 нынѣшн. руб.) каждой ²⁾.

Этотъ завершительный актъ императорской милости считается учрежденіемъ аѳинскаго правительственнаго университета и относится къ 176 г. Десять каѳедръ для университета—число очень малое, но и этого было достаточно, чтобы возбудить большое рвеніе въ ученое мѣсто и вызывать здѣсь иногда страстные порывы къ полученію профессуры въ аѳинской высшей школѣ. Съ этого времени изъ-за каѳедръ разыгрываются въ Аѳинахъ дѣлая бури, въ которыхъ принимаютъ участіе не только претенденты, но и учащая молодежь и сами граждане ³⁾. Для полученія аѳинской профессуры иногда предпринимаются путешествія въ Римъ и тамъ изыскиваютъ сильныхъ покровителей при императорскомъ дворѣ, въ обходъ установленныхъ порядковъ и процедуры избранія ⁴⁾.

Цифра въ 10.000 драхмъ значительно менѣе жалованья въ 100.000 сестерцій, назначеннаго изъ казны профессорамъ высшей школы Рима; но каѳедры столицы считались первыми въ имперіи и получить ихъ для аѳинскихъ профессо-

1) Первымъ риторомъ, получавшимъ жалованіе изъ аѳинской городской казны, былъ Лолліанъ изъ Эфеса (Филостратъ *Vita soph.* I, гл. 23, 1).

2) У Діона Кассія (LXXI 31), Лукіана (*Евѣбух.* 3) и Филострата (*Vita soph.* II, 2), говорящихъ объ этомъ учрежденіи Марка Аврелія, не указано число правительственныхъ окладовъ. Только описаніе Лукіаномъ этого конкурса изъ-за каѳедры *второго* перипатетика и одно мѣсто у Лонгина (*fragm.* 5, 4) уполномочиваютъ ученыхъ предполагать назначеніе жалованія *двумъ* философамъ въ каждой школѣ. Конъектура Цумпта на счетъ лишь *четырехъ* философскихъ окладовъ (указ. соч. стр. 26 и слѣд.), по одному для каждой школы, остается одинокой.

3) См. выше, стр. 964 и слѣд.

4) См. ниже, стр. 997 и слѣд.

ровъ считалось всегда сильнымъ служебнымъ повышеніемъ. Однако и эта сумма для небольшого провинціального города, при дешевизнѣ и простотѣ тамошней жизни, была все-таки очень значительной, тѣмъ болѣе, что взиманіе гонорара со слушателей оставалось обычнымъ правомъ также и правительственныхъ профессоровъ ¹⁾.

Изъ послѣдующихъ римскихъ императоровъ полагалъ особья попеченія о среднемъ и высшемъ образованіи Рима Александръ Северъ (222—234). Онъ назначалъ жалованіе и отдѣльныя аудиторіи для каедръ риторики, грамматики, медицины, науки гаданія, математики, механики и архитектуры. Онъ привлекалъ къ образованію дѣтей бѣдныхъ родителей раздачею имъ ежегодныхъ субсидій и тѣмъ положилъ начало институту стипендіатовъ, играющему столь видную роль въ позднѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы. Но сосредоточивая свои просвѣтительныя заботы на Римѣ, этотъ правитель не упустилъ изъ виду и образованія провинцій ²⁾.

Труды императоровъ отъ Веспасіана до Александра Севера по дѣлу народнаго просвѣщенія не пропали даромъ для дальнѣйшаго времени. Императоры III, IV и V вв. расширяли кругъ средняго и высшаго образованія учрежденіемъ новыхъ школъ и поддержкою прежнихъ по всѣмъ концамъ римскаго государства. Высшія школы основываются въ разныхъ большихъ городахъ имперіи и при этомъ провинціи обязываются правительствомъ къ уплатѣ жалованья профессорамъ изъ городскихъ суммъ. Академическая жизнь была ключомъ не только въ Массиліи (нынѣ Marseille), греческая школа которой еще около начала I в. по Р. Хр. отвлекала любознательную римскую молодежь даже отъ Афинъ ³⁾,

1) Weber, Commentatio de academia liter. Atheniensi saeculo secundo p. Chr. constituta. Marburgae 1858; C. Wachsmuth, Festrede im Namen der Georg-Augustus-Universität am XI Juni MDCCCLXXIII gehalten (Götting 1873).

2) Lamprid. Alex. Sev. 44.

3) Страбонъ говоритъ, что въ его время знатные римляне ѣздили для образованія вмѣсто Афинъ въ Массилію (IV, 1, 5). О высшихъ школахъ Галліи въ V в. по Р. Хр. см. Ешевскій, К. С. Аполлинарій Сидоній въ собр. его Соч. ч. III, стр. 26 и слѣд.

но и въ Бурдигалѣ (Burdigala, нынѣ Bordeaux), въ Августодунѣ (Augustodunum, нынѣ Autun) и Тревирахъ (Treviri, нынѣ Trier) — въ Галліи, въ Медиоланѣ и Неаполѣ, въ Тулузѣ и др. городахъ Испаніи, въ Карфагенѣ. Съ половины III в. становится извѣстной и позднѣе получаетъ славу юридическая школа въ Беритѣ (Berytus, нынѣ Beirut) въ Финикіи. Попрежнему дѣйствовали школы въ Александріи, Навкратидѣ, Антиохіи, Аполлоніи, въ Эфесѣ, Смирнѣ и другихъ городахъ греческаго востока. Всѣми цвѣтами народностей обширной римской имперіи во II—IV вв. отличалась пестрая и часто безпокойная жизнь аеинскаго университета; усиливалась въ своемъ ростѣ и значеніи высшая школа, основанная Константиномъ Великимъ въ Константинополѣ, судьбою предназначенная послѣ стать выше всѣхъ другихъ.

Къ сожалѣнію, наши источники, говоря о высшихъ школахъ и ихъ профессорахъ, выражаются насчетъ преподавательскихъ окладовъ (salaria) чаще въ общихъ чертахъ, обыкновенно не называя ихъ точной цифрой. Правда, весьма опредѣленно назначаетъ, въ 297 г., императоръ Констанцій Хлоръ 600.000 сестерцій (ок. 60.420 руб.) годичнаго содержанія Евменію, отправляемому имъ профессоромъ краснорѣчія въ Галлію, въ городъ Августодунъ. Но это — фактъ совершенно особенный.

Этотъ городъ находился въ указанное время въ состояніи сильнаго упадка вслѣдствіе опустошеній, причиненныхъ ему гражданскими войнами. Императоръ Констанцій Хлоръ (292—306), желая помочь несчастію, рѣшилъ назначить туда профессоромъ краснорѣчія такого ученаго, который могъ бы привлечь къ себѣ многочисленныхъ слушателей изъ разныхъ мѣстъ. Выборъ его палъ на ритора Евменія, бывшаго дотолѣ начальникомъ архива при его римскомъ дворѣ (sacrae memoriae magister). Съ этою цѣлью императоръ удваиваетъ его прежнее жалованье въ 300.000 nummi (ок. 30.210 руб.), отнеся всю сумму въ 600.000 сестерцій на счетъ городскихъ средствъ (ex huius reipublicae viribus)

Августодуна, —сумма, показавшаяся очевидно чрезмѣрной самому Евменію, который, ограничиваясь прежнимъ окладомъ, просить употребить остальную сумму на перестройку ветхаго зданія школы ¹⁾.

Прямые слова этого ратора, сохранившійся весьма интересный императорскій рескриптъ къ нему ²⁾ и другіе источники убѣждаютъ насъ, что жалованіе преподавателей въ провинціяхъ шло главнымъ образомъ изъ муниципальных средствъ, и что императоры, открывая школы, относили расходы по ихъ содержанію на мѣстные источники. А такъ какъ въ огромной римской имперіи было не мало городовъ, которые или по бѣдности, или по винѣ администраціи неисправно уплачивали это жалованье, учителямъ приходилось обращаться съ жалобами къ императорской власти. И нужно отдать полную справедливость этой послѣдней за ея гуманное отношеніе къ обиженнымъ. Константинъ Великій требовалъ, чтобы и студенческій гонораръ и жалованье уплачивались преподавателямъ безъ задержки ³⁾. А, повидимому, сыновья его Констанцій II и Константъ постановили, чтобы всякія назначенія окла-

¹⁾ Eumenius Pro restaurandis scholis c. 11 (Panegyrici veteres ed. Jaegerus. T. I, p. 237—238).

²⁾ См. слова изъ рескрипта Констанція Хлора къ Евменію: «Salvo igitur privilegio dignitatis tuae, hortamur, ut professionem oratoriam repetas, atque in supra dicta civitate, quam non ignoras, nos ad pristinam gloriam reformare ad vitae melioris studium adolescentium excolas mentes: nec putes hoc munere ante partis aliquid tuis honoribus derogari, cum honesta professio ornet potius omnem, quam destruat, dignitatem. Denique etiam salarium te *in sexcentis millibus nummum ex rei publicae viribus* consequi volumus; ut intelligas, meritis tuis etiam nostram consuluisse clementiam. Vale, Eumeni carissime nobis». Eumenius Pro restaur. scholis c. 14; ср. c. 11 (Panegyrici veter. t. I, pp. 241—242). Если императорскій рескриптъ и самъ Евменій говорятъ о назначеніи ему жалованья изъ муниципальных средствъ Августодуна (*Salarium me liberalissimi principes, ex huius rei publicae viribus, in sexcentis millibus nummum accipere iusserunt*,—ср. 11), то на чемъ основывал свое утвержденіе Уссингъ объ уплатѣ Евменію 300.000 сестерцій изъ государственной казны, по прежнему, и лишь о прибавкѣ такой же суммы изъ городскихъ средствъ (Erzieh. u. Unter. bei u. Griech. u. Römern. 2-te Aufl. стр. 173)?

³⁾ Cod. Theod. XIII, tit. 3, l. 1.

довъ изъ городскихъ средствъ повергались на ихъ усмотрѣніе ¹⁾).

Новый и послѣдній примѣръ обозначенія жалованья преподавателей мы встрѣчаемъ въ 376 г. въ эдиктѣ императора Граціана по школьному дѣлу Галліи. Обязывая управленія большихъ и лучшихъ городовъ обставлять свои школы преподавателями и не вынося произвола городскихъ властей въ назначеніи профессорскихъ и преподавательскихъ окладовъ ²⁾, императоръ самъ назначаетъ содержаніе грамматиковъ и риторовъ.

Жалованье выражено здѣсь числами аннонъ (annonae) или пайковъ зерна, которые выдавались государствомъ въ теченіе года бѣднѣйшимъ римскимъ гражданамъ, по 5 модіевъ (modii) въ мѣсяць, или 60 модіевъ въ годъ. Этимъ узаконеніемъ Граціана полагалось риторамъ Галліи по 24 анноны, грамматикамъ на половину менѣе, 12 аннонъ; особая такса назначена для цвѣтущаго города Тревиоровъ (нынѣ Trier): риторамъ по 30 аннонъ, латинскимъ грамматикамъ 20 аннонъ, греческому грамматикъ, если бы таковой оказался, 12 аннонъ ³⁾).

Оклады, выставленные этимъ императорскимъ эдиктомъ,

¹⁾ Cod. Theod. XII, tit. 2, l. 1.—Nulli salarium tribuatur ex viribus rei publicae, nisi ei, qui iuventibus nobis specialiter fuerit consecutus. Объ отношеніи этого узаконенія также къ профессорамъ и врачамъ см. примѣчаніе къ этому тексту въ изд. Гёнеля. Если этотъ законъ относится, по консульской датѣ, къ 349 г., то какимъ же образомъ въ заглавіи его стоитъ имя Константина (Imp. Constantinus A.), умершаго въ 336 г.? Отсюда, въ связи съ Cod. Theod. XV, tit 1, l. 6, происходятъ ученые попытки замѣны этого имени двумя Imp. Constantius et Constans AA. Неизвѣстно, почему Кунъ относитъ это узаконеніе къ самому Константину (указ. соч. I, стр. 101).

²⁾ Cod. Theod. XIII, tit. 3, l. 11: nec vero iudicemus, liberum ut sit cuique civitati, suos doctores et magistros placito sibi iuvare compendio.

³⁾ Cod. Theod. XIII, tit. 3, l. 11. Здѣсь предписывается давать перечисляемымъ преподавателямъ emolumenta e fisco. Ученые колеблются въ толкованіи послѣдняго слова, не зная, разумѣть ли здѣсь государственную или городскую казну (Kuhn. Verfass. I, стр. 102). Другіе видятъ здѣсь помощь городамъ Галліи со стороны императорской казны (Ussing указ. соч., стр. 173: Der Kaiser will ihnen das Gehalt aus seiner Kasse geben, dem Redner 24 annonae etc.).

весьма невысоки, потому что даже жалованье профессора краснорѣчія въ Тревирахъ въ 30 аннонъ, при стоимости аннонъ въ 5 солидовъ и цѣны послѣдняго въ 25 динарiевъ или 100 сестерцій, опредѣляется въ 150 солидовъ или 15.000 сестерцій ¹⁾ (приблизительно 1.510 руб.).

Но это была, очевидно, максимальная плата, которую могли выдавать города Галліи въ третьей четверти IV в. преподавателямъ школъ изъ собственныхъ средствъ.

Не лучше было въ это время положеніе большинства провинціальныхъ учителей высшихъ наукъ и на востокѣ. Даже въ многолюдной и пышной Антиохіи денежное содержаніе, назначенное сначала городскимъ управленіемъ одному ритору, послѣ было, безъ всякаго измѣненія, распределено между четырьмя преподавателями этой науки. И тамъ слышатся жалобы на неисправность уплаты со стороны городского управленія ²⁾. Когда-то счастливая и привольная жизнь преподавателей краснорѣчія въ этомъ городѣ ³⁾, теперь, при измѣнившихся къ худшему условіяхъ, стала печальной. Глава ихъ, поставленный, благодаря своимъ дарованіямъ, въ болѣе счастливыя обстоятельства, въ такихъ мрачныхъ краскахъ изображаетъ долю своихъ бѣдствующихъ товарищей. „Теперь у нихъ даже избушки своей нѣтъ; какъ сапожники живутъ они въ чужихъ домахъ; а если удастся кому-нибудь приобрѣсти себѣ домишко, то онъ никакъ не можетъ выплатить за него всѣхъ денегъ, такъ что такіе домовладѣльцы находятся въ бѣднейшей заботѣ, чѣмъ тѣ, которые дома не покупали. Одинъ имѣетъ лишь троихъ слугъ, другой двоихъ, а у третьяго и того нѣтъ; слуги эти держатся со своими господами высокомерно, потому что они работаютъ не въ большомъ обществѣ. Одинъ

¹⁾ Ср. Kuhn. указ. соч., стр. 101—102.

²⁾ Антиохійскому ритору Зиновію, въ вознагражденіе за службу, дано было городомъ въ пользованіе небольшое помѣстье съ денежною прибавкой изъ городскихъ средствъ. Эта послѣдняя послѣ раздѣлена была между четырьмя риторами, но и тогда она выплачивалась неаккуратно. Либаній, т. II, стр. 212—213. Изд. Reiske.

³⁾ Его же Т. II, стр. 208—209 Reiske; Ἐπιστολ. 207, 401 ed. Wolf.

риторъ считаетъ себя счастливымъ тѣмъ, что имѣеть одного лишь ребенка, для другого большое количество дѣтей— прямое несчастье; того считаютъ разумнымъ, кто избѣгаетъ женитьбы. Бывало риторы ходили къ серебряныхъ дѣль мастерамъ, заказывали себѣ тамъ посуду и вели съ мастерами длинныя бесѣды: порицали представленную работу, указывая имъ на лучшую, хвалили ихъ за быстроту работы, или же жаловались на ихъ медлительность. Теперь же имъ приходится имѣть дѣло съ булочниками, которымъ они остались должны за хлѣбъ; они постоянно общаются уплатить имъ деньги и принуждены при этомъ просить еще хлѣба въ долгъ. Они бы рады были не встрѣчаться съ ними, но нужда заставляетъ вновь прибѣгать къ нимъ. Доходить до того, что имъ приходится нести къ булочнику серьги или ожерелье своихъ женъ. Имъ ужъ не приходится думать о новыхъ подаркахъ женѣ, а только о томъ, нѣтъ ли у нея еще чего-нибудь такого, что можно было бы продать. По окончаніи лекціи имъ не хочется идти домой, гдѣ все говоритъ о ихъ безвыходномъ положеніи, и потому они стараются какъ можно дольше оставаться въ аудиторіи. Тутъ они встрѣчаются со своими коллегами и сообща оплакиваютъ свою долю. Къ ихъ не малому удивленію, имъ приходится узнавать, что есть люди, которымъ живется еще хуже¹⁾. Для выхода изъ такого положенія Либаній ходатайствуетъ передъ городскимъ совѣтомъ о раздачѣ риторамъ въ пользованіе небольшихъ помѣстій.

Но тогда какъ въ столь жалкомъ положеніи находились преподаватели высшей науки въ провинціи, *лучшіе профессоры* столицъ, пользуясь близостью къ императорской власти и живя тамъ въ высшемъ обществѣ, должны были благословлять свою судьбу²⁾. Хотя, конечно, и тамъ всегда было не

¹⁾ Либаній, т. II, стр. 209 и слѣд. Reiske. Ср. Sievers, Das Leben des Libanius, стр. 39 и слѣд.

²⁾ Въ Константинополѣ знаменитый въ то время Θεμισцій получалъ не 30 діэть или аннонь, какъ риторъ Тревировъ, а 240 хлѣбомъ, масломъ, виномъ. Но положеніе его было исключительнымъ. Sievers, Das Leben d. Libanius, стр. 37.

мало ученых горемыкъ, къ которымъ приложима была и теперь печальная характеристика, сдѣланная судьбѣ риторь еще Ювеналомъ для своего времени ¹⁾.

Особенно высокое значеніе приобрѣли профессоры наукъ въ Константинополѣ съ 425 г., времени коренного преобразованія здѣсь прежней высшей школы императоромъ Θεодосіемъ II. Штатомъ этого университета полагались 31 профессоръ, изъ нихъ 3 латинскихъ ритора и 10 латинскихъ грамматиковъ, 5 греческихъ риторь и 10 греческихъ грамматиковъ, 1 профессоръ философіи и 2 профессора права ²⁾.

Въ назначенные здѣсь курсы не внесены совсѣмъ математическія и другія точныя науки, сюда не вошла медици-

¹⁾ Ср. выше, стр. 973.

²⁾ Cod. Theod. XIV, tit. 9, l. 3. Этотъ законодательный актъ Θεодосія II представляетъ столько необычайнаго интереса, что мы позволяемъ себѣ привести его, какъ по мѣстамъ 2—3 другихъ, здѣсь цѣликомъ. *Imp. Theodosius A. et Valentinianus C...* Universos, qui, usurpantes sibi nomina magistrorum, in publicis magistrationibus cellulisque collectos undecunque discipulos circumferre consuerunt, ab ostentatione vulgari paecipimus amoveri, ita ut, si qui eorum post emissos divinae sanctionis affatus, quae prohibemus atque damnamus, iterum forte tentaverit, non solum eius, quam meretur, infamiae notam subeat, verum etiam pellendum se ex ipsa, ubi versatur illicite, urbe cognoscat. Illos vero, qui intra plurimorum domus eadem exercere privatim studia consuerunt, si ipsis tantummodo discipulis vacare maluerint, quos intra parietes domesticos docent, nulla huius modi interminatione prohibemus; sin autem ex eorum numero fuerint, qui videntur intra Capitolii auditorium constituti, hi omnibus modis privatarum aedium studia sibi interdicta esse cognoscant, scituri, quod, si adversum coelestia statuta facientes fuerint deprehensi, nihil penitus ex illis privilegiis consequentur, quae his, qui in Capitolio tantum docere praecepti sunt, merito deferuntur. § 1. Habeat igitur auditorium specialiter nostrum in his primum, quos Romanae eloquentiae doctrina commendat, oratores quidem tres numero, decem vero grammaticos; in his etiam, qui facundia Graecitatis pollere noscuntur, quinque numero sint sophistae et grammatici aequae decem. Et quoniam non his artibus tantum adolescentiam gloriosam optamus institui, profundioris quoque scientiae atque doctrinae memoratis magistris sociamus auctores. Unum igitur adiungi ceteris volumus, qui philosophiae arcana rimetur, duo quoque, qui iuris ac legum formulas pandant, ita ut unicuique loca specialiter deputata assignari faciat tua sublimitas, ne discipuli sibi invicem possint obstrepere vel magistri, neve linguarum confusio permixta vel vocum aures quorundam aut mentes a studio literarum avertat. *Dat. III Kal, Mart. Constantinopoli, Theodosio A. XI et Valentiniano Coss. (425)*. Ср. Bähr, *De litterarum universitate Constantinopoli quinto post Chr. n. saeculo condita*. Heidelberg. 1835.

на. То и другое сдѣлано, можетъ быть, потому, что и математика и врачебная наука имѣли цвѣтушія школы въ Александріи. Изъ перечисленныхъ здѣсь наукъ всего менѣе отведено мѣста философіи, на долю которой назначень лишь одинъ преподаватель. Причина этого заключается какъ въ томъ, что мѣстомъ болѣе серьезнаго изученія философіи все еще служили Аѳины, такъ и въ нерасположеніи христіанскихъ императоровъ вообще поддерживать эту науку, служившую оплотомъ старой религіи. Побѣда христіанства нанесла ей тотъ роковой ударъ, отъ котораго она уже не могла встать и окрѣпнуть снова. Черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ, ознаменованныхъ именами неоплатониковъ Плутарха, Сириана, величавой личности Прокла и др., указомъ Юстиніана положень былъ конецъ ея преподаванія въ Аѳинахъ (529 г.)¹⁾ и послѣдніе семь философовъ, съ отнятіемъ у нихъ собственныхъ фондовъ академической школы, нашли себя вынужденными искать убѣжища въ Персіи²⁾.

Новый Константинопольскій университетъ явился какъ бы филологическимъ институтомъ съ прибавленіемъ къ нему двухъ профессоровъ юриспруденціи. Здѣсь вмѣстѣ съ наукою права должны были преподаваться главнымъ образомъ языкъ и литература греческая и латинская, а также греческое и римское краснорѣчіе; но при всемъ томъ константинопольская высшая школа была обставлена полнѣе, чѣмъ другія высшія школы имперіи.

Она помѣщалась на Капитоліи, подъ тремя портиками, которые для этой цѣли были увеличены и расширены новыми пристройками на мѣстѣ сосѣднихъ домовъ, купленныхъ въ казну и сломанныхъ. Аудиторіи (cellulae) ея были расположены съ такимъ расчетомъ, чтобы шумъ молодыхъ людей и „смѣшеніе языковъ“ (linguarum confusio permixta) въ одномъ

¹⁾ Иоан. Малала *Хронограф.* XVIII, р. 449 и 451 ed. Bonn., подъ 528 г. Zumpt, *Über d. Bestand d. philos. Schulen*, стр. 37, 64 и слѣд.; Zeller, *Die Philos. d. Gr.* III³ (2), стр. 849 и слѣд.

²⁾ Zumpt, указ. соч., стр. 38 и слѣд. Zeller. указ. соч., стр. 850.

помѣщеніи не препятствовали занятіямъ въ другомъ ¹⁾. Надобно думать, что константинопольскій университетъ снабженъ былъ и библіотекой, подобно тому какъ въ Аѳинахъ гимнасіи Птолемея и Адриана имѣли свои библіотеки, служившія учебнымъ цѣлямъ. Публичная библіотека въ Константинополѣ составляла предметъ попеченій императора Констанція, открывшаго богатое собраніе книгъ для общаго пользованія въ 354 г. вмѣстѣ съ служебнымъ штатомъ при ней, пополненіемъ котораго занимался въ 372 г. императоръ Валентъ ²⁾.

Профессоры константинопольскаго университета вмѣстѣ съ жалованіемъ и различными привилегіями, по истеченіи *двадцатилѣтняго* срока службы ³⁾, не только приобрѣтаютъ права на пенсію, но лучшіе изъ нихъ удостоиваются дворянства и возводятся въ высокое достоинство *comitiva ordinis primi* ⁴⁾; заслуженные профессора переходятъ въ высшій классъ отслужившихъ свой срокъ высшихъ сановниковъ, *ex-vicegii*. Первое пожалованіе профессоровъ этими титулами относится къ 425 г., къ самому открытію реформированнаго университета и выпадаетъ на долю двухъ греческихъ филологовъ, одного латинскаго филолога, двухъ профессоровъ краснорѣчія и одного юриста, дотолѣ трудившихся на преподавательскомъ поприщѣ ⁵⁾.

Но не только жалованьемъ, пенсіей и перспективой высокихъ государственныхъ наградъ обезпечиваются импе-

¹⁾ Cod. Theod. XV, 1, 53; XIV, 9. 3. Эти два законоположенія должны быть рассматриваемы въ непосредственной связи и въ обратномъ порядкѣ.

²⁾ Cod. Theod. XIV, 9. 2.

³⁾ Замѣчательно, что взглядъ Квинтиліана на этотъ предѣльный срокъ профессорской службы нашель себѣ повтореніе въ императорскомъ эдиктѣ—обстоятельство, указывающее на существованіе этого убѣжденія въ преподавательскомъ сословіи римской имперіи.

⁴⁾ Французскіе и многіе нѣмецкіе ученые усматриваютъ въ этомъ титулѣ графское достоинство перваго класса (*Comte, Graf der ersten Classe*), но нѣкоторые нѣмецкіе историки видятъ здѣсь «etwa Geheimrath mit dem Titel Excellenz». Подыскать соотвѣтственное названіе въ нашей чиновной терминологіи мы затрудняемся.

⁵⁾ Cod. Theod. VI, 21. 1.

раторомъ Θεодосіемъ II профессора константинопольскаго университета: они вмѣстѣ съ тѣмъ избавляются съ самаго начала и отъ всякой конкуренціи со стороны преподавателей частныхъ риторскихъ и грамматическихъ школъ, или отъ конкуренціи приватъ-доцентовъ. Запрещая профессорамъ, поступавшимъ на службу въ Капитолій—подъ угрозой лишенія присвоенныхъ ихъ званію привилегій—заниматься преподаваніемъ гдѣ бы то ни было внѣ своей правительственной аудиторіи, тотъ же императорскій указъ лишаетъ права всѣхъ прочихъ учителей читать курсъ въ какомъ-либо публичномъ мѣстѣ. Они могутъ давать уроки только у себя или въ частныхъ домахъ; но они не должны показываться на улицѣ со свитою учениковъ, не могутъ собирать ихъ вокругъ себя ни въ какомъ специальномъ помѣщеніи. Виновные въ нарушеніи этого положенія подвергаются тяжкому тѣлесному наказанію и высылаются изъ города ¹⁾.

Такъ, мало-по-малу, совершался процессъ созиданія высшей государственной школы и сосредоточенія управленія ею въ рукахъ правительства.

Начавшаяся платными бесѣдами и лекціями софистовъ въ V в. до Р. Хр., существовавшая большую часть прожитаго времени на частныя средства и лишь постепенно подчиняемая правительственному контролю, высшая школа классическихъ народовъ къ 425 г. по Р. Хр. вылилась въ форму императорскаго университета съ регламентомъ, столь же строго опредѣляющимъ права и обязанности профессоровъ, какъ императорскій эдиктъ, опубликованный за 55 лѣтъ передъ тѣмъ, подробно и строго регулировалъ жизнь римскихъ студентовъ ²⁾. Къ этому законодательно-

¹⁾ Cod. Theod. XIV, 9, 3.

²⁾ Судьбы константинопольскаго университета принадлежать къ исторіи византійской имперіи и потому не входятъ въ предѣлы настоящаго очерка. По этой причинѣ не нашла себѣ упоминанія и законодательная дѣятельность Юстиніана, принесяшая новую привилегію константинопольскому университету наравнѣ съ Римомъ и Беритомъ, которые объявлены единственными для всего греко-римскаго міра сѣдалищами преподаванія юриспруденціи.

му акту 370 г. мы должны будемъ обратиться въ своемъ мѣстѣ ¹⁾).

Кромѣ гонорара со слушателей, кромѣ жалованія изъ государственной казны или изъ средствъ городовъ и общинъ, матеріальному и нравственному обезпеченію преподавателей высшихъ наукъ служили съ давнихъ поръ также различныя привилегіи по отбыванію государственныхъ и муниципальных повинностей, это—такъ называемая *ателія* или *иммунитетъ* (*ατέλεια*, *immunitas*, *vacatio publici muneris*).

Обычай освобождать *людей науки* отъ тяжестей службы государству и общинѣ начался у грековъ, но трудно сказать съ какого времени. Сохранилось свидѣтельство, что элейцы, въ уваженіе заслугъ своего отечественнаго философа Пиррона, ради него даровали ателію всѣмъ философамъ вообще ²⁾, каковое событіе могло имѣть мѣсто, вѣроятно, при Александрѣ Македонскомъ или послѣ него. Цицеронъ подъ вліяніемъ греческихъ воззрѣній, высказывалъ мысль, что занятіе науками даетъ право, по мнѣнію великихъ мужей, на освобожденіе отъ государственныхъ повинностей ³⁾.

Но у римлянъ участіе государственной власти къ положенію учительскаго сословія началось только съ Юлія Цезаря, который даровалъ право римскаго гражданства всѣмъ преподавателямъ „благородныхъ наукъ“ (*liberalium artium doctores*) ⁴⁾. Преподавателями были большею частью греки, и потому пожалованіе гражданскихъ правъ лицамъ, являвшимся въ Римъ съ цѣлью образованія юношества, было весьма важною мѣрой для привлеченія сюда лучшихъ силъ.

Примѣръ Юлія Цезаря послужилъ образцомъ для слѣдующихъ императоровъ, изъ коихъ многіе относились съ полнымъ участіемъ къ преподавателямъ среднихъ и выс-

¹⁾ Cod. Theod. XIV, 1.

²⁾ Диог. Лаерт. IX, 11, 64.

³⁾ Cic. ad Famil. IX, 6, 5.

⁴⁾ Suet. Caes. 42.

шихъ школь, обезпечивая за ними привилегіи въ сферѣ повинностей и податей.

Августъ, въ память освобожденія отъ смертельной болѣзни гидропатомъ Антоніемъ Мусою ¹⁾, даровалъ всему сословію римскихъ врачей широкія преимущества ²⁾. Онъ же разъ, по случаю голода, очищая городъ отъ пришлого населенія, пощадилъ врачей и преподавателей ³⁾.

Изъ послѣдующихъ императоровъ отмѣтилъ себя особыми попеченіями въ этомъ отношеніи Веспасіанъ. Онъ освободилъ, какъ позже императоръ Адріанъ, грамматиковъ, риторовъ, врачей и философовъ отъ квартирной повинности, а именно отъ обязательныхъ пріемовъ римскихъ магистратовъ и всѣхъ лицъ, пользовавшихся особыми преимуществами во время путешествій ⁴⁾.

Но наиболѣе основательно и подробнѣе прежняго разработалъ вопросъ объ освобожденіи врачей, грамматиковъ и риторовъ отъ государственныхъ и муниципальных повинностей Маркъ Антонинъ Пій. Освободивъ ихъ отъ тяжелыхъ обязанностей члена муниципального совѣта, судьи, опеки, отъ военной службы, квартирнаго поста и проч., этотъ императоръ однако не упускалъ изъ виду и законныхъ интересовъ общинъ, среди которыхъ врачи и держатели грамматическихъ и риторскихъ школь дѣйствовали. Чтобы число привилегированныхъ лицъ было не слишкомъ велико, онъ установилъ норму, выше которой нельзя было идти въ раздачѣ указанныхъ привилегій. Въ небольшихъ городахъ полагалось имѣть 5 такихъ официальныхъ врачей, 3 риторовъ и 3 грамматиковъ; въ городахъ, гдѣ творился судъ, т.-е. такихъ, которые имѣли *ἀγοράς δίκων*, *conventum iuridicum*, 7 врачей, 4 ритора и 4 грамматика; въ метрополіяхъ или, что тоже, въ главныхъ городахъ провинцій 10 врачей, 5 риторовъ и 5 грамматиковъ. Эти максимальныя

1) Suet. Aug. 81.

2) Діонъ Касс. LIII, 30.

3) Suet. Aug. 42.

4) Dig. L, 4, 18, § 30:.. ne hospitem recipere.

числа можно было, въ случаѣ нужды, уменьшать, увеличивать же ихъ не имѣлъ права никто.

Что касается до учителей философіи, то Антонинъ Пій, уравнивая ихъ въ правахъ съ поименованными выше лицами, не опредѣлилъ ихъ числа, потому что въ то время по провинціямъ, за исключеніемъ Аеинъ, ихъ было вообще мало и едва ли большинство значительныхъ городовъ имѣло особыхъ преподавателей этого предмета ¹⁾).

Этому же отсутствію преподавателей юридической науки въ провинціальныхъ городахъ, можетъ быть, надобно приписать умолчаніе законоположеніемъ Антонина Пія объ учителяхъ правовѣдѣнія, элементарныя основы котораго тамъ должны были сообщать своимъ ученикамъ риторы. Единственнымъ сѣдалищемъ этой науки въ то время служилъ Римъ, который привлекалъ къ себѣ и его многочисленнымъ законовѣдамъ юношество, искавшее юридическаго образованія. Римскіе же учителя, какъ нѣкоторые полагаютъ, должны были пользоваться правомъ освобожденія отъ общественныхъ повинностей наравнѣ съ вышеуказанными лицами педагогическаго сословія. Но и этотъ вопросъ между учеными остается спорнымъ ²⁾).

Но означенныя привилегіи относительно муниципальныхъ повинностей, по мысли Антонина Пія, имѣли силу для врачей и преподавателей только тогда, если дѣятельность сосредоточена была въ отечественномъ городѣ или общинѣ. Въ противномъ случаѣ за родиной ихъ оставалось право требовать отъ нихъ исполненія обязанностей, соединенныхъ съ званіемъ гражданина. Исключенія допускались только

¹⁾ Dig. XXVII, 1, 6, §§ 1—5, 7—8.

²⁾ Съ одной стороны Модестинъ de excusationibus lib. II (въ сочиненіи, написанномъ послѣ 217 г. по Р. Хр. при Александрѣ Северѣ или нѣсколько позже) утверждаетъ освобожденіе отъ обязательства опеки для юристовъ, учившихъ въ Римѣ, въ отличіе отъ такихъ же учителей въ провинціяхъ. Νέμων δὲ διδάσκαλοι ἐν ἐπαρχίᾳ διδάσκοντες ἄφεσιν οὐκ ἔχουσιν, ἐν Ῥώμῃ δὲ δρᾶσκοντες ἀφίενται (Dig. XXVII, 1, 6 § 12), а съ другой — неизвѣстный классическій юристъ отрицаетъ это: Neque geometrae, neque hi, qui ius civile docent, a tutelis excusantur (Vatic. Fragmenta 150).

для особенно одаренныхъ лицъ; тогда возможно было и выйти изъ опредѣленной нормы, тогда ихъ дѣятельность считалась наравнѣ съ таковою же у себя дома. Другое исключеніе сдѣлано было для врачей и учителей, дѣйствовавшихъ въ Римѣ, которые становились свободными отъ всякихъ обязательствъ къ родинѣ, откуда бы они ни пришли ¹⁾).

Императоры послѣдующаго времени неоднократно подтверждаютъ привилегіи преподавателей среднихъ и высшихъ школъ. Далѣе всѣхъ пошелъ въ этомъ направленіи Константинъ Великій (306—336), распространивъ право освобожденія отъ государственныхъ и городскихъ повинностей также на семьи врачей и преподавателей наукъ. Дѣти ихъ, по его узаконенію, не несутъ военной службы, не знаютъ военного постоя и квартирной повинности, свободны отъ тяжелыхъ обязанностей опекунства и всѣхъ муниципальных и государственныхъ должностей, если только сами не пожелаютъ принять ихъ на себя. Не платятъ никакихъ налоговъ и освобождаются отъ всякихъ податей и имущества женъ учительскаго сословія, въ предѣлахъ установленныхъ прежде. Всѣ сии привилегіи даются преподавателямъ съ тѣмъ, „чтобы имъ легче было наставлять благороднымъ наукамъ многихъ“ ²⁾). Обеспечивая преподавательское сословіе указанными привилегіями, Константинъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещаетъ какія бы то ни было обиды личности учителей. Свободно-рожденный платитъ за оскорбленіе врача или преподавателя 100.000 монетъ (nummi); рабъ подвергается публичному наказанію розгами въ присутствіи обиженнаго, если онъ нанесъ обиду преподавателю наукъ безъ-вѣдома хозяина; если же съ-вѣдома и по наущенію своего господина, то послѣдній уплачиваетъ 20.000 монетъ въ императорскую казну ³⁾).

1) Dig. XXVII, 1, 6, §§ 9, 11.

2) Cod. Theod. XIII, 3, 3.

3) Cod. Theod. XIII, 3, 1. Если подъ nummi разумѣть nummus communis или centenionalis, то пеня въ 100.00 nummi будетъ равняться приблизительно 421 руб. Ср. Hultsch, griech. u. röm. Metrologie, стр. 252 и слѣд.

Привилегіи ателіи или иммунитета имѣли для преподавательскаго сословія весьма важное значеніе, и матеріальное и нравственное: Для пріобрѣтенія ихъ употреблялись большія усилія въ дѣлѣ получения мѣста официального профессора, учителя или врача.

Съ другой стороны потеря этихъ преимуществъ составляла большое безчестье и предметъ большого горя.

1. Въ Аѣинахъ въ началѣ III в. по Р. Хр. занимался, въ качествѣ частнаго учителя, преподаваніемъ риторики нѣкто Филискъ, уроженецъ Фессалійской общины Кордеи. Имѣя здѣсь успѣхъ, онъ забылъ свою родину и считалъ себя свободнымъ отъ всякой ей службы. Но земляки требовали его возвращенія домой, въ намѣреніи наложить на него исправленіе той или иной должности. И когда риторъ упорствовалъ въ небреженіи своими гражданскими обязанностями, Кордейцы подали на него жалобу императору Марку Антонину Каракаллѣ. Императоръ зналъ имя Филиска, потому что этотъ хитрый риторъ, появившись въ Римѣ, проникъ ко двору вдовствующей императрицы Юліи Домны, матери Каракаллы, любившей окружать себя учеными собесѣдниками, и здѣсь, чрезъ ея посредство, добылъ себѣ императорское назначеніе на правительственную кафедру риторики въ Аѣины. Каракалла уступилъ просьбѣ матери, но возымѣлъ непріязненное чувство къ Филиску, можетъ быть, за обходъ имъ обязательныхъ формъ полученія профессуры. А потому, когда возникло его дѣло съ управленіемъ Кордеи, императоръ пожелалъ присутствовать при разбирательствѣ самъ. Заранѣ настроенный къ нему враждебно, Каракалла находилъ въ подсудимомъ все непріятнымъ—и поступь, и манеру держать себя, и его платье, и его полуженскій голосъ. Императоръ часто самъ вступалъ въ процедуру разбирательства, ставилъ вопросы, прерывалъ показанія и объясненія Филиска и привелъ его въ такое замѣшательство, что тотъ замолчалъ. Раздражен-

ный Каракалла рѣшилъ дѣло въ пользу истцовъ. Когда же послѣ того Филискъ указалъ на свое званіе профессора аѣинской высшей школы и на соединенное съ этимъ право ателіи, разгнѣванный императоръ произнесъ по адресу риторовъ нѣсколько обидныхъ сужденій и лишилъ Филиска и этой привилегіи. Позднѣе семь лѣтъ училъ онъ въ Аѣинахъ, не пользуясь этимъ обычнымъ преимуществомъ профессорской службы ¹⁾).

2. Этотъ случай лишенія профессора права ателіи не былъ первымъ. Тоже сдѣлалъ отецъ Каракаллы, императоръ Септимій Северъ съ достойнымъ, но застѣнчивымъ аѣинскимъ риторомъ Гераклидомъ. Это было въ 196 г. Аѣиняне отправили своимъ посломъ къ императору представителя городской каѣедры того же предмета, профессора Аполлонія, въ Римъ. Этотъ Аполлоній принадлежалъ къ цѣлой партіи аѣинскихъ привать-доцентовъ, которая не любила Гераклида и интриговала противъ него въ такой степени, что онъ рѣшилъ поѣхать въ столицу, чтобы защищать свои права передъ высшею властію, если бы оказалась въ томъ надобность. Септимій Северъ, узнавши о профессорскихъ раздорахъ, пожелалъ устроить состязаніе между Аполлоніемъ и Гераклидомъ. Необычайно толстый, неуклюжий и застѣнчивый Гераклидъ, представъ предъ очи императора, смутился и говорилъ такъ плохо свою импровизацію на данную ему тему, что это раздражило Септимія Севера, и онъ отнялъ у него ателію, причинивъ Гераклиду тѣмъ много несчастія ²⁾ въ дальнѣйшемъ пребываніи его въ Аѣинахъ. Къ послѣднему факту мы обратимся въ своемъ мѣстѣ.

Представляя собою контингентъ людей мысли, изошренной діалектическимъ упражненіемъ, наиболѣе просвѣщенныхъ и обладавшихъ даромъ убѣжденія другихъ, преподаватели высшихъ наукъ должны были пользоваться среди

¹⁾ Филостратъ *Vita. соф.* II, гл. 30, 1—2; ср. II, гл. 11, 1.

²⁾ Его же указ. соч. II, гл. 26, 3.

согражданъ и въ глазахъ правительства большимъ нравственнымъ авторитетомъ. Это и было въ дѣйствительности, если принять во вниманіе, какъ часто города и области обращались къ ихъ помощи въ разныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и какую силу приобрѣтали они при императорскомъ дворѣ и въ рядахъ высшей администраціи. Нужно ли было государствамъ въ вѣкъ греческихъ республикъ отправить посольства особо важнаго значенія; снаряжались ли посольства городовъ къ римскимъ императоромъ; оказывалась ли нужда для императорской власти возлагать важныя порученія въ сношеніяхъ внутреннихъ и съ иностранными правительствами, преподаватели философіи и краснорѣчія и др. наукъ здѣсь являлись во главѣ, и исторія высшаго образованія грековъ и римлянъ весьма богата фактами этого рода.

1—3. Изъ древнихъ софистовъ Горгіи явился въ 427 г. до Р. Хр. посломъ отъ своей родины Леонтинъ въ Аѣины, чтобы просить помощи противъ Сиракузянъ ¹⁾. Гиппій бывалъ необыкновенно частымъ ходатаемъ за родину свою Элиду и почтенъ былъ гражданствомъ отъ многихъ городовъ, большихъ и малыхъ ²⁾. Продикъ, обычный посолъ о-ва Кеоса, удивлялъ аѣинскій ареопагъ дипломатическимъ даромъ, даже при страданіи глухотой и при неспособности говорить плавно ³⁾.

4. Ксенократъ, схоляръ академіи (339—314 гг. до Р. Хр.) былъ много разъ отправляемъ съ дипломатическими порученіями отъ Аѣинъ, хотя и былъ только *метикомъ* по своему положенію ⁴⁾.

5. Въ 155 г. до Р. Хр. академикъ Карнеадъ, перипатетикъ Критолай и стоикъ Діогенъ защищали дѣло

¹⁾ Westermann, Gesch. der griech. Beredsamkeit I, стр. 38; Zeller, Die Philosophie der Griechen I³, стр. 868.

²⁾ Филостратъ Βίοι σοφ I, гл. 12; Zeller. указ. I³, стр. 871.

³⁾ Его же указ. соч. I, 12. Этотъ же писатель говоритъ о посольствѣ къ македонскому царю Филиппу ораторовъ Эсхина и Демосеена (I, гл. 18, 2).

⁴⁾ Zumpt, Über d. Bestand. d. philos. Schul. стр. 40.

афинянъ передъ римскимъ сенатомъ съ такою силою, что слава ихъ, какъ мужей обширнаго знанія и краснорѣчія, немедленно распространилась по городу. Впечатлѣніе ихъ на общество было настолько могущественнымъ, что высшія государственныя власти постарались ускорить окончаніе ихъ дѣла и тѣмъ облегчить имъ удаленіе изъ Рима ¹⁾).

Цѣлой вереницей тянутся примѣры дипломатическихъ миссій преподавателей высшихъ наукъ въ императорскій періодъ. Также и здѣсь, не перечисляя ихъ всѣ, остановимся лишь на нѣсколькихъ примѣрахъ.

6. Смирнскій риторъ Скопеліанъ (во второй половинѣ I в. по Р. Хр.) былъ обыкновенно главою многочисленныхъ посольствъ не только за свой городъ, но разъ и за всю провинцію Азію. Императорскимъ декретомъ повелѣно было всѣмъ жителямъ Азіи вырубить виноградники и новыхъ лозъ болѣе не садить—въ наказаніе за антиправительственные заговоры, составлявшіеся во время собиранія винограда и соединенныхъ съ этимъ веселыхъ праздниковъ. Вся Азія избрала во главу общаго посольства въ Римъ профессора краснорѣчія Скопеліана—и онъ блистательнымъ заступничествомъ добылъ отъ императорской власти не только разрѣшеніе винодѣлія, но и угрозу штрафомъ тѣмъ, кто не будетъ имъ заниматься впредь ²⁾).

7. Ученикъ Скопеліана Антоній Полемонъ, долго и съ большимъ блескомъ учившій краснорѣчію въ Смирнѣ, былъ многократнымъ посломъ этого города къ нѣсколькимъ императорамъ, но особеннымъ успѣхомъ сопровождалось ходатайство его передъ Адрианомъ. Даромъ слова и своимъ внушительнымъ видомъ онъ привлекъ на себя такое расположеніе этого императора, что свои прежнія симпатіи къ Эфесу Адрианъ

1) A. Gell. Noct. Att. VII. 14. Ср. Teuffel, Gesch. d. röm. Literatur стр. 92 и слѣд. по 4 изд.; Zumpt, указ. соч. стр. 42.

2) Филостратъ *Vita orat.* I, гл. 21, 12.

съ тѣхъ поръ перенесъ на Смирну, даровавъ въ одинъ день 10 милліоновъ драхмъ на строительныя нужды этого города. На эти деньги были отстроены хлѣбная площадь, гимнасій, одинъ изъ самыхъ роскошныхъ во всей Малой Азіи, и величественный храмъ. Въ другой разъ Адрианъ далъ на нужды этого же города 250.000 драхмъ, и когда до императора дошла жалоба жителей Смирны на употребленіе значительной части этихъ денегъ Полемономъ на свои потребности, онъ отвѣтилъ, что Антоній Полемонъ отдалъ ему отчетъ въ этихъ деньгахъ, хотя этого въ дѣйствительности и не было ¹⁾).

Въ томъ же городѣ возникло дѣло изъ-за храмовъ и изъ-за юридическихъ правъ, которое должно было рѣшаться императоромъ. Смирна просила быть ея ходатаемъ и на этотъ разъ Полемона, который, однако, за старостью умеръ до отправленія посольства въ путь. Выбрали другихъ адвокатовъ, но когда они оказались въ защитѣ очень слабы, императоръ, зная, что это дѣло долженъ былъ вести Полемонъ, спросилъ, нѣтъ ли рѣчи, которую онъ, вѣроятно, приготовилъ по этому случаю. Эта рѣчь была найдена, прочитана была на судѣ—и дѣло рѣшилось въ пользу смирнскихъ храмовъ. Это, такимъ образомъ, была уже посмертная защита Полемона ²⁾).

8. Изъ того же города, вслѣдствіе постигшаго его землетрясенія, отправленъ былъ посломъ къ Марку Аврелію риторъ Аристидъ, который представилъ такой трогательный докладъ объ этомъ несчастіи, что императоръ, читая его, прослезился и далъ обильныя средства на возстановленіе города ³⁾).

9. Извѣстенъ жестокій характеръ Каракаллы; свое пренебреженіе къ греческимъ риторамъ онъ явно выказалъ въ дѣлѣ Филиска. Но когда риторъ *Гелиодоръ*

1) Филостратъ *Vita соф.* I, гл. 25, 2 и 5.

2) Его же указ. соч. II, гл. 25, 14.

3) Его же указ. соч. II, гл. 9, 2.

предсталъ посломъ ему въ 213 г. въ Галліи за свою родину Аравію, то императоръ оказалъ ему особое вниманіе и милость, даровавши ему и его дѣтямъ всадническое достоинство и сдѣлавши его правительственнымъ адвокатомъ особо важныхъ дѣлъ въ Римѣ. Таковы были въ этомъ риторѣ искусство держать себя, сохраняя и присутствіе духа и собственное достоинство, при свободно льющемся краснорѣчіи, и замѣчательное умѣнье пользоваться настроеніемъ императора ¹⁾).

10. Не одни города и страны отправляли раторовъ и философовъ послами по своимъ дѣламъ, но ими для этой цѣли пользовались и императоры. Такъ, императоръ Констанцій, при нападеніи персидскаго царя Сапора на Антиохію, грозившаго дальнѣйшею войною Византіи, по единогласному указанію его совѣтниковъ, избралъ въ представители посольства къ нему Евстаеія, учителя философіи въ Каппадокіи, несмотря на различіе его вѣроисповѣданія. Евстаеій благородствомъ осанки, спокойствіемъ тона и особо принявшимъ въ сердце слушателя краснорѣчіемъ до того плѣнилъ персидскаго деспота, что онъ, пригласивъ его къ столу, не только принялъ всѣ предложенія, ему сообщенныя, но и выразилъ будто бы желаніе сдѣлаться ученикомъ его въ философіи. Исходъ этого посольства былъ выше всякаго чаянія ²⁾).

11. Учитель краснорѣчія Птолемаиды, въ званіи посла за родину свою Киринею, держалъ рѣчь въ Константинополѣ передъ императоромъ Аркадіемъ о добродѣтеляхъ, какими долженъ обладать государь,—фактъ, ясно указывающій на высокое уваженіе къ краснорѣчію при дворѣ ³⁾).

Профессоры высшихъ наукъ являлись не только хода-

1) Филостратъ *Vita soph.* II, гл. 32.

2) Евнапій *Vita philosph.* X, стр. 466 Boiss.—Didot.

3) Gregorovius *Athenais* p. 53. и т. д.

таями за интересы городовъ и областей, но примирителями и какъ бы судьями враждовавшихъ партій.

1. Жители Мегары враждовали съ аеинянами и потому рѣшили не пускать къ себѣ явившихся изъ Атики къ нимъ на Малыя Пиеійскія игры. Для умиротворенія этого конфликта риторъ Маркъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ императора Адриана, произнесъ такую искусную рѣчь по этому поводу, что мегаряне открыли пришельцамъ и свои дома, и гостеприимство своихъ семействъ ¹⁾.

2. Полемонъ примирилъ давнишнюю вражду нагорной и приморской стороны Смирны; примирилъ враждовавшихъ гражданъ, не допуская ихъ до суда, и способствовалъ очищенію нравовъ города ²⁾.

3. А въ V ст. по Р. Хр. философъ Прокль, при всей своей гигантской профессорской и авторской дѣятельности, имѣлъ время принимать живое участіе въ городскихъ дѣлахъ и народномъ собраніи въ Аеинахъ. Его совѣтовъ и указаній просили какъ аеиняне, такъ и письменно другіе города и мѣстности. Къ его мнѣнію прибѣгали какъ къ высшему суду ³⁾.

Даровитые учителя высшихъ наукъ приносили пользу городамъ не только своимъ участіемъ въ ихъ дѣлахъ, но и своимъ присутствіемъ ⁴⁾. Оттого бывало, что одинъ городъ съ другимъ спорилъ изъ-за обладанія выдающимся профессоромъ, заботясь при этомъ кромѣ славы также о собственныхъ экономическихъ выгодахъ. Молодые люди,

¹⁾ Филостратъ *Vita soph.* I, гл. 24, 5.

²⁾ Его же указ. соч. I, гл. 25, 2—3.

³⁾ Маринъ *Проклос* гл. 14 и 15.

⁴⁾ Но дѣлами городского управленія нѣкоторые профессора увлекались уже въ такой мѣрѣ, что это вредно отражалось на ихъ прямыхъ обязанностяхъ. Такъ, смирнскій риторъ Скопеліанъ возбуждалъ ропотъ въ студентахъ тѣмъ, что являлся на лекціи и на практическія занятія очень поздно. Слушатели его собирались въ аудиторіи и долго ждали профессора, который въ это время бесѣдовалъ съ властями города о дѣлахъ. Аудиторія видѣла въ этой привычкѣ его и лѣность, и прямое уклоненіе отъ своихъ, уже оплаченныхъ, обязанностей. Филостратъ *Vita soph.* I, гл. 21, 8.

собираясь вокругъ кафедръ знаменитаго учителя, вмѣстѣ съ любознательностью приносили и денежныя средства городскимъ обывателямъ. Эта экономическая сторона дѣла особенно должна была выступать на видѣ въ такомъ истинно университетскомъ городѣ, какъ Аѳины, жившія въ императорскую эпоху главнымъ образомъ своимъ студенчествомъ, или города провинціальныя.

1. Такъ, во второй половинѣ I в. по Р. Хр., малоазійскій городъ Глазомены старался переманить къ себѣ изъ Смирны своего земляка профессора краснорѣчія Скопеліана, пользовавшагося тамъ большою славой, въ надеждѣ, что онъ привлечетъ съ собою и академическую молодежь. Профессоръ, зная удобства жизни въ большомъ городѣ, отклонилъ предложеніе глазоменцевъ и остался въ главномъ городѣ Іоніи, куда къ нему стекались слушатели со всей Малой Азіи, изъ Финикіи, Сиріи, Египта, и даже изъ Греціи и самихъ Аѳинъ¹⁾.

2. Антоній Полемонъ, ученикъ Скопеліана, своимъ академическимъ авторитетомъ чрезвычайно увеличивалъ населеніе того же города, также привлекая къ своей кафедрѣ многочисленныхъ слушателей съ континента и острововъ и притомъ лучшую, избранную молодежь²⁾.

3. То же самое было при Гераклидѣ, вынужденномъ послѣ его неудачной рѣчи передъ Септиміемъ Северомъ оставить Аѳины и переселиться въ Смирну. Этотъ городъ получилъ необычайныя выгоды отъ такого перемѣщенія³⁾.

4. Къ Магну, медику-философу, учившему въ половинѣ IV в. въ Александріи, собирались слушатели отовсюду, и сушей и моремъ, привлекаемые желаніемъ взглянуть на знаменитаго учителя и быть въ его присутствіи⁴⁾.

1) Филостратъ *Vita soph.* I, гл. 21.

2) Его же указ. соч. I, гл. 25, 2.

3) Тамъ же II, гл. 26, 2 и 3.

4) Евнапій *Vita philosoph. х. соф.* стр. 498 Boisson—Did.

Если таково было значеніе лицъ здѣсь для примѣра названныхъ, то тѣмъ большую притягательную силу для любознательной молодежи должна была имѣть слава Герода Аттика, блиставшаго своимъ талантомъ и въ Аѣинахъ, и въ Римѣ во II в., или Проэресія, идола аѣинской молодежи въ IV ст.

Широкими и дорого стоившими благотвореніями въ первые три вѣка ознаменовали себя софисты въ различныхъ городахъ греческаго востока, въ Аѣинахъ, и въ другихъ мѣстахъ Эллады. Одинъ изъ нихъ выстраиваетъ ворота въ Смирнѣ ¹⁾, другой тамъ же ставитъ въ общественномъ гимнасіи масляный резервуаръ съ пышнымъ вызолоченнымъ потолкомъ ²⁾. Третій тратитъ все свое состояніе на уменьшеніе страданій отъ голода въ Аѣинахъ и платитъ городскіе долги изъ собственныхъ средствъ ³⁾. Четвертый, будучи человѣкомъ очень богатымъ, возобновляетъ разрушенныя историческіе памятники Эфеса, соединяетъ городъ съ храмомъ мраморной крытой галереей, длиною въ цѣлый стадій, для того чтобы въ дурную погоду святилище не оставалось безъ поклонниковъ. „Трапезную“ при этомъ храмѣ онъ построилъ обширнѣе всѣхъ, до той поры гдѣ-либо извѣстныхъ, и украсилъ ее пышнѣе всѣхъ, бывшихъ въ этомъ родѣ до него ⁴⁾. Пятый раздаетъ бѣднымъ гражданамъ хлѣбъ и деньги ⁵⁾. Шестой, переселяясь для преподаванія въ Аѣины, въ свой университетскій городъ, еще изъ Пирея посылаетъ деньги своему прежнему другу, впавшему въ бѣдность, на выкупъ заложеннаго и назначеннаго къ продажѣ дома ⁶⁾. И это далеко не всѣ видныя благотворенія профессоровъ краснорѣчія.

Но всѣхъ этихъ дарителей затемняетъ колоссальностью

1) Никита Смирнскій—Филостратъ *Vita sof.* I, гл. 19, 1.

2) Гераклидъ изъ Навкратиды—тамъ же II, гл. 26, 2.

3) Лолліанъ—тамъ же I, гл. 23, 3.

4) Даміанъ—тамъ же II, гл. 23, 1—2.

5) Аполлоній изъ Навкратиды—тамъ же II, гл. 19, 2.

6) Проклъ изъ Навкратиды—тамъ же II, гл. 21, 1.

своихъ благотвореній на общую пользу знаменитый Геродъ Атикъ. На собственный счетъ онъ строилъ водопроводы, общественныя термы съ пышною обстановкой, возстановлялъ и украшалъ города, строилъ стадіоны, одэоны и т. д. Его благотвореніями воспользовались Троя, Дельфы, Фессалія, Эпиръ, о-въ Эвбея, Беотія, разные города и мѣста Пелопонеса и Италія. Аѣины онъ украсилъ знаменитымъ по роскоши одэономъ, величавыя руины котораго стоятъ и доселѣ, и стадіономъ за р. Илиссомъ, выложивъ его мраморомъ. Онъ даже носился съ мечтою прорыть Коринескій перешеекъ, отъ чего вынужденъ былъ отказаться Неронъ, и что было окончено только къ завершенію XIX в.

И высокимъ почетомъ платили города тѣмъ представителямъ высшихъ наукъ, которые умѣли производить на нихъ сильное впечатлѣніе! Риторъ Адрианъ, переведенный изъ Аѣинъ при императорѣ Коммодѣ на первую каѣдру въ имперіи, своимъ краснорѣчіемъ такъ властвовалъ надъ римскимъ обществомъ, что и не знавшіе греческаго языка устремились учиться ему. Когда шли игры и публичныя развлечения, то будто бы стоило распространиться въ театрѣ извѣстію, что у Адріана назначается публичная рѣчь, какъ и люди сенаторскаго званія, и всадники, и всѣ любители греческаго слова поднимались съ своихъ мѣстъ и бѣгомъ спѣшили въ Athenaeum полные рвенія и негодовали на тѣхъ, кто опаздывалъ ¹⁾).

Лучшимъ профессорамъ городá ставили по классическимъ образцамъ статуи на публичныхъ мѣстахъ. Изъ занимающей насъ поры аѣиняне такимъ образомъ почтили Герода Атика; Лолліанъ, первый риторъ, получившій содержаніе изъ городской казны Аѣинъ при императорѣ Антонинѣ Піѣ, имѣлъ двѣ статуи ²⁾); Проэресій удостоился такого почета и въ Римѣ, и въ Аѣинахъ; римская статуя

1) Филостратъ указ. соч. II, гл. 10, 5, 8.

2) Тамъ же II, гл. 23, 2.

снабжена была лестною надписью: „Римъ, царь міра, царю краснорѣчія“ ¹⁾).

Пріѣздъ знаменитаго оратора въ какой-либо городъ былъ настоящимъ событіемъ: жители выходили ему навстрѣчу и устраивали оваціи. Богатые люди старались этимъ воспользоваться для собственныхъ бесѣдъ или для пользы дѣтей. Такъ Атикъ, отецъ Герода, воспользовавшись проѣздомъ Скопеліана черезъ Аѳины, предложилъ ему свой домъ и пышное гостепріимство, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, выгоды сына, учившагося въ то время говорить рѣчи экспромптомъ. Увлеченный его краснорѣчіемъ, онъ приказалъ перебить всѣ бюсты древнихъ ораторовъ, какъ будто бы лишь портившихъ его сына. Молодой Геродъ ревностно занялся декламациями подъ руководствомъ Скопеліана. Чтобы сдѣлать отцу пріятное, Геродъ пригласилъ его на собственную импровизацію — въ подражаніе Скопеліану. Успѣхъ сына превзошелъ ожиданія отца, который на радостяхъ необычайно щедро одарилъ и сына, и учителя ²⁾).

Уже постоянные успѣхи профессоровъ высшихъ наукъ въ посольствахъ къ императорамъ свидѣтельствуютъ о высокому значеніи ихъ въ глазахъ римскихъ правителей. Но еще болѣе доказывается это призваніемъ преподавателей краснорѣчія императорами на ближайшую къ нимъ службу. Обыкновеннымъ постомъ риторовъ въ этомъ случаѣ было мѣсто управляющаго императорской канцеляріей, по обоимъ ея отдѣленіямъ, латинскому и греческому (ab epistulis). Необходимость посылать въ Элладу и города греческаго востока эдикты и рекрипты на греческомъ языкѣ повела къ учрежденію отдѣленія греческой корреспонденціи, управление которымъ поручалось обыкновенно греческимъ ри-

¹⁾ Евнапій *Βίοι φιλοσόφ. κ. σοφ.*, стр. 492. Η ΒΑΣΙΛΕΥΟΥΣΑ ΡΩΜΗ ΤΟΝ ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΑ ΤΩΝ ΛΟΓΩΝ. На нашъ языкъ нельзя передать игру настоящихъ словъ. Трудно сказать, передалъ ли здѣсь Евнапій точную надпись или только переводъ латинской надписи, которою городъ Римъ сопроводилъ статую Прозерсія.

²⁾ Филостратъ указ. соч. I, гл. 21, 13.

торамъ. Отъ этихъ авторитетовъ слова требовалась ясность и внушительность официального изложенія. Императорамъ въ ихъ рескриптахъ и указахъ не нужны были ни силлогизмы, ни искусственные приемы доказательствъ, но только определенное выраженіе ихъ взглядовъ и воли, что само по себѣ считалось лучшимъ толкованіемъ закона. Но даромъ этого отчетливаго официального стиля обладаетъ не каждый профессоръ краснорѣчія. Такъ при Септиміи Северѣ управляющій его греческой канцеляріей, профессоръ риторики въ римскомъ университетѣ Аспасій возбудилъ полемику болѣе ученой и искусственной, чѣмъ ясной, редакціей императорскихъ документовъ ¹⁾.

Число примѣровъ назначенія раторовъ на указанный постъ очень велико, и нѣкоторые изъ этихъ лицъ достигли послѣ большого значенія ²⁾.

Другимъ почетнымъ постомъ въ придворной службѣ для людей науки была роль *воспитателей и наставниковъ* императорскихъ *принцевъ* и дѣтей императорскихъ семействъ. Уже Августъ нашелъ нужнымъ пригласить къ своимъ внукамъ знаменитаго филолога Веррія Флакка; знаменитый риторъ Θεодоръ изъ Гадары училъ наукъ краснорѣчія Тиберія; философъ Сенека былъ воспитателемъ Нерона, Квинтилиану поручено было воспитаніе Домиціаномъ внуковъ его сестры Домитиллы. Учителями любознательнаго Марка Аврелія были: Фронтонъ въ латинскомъ краснорѣчій, Геродъ Аттикъ въ греческомъ, Кв. Юній Рустикъ и Секстъ Херонейскій въ стоической философіи, Александръ—въ ученіи школы академиковъ, Клавдій Северъ въ ученіи перипатетиковъ и юристъ Луцій Волусій Меціанъ въ наукъ правовѣднія; Діогенеть преподавалъ ему еще въ 12-лѣтнемъ возрастѣ введеніе въ философію. Воспитателемъ принцевъ Каракаллы и Геты былъ греческій риторъ Антипатръ, вызванный Септиміемъ Северомъ изъ Аѳинъ на должность управляющаго

¹⁾ Филостратъ указ. соч. II, гл. 33, 3.

²⁾ Ср. Friedländer, Darstell. a. Sittengesch. I⁶, стр. 110 и слѣд., 180 и слѣд.

своей греческой канцеляріей. Риторъ высшей школы въ Бурдигалѣ Авсоній былъ воспитателемъ Граціана и Валентиніана; руководству ратора и философа Ѳемистія былъ поручень будущій императоръ Аркадій и т. д. и т. д. ¹⁾.

Нѣкоторые изъ римскихъ и византійскихъ императоровъ особенно приближали къ себѣ ученыхъ—философовъ, раторовъ, юристовъ. Августъ занимался философіей, самъ издалъ философскій трактатъ и велъ бесѣды съ философами ²⁾; Клавдій, отличаясь необыкновеннымъ усердіемъ къ филологическимъ и историческимъ трудамъ, очень много писалъ и издавалъ свои сочиненія въ свѣтъ, и потому для него было совершенно естественно общеніе съ грамматиками и историками ³⁾. Адрианъ, не говоря уже о Маркѣ Авреліи, постоянномъ покровителѣ ученаго сословія, и Септимій Северъ, люди обширнаго образованія, не мало времени проводили въ ученомъ кругу ⁴⁾. Императрица Юлія Домна, супруга Септимія Севера, окружала себя математиками, раторами и философами, и, такъ часто служащій нашимъ источникомъ, Флавій Филостратъ, писалъ свой романъ объ Аполлоніи Тианскомъ по ея порученію ⁵⁾. Даже жестокіе правители Коммодъ и Каракалла—и тѣ чувствовали нравственную силу науки и, хотя по временамъ, отдавали дань уваженія ея носителямъ ⁶⁾. При дворѣ Константина Вели-

¹⁾ Friedländer, указ. соч., стр. 129.

²⁾ Suet. Aug. 85.

³⁾ Suet. Claud. 33, 41, 42. Bücheler, De Ti. Claudio Cæsare grammatico. Elberfeld 1856.

⁴⁾ Объ Адрианѣ см. выше, стр. 978 и слѣд. Spart. Sev. 1, 3, 18.

⁵⁾ Филостратъ *Vita soph.* II, гл. 30.

⁶⁾ Коммодъ, назначая Адриана, профессора краснорѣчія въ Римѣ, начальникомъ своей греческой канцеляріи передъ концомъ его жизни, извиняется, что не слѣдаль этого раньше (Филостр. *Vita soph.* II, гл. 10, 9). Каракалла сносилъ упреки своего учителя Антипатра въ убійствѣ имъ своего брата—Геты. Мстя кровью другимъ за всякій намекъ на это, онъ не рѣшался тронуть своего наставника (Діонъ Касс. LXXVII, 18; Филостр. II, гл. 24, 2). Онъ питалъ благосклонность къ философу Александру изъ Афродисіи, знаменитому толкователю Аристотеля (Zumpt, Über d. Bestand d. philosoph. Schul., стр. 75). О его милостивомъ отношеніи къ ратору Геліодору см. выше, стр. 1002 и слѣд.

каго философъ неоплатонической школы Сопатръ пріобрѣлъ такое вліяніе, что это возбудило зависть и подозрѣніе другихъ, которые и погубили этого ученаго мужа ¹⁾. Юліанъ, который въ день провозглашенія его императоромъ былъ аѳинскимъ студентомъ, послѣ вызвалъ къ себѣ изъ Аѳинъ учителей своихъ, ритора Гимерія и философовъ Максима и Приска и всячески хлопоталъ о пріѣздѣ къ нему третьяго своего профессора Хрисанеія изъ Сардъ. ²⁾ Императоръ Θεодосій II находился и послѣ подъ сильнымъ вліяніемъ своего наставника софиста Троила.

Неоднократно были случаи сопровожденія людьми науки императоровъ во время ихъ военныхъ походовъ и вызовы ихъ при этомъ въ отдаленныя страны.

Талантливые люди, отличавшіеся большею подвижностію характера, создавали въ императорскій періодъ себѣ блистательную административную карьеру, потому что не существовало такого государственнаго поста, который былъ бы закрытъ преподавателямъ высшихъ наукъ. Профессоры краснорѣчія были консулами, канцлерами (*magister officiorum*), начальниками преторія (*praefectus praetorio*), правителями областей, такъ что изреченіе Ювенала ³⁾: „если захочетъ Фортуна, ты будешь изъ ритора консулъ“, испол-

1) Евнапій *Vita philosoph. x. scilicet*, стр. 462 и слѣд. Boisson.—Did.).

2) Его же, стр. 476 и слѣд. Но это приближеніе ученыхъ къ императорамъ далеко не всегда отличалось прочностію. Всѣмъ извѣстна судьба Сенеки. Философъ-неоплатоникъ Сопатръ, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ Константина, возбудилъ ненависть придворныхъ и подозрѣніе многочисленнаго христіанскаго населенія Константинополя. Когда разъ, во время голода, корабли съ хлѣбомъ, по слабости южнаго вѣтра, не могли войти въ Геллеспонтъ, Сопатра обвинили въ томъ, что онъ чародѣйствомъ удерживаетъ ихъ. Народъ взволновался и не воздалъ обычнаго привѣтствія императору въ театрѣ. Константина это поразило, и онъ пожертвовалъ Сопатромъ, который былъ потомъ сосланъ и обезглавленъ (Евнапій, указ. соч., стр. 462 и слѣд. Boisson.—Did.). Глубоко несчастна была судьба философа Максима, приближеннаго къ себѣ императоромъ Юліаномъ, послѣ того какъ во главѣ имперіи встали императоры Валентиніанъ и Валентъ. См. его же, стр. 478—81.

3) *Juv. Sat. VII, 197. Si Fortuna volet, fiet de rhetore consul.* Для времени Нерона возвышеніе нѣкоторыхъ риторовъ до сенаторскаго званія и высшихъ почестей засвидѣтельствовано Светоніемъ (*De Rhetor. 1*).

нялось въ жизни не разъ, и въ тѣсномъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Стоитъ вспомнить при этомъ только болѣе извѣстные примѣры Квинтилиана, Фронтонна, Герода Аттика и Авсонія, этого бывшаго бордосскаго грамматика и ритора, который послѣ прошелъ всѣ высшія должности, до префекта преторія и консула включительно, и былъ правителемъ Африки ¹⁾).

Весьма видную служебную карьеру въ эпоху имперіи составляли себѣ также и римскіе *юристы*, слѣдуя въ этомъ случаѣ многочисленнымъ образцамъ республики. Теперь весьма часто высшіе государственные посты претора, консула, начальника преторіанской гвардіи и намѣстниковъ областей замѣщаются преподавателями юридическаго знанія.

Антистій Лабеонъ, несмотря на республиканскія политическія убѣжденія, былъ преторомъ при Августѣ; Атей Капитонъ, Кокцей Нерва, Целій Сабинъ, Пегасъ (Pegasus), Публий Ювенцій Цельсъ, Нерацій Прискъ и др. были то преторами, то консулами; иные юристы, какъ Таррунтень Патерній, Попиніанъ, Ульпіанъ, Павель и, вѣроятно, Прокулъ возвысились до важнѣйшаго государственнаго поста въ императорскомъ Римѣ—поста начальниковъ преторіанской гвардіи (*praefectus praetorio*); третьи назначались намѣстниками провинцій: такъ, Гай Кассій Лонгинъ былъ намѣстникомъ въ Сиріи, Яволень Прискъ въ Африкѣ и Сиріи, Волусій Меціанъ въ Египтѣ и т. д. Юридическія познанія открывали доступъ къ высокому положенію император-

¹⁾ Ср. менѣе извѣстные примѣры возвышенія императорами греческихъ риторовъ у Филострата (*Vita soph.* I, гл. 22, 3; I, гл. 25, 6; II, гл. 24, 2; II, гл. 29; II, гл. 32) во II и III вв.—Случалось, что частный преподаватель или приват-доцентъ, не имѣвшій успѣха на кафедрѣ, оставлялъ ее и послѣ являлся блестящимъ дѣятелемъ на высшихъ административныхъ мѣстахъ. Риторъ Мусоній, человекъ благороднаго характера и широкаго образованія, испытавъ въ Аѳинахъ бесполезность конкуренціи въ дѣлѣ преподаванія съ Проэресіемъ, избралъ для себя административную службу и послѣ былъ проконсуломъ Азіи, государственнымъ канцлеромъ (*magister officiorum*), викаріемъ Македоніи и Азіи. Sievers, *Das Leben des Libanius*, стр. 219 и слѣд.

скихъ совѣтниковъ и учителей наслѣдныхъ принцевъ. Особеннымъ расположеніемъ къ законовѣдамъ отличался императоръ Адріанъ, сдѣлавшій членами государственнаго совѣта (*consistorium principis, consilium*) Юлія Цельса, Сальвія Юліана, Нерація Приска и др. Послѣдній изъ названныхъ здѣсь юристовъ былъ уже въ такомъ почетѣ у Траяна, что по Риму ходила молва о намѣреніи императора назначить своимъ преемникомъ его, а не Адріана. Меціанъ былъ наставникомъ въ правовѣдѣніи Марка Аврелія, а впослѣдствіи — и членомъ его совѣта; уроками Модестина въ той же наукѣ пользовался Максимъ Младшій († 238 г. по Р. Хр.)¹⁾.

Разъ, въ III в. по Р. Хр., мы встрѣчаемъ человѣка науки даже въ роли настоящаго *полководца*, къ тому же обнаружившаго при этомъ большія стратегическія дарованія и какъ бы втораго Ксенофонта. Это было въ 267 г., когда флотъ, снаряженный готами и герулами, жившими въ Приазовьи, разоривши городъ Византій и опустошивъ затѣмъ нѣсколько острововъ Эгейскаго моря, высадился въ Пелопонесѣ и предаль разоренію Коринѣ, Спарту, Аргось. Часть этого флота причалила въ Пирею, и готы овладѣли Аѣинами съ ихъ акрополемъ раньше, чѣмъ успѣли тамъ организовать защиту города. Населеніе Аѣинъ разбѣжалось, думая лишь о собственномъ спасеніи. Собрать бѣглецовъ и организовать отпоръ врагу рѣшилъ ученый, преподававшій, какъ думаютъ, въ аѣинскомъ университетѣ, — извѣстный своими многочисленными историческими трудами и отличный ораторъ, — Дексиппъ. Онъ собралъ изъ студентовъ, изъ прежнихъ солдатъ и изъ всѣхъ, кто пошелъ къ нему, 2.000 человѣкъ, укрылъ ихъ въ оливковой рошѣ, произнесъ огненную рѣчь²⁾ о необходимости

¹⁾ См. Bremer, Die Rechtslehrer und Rechtsschulen im röm. Kaiserreich (Berlin 1868), стр. 35 и слѣд. 75.

²⁾ Она сохранилась, см. Niebuhr, Corp. scriptorum historiae Byzantinae I, p. 26 sqq.; (ср. p. XIV sqq.). Dindorf, Historici Græci Minores I, p. 186 sqq.; Müller, Fragmenta histor. Græcorum. III, p. 681 (ср. p. 666 sqq.).

защиты славнаго города и изгнанія враговъ. Превосходный кабинетный ученый, онъ оказался и отличнымъ полководцемъ. Искусно раздѣливъ свой небольшой отрядъ на группы и умно размѣстивъ ихъ на выгодныхъ пунктахъ, онъ устроилъ правильную блокаду Аѣинъ, вызывая врага на схватки, и послѣ побѣды нѣкоего Лаодама надъ готскимъ флотомъ онъ выгналъ варваровъ, которые позднѣе и со всѣмъ оставили Грецію ¹⁾.

Играя нерѣдко весьма видную роль въ столицахъ, Римѣ и Константинополѣ, даровитые и понимавшіе практическую сторону жизни профессора краснорѣчія тѣмъ большее вниманіе обращали на себя, уча въ высшихъ школахъ провинціальныхъ городовъ. Тамъ ихъ знакомства искала мѣстная знать; они являлись аристократами положенія; и оттого для родовитыхъ и богатыхъ невѣстъ эти просвѣщенные, эти въ своихъ бесѣдахъ интересныя лица были *завидными женихами*. Авсоній, писатель IV в. по Р. Х., рисуя въ своихъ воспоминаніяхъ профессоровъ бордосской высшей школы и бордосскихъ уроженцевъ, учившихъ языку, литературѣ и ораторскому искусству въ другихъ городахъ и странахъ, выводитъ цѣлый рядъ такихъ богатыхъ и аристократическихъ партій, сдѣланныхъ риторамъ въ Бурдигалѣ, Тулузѣ, Нарбоннѣ и другихъ городахъ Галліи и Испаніи ²⁾.

Слава, большею частью азіатское происхожденіе и значительныя матеріальныя средства приводили знаменитыхъ риторовъ въ Аѣинахъ и въ городахъ греческаго востока къ *роскоши* въ одеждѣ и *пышности* всей внѣшней обстановки жизни. Тогда какъ преподаватели философіи носили темныя плащи и имѣли спокойный и сосредоточенный видъ, риторы отличались въ толпѣ ярко-красными одеждами, нѣкоторые носили золотыя украшенія и вѣнки на головѣ, разъ-

¹⁾ Ср. Herzberg, Die Gesch. Griechenlands unter d. Herrschaft der Römer III, стр. 166 и слѣд.

²⁾ Ausonii Commemor. profess. Burdigal. VI, 35—40; XVI, 9—10; XIX, 5; XXIII, 5.

ѣзжали по улицамъ даже небольшихъ городовъ на дорожныхъ коняхъ и имѣли привычки людей, особенно богатыхъ и ведущихъ пышный образъ жизни.

1. Смирнскій риторъ Антоній Полемонъ, владѣя лучшимъ домомъ въ городѣ, былъ любителемъ большихъ охотъ и пышныхъ путешествій съ цѣлымъ обозомъ рабовъ и домочадцевъ, большимъ количествомъ лошадей и сворами собакъ разныхъ породъ ¹⁾.

2. Адрианъ, уроженецъ Тира, пріѣзжалъ въ Аѣинахъ на лекціи въ пышной и дорого стоящей одеждѣ, украшенной драгоценными камнями, и въ колесницѣ съ отличными конями въ серебряной упряжи. По окончаніи лекціи онъ торжественно возвращался домой пѣшкомъ, окруженный толпою слушателей. Онъ имѣлъ такія величавые виѣшніе приемы, что на него смотрѣли такъ же, какъ въ элевсинскихъ мистеріяхъ взирали на священнодѣйствіе главнаго жреца ²⁾. Онъ, очевидно, не просто училъ, какъ всякій профессоръ, своихъ студентовъ, а какъ бы торжественно священнодѣйствовалъ предъ ними.

3. Аѣинскій риторъ Прокль, египтянинъ по происхожденію, богатый домовладѣлецъ въ Аѣинахъ, въ Элевсинѣ, Пиреѣ, ведшій оптовую торговлю ладаномъ, слоновою костью, мазями, папирусомъ, книгами, славился своими конюшней и охотой и любовью къ пѣтушину и ястребиному спорту. Но въ общемъ это былъ щедрый и благородный характеръ ³⁾.

Съ пышностью жизни неразлучна была и *надменность* такого рода профессоровъ въ обращеніи съ другими.

1. Разъ во время путешествія по провинціи Азіи Антонинъ, будущій императоръ, прибылъ въ Смирну и расположился на ночлегъ въ домѣ Полемона, тогда на-

¹⁾ Филостратъ *Vita soph.* I, гл. 25, 4.

²⁾ Его же, указ. соч. II, гл. 10, 4.

³⁾ Его же II, гл. 21, 1—2. Не вяжется съ послѣднимъ опредѣленіемъ только странный памфлетъ, сочиненный имъ на своихъ аѣинскихъ коллегъ.

ходившагося въ отсутствіи. Ближайшей ночью, однако, профессоръ возвратился и, узнавъ о случившемся, поднялъ такой крикъ, ссылаясь на дарованную ему ателию, которая заключала и свободу отъ всякаго квартирнаго постоя, что Антонинъ вынужденъ былъ покинуть этой же ночью его домъ. Случилось, однако, такъ, что Полемону послѣ пришлось пріѣхать посломъ отъ города въ Римъ, когда Антонинъ Пій былъ уже императоромъ, но этотъ государь, не помня нанесенной ему обиды, обратилъ дѣло въ шутку. Обнявши Полемона, онъ отдалъ приказъ отвести ему пріютъ и притомъ такой, чтобы не пришлось выгонять его оттуда ночью ¹⁾).

2. Когда пріѣхалъ въ Смирну одинъ Босфорскій царь, человѣкъ широкообразованный и любознательный, то Полемонъ не только отсутствовалъ на его встрѣчѣ городомъ, но и отказался съ нимъ свидѣться до тѣхъ поръ, пока царственный гость не явился къ нему въ домъ самъ и не принесъ ему подарка въ 10 талантовъ (ок. 22.224 руб.) ²⁾).

3. Явившись проѣздомъ въ первый разъ въ Аѳины и объявивъ здѣсь публичную декламацию, которая будетъ произноситься экспромптомъ, Полемонъ началъ не съ похвалъ знаменитому городу, какъ это было установлено обычаемъ, но, зная гордый характеръ аѳинянъ, обратился къ нимъ со словами: „говорятъ, что вы, аѳиняне, ученые и разумные слушатели ораторскихъ рѣчей. Посмотримъ“ ³⁾).

4. Послѣдній пріемъ напоминаетъ тождественное отношеніе къ аѳинянамъ ритора Адриана, который, получивъ тамъ императорскую кафедру, открылъ свою первую лекцію въ такомъ тонѣ, какъ бы *онъ* оказываетъ *благодѣяніе* городу, принявъ это мѣсто. Будучи урожен-

1) Филостратъ *Vita soph.* I, гл. 25, 8.

2) Его же указ. соч. I, гл. 25, 10.

3) Его же I, гл. 25, 9.

цемъ города Тира, онъ началъ свою бесѣду словами: „Снова (вамъ, аѳиняне) просвѣщеніе (идеть) изъ Финикіи!“¹⁾

Чтобы поддерживать высоко тонъ своей пышной и дорого стоящей жизни, если не было на то личнаго состоянія, профессорамъ необходимо было имѣть большую аудиторію. Для этого, кромѣ такихъ средствъ, какъ улавливаніе студентовъ ихъ корпораціями, употреблялись иные приемы: давались профессоромъ пиры, устраивались игры, охоты; профессоръ принималъ видное участіе въ народныхъ праздникахъ²⁾ и, такимъ образомъ, подлаживался подъ вкусъ толпы и поддерживалъ свою широкую извѣстность, которая въ свою очередь привлекала къ нему многочисленныхъ учениковъ. Учители краснорѣчія, выступая съ публичными рѣчами, нуждались въ *аплодисментахъ* аудиторіи; они ихъ ждали и на нихъ чистосердечно рассчитывали. Когда разъ Маркъ Аврелій прибылъ въ Смирну и пожелалъ видѣть и слушать извѣстнаго здѣсь ритора Аристида, то онъ на предварительномъ представленіи императору просилъ о разрѣшеніи привести на эту частную рѣчь и своихъ студентовъ. Императоръ изъявилъ согласіе. Ободренннй успѣхомъ профессоръ высказываетъ затѣмъ и другое ходатайство—о разрѣшеніи слушателямъ дѣлать въ теченіе его рѣчи громкіе возгласы и аплодировать сколько хотятъ. Но на это Маркъ Аврелій, улыбаясь, замѣтилъ, что послѣднее зависитъ уже отъ самого оратора³⁾.

Совершенный контрастъ людямъ этого типа составляли въ средѣ преподавателей высшихъ наукъ лица характера *непритязательнаго, скромнаго, уклончиваго*. Они жили исключительно своими научными и академическими интересами, устраниаясь отъ свѣта и всѣхъ его волненій.

1. Никита изъ Смирны (I в. по Р. Хр.), учитель Плинія Младшаго, человѣкъ большой риторской славы въ

¹⁾ Филостратъ II, гл. 10, 4.

²⁾ Его же, указ. соч. II, гл. 10, 5.

³⁾ Его же указ. соч. II, гл. 9, 4.

Римѣ, рѣдко показывался въ обществѣ и всячески избѣгалъ похвалъ себѣ: „боюсь я, — говаривалъ онъ, — похвалъ народа больше, чѣмъ его порицаній“ ¹⁾.

2. Ипподромъ изъ города Ларисы въ Фессалии, бывшій профессоромъ въ Аѣинахъ во II ст. по Р. Хр., человѣкъ очень богатый, щедрый и дѣлавшій много добра другимъ, отличался крайней скромностью въ собственной оцѣнкѣ; при большихъ ораторскихъ достоинствахъ, онъ отклонялъ отъ себя похвалы, не позволяя своимъ почитателямъ и слушателямъ сравнивать себя съ знаменитостями въ искусствѣ краснорѣчія. А когда его осмѣялъ въ своемъ памфлетѣ одинъ товарищъ по профессіи, наравнѣ съ другими аѣинскими профессорами, онъ отнесся къ этому какъ мудрецъ и на ругательства не отвѣчалъ ²⁾.

3. Много разъ упоминавшійся Юліанъ, профессоръ краснорѣчія IV в. по Р. Хр., при всей своей славѣ и многочисленности слушателей, жилъ въ Аѣинахъ въ маленькомъ домикѣ, все украшеніе котораго составляли книги, портретныя изображенія его друзей, и все, что говорило о попечителѣ Музъ и Гермеса, покровителя краснорѣчія. Всю роскошь этого профессора составляла аудиторія, обложенная полированнымъ мраморомъ и имѣвшая форму маленькаго театра съ рядами сидѣній, поднимающихся вверхъ, и каедрой ³⁾.

4. Философъ IV в. по Р. Хр. Хрисаней, учившій въ Сардахъ разрѣшилъ своему ученику Евнапію написать его біографію только подъ условіемъ краткости и умѣренности въ похвалахъ ⁴⁾.

Лица этого типа привлекаютъ наши симпатіи своею нестяжательностью и истинной любовью къ окружающимъ

¹⁾ Филостратъ указ. соч. II, гл. 19, 1. См. о немъ Westermann, Gesch. d. griech. Beredsamkeit I, стр. 186, 188.

²⁾ Филостратъ указ. соч. II, гл. 27, 3.

³⁾ Евнапій Βίαι φιλ. κ. σοφ.—Ιουλιάνος, стр. 483 Boiss.—Diodot.

⁴⁾ Его же указ. соч.—Χρυσάνθιος—стр. 500.

ихъ ученикамъ. Они или совсѣмъ не берутъ со слушателей гонорара, или уменьшаютъ его до послѣдняго минимума; они гостепріимны, они служатъ даромъ своими адвокатскими способностями людямъ бѣднымъ и отказываются отъ правительственнаго жалованья, предпочитая независимость частнаго преподавателя; они отклоняютъ щедрые подарки людей сильныхъ, отсылаютъ наиболѣе выгодныхъ слушателей къ ученикамъ своимъ для большихъ успѣховъ въ наукѣ. Но, естественно, являясь натурами исключительными, люди такого склада въ высшей степени рѣдки.

1. Ѳемистій, философъ IV в. по Р. Хр., въ Константинополѣ училъ даромъ, подражая древнимъ столпамъ философіи—Сократу, Платону, Аристотелю ¹⁾.

2. Софистъ III в. по Р. Хр. Прокль бралъ всего 100 драхмъ за весь курсъ ученія ²⁾.

3. Учитель его, риторъ Хрестъ, имѣя 100 платныхъ слушателей, довольный этимъ, отклонилъ посольство аеинянъ къ императору въ Римъ о назначеніи его на правительственную кафедру съ 10.000 драхмъ жалованья ³⁾ и остался навсегда приватъ-доцентомъ.

4. Аполлоній, уроженецъ Навкратиды въ Египтѣ, уступчивый на счетъ гонорара, принималъ къ сердцу нужды другихъ и раздавалъ свое состояніе бѣднымъ ⁴⁾.

5. Эдесій не принялъ подарка отъ будущаго императора Юліана, слушавшаго его въ Пергамѣ. Указывая на свою старость, на бренность разрушающейся плоти, ученый мужъ послалъ Юліана къ ученикамъ своимъ ⁵⁾.

Обхожденіе ихъ со студентами было простое *близкое* и *благодарное*, какъ отца съ дѣтьми или старшаго брата съ младшими. Зная, какъ задорна и обидчива юность, въ порицаніяхъ они соблюдаютъ мудрую мѣру или избираютъ для искорененія недостатковъ ихъ форму шутки. О простотѣ

¹⁾ См. выше, стр. 968 и слѣд.

²⁾ См. выше, стр. 971.

³⁾ Филостратъ *Vita соф.* II, гл. 11, 2.

⁴⁾ Его же II, гл. 19, 2.

⁵⁾ Евнапій *Vita фил. х. соф. Аіδήςιος*, стр. 474.

отношеній преподавателей къ студентамъ говорятъ намъ, между прочимъ, слѣдующіе примѣры.

1. Лоллианъ, профессоръ риторической каѳедры, учрежденной аѳинянами при Антонинѣ Піѣ, исполняя должность стратега, во время голода объявилъ между своими слушателями складчину на покупку хлѣба для народа. Этимъ путемъ собраны были значительныя деньги, которыя потомъ благородный профессоръ возвратилъ дарителямъ, объявивъ свой курсъ преподаванія бесплатнымъ ¹⁾.

2. Профессоръ философіи Тавръ всю жизнь свою посвящалъ наукѣ, преподаванію и благу своихъ учениковъ. Въ средѣ ихъ, окруженный ихъ любовью, проводилъ онъ и свои свободные часы, то сидя съ ними у дверей своего дома, то приглашая болѣе близкихъ къ своимъ скромнымъ трапезамъ, то гуляя въ ихъ обществѣ, то вмѣстѣ съ ними посѣщая больныхъ ихъ товарищей. Постоянно серьезный и возвышенно настроенный, онъ не упускалъ случая для наставленія ихъ даже во время своихъ маленькихъ пиршествъ съ ними ²⁾.

3. Разъ въ лѣтнюю пору, къ Героду Аттику въ его подгородное, близъ Аѳинъ, помѣстье собрались студенты-итальянцы и были, по обычаю, благодушно приняты гостепріимнымъ хозяиномъ. Среди гостей оказался и одинъ молодой человекъ, назвавшій себя послѣдователемъ стоической философіи. Большой болтунъ и нахаль, онъ завладѣлъ разговоромъ, завязавшимся послѣ обѣда у знаменитаго учителя со студентами; употребляя бессмысленно ученые термины и превознося свои успѣхи въ рѣшеніи всѣхъ теоретическихъ вопросовъ философіи, онъ началъ хвастаться тѣмъ, что человекѣ

¹⁾ Филостратъ *Vita soph.* I, гл. 23, 1. Стратегъ завѣдывалъ теперь народнымъ продовольствіемъ. *Λολλιανός*—говоритъ этотъ писатель—*προέστη δε καὶ τοῦ Ἀθηναίων ὄψιμου στρατηγῆσας αὐτοῖς τὴν ἐπὶ τῶν ἔπλων. ἡ δ' ἀρχὴ αὐτῆ παλαιὰ μὲν κατέλεγε τὲ καὶ ἔζηεν ἐς τὰ πολέμια, νυνὶ δὲ τροφῶν ἐπιμελεῖται καὶ σίτου ἀγορᾶς.*

²⁾ A. Gell. Noct. Att. XVII, 8; XVIII 10.

его убѣжденій ничего не значать ни страданія, ни болѣзни тѣла, и что ни одно изъ нихъ не въ состояніи омрачить его лица и нарушить ясности душевной. Когда эта болтовня всѣмъ наскучила, Геродъ велѣлъ принести сочиненіе Эпиктета и прочитавъ изъ него одно мѣсто, гдѣ этотъ стойкъ-старецъ порицаетъ юношей, которые величаютъ себя стойками, а на дѣлѣ вмѣсто подвиговъ добродѣтели ограничиваются лишь учеными разглагольствованіями. Хвастунъ понялъ смыслъ поступка профессора и умолкъ ¹⁾. Тотъ же профессоръ, будучи приглашенъ своимъ даровитымъ студентомъ Адрианомъ на публичную декламацию, внимательно выслушалъ его первый опытъ и, замѣтивъ недостатокъ связи между частями этой рѣчи и неодинаковость достоинствъ отдѣльныхъ мѣстъ, для одобренія молодому оратору сначала сказалъ: „это большіе фрагменты колосса“, и потомъ уже обратилъ его мысль на все казавшееся ему неудачнымъ ²⁾.

4. Послѣ этотъ самый студентъ, ставши самъ аѳинскимъ профессоромъ и человѣкомъ пышно живущимъ и надменнымъ, умѣлъ, однако, шуткою исправлять нравственные недостатки своихъ слушателей. Однажды ему одинъ скупой и очень богатый студентъ прислалъ въ подарокъ рыбъ на серебряномъ и отдѣланномъ золотомъ блюдѣ. Зная о его скупости, Адрианъ оставилъ у себя и блюдо. А когда скупой юноша прислалъ за нимъ, то тотъ не только не отдалъ ему его, но и воскликнулъ: „прекрасно! теперь онъ потребуетъ назадъ еще и рыбу!“ И опять не отдалъ блюда. Но это была только шутка съ цѣлью вразумить скупого юношу. Блюдо было послѣ возвращено ³⁾.

5. Аѳинскій риторъ Ипподромъ разъ присутствовалъ въ Олимпіи на публичной декламациі своего молодого

1) A. Gell. Noct. Att. I, 2.

2) Филостратъ *Vita* соф. II, гл. 10, 3.

3) Его же указ. соч. II, гл. 10, 9.

ученика, 22-лѣтняго Филострата, рѣшившагося говорить здѣсь экспромптомъ. Рѣчь имѣла успѣхъ; но когда слушатели пожелали, чтобы и профессоръ показалъ свое искусство говорить безъ подготовки, Ипподромъ отклонилъ это до другого дня, чтобы не портить репутаціи юнаго оратора. Тотъ же профессоръ проливалъ слезы и облекся въ трауръ по случаю смерти ученика его, юноши Діодота каппадокійца, подававшаго блестящія надежды ¹⁾).

Это—примѣры изъ аеинской жизни II и III вв. по Р. Хр. Но то же самое мы встрѣчаемъ и въ IV в. въ высшихъ школахъ греческаго востока.

6. Неоплатоникъ Ямблихъ, уроженецъ города Халкиды въ Сиріи и тамъ, повидимому, имѣвшій свою школу, проводилъ почти все свое время съ своими учениками, живя просто, и послѣ скромныхъ трапезъ, за стаканомъ вина, разбавленнаго водою, онъ велъ съ ними серьезныя и веселыя бесѣды. Имѣя большую аудиторію и учениковъ различнаго нрава и требованій, былъ со всѣми одинаково кротокъ, ласковъ, ровень ²⁾).

7. Ученикъ его, профессоръ философіи въ Пергамѣ, Эдесій былъ характера открытаго и послѣ напряженной и сосредоточенной работы имѣлъ обыкновеніе гулять за городомъ въ сопровожденіи своихъ лучшихъ слушателей. Здѣсь онъ старался направлять ихъ характеръ, дѣлая гуманными и справедливыми склонныхъ къ обидамъ, жестокихъ и дерзкихъ на слово, и внушая скромность молодымъ людямъ, слишкомъ надменнымъ и честолюбивымъ. Желая показать, что необходимо быть внимательнымъ и ласковымъ также и съ лицами низшихъ классовъ и профессій, этотъ философъ въ виду учениковъ останавливался передъ продавцами овощей, разспрашивалъ ихъ о цѣнѣ, бесѣдовалъ о спо-

¹⁾ Его же указ. соч. II, гл. 27, 5.

²⁾ Евнапій Βίοι φιλ. х. соф. Ἰαμβλίου, стр. 458. Ср. Zeller указ. соч. III² (2), стр. 679 и слѣд.

собахъ выводить лучшіе сорта и т. д. Въ такіе же разговоры вступалъ онъ съ ткачами, мѣдниками, плотниками и другимъ рабочимъ людомъ.

8. Философъ того же вѣка и той же школы, уроженецъ Сарды и тамъ учившій, Хрисаней держалъ себя со студентами такъ, что каждый, уходя отъ него былъ убѣжденъ въ *особомъ* расположеніи профессора именно къ нему. Да и съ другими онъ не спорилъ, не выставялъ на видъ своей большой эрудиціи, со всѣми соглашался, хвалилъ всякое чужое мнѣніе и всякую чужую рѣчь, хотя бы того она совсѣмъ не стоила и отзывалась абсурдомъ. Онъ всѣмъ кивалъ въ знакъ согласія, чтобы только не опечалить другого. Тихій и кроткій, только въ діалектическихъ упражненіяхъ онъ измѣнялся совершенно: тогда волосы у него поднимались дыбомъ и безпокойное движеніе глазъ свидѣтельствовало о сильно напряженной работѣ его мыслей надъ выставленнымъ положеніемъ. Да еще передъ людьми сильными и властями онъ обнаруживалъ необыкновенную свободу тона, такъ что со стороны это казалось признакомъ высокоумія ²⁾).

9. Неоплатоникъ заката философіи Сиріанъ, живя въ Афинахъ съ своимъ ученикомъ Прокломъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и имѣя его своимъ помощникомъ въ литературныхъ трудахъ, пожелалъ лечь съ нимъ въ *одной могилѣ* ³⁾),—случай нѣжныхъ отношеній наставника къ ученику, бывший въ школѣ этой еще въ III в. до Р. Хр., когда Полемонъ († 270 г.) и любимый его ученикъ и преемникъ по схолярхату Кратетъ и жили вмѣстѣ, и легли также въ *одной могилѣ* ⁴⁾).

1) Евнапій указ. соч. Αἰδέσιος стр. 481 и слѣд.; Zeller указ. соч. III³ (2), стр. 728.

2) Евнапій указ. соч. Χρῆσανθεῖος р. 502; Zeller указ. соч. III³ (2), стр. 732.

3) Маринъ Проклос гл. 36.

4) Диог. Лаерт. IV, 4, 21. Другой примѣръ нѣжныхъ отношеній учителя и ученика представляютъ въ той же школѣ Кранторъ и Аркесилай (его же IV, 4, 22).

Приведенные примѣры относятся къ вѣку римской имперіи¹⁾. Но близкое общеніе учителей и учениковъ утвердилось еще въ классическую пору. Въ греческихъ философскихъ школахъ были опредѣленные дни въ мѣсяцѣ, назначенные для общихъ собраній и трапезъ.

1. Такъ у перипатетиковъ схолархъ Ликонъ, третій преемникъ по управленію школою, собиралъ своихъ слушателей и прежнихъ членовъ школы *каждое послѣднее* число мѣсяца на трапезу, со взносомъ 9 оболовъ съ лица, суммы, едва хватавшей развѣ на вѣнки и благовопія, при чемъ бѣдные ученики освобождались и отъ этой платы. Пиры эти отличались, однако, большою роскошью и затягивались до утра и потому возбуждали порицанія²⁾.

2. Въ школахъ эпикурейцевъ былъ обычай собираться на *каждое двадцатое* число, вслѣдствіе завѣщанія самого Эпикура, для поминовенія о немъ и его другъ Метродоръ. Эпикурейцы свято чтили эту волю основателя ихъ школы, оставившаго для того и особый капиталъ, и извѣстны были подъ именемъ *людей 20-го числа* (Εἰκαδίσται)³⁾.

3. У стоиковъ были дни обязательныхъ общихъ собраній въ память представителей ихъ школы, изъ II в. до Р. Хр., Диогена изъ Вавилона, Антипатра изъ Тарса и Панэція Родосскаго⁴⁾.

Но эта свѣтлая сторона далеко не была единственной во взаимныхъ отношеніяхъ представителей высшаго знанія. Исторія развитія наукъ и высшихъ школъ древняго міра,

¹⁾ Совершенную противоположность этимъ примѣрамъ благодушнаго, трогательнаго и иногда нѣжнаго отношенія профессоровъ къ своимъ слушателямъ и ученикамъ представляли такія несдержанныя натуры, какъ Филархъ, частный преподаватель риторики въ Аѳинахъ во II в. по Р. Хр., который разъ оплеухой разбудилъ заснувшаго въ его аудиторіи слушателя (Филостр. *Віаи соф.* II, гл. 8, 1), или вспыльчивый Либаній, прибѣгавшій къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ отношеніи младшихъ своихъ учениковъ.

²⁾ Аѳиней XII, 69; Zumpt, *Über d. Bestand der philos. Schul.*, стр. 15 и слѣд.

³⁾ Ср. Zumpt указ. соч. стр. 12.

⁴⁾ Аѳиней V, 2; Zumpt указ. соч. стр. 16.

напротивъ, весьма часто омрачалась сильной *враждой* и недоброжелательствомъ ихъ дѣятелей. Аѳинскіе философы ведутъ постоянныя войны другъ съ другомъ, при чемъ вражда охватывала даже и членовъ одной и той же школы, одного и того же ученія. Академики называли Аристотеля измѣнникомъ ученію своего наставника Платона, когда онъ отдѣлился отъ академіи и вмѣстѣ со своими послѣдователями основалъ школу перипатетиковъ въ Ликее¹⁾. Позднѣе преемникъ его по управленію школой, схолярхъ Ликонъ (269—226 г. до Р. Хр.), до того ненавидѣлъ своего сочлена Іеронима, что не выносилъ его присутствія и потому одинъ изъ всѣхъ перипатетиковъ не являлся на общую годовичную трапезу, устраивавшуюся въ память благотворителя школы, македонскаго царя Антигона Гоната²⁾. Академикъ Карнеадъ († 129 г. до Р. Хр.) враждуетъ со схолярхомъ стои Антипатромъ³⁾. Стоикъ I ст. до Р. Хр. Діотимъ писалъ запоздалое обвиненіе противъ Эпикура и клеветалъ на него, распространивъ 50 писемъ безстыднаго характера, будто бы сочиненныя Эпикуромъ⁴⁾.

Враждебныя отношенія отличаютъ и преподавателей высшихъ школъ римской имперіи, а исторія дѣятельности софистовъ II—IV вв. полна этихъ печальныхъ фактовъ. Они открыто завидуютъ другъ другу и преслѣдуютъ соперниковъ всѣми доступными имъ способами. Вражда ими ведется и тайно, и явно; въ ихъ средѣ составляются злостныя памфлеты, оскорбляющіе честь даже почтенныхъ личностей; невоздержные люди позволяютъ себѣ обидныя названія относительно товарищей по наукѣ; пускаются инсинуаціи

1) Диог. Лаерт. V, 1, 4.

2) Его же V, 4, 68.

3) См. Zumpt, Über d. Best. d. philos. Schul. стр. 42, 79.

4) Диог. Лаерт. X, 3. Это лишь немногіе примѣры личной и литературной вражды греческихъ философовъ; увеличивать число ихъ не входитъ въ нашу задачу. Но эта взаимная вражда не исключала и явленій иного рода. Академикъ Аркесилай († 241 г. до Р. Хр.) повелъ самъ ученика своего, который пожелалъ вступить въ школу перипатетиковъ, къ философу Іерониму и его здѣсь представилъ (Тамъ же IV, 6, 42).

противъ опасныхъ соперниковъ въ студенческую среду и здѣсь разыгрываются изъ-за того цѣлая война и побоища. Никакой талантъ и никакое высокое положеніе въ обществѣ не освобождаютъ отъ этихъ интригъ и злостнаго противо-дѣйствія завистниковъ или оскорбленныхъ самолюбій. Иногда соединяются нѣсколько профессоровъ и приватъ-доцентовъ вмѣстѣ для того, чтобы сбить съ позиціи неприятнаго или невыгоднаго для ихъ личныхъ интересовъ дѣятеля каеэдры. Вражда и злоба иногда дѣлають все возможное, чтобы не пустить на каеэдру человѣка особенно даровитаго и заявившаго свой талантъ на поприщѣ частнаго преподаванія. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ.

1. Діонисій Милетскій, учившій риторикѣ въ Смирнѣ, не спитъ ночей, по собственному признанію, слыша о растущей славѣ Антонія Полемона ¹⁾.

2. Аѣинскій профессоръ Θεοδοτὴ тайно интригуеть противъ Герода Аттика, помогая оратору Демострату въ сочиненіи обвинительныхъ рѣчей противъ него и рассчитывая обратить въ свою пользу все, что бы ни случилось впослѣдствіи ²⁾.

3. Риторъ Проклъ изъ Навкратиды опубликовалъ памфлетъ на всѣхъ аѣинскихъ преподавателей краснорѣчія и осыпалъ позоромъ даже благороднаго Ипподрома ³⁾.

4. Цѣлый комplotъ изъ приватъ-доцентовъ и профессоровъ составлень былъ противъ Гераклида. Этотъ уроженецъ Ликии, человѣкъ большихъ преподавательскихъ заслугъ и большого трудолюбія, въ 196. г. получилъ императорскую каеэдру краснорѣчія въ аѣинскомъ университетѣ. Но здѣсь онъ встрѣтилъ цѣлую, тѣсно сплоченную партію лицъ, враждебно къ нему настроенныхъ. Тутъ были и профессоръ того же предмета Аполлоній Аѣинскій, человѣкъ особенно дарови-

¹⁾ Филостратъ *Βίοι σοφ.* I, гл. 22, 7.

²⁾ Его же II, гл. 2, 1,

³⁾ Его же II, гл. 27, 3. Ср. выше, стр. 1015 прим. 3, стр. 1018.

тый и юристъ по направленію¹⁾, и частные преподаватели риторики изъ Египта, уроженцы города Навкратиды, Птолемей и Аполлоній, враждовавшій съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ Гераклидъ, выступивъ соперникомъ его въ краснорѣчій въ отечественномъ городѣ Навкратидѣ, одержалъ надъ нимъ побѣду. Съ этимъ Аполлоній не могъ примириться, преслѣдуя его и устно и памфлетомъ. О степени ненависти Аполлонія къ своему счастливому конкурренту можно судить по слѣдующему факту. Разъ встрѣтивши Гераклида на улицѣ съ книгою въ рукахъ, онъ спросилъ его, что сочинилъ онъ? Гераклидъ сказалъ ему, что его сочиненіе называется Πόβος ἑγκώμιον, „Хвала труду“. Аполлоній взялъ книгу въ руки и, незамѣтно стерши первую букву заглавія, сдѣлалъ то, что она стала значить „Хвала ослу“, ὄβος ἑγκώμιον. Онъ же въ особомъ памфлетѣ представилъ Гераклида тупицей и корпѣлкой.—Интрига, поднятая противъ него, была такъ сильна, что когда Аполлоній Аѳинскій по дѣламъ города предпринялъ путешествіе въ Римъ, то Гераклидъ началъ бояться, какъ бы онъ своей враждой не повредилъ ему при дворѣ, гдѣ къ тому же, въ должности главы греческой канцеляріи Септимія Севера былъ въ то время прежній аѳинскій софистъ Антипатръ, человѣкъ ему недружелюбный. Въ виду этого онъ самъ поѣхалъ въ столицу защищать свое положеніе, если понадобится. Но это его и погубило. Септимій Северъ узналъ о разладѣ аѳинскихъ профессоровъ и назначилъ ему и Аполлонію ораторскій турниръ. Гераклидъ, необычайно тучный, отягченный большимъ животомъ, застѣнчивый, неловкій, въ придворной обстановкѣ смутился, говорилъ плохо и произвелъ настолько непріятное впечатлѣніе на императора, что онъ лишилъ его преимуществъ профессорской ателіи, осыпавъ при этомъ большими милостями

1) Филостратъ Βίαι σσφ. II, гл. 20, 1.

его врага Аполлонія. Убитый горемъ, онъ вернулся въ Аѳины; но здѣсь ожидали его новыя обиды. Его неудача стала извѣстна студентамъ Аполлонія Навкратидскаго, которые сдѣлали его мишенью нескончаемыхъ насмѣшекъ и преслѣдованій. Гераклидъ вынужденъ былъ поэтому покинуть Аѳины и переселиться въ Смирну, гдѣ онъ достигъ, однако, колоссальнаго профессорскаго успѣха. Молодежь стекалась къ нему изъ всѣхъ областей Малой Азіи, изъ Сиріи и Египта и со всего востока; являлись къ его каедрѣ и ученики изъ Европы и самихъ Аѳинъ ¹⁾.

5. Въ IV в. Гимерій постоянно жалуется на обиды со стороны враговъ и на происки ихъ передъ властями, которыя разъ лишили его каедръ и права публичныхъ рѣчей ²⁾.

6. Послѣ долгой бури, поднятой конкуррентами, какъ мы видѣли выше, получилъ каедрю въ Аѳинахъ Прозересій ³⁾.

7. Враги и соперники преслѣдуютъ Либанія въ Константинополѣ, откуда онъ вынужденъ былъ переселиться въ другія мѣста, и въ отечественной Антіохіи, гдѣ онъ послѣ пріобрѣлъ себѣ большую славу ⁴⁾.

И т. д. ⁵⁾.

Уже давно обращалось вниманіе на *долговѣчность* греческихъ философовъ и риторовъ какъ классическаго времени ⁶⁾, такъ и императорской поры. Они доживали до глубокой старости. Одни изъ нихъ достигали 100 и болѣе лѣтъ, иные умирали въ 90-хъ годахъ, многіе въ 80-хъ и 70-хъ.

¹⁾ Филостратъ *Βίοι σοφ.* II, гл. 26; ср. II, гл. 19 и 20.

²⁾ Гимерій *Or.* VIII, 1. Ср. Wernsdorffius, *Himerii sophistae Eclogae et Declamationes.* I, p. L.

³⁾ См. выше, стр. 964 и слѣд.

⁴⁾ Sievers, *Das Leben d. Libanius* стр. 51, 64.

⁵⁾ Нѣсколько другихъ примѣровъ этой профессорской вражды разсказывается ниже, въ характеристикѣ студенческой жизни.

⁶⁾ Еще Лукіану приписывается сочиненіе *Μακροβίοι*, заключающее много интересныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ.

Софистъ Горгій, по преданію, умеръ 108 лѣтъ, сохранивъ бодрость тѣла и духа до послѣднихъ дней; Исократъ почти 100 лѣтъ, Зенонъ, основатель школы стоиковъ, 92 или 90, его ученикъ и преемникъ Клеанѣъ 99 по однимъ, или 80 лѣтъ — по другимъ, Карнеадъ 90, или 85 по другому извѣстію, Діогенъ стоикъ 88, Посидоній стоикъ 84, Платонъ 81, Ксенократъ и Полемонъ послѣ 80-го года, Хрисиппъ 80, или 73 по другимъ, Эпикуръ 72, Аркесилая на 70 г. и т. д.

Въ императорскую эпоху встрѣчаемъ слѣдующія предѣльные числа: 91 (Проэресій), свыше 90 (Авсоній и Прискъ), 80 лѣтъ и выше (риторы Адрианъ и Гераклидъ), 76 (Геродъ Аттикъ), 75 (риторъ Аполлоній Аевинскій, философъ Прокль) и т. д.

Это обстоятельство долговѣчности должно было стоять въ связи съ образомъ жизни, у большинства регулярнымъ, обеспеченнымъ и сравнительно спокойнымъ. Гимнастика и физическія упражненія здѣсь также оказывали свое благотворное дѣйствіе. О нѣкоторыхъ преподавателяхъ высшихъ школъ говорится, что они систематически занимались гимнастикой, питались умѣренно по обычаю атлетовъ и сами упражнялись въ атлетическихъ приемахъ.

1. Проэресій, умершій 91 г., поражалъ своей выносливостью въ Галліи, не надѣвая тамъ зимней теплой обуви, ходя въ простомъ потертомъ плащѣ, воздерживаясь отъ теплой воды, вмѣсто которой пилъ прямо холодную, ледяную рейнскую воду ¹⁾.

2. Философъ Хрисанфій былъ человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія, желѣзной выносливости въ трудѣ, привыкшій ко всякаго рода тѣлеснымъ упражненіямъ. Въ своей преклонной старости онъ не дѣлалъ различія въ трудѣ съ своей юностью. И своей выше чѣмъ 80-лѣтней рукой онъ будто бы переписалъ столько книгъ, сколько другому, по словамъ его біографа, не прочитать въ мо-

¹⁾ Евнапій *Vitae philosoph. cal. soc.*—*Προαφρέσιος* стр. 492. Boisson.—Didot.

лодые годы. Вслѣдствіе того, отъ непрерывнаго держанія тростниковаго пера, пальцы у него подъ старость искривились. Послѣ продолжительныхъ трудовъ, чтенія, письма и лекцій, онъ ходилъ долго, но очень медленно, и потому со стороны могло показаться, что онъ боленъ ногами. Онъ предпочиталъ растительную пищу мясной, послѣдней пользовался очень рѣдко, а свиного мяса не ѣлъ никогда. Любилъ онъ лѣчиться кровопусканіями, которыя въ концѣ и погубили его ¹⁾.

Но и въ этомъ классѣ бывали люди очень невоздержанные въ пищѣ. Не разъ упоминавшійся ранѣе риторъ II—III вв. Гераклидъ слылъ обжорою, хотя и прожилъ свыше 80 лѣтъ. Про другого весьма талантливаго приватъ-доцента ораторскаго искусства въ Афинахъ извѣстно, что онъ много пилъ вина, проводилъ время въ попойкахъ до пѣтуховъ, потомъ имѣлъ еще обычай заниматься наукой раньше, чѣмъ лечь спать. Прожилъ онъ, однако, лишь до 50 лѣтъ ²⁾. А чрезвычайно даровитый молодой софистъ Гермократъ Фокейскій, времени Септимія Севера, прогулявшій съ друзьями огромное отцовское наслѣдство, умеръ на 28 или по другимъ на 25 году ³⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. Цвѣтаевъ.

¹⁾ Евнасій указ. соч.—Χρυσάνθου стр. 500, 502, 505

²⁾ Филостратъ Βίαι σοφ. II, гл. 11.

³⁾ Его же II, гл. 25, 3.

Методъ самонаблюденія въ психологiи.

I.

Всякаго размышляющаго человѣка должно поражать то странное и грустное состояніе, въ которомъ находится психологiя сравнительно съ другими науками. Возникла она очень давно. Отдѣльныя глубокія и цѣнныя наблюденія надъ душевною жизнью человѣка были сдѣланы уже въ тѣ времена, когда, напр., физика еще находилась въ совершенномъ младенчествѣ. А между тѣмъ теперь психологiя несомнѣнно отстала отъ всѣхъ другихъ отдѣловъ научнаго знанія: справедливо можно сказать, что у нея нѣтъ ни прочныхъ и содержательныхъ законовъ, ни общепринятыхъ принциповъ объясненія; у нея даже оказывается чрезвычайно мало фактовъ, которые были бы признаны всѣми. Психологическая наука распадается на школы и секты, готовые спорить обо всемъ. И все-таки едва ли можно сомнѣваться, что между всѣми спеціальными областями знанія психологiи принадлежитъ наиболѣе важное мѣсто. И это не только потому, что она стремится раскрыть намъ нашъ собственный внутренній міръ и путемъ безпристрастнаго анализа обнаружитъ тѣ стимулы, которые движутъ и направляютъ нашу мысль, наше чувство и нашу волю. Значеніе психологiи представляется, можетъ быть, еще болѣе серьезнымъ въ виду того особаго положенія, которое она, по своему предмету, получаетъ въ общей системѣ человѣческихъ знаній: это положеніе слѣдуетъ назвать *центральнымъ*.

Здѣсь приходится остановиться на истинѣ огромной важности: *мы все знаемъ только черезъ призму своего собственнаго духа.* Это безспорный и очевидный фактъ. Всякій предметъ дается намъ только въ нашихъ ощущеніяхъ, воспріятіяхъ, представленіяхъ, идеяхъ, сужденіяхъ. Что, напримѣръ, значитъ *воспринять* предметъ, — положимъ, его видѣть? Мы тогда видимъ его, когда въ нашемъ сознаніи сочетались различныя зрительныя ощущенія свѣта, цвѣта и формы, и когда эти наличныя ощущенія сопоставлены нашимъ сознаніемъ съ прошлыми ощущеніями отъ того же предмета или отъ предметовъ съ нимъ однородныхъ. Другими словами, въ этомъ, казалось бы, простомъ актѣ усмотрѣнія лежащей предъ нами вещи мы имѣемъ очень сложный и чисто психическій процессъ. Или что значитъ *вообразить* предметъ (положимъ, лицо знакомаго намъ человѣка, отсутствующаго въ настоящее мгновеніе)? Опять и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ очень сложный душевный процессъ чисто внутренняго воспроизведенія всѣхъ деталей воспоминаемаго образа, замѣченныхъ нами въ нашихъ опытахъ. Нечего настаивать, насколько еще болѣе сложными являются процессы нашего отвлеченнаго пониманія какихъ-нибудь общихъ истинъ о вещахъ, нашего логическаго доказательства научныхъ положеній о нихъ и т. д. Въ виду всего этого представляется совершенно несомнѣннымъ слѣдующее общее утвержденіе: *мы никакихъ объектовъ не знаемъ прямо, мы все познаемъ черезъ психическіе символы или значки.*

Но разъ это такъ, то уразумѣніе природы и законовъ нашихъ психическихъ процессовъ получаетъ принципиальное значеніе для оцѣнки всякаго другого нашего познанія. Нѣсколько примѣровъ пояснятъ мою мысль. Геометрія, положимъ, изучаетъ основныя свойства и законы пространства и формъ въ пространствѣ. Но что же такое пространство? Существуетъ ли оно въ самой природѣ или оно только намъ *кажется* въ ней? Есть ли оно изначальное вмѣстидіе всѣхъ вещей, существующее абсолютно, данное раньше всего на свѣтѣ, какъ думалъ, напримѣръ, Ньютонъ, или оно только

наше субъективное представленіе, подъ угломъ котораго мы все воспринимаемъ, какъ учили Кантъ и Шопенгауэръ? И если оно существуетъ помимо насъ, то совсѣмъ ли оно такое, какъ мы его представляемъ, или у него есть свойства, быть можетъ, даже измѣренія, о которыхъ мы ничего не подозреваемъ и которыхъ мы даже неспособны вообразить себѣ? Всѣмъ извѣстно, какіе горячіе споры идутъ объ этомъ, — между тѣмъ, можно ли надѣяться рѣшить эти вопросы, если мы не будемъ имѣть яснаго пониманія того, какъ воспринимаемъ мы пространство и какъ образуется въ насъ представленіе о немъ. Я не хочу этимъ сказать, что если мы рѣшили проблему о происхожденіи нашей идеи о пространствѣ, то тѣмъ самымъ мы получили всѣ нужныя данныя для рѣшенія вопроса объ его объективной, метафизической природѣ. Но все же едва ли подлежитъ сомнѣнію, что когда мы не знаемъ даже того, что такое идея пространства въ насъ, мы едва ли можемъ питать сколько-нибудь основательную надежду проникнуть въ его сущность, какъ оно дано помимо насъ. Или возьмемъ другой примѣръ. Физика изучаетъ общіе законы вещества. Но что такое вещество? Есть ли оно сама въ себѣ протяженная субстанція, какъ училъ Декартъ? Или оно состоитъ изъ абсолютно не-протяженныхъ и недѣлимыхъ точекъ, которыя, однако, носятся въ пространствѣ, какъ думалъ Босковичъ? Или оно не то и не другое, а само въ себѣ оно есть абсолютно неизвѣстная основа того, что для нашего чувства является, какъ протяженность, непроницаемость, инерція, хотя по своей внутренней природѣ оно не имѣетъ ничего общаго съ этими свойствами, какъ полагаютъ сторонники феноменизма? Можно ли разсчитывать надлежащимъ образомъ освѣтить эти вопросы, не уяснивъ себѣ сначала того, какъ складывается наше представленіе о физическомъ веществѣ, черезъ какія стадіи развитія оно проходитъ и какіе именно психологическіе процессы принимаютъ участіе въ его образованіи? Какъ иначе могли бы мы надѣяться выдѣлить въ нашемъ обычномъ понятіи о веществѣ объективные элементы отъ чисто субъ-

ективныхъ? Вполнѣ аналогическія соображенія относятся къ нашимъ понятіямъ о движеніи, энергіи, силѣ и т. д.

Мы все познаемъ сквозь призму нашего духа, но то, что совершается въ самомъ духѣ, мы познаемъ безъ всякой посредствующей призмы. Въ противоположность явленіямъ физической природы, то, что составляетъ по крайней мѣрѣ нашу *сознательную* душевную жизнь (а только оно является прямымъ предметомъ психологическаго изученія), *сознается нами, какъ оно есть.* Это положеніе настолько очевидно, что едва ли даже нуждается въ доказательствахъ и подробныхъ поясненіяхъ. Вѣдь состояніе сознанія настолько лишь и есть состояніе сознанія, насколько оно *сознается.* Что я ощущаю и *какъ* я ощущаю, то и есть мое ощущеніе, а чего я *не ощущаю*, то, очевидно, и не принадлежитъ къ моему ощущенію, какъ таковому. Чего я дѣйствительно желаю, то только и есть мое желаніе; что я въ самомъ себѣ чувствую, то и есть мое чувство. Это истины тождественныя; предполагать здѣсь какія-нибудь посредствующія призмы между нашимъ сознаніемъ и тѣмъ, что имъ *сознается*, совсѣмъ не имѣетъ смысла. А между тѣмъ изъ этого вытекаетъ чрезвычайно важный выводъ: свою *сознательную* душевную жизнь мы знаемъ въ ея *настоящей, прямой* дѣйствительности, безъ всякихъ посредствъ; въ нашемъ непосредственномъ, внутреннемъ переживаніи намъ открывается какъ бы уголокъ нѣкоторой абсолютной дѣйствительности, какъ она есть сама въ себѣ, а не только въ кажущемся и всегда могущемъ подлежать сомнѣнію явленіи чего-то другого, какъ дается намъ сплошь вся внѣшняя реальность. Въ сферѣ непосредственныхъ данныхъ сознанія нѣтъ уже различія между объективнымъ и субъективнымъ, реальнымъ и кажущимся, здѣсь все есть, какъ кажется и даже именно потому, что оно *кажется*: вѣдь когда что-нибудь намъ *кажется*, это и есть вполнѣ реальный фактъ нашей внутренней душевной жизни. Такимъ образомъ нашъ внутренній міръ есть единственная точка, въ которой безспорно подлинная дѣйствительность раскрыта для нашего прямого усмотрѣнія.

Изъ этого вытекаетъ огромное метафизическое значеніе психологіи: *метафизика* или *онтологія* есть та область философіи, которая стремится понять существующее въ его настоящихъ, истинныхъ признакахъ, какъ оно есть само по себѣ, помимо тѣхъ искажающихъ добавленій, которыя вносятся въ него для насъ ограниченностью и условностью формъ нашего чувственного воспріятія и опытнаго знанія. И вотъ если мы гдѣ-нибудь имѣемъ такой опытъ, содержаніе котораго не искажается никакими субъективными измѣненіями и добавленіями или въ которомъ непосредственно раскрыта нѣкоторая совсѣмъ подлинная реальность, то это только въ психологіи. И, наоборотъ, въ психологіи такая реальность дана самымъ несомнѣннымъ образомъ. По отношенію къ фактамъ нашего сознанія потому уже не можетъ быть рѣчи о субъективныхъ искаженіяхъ и прибавленіяхъ, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло именно съ субъективнымъ, какъ таковымъ: въ чисто субъективныхъ вещахъ ложное ихъ воспріятіе представляетъ нѣчто по существу невысказанное. Допустимъ даже, что всѣ наши воспоминанія о прежде пережитыхъ состояніяхъ ложны и призрачны, что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни времени, ни нашего прошлаго; все же въ насъ безспорно дано усмотрѣніе этихъ призрачныхъ вещей, и наличность этого усмотрѣнія въ насъ уже никакъ нельзя считать субъективнымъ обманомъ. Что непосредственно испытывается сознаніемъ, то очевиднымъ образомъ *есть* именно такъ, какъ оно сознается, — противъ этого принципа не можетъ быть никакихъ серьезныхъ возраженій. А если въ самихъ себѣ мы познаемъ нѣчто безспорно дѣйствительное, то этимъ устанавливается весьма большая вѣроятность того, что правильно и осмотрительно исходя отъ непосредственно извѣстнаго въ себѣ, мы можемъ понять, хотя бы въ самыхъ общихъ очертаніяхъ и признакахъ, внутреннюю дѣйствительность и всякихъ другихъ вещей. Чтобы заранѣе осудить возможность такого *аналогическаго* пониманія по самимъ себѣ всякой другой реальности, нужно предположить абсолютную внутреннюю разрознен-

ность реального міра или (что сведется къ тому же) совершенную неприменимость къ нему какихъ бы то ни было логическихъ категорій и точекъ зрѣнія. Но если только міровая жизнь обладаетъ какимъ-нибудь единствомъ, если существуетъ хотя какая-нибудь однородность и внутреннее подобіе въ элементахъ дѣйствительности, мы съ полнымъ логическимъ правомъ можемъ надѣяться, отправляясь отъ самихъ себя, постигнуть внутреннюю суть того, что кажется намъ внѣшнимъ. Какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ¹⁾, въ такомъ случаѣ „познанію достаточно имѣть хотя одну твердую точку, ему довольно въ ней одной встрѣтиться съ истинною дѣйствительностью, чтобы оно уже не было сплошною иллюзіей и обманомъ,—чтобы оно оказалось въ состояніи постигнуть всю реальность въ ея основныхъ чертаніяхъ,—конечно, если оно правильно оцѣнить то, что въ этой точкѣ ему открылось“.

Казалось бы, въ этой непосредственной очевидности и достовѣрности психическихъ данныхъ заключается очень много обобщающее преимущество психологіи предъ другими науками. А что изъ него вышло для нея? Вѣдь до сихъ поръ многіе весьма разумные люди и съ самыми серьезными основаніями готовы сомнѣваться даже въ самомъ существованіи психологіи, какъ науки. Правда, за послѣднее время въ ней возникли нѣкоторыя отдѣльныя области, разработанныя сравнительно точно; но всѣ онѣ относятся къ сферѣ психофизическихъ и психофизиологическихъ изслѣдованій, въ которыя физическими и физиологическими приѣмами изученія внесено, конечно, гораздо больше, чѣмъ специально психологическими методами. Во всякомъ случаѣ онѣ представляютъ какъ бы маленькіе оазисы среди хаоса противорѣчащихъ другъ другу обобщеній, враждующихъ гипотезъ, неполныхъ описаній. Того, кто въ первый разъ знакомится съ психологической литературой, должно поражать, какъ мало въ ней установленнаго и безспорнаго, и какія слабыя

¹⁾ Полож. задачи философіи, часть II, стр. 279.

стороны обнаруживаетъ въ ней даже то, что составляетъ первый шагъ въ каждой наукѣ—простое описаніе фактовъ.

II.

Сила и слабость психологіи, принадлежащее ей по существу ея задачи центральное положеніе среди другихъ наукъ и ея весьма несовершенное научное состояніе еще и въ наше время,—безъ сомнѣнія коренятся въ ея основномъ методѣ. Этотъ методъ есть *самонаблюденіе*. Въ немъ есть одно огромное преимущество, о которомъ я говорилъ сейчасъ: внутренняя дѣйствительность нашего сознанія открыта нашему самонаблюденію въ ея подлинномъ видѣ,—такъ, какъ она есть. Предметы окружающаго насъ внѣшняго міра мы воспринимаемъ только черезъ ощущенія нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и, чтобы они составили содержаніе нашего сознанія, необходимо, чтобы они были пропущены черезъ нашу психическую призму. Напротивъ, можно сказать, что предметомъ самонаблюденія является *сама эта призма*: мы все воспринимаемъ черезъ наши психическія состоянія, но именно поэтому самыя эти состоянія мы уже должны воспринимать прямо, такъ какъ иначе мы не могли бы всего воспринимать въ нихъ. Состоянія сознанія, уже по самому понятію о нихъ, мы должны сознать такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ, потому что въ противномъ случаѣ они не были бы состояніями самого сознанія, а называть состояніями сознанія пришлось бы уже то, черезъ что мы сознали бы ихъ.

Но существуетъ и неизбѣжная ограниченность въ методѣ самонаблюденія: мы непосредственно знаемъ только свое собственное сознаніе,—чужое для насъ закрыто. Непроницаемость индивидуальныхъ сознаній другъ для друга есть безспорный фактъ психологіи. Принадлежность переживаемыхъ состояній чужому Я стоитъ непроходимую стѣною для нашего наблюденія и воспріятія. Если бы даже вообразить, что мысли и чувства другого лица цѣликомъ перенесены въ насъ, мы испытали бы ихъ уже не какъ чу-

жя, а какъ свои собственныя. Различіе сознающихъ Я или различіе личностей есть тотъ абсолютный рубежъ, который обособляетъ всѣ внутреннія психическія состоянія въ безчисленныя замкнутыя другъ для друга сферы. Мы не можемъ заглянуть въ чужую душу, мы можемъ понять то, что въ ней происходитъ, только *путемъ аналогій*: состоянія чужого сознанія мы угадываемъ по аналогіи съ собственнымъ. Мы видимъ, что другой человѣкъ мимикой, жестами, голосомъ, движеніями, — выражаетъ радость или горе. Мы знаемъ по себѣ, что это значить, — когда приходится такъ говорить, прибѣгать къ такой жестикуляціи, такъ двигаться; и мы приписываемъ этому человѣку чувства, которыя испытали сами. Кто-нибудь сказалъ намъ, что у него болитъ зубъ; мы вспоминаемъ, какъ зубъ болѣлъ у насъ самихъ, и только черезъ это понимаемъ его. И мы приписываемъ ему тотъ самый рядъ ощущеній, который пережили сами. Мы слышимъ рядъ фразъ и схватываемъ ихъ смыслъ, пока онѣ произносятся; и тѣ мысли, которыя выражаютъ эти фразы для насъ, мы приписываемъ уму говорящаго. Что происходитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ? Во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ наблюдаемъ мы только знаки, дѣйствія, выраженія чужой психической жизни; но о внутреннихъ состояніяхъ другихъ людей мы всегда только догадываемся; мы ихъ приписываемъ имъ по аналогіи съ собою, но прямо ихъ не видимъ.

Такимъ образомъ окончательнымъ критеріемъ всякой психической жизни является для насъ наше собственное сознаніе. Между тѣмъ наше сознаніе всегда индивидуально, — въ этомъ его естественная граница. Мы все испытываемъ по-своему и никогда не можемъ быть увѣрены, что испытываемъ совсѣмъ такъ, какъ другіе. Я знаю, что когда я вижу зеленое, и другіе утверждаютъ, что они также видятъ зеленый цвѣтъ. Но гдѣ ручательство, что мы видимъ при этомъ совсѣмъ одно и то же? Правда, въ данномъ случаѣ можно съ высокою степенью вѣроятности утверждать если не абсолютное тожество, то, по крайней мѣрѣ, внутреннюю однородность переживаемыхъ нами и другими

людьми ощущеній. Но вѣдь въ насъ далеко не все однородно съ тѣмъ, что испытываютъ и переживаютъ другіе. Въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ чертъ типическихъ для всего человѣческаго рода, существуетъ безчисленное множество личныхъ особенностей. На многое въ жизни мы реагируемъ каждый по своему, и въ этомъ заключается наша личная своеобразность. У каждаго свой особый складъ ума, памяти, воображенія, характера, сердца. Если бѣ каждый психологъ дѣлалъ свои выводы только на основаніи того, что онъ наблюдаетъ въ самомъ себѣ, — изъ такого во многихъ отношеніяхъ случайнаго матеріала какая могла бы получиться наука о всякой душевной жизни вообще?

Отсюда въ психологіи возникаетъ вполне законное стремленіе пополнить *субъективный* методъ чистаго *самонаблюденія*—*объективнымъ*. Конечно, мы не знаемъ чужой душевной жизни, но мы можемъ догадываться о ея содержаніи по внѣшнимъ выраженіямъ съ такой высокой степенью вѣроятности, что она во многихъ случаяхъ практически переходитъ въ полную достовѣрность. Мы изучаемъ чужую душевную жизнь, насколько она выражается въ *словъ* и *дѣйствіи*. Мы изучаемъ ее этимъ путемъ и въ своихъ реальныхъ ежедневныхъ столкновеніяхъ съ другими людьми, и въ ея отраженіи въ фантазіи гениальныхъ художниковъ и поэтовъ, и въ разнообразныхъ произведеніяхъ литературы, и въ памятникахъ исторіи. Не будь этихъ дополнительныхъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о законахъ душевной жизни, мы едва ли достигли бы когда-нибудь до содержательныхъ опытныхъ обобщеній относительно ея внутреннихъ двигателей. Мы дѣлаемъ примѣненіе этого объективнаго метода не только въ общей психологіи, — изъ его разнообразныхъ видоизмѣненій вырастаетъ цѣлый рядъ специальныхъ психологическихъ дисциплинъ: психологія дѣтской души, психологія душевнобольныхъ, психологія животныхъ, психологія народовъ, психологія обществъ, психологія художественнаго творчества и т. д.

Другое примѣненіе объективный методъ въ психологіи

находить въ изслѣдованіи связей между состояніями психическими и физиологическими. Такъ возникаетъ особая наука, носящая названіе *физиологической психологіи*. Тѣсная зависимость душевной жизни отъ физическихъ перемѣнъ въ тѣлесномъ организмѣ есть непоколебимый фактъ опыта. Онъ былъ замѣченъ съ незапамятныхъ временъ и принципиально признавался во всѣхъ психологическихъ теоріяхъ, хотя ему давали различное объясненіе, освѣщеніе и оцѣнку. При возрастающемъ знакомствѣ съ функціями мозга этотъ фактъ пріобрѣтаетъ все болѣе серьезное значеніе. Теперь мы знаемъ, что связь психического съ физическимъ еще гораздо тѣснѣе, чѣмъ можно было думать раньше. Она одинаково обнимаетъ и низшія явленія психической сферы и самыя высшія. Мы не знаемъ такихъ фактовъ нашей внутренней жизни, для которыхъ мы имѣли бы рѣшительное основаніе не предполагать абсолютно никакого физическаго коррелата. Черезъ это физиологическая психологія пріобрѣтаетъ очень важное мѣсто среди вспомогательныхъ психологическихъ наукъ. При оцѣнкѣ ея значенія приходится однако имѣть въ виду и отрицательную сторону дѣла: въ настоящее время она еще находится едва ли даже не въ менѣе совершенномъ состояніи, чѣмъ психологія *интроспективная*. Сравнительно хорошо разработана физиологія органовъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и въ этой области психологическая наука пріобрѣла нѣкоторыя твердыя обобщенія. Но что касается внутреннихъ процессовъ, происходящихъ въ нашемъ мозгѣ въ соотвѣтствіи съ переживаемыми нами психическими состояніями, объ этомъ теперь извѣстно немногимъ больше, чѣмъ прежде. По признанію всѣхъ серьезныхъ физиологовъ мы здѣсь имѣемъ еще очень темную, непроницаемо-таинственную область. Обыкновенно въ ней не идутъ дальше очень шаткихъ гипотезъ и весьма неопредѣленныхъ, иногда совсѣмъ произвольныхъ схемъ¹⁾.

¹⁾ См. мою статью „Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза“. („Вопросы фил. и псих.“ кв. 38).

Къ физиологической психологіи близко примыкаетъ *психологія экспериментальная*. Она стремится изучать душевныя явленія въ условіяхъ, которыя мы избрали сами, и такимъ образомъ пытается внести въ психологію *научный опытъ*. Повидимому, экспериментальной психологіи предстоитъ большое будущее, но, кажется, не будетъ слишкомъ суровымъ сказать, что до сихъ поръ она еще не успѣла оправдать возлагаемыхъ на нее огромныхъ упованій. Причина тому лежитъ отчасти въ чрезвычайной трудности предмета изслѣдованія, отчасти въ нѣкоторой ограниченности и случайности задачъ, которыя она себѣ ставила до сихъ поръ. Отъ экспериментальной психологіи, повидимому, прежде всего можно ждть рѣшенія проблемъ двоякаго рода: 1) точнаго установленія связи между физиологическими и психическими состояніями (наиболѣе цѣнное приобрѣтеніе въ этой сферѣ представляетъ законъ Вебера-Фехнера о характерѣ зависимости возрастанія ощущеній отъ возрастанія раздраженій¹⁾; 2) изслѣдованія отдѣльныхъ душевныхъ способностей и фактовъ въ произвольно избранныхъ нами обстоятельствахъ. Наболѣе могущественнымъ орудіемъ въ этой области изслѣдованій до сихъ поръ является *гипнотизмъ* съ открытою въ немъ *силою внушенія*.

Но все же надо постоянно помнить, что методы всѣхъ этихъ дисциплинъ суть только вспомогательные для корен-

1) Важное мѣсто между способами экспериментальнаго изученія душевныхъ явленій занимаетъ *психометрія*, т. е. измѣреніе душевныхъ процессовъ. Однако и относительно этой области изслѣдованій можно сказать, что она пока мало оправдала вызванныя ею надежды. 1) Въ ней не получено какихъ-нибудь безспорныхъ результатовъ принципиальнаго характера. 2) Устанавливаемая въ ней цифры значительно колеблются у разныхъ изслѣдователей. 3) Смыслъ этихъ цифръ оказывается весьма проблематичнымъ. Въ частности, когда пытаются опредѣлить время какого-нибудь одного психическаго процесса, на самомъ дѣлѣ обыкновенно получаютъ время цѣлаго ряда послѣдовательныхъ процессовъ. Напримѣръ, когда пытаются установить время простой сенсоріальной реакціи, въ дѣйствительности опредѣляютъ время не только этой реакціи, но и тѣхъ сопровождающихъ ее процессовъ логическаго, волевого и эмоциональнаго характера (соображеній о задачѣ опыта, рѣшенія сдѣлать или не сдѣлать данное движеніе и т. п.), безъ которыхъ самый экспериментъ былъ бы невозможенъ.

ныхъ задачъ психологіи. Окончательный ключъ ко всему лежитъ все-таки въ самонаблюденіи и въ томъ, что даетъ оно. Только провѣряя показаніями собственнаго внутренняго опыта и переводя на его языкъ, мы можемъ уразумѣть внѣшнія данныя о чужой психической жизни. Эти данныя прежде всего важны тѣмъ, что позволяютъ намъ возвыситься надъ своею индивидуальною ограниченностью, отличить наше особенное отъ общечеловѣческаго въ насъ, но все же чужія душевныя состоянія мы понимаемъ только тогда, когда нашли нѣчто имъ аналогичное въ самихъ себѣ: внѣшнее наблюдение полезно тѣмъ, что заставляетъ искать этихъ аналогій въ самонаблюденіи и понимать ихъ цѣну. Но если бѣ наше самонаблюдение совсѣмъ замолкло или если бѣ мы совсѣмъ отвернулись отъ него, внѣшнее наблюдение ничему бы не научило насъ о душевныхъ фактахъ. У отдѣльныхъ философовъ и ученыхъ неоднократно возникала мечта совсѣмъ покончить съ интроспективной психологіею и всецѣло замѣнить ее физиологіею мозга и нервной системы. Изъ этой мечты ничего не выходило и никогда ничего не выйдетъ, — нетрудно видѣть почему. Вообразимъ, въ самомъ дѣлѣ, наблюдателя, непринявшаго къ человѣческому міру (положимъ, жителя какой-нибудь высшей планеты), который обладаетъ такою тонкою чувствительностью, что онъ видитъ нашъ мозгъ насквозь, во всѣхъ его мельчайшихъ движеніяхъ, измѣненіяхъ и процессахъ, и который при этомъ одаренъ высокимъ и пронизательнымъ умомъ. Но представимъ себѣ, что онъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что люди переживаютъ внутри себя, — объ ихъ ощущеніяхъ и мысляхъ, объ ихъ желаніяхъ, объ ихъ любви и ненависти, объ ихъ страданіяхъ и радостяхъ. Что же? Созерцая человѣческій мозгъ во всѣхъ подробностяхъ того, что въ немъ дѣлается, узнаетъ ли онъ человѣческую психологію и пойметъ ли человѣческую душу? Очевидно, нѣтъ. Онъ увидитъ безконечно сложныя движенія безконечно многихъ и разнообразныхъ частицъ, составляющихъ наши нервы и нервные центры, — нѣкоторыя изъ этихъ движеній будутъ ему

до-тла понятны во всѣхъ своихъ перипетіяхъ, — нѣкоторыя въ своемъ окончательномъ направленіи, быть можетъ, покажутся ему загадочными, — но откуда онъ узнаетъ, какимъ изъ этихъ движеній соотвѣтствуютъ ощущенія, какимъ — понятія разума, какимъ — наши чувства, какимъ — тѣ или другія страсти? Эти частицы мозгового вещества обладаютъ опредѣленными механическими, физическими и химическими свойствами, но на нихъ вовсе не написано, отвѣчаютъ ли онѣ въ своихъ переталкиваніяхъ ощущеніямъ или мыслямъ, желаніямъ или отвращеніямъ. Между тѣмъ физиологъ, совсѣмъ отказавшійся отъ интроспективнаго метода, попадаетъ въ положеніе этого предполагаемаго небожителя, только съ тою важною разницею, что онъ далеко не имѣетъ исчерпывающаго и полнаго познанія о процессахъ въ мозгу: но точно такъ же и онъ въ движеніяхъ мозга ничего не можетъ увидѣть, кромѣ движеній. Поэтому на практикѣ физиологи, пытающіеся строить психологію на чисто физиологическихъ данныхъ, всегда отправляются отъ какой-нибудь заранѣе усвоенной психологической системы и группируютъ физиологическій матеріаль сообразно съ ея требованіями и предположеніями. При этомъ качество ихъ работы находится въ самой тѣсной зависимости отъ этихъ заранѣе усвоенныхъ взглядовъ ¹⁾.

III.

Безъ самонаблюденія нѣтъ психологіи. Тѣмъ важнѣе систематически рѣшить вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ самонаблюденія, какъ метода познанія. Важнѣйшее его преимущество мы уже знаемъ: мы воспринимаемъ психическую дѣйствительность такъ, какъ она есть, въ ея подлинныхъ признакахъ. Въ связи съ нимъ находится другое, на кото-

¹⁾ Яркимъ тому примѣромъ служить *френологія*; ея поклонники исходили отъ ложнаго психологическаго представленія о душевныхъ свойствахъ, наклонностяхъ и страстяхъ, какъ о простыхъ обособленныхъ и довлѣющихъ себѣ фактахъ психической жизни; и вотъ, соотвѣтственно этому предвзятому взгляду, они для cadaго свойства, каждой наклонности и страсти искали особаго мѣста въ видѣ возвышенія на поверхности черепа.

рое рѣже обращаютъ вниманіе: по крайней мѣрѣ нѣкоторыя душевныя явленія мы воспринимаемъ въ ихъ настоящей внутренней связи, въ ихъ дѣйствительной причинности. Въ этомъ заключается рѣзкое отличіе опыта внутренняго отъ опыта внѣшняго. Въ нашемъ внѣшнемъ воспріятіи мы усматриваемъ только слѣдованіе явленій другъ за другомъ, но не воспринимаемъ прямо того, что ихъ связываетъ другъ съ другомъ. Оттого въ немъ, при первомъ знакомствѣ съ какимъ-нибудь фактомъ, нужны цѣлые ряды наблюдений и опытовъ, чтобы убѣдиться, что одно явленіе есть причина другого. Напр., нагрѣтое тѣло расширяется; но когда мы это видимъ въ первый разъ, откуда мы можемъ знать, что это отъ тепла? Камень безъ поддержки падаетъ; какъ много нужно наблюдать и думать, чтобы придти къ идеѣ всемірнаго тяготѣнія и т. д. Въ психической сферѣ замѣчается совсѣмъ другое: здѣсь прямо въ отдѣльныхъ случаяхъ, мы съ абсолютной увѣренностью усматриваемъ причинную связь. Я съ сознательной добровольностью двинулъ рукой, — и я знаю, что это я ее двинулъ, что причина ея движенія — моя воля, что рука не сама отъ себя двинулась и не по возбужденію отъ посторонней мнѣ силы. Чтобы увѣриться въ этомъ, мнѣ едва ли нужно припоминать ряды прошлыхъ опытовъ, — вѣдь и въ каждомъ прошломъ опытѣ я различалъ добровольность моихъ движеній только по присутствію моей воли, а конечно были въ прошломъ и движенія невольныя, напр., по рефлексу, судорогѣ, подъ давленіемъ внѣшней силы и т. п. Или я чувствую жалость къ несчастному человѣку, составляю планы, какъ помочь ему, и осуществляю эти планы. Для меня непосредственно ясна причинная связь этихъ явленій: я составляю планы помочь, потому что жалѣю, и если бъ не жалѣлъ, нечего было бы мнѣ и хлопотать. Едва ли что уяснить намъ въ этомъ случаѣ наблюденіе надъ аналогичными внѣшними фактами. Какъ бы мы узнали, почему одинъ человѣкъ помогаетъ другому, если бы не наблюдали въ самихъ себѣ чувства жалости? Или я ненавижу человѣка и браню его. Едва ли нужны многіе опыты, чтобы убѣдиться,

что въ моей брани воплощается мое чувство къ этому человеку. Или я рѣшаю математическую задачу и на основаніи извѣстныхъ данныхъ прихожу къ опредѣленному рѣшенію. Я при этомъ твердо знаю, что полученный результатъ вызванъ этими данными и что я потому только пришелъ къ нему, что надъ ними напряженно думалъ и искалъ соотвѣтствующаго имъ рѣшенія. Все это я прямо въ себѣ пережилъ. Такъ судимъ мы и о другихъ людяхъ: сообразно съ ихъ характеромъ и настроеніемъ, — одного отъ нихъ ждемъ, другого нѣтъ. Итакъ, въ очень многихъ случаяхъ критеріемъ явленій внутренняго міра въ отличіе отъ явленій міра внѣшняго служить намъ принципъ внутренней очевидности связей между причинами и дѣйствіями и прямо усматриваемаго соотвѣтствія между тѣми и другими.

Впрочемъ и въ нашей душевной сферѣ мы далеко не во всѣхъ случаяхъ воспринимаемъ внутреннюю связь протекающихъ въ ней явленій. Сплошь и рядомъ мы не только ничего не наблюдаемъ въ ней, кромѣ слѣдованія фактовъ другъ за другомъ во времени, но и остаемся при этомъ глубоко убѣжденными, что ничего, кромѣ слѣдованія во времени, въ ней въ данномъ случаѣ и нѣтъ. Положимъ, я осматриваю какой-нибудь заинтересовавшій меня ящикъ: я осматрю его верхъ, потомъ перейду къ бокамъ, потомъ огляжу низъ его, потомъ его раскрою и осматрю внутренность. Черезъ это получится рядъ психическихъ событій, — рядъ воспріятій различныхъ частей ящика. Но я не только не буду наблюдать при этомъ причинной зависимости между отдѣльными моментами ряда (напримѣръ, чтобы воспріятіе верха было *причиной*, или *порождало* воспріятіе боковъ), я буду, наоборотъ, глубоко увѣренъ, что тутъ вовсе и нѣтъ никакой причинной связи, а только простая послѣдовательность явленій. Я могъ бы начать осмотръ снизу или съ внутренности и увидаль бы рѣшительно то же самое, только въ другомъ порядкѣ. И, напротивъ, если бы во время моего осмотра ящика вдругъ потухъ освѣщающій его свѣтъ, рядъ моихъ воспріятій прервался бы, все равно въ какомъ

бы порядкѣ я ни осматривалъ ящикъ. Совершенно поэтому ясно, что въ данномъ психическомъ рядѣ явленія предшествующія вовсе не суть *причины* послѣдующихъ; они только протекають, но другъ друга не порождаютъ. Причина ихъ лежитъ не въ психическомъ рядѣ, а въ чисто физическихъ раздраженіяхъ нашего глаза, исходящихъ изъ внѣшней среды. Психически мы имѣемъ здѣсь только послѣдовательность и ничего больше. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество: къ нимъ относятся всѣ случаи, въ которыхъ рядъ психическихъ измѣненій въ насъ вызывается прямыми воздѣйствіями физическаго міра.

Существуетъ другая группа случаевъ, въ которыхъ, хотя причинная зависимость между данными въ нашемъ сознаніи психическими фактами и можетъ быть предположена, но прямо она не усматривается и не наблюдается. Положимъ, я попалъ въ мѣстность, въ которой не былъ очень давно, но гдѣ жила въ когда-то подолгу. И вотъ, всматриваясь въ окружающую меня обстановку, я вдругъ съ необыкновенною ясностью припоминаю какое-нибудь событіе, до такой степени забытое мною, что, кажется, его никогда и не было. Причина здѣсь, повидимому, налицо; она заключается въ моихъ теперешнихъ воспріятіяхъ, въ томъ, что я *увидѣлъ* мѣсто, гдѣ произошло это событіе; воспоминаніе возникло во мнѣ, какъ результатъ дѣйствія законовъ ассоціаціи идей по смежности и сходству. Тѣмъ не менѣе я не имѣю непосредственнаго сознанія о той интимной связи, которая привязываетъ мое воспоминаніе къ переживаемымъ воспріятіямъ. Я не вижу той неизбѣжности, которая заставляетъ мое воспоминаніе возникнуть именно въ данный моментъ. Я могу даже быть очень удивленъ, что оно стоитъ передо мной такъ ярко, хотя казалось, что съ нимъ уже давно все кончено. Или возьмемъ другой случай: я озабоченно думаю о какомъ-нибудь вопросѣ и вдругъ неожиданно-негаданно въ мое сознаніе врывается воспоминаніе о какой-нибудь совершенно ничтожной и ничего не значащей для меня встрѣчѣ и развлекаетъ меня. Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ одинъ

изъ капризовъ ассоціаціи идей. Но въ чемъ онъ состоитъ, этого мы обыкновенно совсѣмъ не замѣчаемъ. Всего чаще мы бываемъ удивлены и раздосадованы такой внезапной помѣхой въ нашей внутренней работѣ.

Но есть еще и третья группа фактовъ, о которой я только что говорилъ. Мы хотимъ сдѣлать нѣкоторое определенное движеніе рукой и совершаемъ его. Мы любимъ кого-нибудь, и постоянно думаемъ объ этомъ лицѣ, желаемъ съ нимъ встрѣтиться и дѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы встрѣча состоялась. Мы ненавидимъ кого-нибудь и намъ противенъ всякій успѣхъ, которымъ пользуется этотъ человѣкъ, особенно если этотъ успѣхъ относится къ обстоятельствамъ, которые и заставили насъ его ненавидѣть, — мы стараемся разрушить его замыслы, — если наша ненависть совсѣмъ покорила нашу душу, мы будемъ искренно радоваться всякому его горю и несчастію. Напротивъ, если намъ кого-нибудь очень жаль, мы будемъ ломать себѣ голову, какъ помочь дорогому для насъ человѣку, и совершимъ цѣлый рядъ дѣйствій, чтобы вывести его изъ печальныхъ обстоятельствъ или по крайней мѣрѣ облегчить его положеніе. Если мы задумались надъ какимъ-нибудь труднымъ теоретическимъ вопросомъ, мы будемъ перебирать въ своемъ умѣ все, что относится къ интересующей насъ проблемѣ и будемъ настойчиво пытаться сопоставить эти данныя такъ, чтобы изъ нихъ вышло рѣшеніе, отвѣчающее смыслу разсматриваемаго вопроса и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ (а ихъ можно было бы привести очень много) для насъ не можетъ быть сомнѣнія, гдѣ причины и гдѣ слѣдствія въ переживаемыхъ нами состояніяхъ и совершаемыхъ нами дѣйствіяхъ. Мы безусловно увѣрены, что если бы мы не хотѣли заданнаго рукѣ движенія, она сама отъ себя не совершила бы его. Мы очень хорошо знаемъ, что если бы мы не ненавидѣли, мы и не хотѣли бы сдѣлать нашему ближнему непріятности. Мы не менѣе хорошо знаемъ, что если бы данная задача не интересовала насъ ни въ какомъ отношеніи, мы не стали бы надъ ней трудиться.

Во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ причинная связь между явлениями не только угадывается или выводится, она прямо и непосредственно усматривается и переживается. Для человѣка, желающаго насолить своему заклятому врагу, не зачѣмъ обращаться къ учебникамъ психологіи или объясненіямъ людей, умудренныхъ житейскимъ опытомъ, чтобы понять причину своего желанія: объ этомъ ему лучше всего скажетъ его собственное сердце.

Такимъ образомъ послѣдовательность психическихъ событій въ насъ представляетъ три главные типа: 1) въ слѣдованіи психическихъ событій другъ за другомъ мы не только *не наблюдаемъ* ничего, кромѣ простого слѣдованія, но ничего больше и *не предполагаемъ*. Причину каждого даннаго звена ряда мы полагаемъ не въ предшествующихъ душевныхъ фактахъ, а внѣ психической сферы,—въ физическихъ процессахъ внѣ нашего организма или внутри его. Сюда относится весь нашъ чувственный опытъ,—такъ протекають всѣ наши ощущенія. 2) Хотя мы наблюдаемъ только слѣдованіе психическихъ событій другъ за другомъ, иногда для насъ довольно неожиданное, мы все-таки предполагаемъ ту или другую внутреннюю причинную связь между ними. Сюда относятся факты возникновенія воспоминаній, внезапнаго пробужденія новыхъ мыслей, случайной и произвольной игры нашего воображенія и т. п. 3) Мы не только внутренне наблюдаемъ слѣдованіе психическихъ фактовъ другъ за другомъ, но и причинную связь между ними.

Какимъ же общимъ свойствомъ отличаются факты этой третьей группы? Во всѣхъ нихъ можно отмѣтить два признака: во-первыхъ, полное логическое соотвѣтствіе между содержаніемъ причины и содержаніемъ слѣдствія (одно оказывается выводимымъ изъ другого). Въ самомъ дѣлѣ, когда мы извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ движемъ нашу руку, воспринимаемое нами движеніе руки есть только изображеніе или повтореніе того движенія, которое мы задумали раньше. Когда изъ жалости мы кому-нибудь помогаемъ, смыслъ нашихъ дѣйствій находится въ полномъ со-

отвѣтствіи съ нашимъ общимъ желаніемъ облегчить чужія страданія наиболѣе пригоднымъ для того путемъ. Когда мы обдуманно и сознательно рѣшаемъ какую-нибудь задачу, приемы нашего рѣшенія представляютъ логически неизбежное слѣдствіе самаго существа задачи. Такъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы поступаемъ цѣлесообразно, т. е. вѣрно понимаемъ условія, въ которыхъ намъ приходится дѣйствовать. Однако и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы заблуждаемся, наши дѣйствія находятся въ полномъ логическомъ соотвѣтствіи и съ нашими желаніями, и съ нашими ошибками въ оцѣнкѣ обстоятельствъ дѣла. Въ этомъ смыслѣ всякіе сознательные поступки чело-вѣка имѣютъ по крайней мѣрѣ *субъективную цѣлесообразность*. Во-вторыхъ, непремѣннымъ признакомъ фактовъ разсматриваемой группы является наличность *воли и дѣятельныхъ стремленій*: во всѣхъ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ непремѣнно присутствуетъ наша воля—или въ началѣ или въ срединѣ процесса, — и непремѣнно присутствуютъ движущія нами дѣятельныя стремленія и побужденія. Понятіе *дѣятельности, активности, усилія* представляетъ какъ бы особую *психологическую категорію* или высшее неразложимое понятіе, извлекаемое изъ того порядка душевныхъ явленій, о которомъ я говорю теперь. Въ этомъ понятіи мы обобщаемъ непосредственно усматриваемое и переживаемое въ нашихъ усиліяхъ и стремленіяхъ ихъ *производящее* или *причиняющее* отношеніе къ ихъ эффектамъ, тотъ фактъ, что именно они, а не что-нибудь другое, суть *причины* данныхъ дѣйствій: я двинулъ рукою, потому что хотѣлъ этого и только потому. Въ иныхъ случаяхъ это *производящее* или *причинное* отношеніе нашей дѣятельной воли къ переживаемымъ нами состояніямъ, какъ *ея* дѣйствіямъ, достигаетъ замѣчательной наглядности. Положимъ, я *хочу* сдѣлать усиліе и дѣлаю его. Здѣсь мое настойчивое хотѣніе сдѣлать усиліе само уже есть своего рода *усиліе* (твердо выраженное стремленіе), и такимъ образомъ въ данномъ случаѣ причина есть усиліе въ его зарожденіи, дѣйствіе есть усиліе въ его развитіи, при чемъ

всѣ моменты перехода отъ одного къ другому не только протекли передъ нами и пережиты нами, но они *продъланы* нами, — вѣдь усиліе это *наше*. Или я хочу сосредоточиться на чемъ-нибудь и сосредоточиваюсь. Не имѣемъ ли мы здѣсь того же самаго? Вѣдь само хотѣніе сосредоточиться есть уже неизбежное отвлеченіе своей мысли отъ всего другого. Или я хочу о чемъ-нибудь не думать, и не думаю или по крайней мѣрѣ каждый разъ удаляю противныя мнѣ представленія. Опять и здѣсь повторное удаленіе данной мысли есть только продолженіе того перваго сопротивленія ей, которое я оказалъ ей именно тѣмъ, что не захотѣлъ о ней думать. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ лишь различіе моментовъ во времени и достигнутой интенсивности въ однородномъ содержаніи, — самомъ нашемъ усиліи.

Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, мы уже не имѣемъ такой полной наглядности переживаемаго нами внутренняго причиннаго процесса; его звенья уже не имѣютъ качественной однородности; болѣе того, его отдѣльные моменты, вытекающіе изъ нашихъ дѣятельныхъ стремленій и актовъ нашей воли, хотя и зависятъ отъ этихъ стремленій и актовъ, но очевиднымъ образомъ не отъ нихъ однихъ. Я двигаю рукой по своему желанію; но вѣдь это лишь до тѣхъ поръ, пока рука моя здорова, — если она будетъ парализована, она будетъ неподвижна, несмотря ни на какія мои усилія; хотя, съ другой стороны, она была бы неподвижна и теперь, при своемъ здоровомъ состояніи, если бы я *не хотѣлъ*, чтобы она двигалась. Такъ и въ другихъ примѣрахъ, — чтобы помочь или повредить ближнему, надо быть способнымъ къ дѣйствию; чтобы разрѣшить научный вопросъ, надо имѣть здоровую и ясную голову и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наша воля является не единственнымъ факторомъ, рядомъ съ нею присутствуютъ и другіе, — въ видѣ помогающихъ или препятствующихъ ей условій дѣйствія. Вслѣдствіе этого не всѣ звенья ряда намъ одинаково ясны и понятны, — нѣкоторыя, напротивъ, остаются тусклыми и темными. Какъ увидимъ потомъ, въ этомъ отношеніи можно выставить слѣ-

дующее общее правило: наши дѣйствія ровно настолько намъ непосредственно понятны, насколько они зависятъ отъ насъ самихъ; наоборотъ, въ нихъ все загадочно и недоступно въ своемъ внутреннемъ механизмѣ для прямого наблюденія, что внесено вліяніемъ постороннихъ для насъ факторовъ. И тѣмъ не менѣе, каждый изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ имѣетъ указанные сейчасъ два признака: логическое соотвѣтствіе между причинами и дѣйствіями и присутствіе въ насъ волевыхъ актовъ и дѣятельныхъ стремленій.

Эти, на основаніи опыта полученные выводы о нашемъ непосредственномъ переживаніи внутренней причинности духа, вѣроятно, вызовутъ возраженія со стороны очень многихъ психологовъ. Между ними существуютъ цѣлыя школы, которыя отрицаютъ всякую духовную причинность вообще: наглядная иллюстрація къ тому общему факту, что въ психологіи очень часто самыя ясныя показанія опыта отвергаются ради предвзятыхъ теоретическихъ соображеній. Въ наши дни въ психологіи пользуется широкою популярностью взглядъ, по которому психическіе факты сами по себѣ не могутъ быть ни чему *причиной*. Они представляютъ изъ себя только субъективныя отраженія процессовъ въ нашемъ мозгѣ, а въ этихъ процессахъ нѣтъ никакой другой необходимости, кромѣ чисто-физической. Поэтому психическіе факты не имѣютъ никакого вліянія ни на то, что дѣлается въ мозгу, ни другъ на друга. Они только отражаютъ мозговья измѣненія, но сами совершенно *бездѣйственны*. Именно такова точка зрѣнія такъ называемаго *эпифеноменизма*.

Въ моихъ прежнихъ статьяхъ я уже много разъ останавливался на этомъ взглядѣ и старался показать, насколько поспѣшенъ и неправиленъ такой судъ надъ прямыми свидѣтельствами внутренняго опыта. Теперь, мнѣ кажется, нѣтъ нужды повторять эти соображенія—и по простой причинѣ. Отвергая психическую причинность въ принципѣ, психологи всѣхъ школъ обыкновенно признаютъ ее на дѣлѣ и не могутъ поступать иначе въ виду требованій оче-

видности. Сторонники эпифеноменизма, напримѣръ, полагаютъ, что психическія явленія сами по себѣ ничего породить не могутъ, но это нисколько обыкновенно не мѣшаетъ имъ факты третьей группы, съ немногими измѣненіями, толковать такъ же, какъ ихъ растолковали сейчасъ мы. Правда они не считаютъ волю *причиной* движенія руки, чувства и стремленія—*причинами* нашихъ поступковъ, но зато они видятъ въ нихъ *необходимыя предшествующія обстоятельства* данныхъ эффектовъ. Они все-таки согласны (развѣ за очень немногими исключеніями), что не будь моего *хотѣнія*, моя рука не двинулась бы,—не будь во мнѣ жалости, я не сталъ бы помогать, не будь ненависти, я не сталъ бы отвращаться отъ человѣка или вредить ему. Для нихъ только и хотѣніе, и ненависть, и жалость, суть не болѣе, какъ субъективные показатели отвѣчающихъ имъ физическихъ процессовъ, которые и производятъ наблюдаемые нами внѣшнія дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія опять выходитъ, что мы въ себѣ воспринимаемъ настоящую причинную связь происходящаго съ нами и вѣрно усматриваемъ отношеніе моментовъ дѣйствія между собою,—только дѣлаемъ это непрямо, а чрезъ призму нашихъ субъективныхъ показателей. Различіе получается лишь въ теоретической тонкости, при чемъ однако остается вполнѣ непостижимымъ, откуда въ сознаниі беретъ такое ясновидѣніе истиннаго причиннаго порядка явленій, хотя мы ихъ воспринимаемъ не въ ихъ настоящемъ видѣ? Вѣдь по отношенію къ фактамъ второй группы (пробужденію внезапныхъ воспоминаній, неожиданныхъ мыслей и т. д.) это ясновидѣніе совершенно отсутствуетъ, отчего же оно съ неизбѣжностью возникаетъ тамъ, гдѣ замѣшана наша волевая сфера? На всѣ эти недоумѣнія доктрина эпифеноменизма едва ли можетъ дать толковый отвѣтъ. Для насъ впрочемъ важно другое: во всякомъ случаѣ фактъ внутренняго воспріятія причинныхъ связей совершающагося въ насъ такъ или иначе признается всѣми, а пускаться въ анализъ всѣхъ его возможныхъ объясненій было бы теперь неумѣстнымъ.

IV.

Непосредственное воспріятіе внутренней дѣйствительности душевной жизни и прямое усмотрѣніе причинной связи ея процессовъ суть такія преимущества самонаблюденія, которыхъ не имѣетъ никакой другой методъ познанія и которыя выдвигаютъ философское значеніе психологіи и даютъ ей особое положеніе среди другихъ наукъ. Однако если велики достоинства метода самонаблюденія, то не менѣе того велики и его недостатки. На одномъ изъ нихъ мы уже останавливались: своимъ самонаблюденіемъ мы невольно привязаны къ индивидуальному содержанію нашей собственной душевной жизни. Но это далеко не единственный его недостатокъ: рядомъ съ нимъ есть много другихъ, не менѣе серьезныхъ.

Среди недостатковъ, принадлежащихъ самой природѣ нашего самонаблюденія сравнительно съ наблюденіемъ внѣшняго міра, прежде всего приходится остановиться на той общей формѣ, въ которой намъ являются психическіе факты. Всѣ предметы внѣшняго опыта даны намъ въ *пространствѣ*, всѣ факты внутренняго опыта даны намъ только *во времени*. Уже отсюда получается очень важное различіе между науками физическими и психологіей, которое служить не въ пользу послѣдней. Ко всѣмъ видамъ и процессамъ внѣшней природы прилагаются законы геометріи и наукъ, съ ней связанныхъ, — прежде всего, напримѣръ, механики; напротивъ, къ процессамъ нашего внутренняго опыта ни геометрія, ни механика въ сколько-нибудь опредѣленномъ значеніи этихъ терминовъ не имѣютъ никакого примѣненія. Между тѣмъ наше точное математическое знаніе какихъ бы то ни было явленій находится въ тѣсной зависимости отъ приложимости къ нимъ геометрическихъ и механическихъ схемъ, — вся исторія науки подтверждаетъ это. Вообще бытіе въ пространствѣ представляетъ для нашей мысли несравненно болѣе устойчивое содержаніе, чѣмъ бытіе только во времени. Въ пространствѣ за разъ дано безконеч-

но много, притомъ въ очень многообразныхъ и абсолютно опредѣленныхъ отношеніяхъ,—вѣдь пространство по самому общему смыслу понятія о немъ есть *форма сосуществованія* явленій. Время, напротивъ, есть общая форма ихъ *сльдванія*, въ немъ все неудержимо протекаетъ и ничто не стоитъ неподвижно. Въ пространствѣ мы имѣемъ цѣлыхъ *три* измѣренія,—про время обыкновенно говорятъ, что въ немъ только *одно* измѣреніе. Однако и это одно измѣреніе отличается отъ измѣреній въ пространствѣ очень невыгоднымъ свойствомъ: длина въ пространствѣ представляетъ нѣчто за разъ данное во всѣхъ своихъ частяхъ, ее можно поэтому пройти и впередъ, и, повторнымъ движеніемъ, назадъ; напротивъ, длина во времени выражается непрерывнымъ и абсолютнымъ исчезновеніемъ всѣхъ предшествующихъ моментовъ при наступленіи каждаго новаго,—поэтому возвратное движеніе по ней совершенно невысказуемо. Оттого все данное въ пространствѣ *измѣримо*: каждую данную въ немъ величину мы можемъ сравнить съ другими, намъ извѣстными. И это относится не только къ неподвижнымъ предметамъ въ пространствѣ,—это одинаково справедливо и о процессахъ въ немъ. Вѣдь процессы въ пространствѣ сводятся къ различнымъ видамъ движенія. Между тѣмъ всякое движеніе проходитъ какія-нибудь разстоянія и измѣряется линіями пройденныхъ путей. Подобнымъ же образомъ измѣряется скорость движенія черезъ сравненіе проходимыхъ путей съ линіями знакомыхъ намъ движеній (напримѣръ, стрѣлки по циферблату часовъ). Наоборотъ, время, взятое отвлеченно отъ пространства, *неизмѣримо* въ точномъ смыслѣ слова. Вся суть времени въ томъ, что все, въ немъ данное, непрерывно проходитъ. Оттого явленія, которыя совершаются только во времени, могутъ быть измѣряемы лишь приблизительно и притомъ лишь косвеннымъ образомъ,—черезъ сопоставленіе съ пространственными измѣненіями (напримѣръ, когда мы измѣряемъ теченіе нашихъ душевныхъ состояній помощью движенія секундной стрѣлки).

Съ этимъ первымъ недостаткомъ всякаго самонаблюденія тѣсно связанъ второй: все подлежащее времени, какъ своей исключительной формѣ, неудержимо протекаетъ со всѣмъ своимъ содержаніемъ; поэтому хотя вѣрно, что психическіе факты открываются нашему самонаблюденію въ своей внутренней полной дѣйствительности, но это относится только къ каждому переживаемому моменту, пока онъ переживается, т. е. только къ *психологическому настоящему*. Своего прошлаго мы не воспринимаемъ прямо: оно дается намъ только въ посредствующей формѣ *воспоминанія*. Между тѣмъ наше настоящее содержитъ въ себѣ только очень ограниченный кругъ данныхъ, — по крайней мѣрѣ ясно сознаваемыхъ: за разъ мы можемъ вмѣщать въ себѣ лишь весьма небольшое количество психическихъ фактовъ, опредѣленно выразившихся въ своихъ различіяхъ. Ни одинъ душевный процессъ (сознаваемый какъ таковой) не попадаетъ въ наше настоящее цѣликомъ; въ каждый данный моментъ мы переживаемъ только его отдѣльныя звенья, имѣя предшествующія звенья лишь въ *воспоминаніи*, послѣдующія только въ *ожиданіи*. Черезъ это вопросъ о природѣ воспоминанія получаетъ первостепенное значеніе для интроспективнаго метода. И вотъ мы наталкиваемся на слѣдующій фактъ: наша память, по крайней мѣрѣ сознательная, есть довольно тусклое, а во многихъ отношеніяхъ и прямо невѣрное зеркало пережитого нами. Не говоря уже о безчисленныхъ *индивидуальныхъ* различіяхъ въ устройствѣ памяти у отдѣльныхъ людей, — наша способность воспоминанія уже по своимъ основнымъ свойствамъ обладаетъ важными недостатками какъ общаго, такъ и спеціальнаго характера. Главный ея общій недостатокъ состоитъ въ *неполнотѣ* воспроизведенія пережитыхъ процессовъ. Память наша сохраняетъ только наиболѣе рѣзкіе и яркіе моменты въ нихъ. Напротивъ, мелкія детали, хотя онѣ иногда могутъ имѣть очень существенное значеніе, обыкновенно теряются для насъ безслѣдно. Это можетъ испытать на себѣ каждый, кто, недавно переживъ что-нибудь, особенно заинтересованъ въ томъ, чтобы вспом-

нить всѣ подробности протекшаго событія: онъ очень скоро съ грустью убѣдится, что весьма многіе пункты въ припоминаемой картинѣ оказываются пустыми и темными. Такимъ образомъ наша память очень многое *пропускаетъ* въ пережитой нами дѣйствительности. Ея другой недостатокъ въ томъ, что она нерѣдко положительнымъ образомъ *искажаетъ* наше прошлое. Въ этомъ отношеніи, на примѣръ, приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, что можно назвать *тенденціозностью* нашей памяти. Моменты тяжелые или постыдные въ нашемъ прошломъ обыкновенно плохо удерживаются памятью, — подчиняясь нѣкоторому побужденію самосохраненія, она какъ бы убѣгаетъ отъ нихъ: мы стараемся о нихъ забыть. Напротивъ, моменты пріятные или хотя и безразличные, но интересные своимъ разнообразіемъ запоминаются нами хорошо. Оттого между прочимъ наша память въ общемъ имѣетъ наклонность къ невольному *оптимизму*, что сказывается въ любопытныхъ абберраціяхъ памяти: самыя тяжелыя періоды нашей жизни иногда не только вспоминаются потомъ съ удовольствіемъ, но серьезно разсматриваются самими воспоминающими, какъ время для нихъ очень счастливое или даже какъ самое счастливое время въ ихъ прошломъ. Вѣроятно, многимъ приходилось слышать отъ людей, бывшихъ на войнѣ и испытавшихъ при этомъ самыя тяжелыя ощущенія горя, страха, отчаянія, холода, голода, быть можетъ жестокихъ физическихъ страданій отъ болѣзней и ранъ, что это все-таки было самое счастливое время ихъ жизни. Какъ объяснить этотъ фактъ? Сказывается ли въ такой оцѣнкѣ просто слѣдствіе пріятнаго контраста между прежними волненіями и теперешнимъ спокойствіемъ, который заставляетъ думать о пережитыхъ бѣдствіяхъ съ удовольствіемъ? Едва ли дѣло только въ этомъ: вѣдь тогда все-таки сохранялось бы сознание о бѣдственности прошлаго. Скорѣе здѣсь мы имѣемъ болѣе сложный случай: тяжелые моменты былого времени въ памяти испытанных ихъ потускнѣли и сгладились, а то, что было въ немъ привлекательнаго, — разнообразіе впечатлѣній, подѣ-

емъ душевной энергіи, необычайная полнота жизни, — это все не только осталось въ воспоминаніи, но, быть можетъ, даже и выросло противъ своего дѣйствительнаго уровня. Въ самомъ дѣлѣ надо считаться и съ этимъ послѣднимъ факторомъ: на помощь памяти слишкомъ часто приходитъ *воображеніе* и дополняетъ отъ себя забытые моменты событій. Оно нечувствительно передѣлываетъ прошлое, или украшая его или, напротивъ, омрачая, смотря по нашему настроенію. Оттого на свѣтѣ такъ много бессознательныхъ лгуновъ.

Рядомъ съ этимъ приходится указать на важные спеціальныя недостатки нашей памяти. Далеко не всѣ психическія состоянія, при равныхъ условіяхъ, воспроизводятся въ нашемъ воспоминаніи одинаково хорошо. Напротивъ, здѣсь существуетъ огромная градація ступеней. Если, наприм., мы обратимся къ ощущеніямъ, то замѣтимъ, что мы сравнительно хорошо воспроизводимъ въ памяти цвѣта, оттѣнки, видимыя формы, движенія, звуки и ихъ различныя сочетанія. Но ощущенія такъ называемыхъ *низшихъ* чувствъ воспроизводятся уже гораздо хуже. Попробуемъ, наприм., со всею отчетливостью вспомнить вкусъ или запахъ даже какого-нибудь очень знакомаго намъ вещества или предмета и мы скоро почувствуемъ внутреннее затрудненіе. Мы замѣтимъ, что въ нашемъ воспоминаніи не хватаетъ чего-то очень существеннаго. Если дѣло идетъ о запахѣ, то мы хорошо вспомнимъ его дѣйствіе на дыханіе (удушливъ онъ или нѣтъ), вспомнимъ его осязательное или органическое дѣйствіе (острый онъ или нѣтъ), вспомнимъ его отношеніе къ нашему самочувствію (пріятный онъ или непріятный); но самая суть запаха, его непередаваемое внутреннее качество, которое мы однако отлично знаемъ, пока предметъ нюхаемъ, отъ насъ куда-то ускользнетъ. Если отъ него что и останется въ нашемъ сознаніи, то нѣчто весьма неясное, тусклое и неопредѣленное ¹⁾. То же самое относится и къ вку-

¹⁾ Правда, въ этомъ отношеніи, повидимому, наблюдаются значительныя индивидуальныя колебанія и различія. Нѣкоторые люди утверждаютъ, что они

су. Попытаемся вспомнить вкусъ чернаго хлѣба такъ же ясно, какъ мы, положимъ, вспоминаемъ цвѣтъ его. Опять и это едва ли удастся намъ; мы вспомнимъ не самый вкусъ, а скорѣе его сопровождающія обстоятельства: вяжущее дѣйствіе на ротъ, обонятельное воздѣйствіе на дыхательный процессъ и т. д. Но то, что во вкусѣ есть самаго существеннаго, опять внутренно куда-то уплыветъ отъ насъ или получить очень неясный обликъ.

И это относится далеко не къ однимъ ощущеніямъ обонянія и вкуса: въ душѣ, пожалуй, гораздо болѣе состояній слабо воспроизводимыхъ, чѣмъ хорошо воспроизводимыхъ. Это не означаетъ, однако, что они совсѣмъ забываются,—разъ мы ихъ узнаемъ при всякомъ новомъ воспріятіи, какъ давно знакомыя—значитъ мы ихъ *помнимъ*, хотя и не можемъ ихъ отчетливо воспроизвести воображеніемъ ¹⁾. Въ этомъ отношеніи нужно очень различать между *запоминаемостью душевныхъ состояній и ихъ воспроизводимостью* по произволу. Возьмемъ чувство боли,—оно оказывается въ положеніи совершенно аналогичномъ обонятельнымъ и слуховымъ ощущеніямъ. И тутъ мы вспоминаемъ скорѣе сопровождающія обстоятельства, чѣмъ самую боль. Мы помнимъ, длящаяся она или прерывистая, тупая или острая, рѣжущая или ноющая, выносимая или совсѣмъ нестерпимая,—т. е. мы вспоминаемъ свойства ея теченія, ея осязательнаго воздѣйствія, ея отношенія къ нашему общему самочувствію, а не то, что составляетъ въ ней для насъ самое главное и отъ чего зависеть все остальное; хотя мы тотчасъ же узнаемъ это главное, когда ощутимъ боль, испытанную раньше.

Слабо воспроизводимыми оказываются факты и болѣе сложнаго, высокаго порядка. Попытаемся во всѣхъ подроб-

очень хорошо воображаютъ себѣ запахи самыхъ разнообразныхъ веществъ. Однако и они обыкновенно соглашаются, что представляютъ разные запахи менѣе отчетливо и ясно, чѣмъ, напр., зрительные образы.

1) Запахи воспроизводятся въ воображеніи плохо; тѣмъ не менѣе обоняніе справедливо называется чувствомъ памяти, потому что запахи, прежде испытанные, потомъ очень живо напоминаютъ обстоятельства, при которыхъ они были воспріяты.

ностяхъ и со всею отчетливостью вспомнить какое-нибудь очень сильное чувство, нѣкогда владѣвшее всѣмъ нашимъ существомъ, но которое теперь уже прекратилось и мотивы для котораго совсѣмъ исчезли. Исполнить эту задачу легче, чѣмъ вспомнить боль или запахъ, но разрѣшается она все таки - лишь окольнымъ путемъ: чтобы вспомнить прежнее чувство, надо усиленіемъ воображенія совсѣмъ отвлечься отъ новыхъ обстоятельствъ нашей жизни и всецѣло перенестись въ прежнюю обстановку и въ прежнія житейскія отношенія. Чѣмъ ярче мы ихъ себѣ представимъ, не думая ни о чемъ другомъ, тѣмъ яснѣ проснется въ насъ прежнее чувство, но уже не въ качествѣ безстрастной идеи о чувствѣ, а скорѣе въ видѣ его хотя и слабого, но повторнаго переживанія. Какъ чужія чувства мы понимаемъ, только живо поставивъ себя въ положеніе другихъ людей и принудивъ себя внутренне пережить то, что они должны испытывать, такъ и свои собственные чувства въ прошломъ мы воспроизводимъ ясно черезъ ихъ повторное симпатическое переживаніе.

Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать и объ актахъ нашей воли. Во время совершенія нашихъ дѣйствій мы всѣмъ существомъ чувствуемъ ихъ полную зависимость отъ насъ и ихъ происхожденіе изъ нашихъ внутреннихъ рѣшеній и усилій. Но когда дѣло кончено, мы часто съ недоумѣніемъ спрашиваемъ себя: гдѣ же тутъ была наша добрая воля? И мы нерѣдко готовы свалить на неизбѣжное сдѣленіе обстоятельствъ тѣ самые свои поступки, которые всецѣло вмѣняли себѣ, когда совершали ихъ. Только путемъ сосредоточеннаго и добросовѣстнаго воспроизведенія въ нашемъ воспоминаніи всѣхъ обстоятельствъ нашего поведенія мы можемъ до нѣкоторой степени воспроизвести для себя и добровольность ихъ, опять-таки черезъ повторное переживаніе. Что акты воли въ воспоминаніи воспроизводятся плохо, это доказывается и болѣе элементарными фактами. Напримѣръ, пока я по произволу двигаю рукою въ разныя стороны, я совершенно увѣренъ, что я самъ ею двигаю.

Но когда движеніе кончилось, я уже могу испытывать сомнѣніе, точно ли я не былъ къ тому вынужденъ и дѣйствовалъ по собственному почину? Сомнѣніе ослабляется здѣсь только доступностью повѣрки.

Напротивъ, легко воспроизводимыми, — кромѣ ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ, нѣкоторыхъ осязательныхъ (въ особенности смѣшанныхъ съ ощущеніями мускульнаго чувства), нѣкоторыхъ чисто-мускульныхъ, и кромѣ всѣхъ безчисленныхъ представленій нашего воображенія, возникшихъ изъ разнообразныхъ комбинацій въ этихъ ощущеніяхъ, — оказываются всѣ логическіе процессы нашего ума по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается ихъ формальной стороны и ихъ объективнаго содержанія. Разъ мы хорошо усвоили рѣшеніе какой-нибудь задачи, мы всегда можемъ его повторить во всѣхъ его деталяхъ. Разъ мы ясно обдумали какой-нибудь предметъ, мы не только будемъ помнить общій выводъ, къ которому пришли, но при нѣкоторомъ сосредоточеніи мысли можемъ указать и всѣ основанія, которыя насъ къ нему привели, и т. д.

Сейчасъ высказанныя соображенія позволяютъ, повидимому, сдѣлать слѣдующее общее заключеніе: въ нашемъ сознаніи легче воспроизводятся *объективные* его элементы, т. е. то, что въ немъ относится къ внѣшнему міру и составляетъ содержаніе внѣшняго опыта, нежели элементы *субъективные*, обнимающіе чисто внутреннюю область дѣятельности нашего я и его отвѣтныхъ реакцій на впечатлѣнія извнѣ. Вся психическая жизнь на всѣхъ стадіяхъ ея развитія можетъ быть охарактеризована, какъ непрерывная встрѣча нашего *субъекта съ даннымъ ему объектомъ*. И вотъ все, что въ ней относится къ дѣйствію объекта (непосредственное дѣйствіе объекта — ощущеніе, объединяющее разныя ощущенія воспріятіе, воспроизводящее воспріятія представленіе, обобщающее отдѣльныя представленія объективное понятіе), легче воспроизводится по своему содержанію, чѣмъ отвѣчающіе этому дѣйствію чисто субъективные моменты нашего существованія. Такъ въ ощущеніи-

яхъ ихъ тонъ, т. е. ихъ непосредственно пріятное или непріятное дѣйствіе на наше самочувствіе, воспроизводится труднѣе, чѣмъ ихъ качество, т. е. данное въ нихъ объективное содержаніе. Оттого чѣмъ большую роль въ ощущеніяхъ играетъ тонъ, тѣмъ оно труднѣе воспроизводимо. Въ этомъ, быть можетъ, заключается главная причина, почему ощущенія органическія (напр., боли) а также ощущенія обонянія и вкуса воспроизводятся дурно: въ нихъ тонъ несомнѣнно преобладаетъ надъ качественной стороной ¹⁾. Отсюда же должна объясняться сравнительно трудная воспроизводимость во всемъ ихъ конкретномъ содержаніи нашихъ отдѣльныхъ чувствованій, эмоцій, прошлыхъ желаній, актовъ воли.

V.

Итакъ, наше психическое прошлое представляется намъ не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ дѣйствительно переживались составляющія его внутреннія состоянія. Съ нами происходитъ какъ бы перспективная иллюзія: наиболѣе существенное и центральное въ моменты переживанія потомъ сглаживается и стусшевывается, — напротивъ, периферическое и производное въ нихъ выдвигается въ воспоминаніи на первый планъ. Эта иллюзія имѣетъ огромное вліяніе на односторонность и неточность психологическихъ описаній. У отдѣльныхъ изслѣдователей при извѣстномъ складѣ ума и при извѣстныхъ предвзятыхъ взглядахъ она очень помогаетъ игнорировать въ душевной жизни то, что въ ней есть самага тонкаго, но въ то же время и самага важнаго и основнаго.

¹⁾ Напримѣръ, въ области запаховъ, мы довольно легко представляемъ себѣ даже самыя тонкія различія между ароматами отдѣльныхъ цвѣтовъ — розы, сирени, ландыша. Но едва ли кому-нибудь удастся (по крайней мѣрѣ въ нормальныхъ условіяхъ) вполнѣ адекватно и съ совершенной отчетливостью вообразить сильный запахъ гноя, совсѣмъ разложившагося трупа и т. п. Дѣло въ томъ, что весьма существеннымъ элементомъ ощущений послѣдней категоріи является неотдѣлимое отъ нихъ *отвращеніе* къ нимъ. Ихъ такъ же трудно вообразить себѣ, какъ трудно живо вообразить тошноту, когда не тошно.

Въ виду этого казалось бы, что нужно особенно дорожить наблюдениемъ надъ психическими фактами въ самый моментъ ихъ совершешя, т. е. поскольку они протекають въ настоящемъ. И дѣйствительно, до извѣстной степени мы способны явиться наблюдателями того, что въ насъ дѣлается сейчасъ. Нашему сознанию всегда присуща какъ бы нѣкоторая сила внутренняго раздвоенія, благодаря которой оно одновременно является и тѣмъ, что сознаетъ, и содержаніемъ сознанія. Мы вѣдь не только чувствуемъ, думаемъ, хотимъ, мы въ то же время и знаемъ о томъ, что сейчасъ чувствуемъ, или хотимъ, или думаемъ. Это превращеніе самого себя въ предметъ сознанія есть *самосознаніе*. Въ нѣкоторой мѣрѣ эта способность сказывается у насъ въ каждое мгновеніе нашего духовнаго бытія. Ясное самосознаніе проявляется въ насъ далеко не всегда, но если отчетливое самосознаніе въ насъ нерѣдко отсутствуетъ, нѣкоторая степень *самочувствія* все-таки должна быть дана во всѣ моменты нашего внутренняго существованія. *Если мы совсѣмъ не чувствуемъ себя, мы не можемъ чувствовать и ничего другого*, — это слѣдовало бы считать непреложной истиной психологіи. Пользуясь этой силой самораздвоенія, мы можемъ одновременно явиться и дѣятелями и зрителями своего душевнаго процесса. При извѣстномъ навыкѣ и самообладаніи мы можемъ присматриваться къ протекающему внутри насъ потоку психическихъ измѣненій и по горячимъ слѣдамъ схватывать и отмѣчать всѣ ихъ оттѣнки.

И все же этотъ способъ наблюденія за собою въ самый моментъ переживанія психическихъ фактовъ далеко не замѣняетъ анализа психической жизни при помощи воспоминанія. Прежде всего самонаблюденіе въ моментъ переживанія по необходимости должно имѣть очень узкій кругозоръ: мы должны стараться ограничить свой анализъ лишь тѣмъ содержаніемъ, которое дано въ настоящемъ. Я уже не говорю о томъ, что такая задача по существу невыполнима до конца: настоящее неудержимо переходитъ въ прошлое и, стало быть, на немъ нельзя сосредоточиться, какъ на таковомъ: всякій

психическій фактъ, какъ бы несложенъ и коротокъ онъ ни былъ, неизбѣжно имѣеть нѣкоторую *длительность*, и, слѣдовательно, для нашего сознанія въ немъ непремѣнно даны вмѣстѣ съ настоящимъ содержаніемъ и его протекшіе моменты. Нельзя воспринять абсолютно мгновеннаго. Всякое наше внутреннее воспріятіе какого бы то ни было психического содержанія есть синтезъ цѣлаго ряда моментовъ. Если мы, напримѣръ, переживаемъ зрительное ощущеніе, то сначала мы имѣемъ только общій толчокъ въ сознаніи, который еще не приурочили ни къ какому опредѣленному факту нашей психической жизни. Далѣе оно является намъ, какъ впечатлѣніе зрительнаго характера вообще, но также еще весьма неопредѣленное; затѣмъ уже мы его внутренне опредѣляемъ, какъ нѣкоторое качество (тотъ или другой цвѣтъ) и, обыкновенно, лишь послѣ этого мы способны усмотрѣть форму того, что видимъ. Эти моменты протекаютъ очень быстро другъ за другомъ, но все-таки различаются между собой. Аналогичныя соображенія относятся и ко всякому другому психическому состоянію.

Но и помимо этихъ неизбѣжныхъ ограниченій, самонаблюденіе въ настоящій моментъ и въ предѣлахъ даннаго въ немъ содержанія ведетъ къ очень серьезнымъ недостаткамъ въ получаемыхъ результатахъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ фактомъ огромной важности: *психическія событія въ насъ, при вниманіи къ нимъ съ нашей стороны, текутъ совсѣмъ иначе, чѣмъ когда такого вниманія нѣтъ*. Сосредоточенное наблюденіе дѣйствуетъ на происходящіе въ насъ процессы ослабляющимъ или усиливающимъ, вообще искажающимъ ихъ образомъ. Положимъ, мы хотимъ замѣтить, какъ мы сердимся, и въ моментъ гнѣва начинаемъ усиленно наблюдать за собою,—мы, конечно, этимъ путемъ не узнаемъ, какъ мы *обыкновенно* сердимся. Ставши сами надъ собою посторонними наблюдателями, мы лишимъ наше чувство и его силы, и его цѣльности: уже не оно будетъ владѣть нами, а мы имъ. Поэтому мы или вовсе не увидимъ того, чего ожидаемъ, или будемъ сами передъ собою разыгрывать роль сильно сердяща-

гося человѣка, но безъ соотвѣтствующихъ ощущеній. Или, положимъ, мы захотѣли наблюсти во всѣхъ подробностяхъ, какъ мы размышляемъ о какомъ-нибудь вопросѣ. Будетъ великимъ самообманомъ съ нашей стороны, если мы подумаемъ, что въ этомъ случаѣ мы воспримемъ нашъ мыслительный процессъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ совершаться всегда. Напротивъ, онъ сразу облечется въ необычныя формы: онъ сдѣлается вялымъ, неустойчивымъ, прерывистымъ. Ровно настолько, насколько мы заинтересуемся самонаблюдениемъ, потеряетъ въ интересѣ тотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго мы въ себѣ наблюдаемъ. Наше вниманіе будетъ разрываться между различными задачами, и мы испытаемъ довольно мучительное внутреннее раздвоеніе. Результатъ нашей умственной работы подъ усиленнымъ собственнымъ контролемъ едва ли будетъ обладать серьезною цѣнностью: избытокъ контроля неизбѣжно ослабитъ энергію нашей мысли. Аналогичное слѣдствіе получится и въ томъ случаѣ, если мы захотимъ, напримѣръ, сосредоточенно наблюдать, какъ именно мы получаемъ отъ чего-нибудь *удовольствіе*. Удовольствіе необходимо мы получимъ тѣмъ меньшее, чѣмъ больше будемъ себя развлекать и отвлекать наблюдениемъ. Въ жизни разрушающее дѣйствіе на нормальный ходъ психическихъ дѣятельностей со стороны напряженнаго самонаблюдения самихъ дѣйствующихъ встрѣчается постоянно. Актеръ, который въ страстной, горячей сценѣ станетъ слишкомъ наблюдать за своими интонаціями, навѣрное сыграетъ слабо и холодно. Самонаблюденіе разрушитъ въ немъ то, что для него должно быть самымъ главнымъ: оно разрушитъ его увлеченіе. Ораторъ, который начнетъ безпокойно слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, всего скорѣе собьется и запутается и т. д. Точно также искажающее и развѣдающее влияніе рефлексіи на самыя простыя и естественныя чувства составляетъ фактъ, слишкомъ хорошо извѣстный въ исторіи культуры.

При этомъ нельзя не отмѣтить, что недостатки самонаблюдения въ моментъ теченія психическихъ состояній пред-

ставляютъ значительную аналогію съ недостатками самонаблюдения чрезъ воспоминаніе, о которыхъ я говорилъ выше. Самонаблюдение въ моментъ психическихъ процессовъ дѣйствуетъ гораздо разрушительнѣе на то, что я назвалъ субъективными элементами душевной жизни, нежели на объективные ея элементы. Между тѣмъ субъективнымъ элементамъ внутренняго опыта принадлежитъ господствующая роль въ выясненіи связи между психическими состояніями. Положимъ, мы сосредоточенно наблюдаемъ какое-нибудь зрительное воспріятіе: отъ этого оно только усилится, выдѣлится изъ среды остальныхъ, протечетъ медленнѣе и въ то же время свободнѣе. Напротивъ, попробуемъ уловить во всѣхъ деталяхъ какъ въ насъ слагается какое-нибудь рѣшеніе воли. Своимъ наблюдательнымъ и созерцательнымъ настроеніемъ мы прежде всего свою волю затормозимъ. Выйдетъ то же, что я указывалъ относительно воздѣйствія самонаблюдения на наши душевные движенія, страсти, поступки, умственную работу. Весь внутренній процессъ пріобрѣтетъ искаженный обликъ. Рѣшеніе воли или совсѣмъ не получится или получится да не то, какое состоялось бы при нормальныхъ условіяхъ. Между тѣмъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы имѣли именно *субъективные* моменты внутренняго опыта.

VI.

Въ связи съ разсмотрѣнными до сихъ поръ недостатками самонаблюдения, намъ будетъ болѣе понятна та важная особенность внутренняго опыта, которая въ то же время есть самый коренной недостатокъ самонаблюдения вообще, какъ метода при изученіи психическихъ явленій. Далекое не всѣ психическіе факты обладаютъ опредѣленностью и устойчивостью своего содержанія, — тѣмъ, что можно назвать его *наглядностью и удобообозримостью*. Существуютъ цѣлые ряды фактовъ, притомъ обладающихъ весьма серьезнымъ значеніемъ для психическаго бытія въ его цѣломъ, которые неопредѣленны по существу, которые съ

трудомъ воспроизводятся въ воспоминаніи, которыхъ нельзя вмѣстить ни въ какомъ представленіи съ сколько-нибудь нагляднымъ содержаніемъ, которые неуловимы въ своемъ развитіи и ускользаютъ отъ сосредоточеннаго контроля наблюдающей мысли. И все же это суть факты, которые протекаютъ въ насъ каждое мгновеніе и безъ которыхъ нашъ душевный міръ не могъ бы обойтись ни одной секунды. Отсюда вытекаетъ странное положеніе психолога среди другихъ научныхъ изслѣдователей. Въ другихъ наукахъ мы всегда легко различаемъ между безспорными фактическими данными и тѣми предположеніями, выводами и объясненіями, которые на нихъ строятся. Въ психологіи самые факты не представляютъ *безспорныхъ* данныхъ: напротивъ, о нихъ спорятъ больше, нежели о чемъ-нибудь другомъ. И спорятъ не только о ихъ качествахъ, законахъ, толкованіи, — спорятъ о самой ихъ *наличности*, — притомъ наиболѣе основныхъ. Несомнѣнно данное для однихъ психологовъ, оказывается несомнѣнно неданнымъ для другихъ. Какъ понять это удивительное свойство психической сферы? Для него едва ли можно указать другое объясненіе, кромѣ неопредѣленности, неуловимости, отсутствія наглядности въ очень существенныхъ элементахъ жизни нашего духа.

Нашъ умъ стремится къ *наглядному*. До нѣкоторой степени вѣрно сравненіе нашего ума съ нашимъ глазомъ, — нашъ глазъ хорошо видитъ то, что передъ нимъ, — внѣшнее ему, — но онъ очень дурно воспринимаетъ то, что съ нимъ непосредственно соприкасается, а тѣмъ болѣе, что происходитъ внутри его. Конечно, сравненіе не есть еще объясненіе; но все же духъ нашъ подобенъ глазу въ томъ отношеніи, что онъ лучше воспринимаетъ данное ему, — объектъ, нежели свои внутреннія движенія. Настоящею *наглядностью* (обозримостью, опредѣленностью) обладаетъ въ насъ только то, что относится къ воздѣйствіямъ внѣшняго міра и къ воспроизведеніямъ этихъ воздѣйствій. Себя самихъ мы чувствуемъ и сознаемъ постоянно, въ каждомъ своемъ дѣйствіи, въ каждомъ удовольствіи и страданіи, въ каждой

мысли, въ каждомъ желаніи,—и все же мы не имѣемъ о своемъ внутреннемъ я такого яснаго, опредѣленнаго образа, какой имѣемъ, напр., о стоящемъ передъ нами матеріальномъ предметѣ. Предположимъ наблюдателя, умъ котораго весь охваченъ стремленіемъ къ наглядности во всемъ, что онъ мыслить, у котораго и все міросозерцаніе выработалось соотвѣтственно этой основной тенденціи его ума (такіе люди обыкновенно бываютъ склонны къ матеріализму)—какъ это должно отразиться на его психологическихъ обобщеніяхъ? Въ душевной жизни онъ выдвинетъ на первый планъ ощущенія (въ виду ихъ сравнительной наглядности и въ виду ихъ ясно наблюдаемой связи съ фізіологическими процессами) и воспроизведеніе ощущеній (также наиболѣе наглядный, внутренній фактъ). Все остальное содержаніе психической жизни онъ постарается вывести изъ этихъ фактовъ, игнорируя, а то и прямо отрицая то, чего изъ нихъ нельзя построить. Получится законченная психологическая система, но съ очень одностороннимъ содержаніемъ. Типическимъ представителемъ такой манеры объяснять душевную жизнь былъ самый знаменитый представитель французской психологіи XVIII столѣтія Кондильякъ. Аналогичный случай поисковъ за простыми, наглядными, легко измѣримыми элементами душевной жизни, какъ ея единственными слагаемыми, представляетъ психологія Гербарта съ ея ученіемъ о представленіяхъ, ихъ связяхъ и столкновеніяхъ, какъ единственномъ содержаніи психического процесса.

Но и въ наши дни стремленіе найти въ наглядныхъ элементахъ психической жизни ключъ ко всему, что творится въ душѣ, пользуется неменьшимъ распространеніемъ среди психологовъ и очень отражается на содержаніи отдѣльныхъ психологическихъ объясненій и описаній. Какъ на рѣзкій примѣръ такого стремленія при объясненіи отдѣльныхъ областей душевной жизни, можно указать на теорію чувства у В. Джемса. По этой теоріи каждое чувство цѣликомъ сводится къ сопровождающимъ его орга-

ническимъ ощущеніямъ и тѣмъ представленіямъ, которыя изображаютъ для насъ причину нашего чувства. Такъ, обращаясь къ прежнему примѣру, чувство гнѣва, съ этой точки зрѣнія, сводится къ ощущеніямъ прилива или отлива крови въ лицѣ, біенія сердца, отрывистаго дыханья, сжатія кулаковъ, дрожанія мускуловъ и т. д. плюсъ представленіе объ извѣстномъ лицѣ, насъ чѣмъ-нибудь разсердившемъ. Въ чувствѣ гнѣва кромѣ этихъ чисто физическихъ ощущеній и кромѣ этого представленія *ничего больше нѣтъ*. Другіе психологи протестуютъ противъ такого слишкомъ простаго объясненія: они выдвигаютъ то, что я назвалъ бы волевымъ моментомъ въ чувствѣ. Вѣдь если бы данное лицо не вызвало въ насъ неудержимаго стремленія сопротивляться ему, разрушить или по крайней мѣрѣ остановить его нежелательныя для насъ дѣйствія, отчего бы идея о немъ такъ всецѣло овладѣла нами и отчего могли бы возникнуть вызванныя ею физическіе эффекты? Мы не будемъ теперь рѣшать вопроса о томъ, какая изъ спорящихъ сторонъ права въ этомъ дѣлѣ,—намъ тутъ интересно другое. Разныя чувства,—гнѣва, страха, жалости, любви, ненависти, стыда, нѣжности, любопытства, удивленія,—мы переживаемъ постоянно: и вотъ можно спорить и болѣе или менѣе безнадежно спорить о томъ, въ чемъ же собственно эти чувства состоятъ и что мы въ нихъ воспринимаемъ? Нужно ли лучшее доказательство той печальной для психолога истины, что въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, хотя онъ всецѣло открытъ нашему самосознанію, далеко не все ясно для насъ самихъ и далеко не все вмѣщается въ отчетливыя и опредѣленныя формулы.

Возьмемъ другой примѣръ. Каждый ежеминутно испытываетъ на себѣ ту огромную роль, которая принадлежитъ во всѣхъ психическихъ процессахъ дѣятельности нашего *вниманія*. Какъ разнообразно и тонко проявляется въ насъ его сила, какъ свободно передвигаетъ она всѣ элементы сознанія, какъ рѣшительно повышаетъ одни психическіе процессы и понижаетъ другіе, какъ загадочно умѣетъ она

сосредоточиваться не только на отдѣльныхъ частяхъ нашихъ представлений, но и на чисто идеальныхъ сторонахъ ихъ и отношеніяхъ. И вѣдь она не приходитъ къ намъ откуда-нибудь извнѣ: *мы сами* ее составляемъ, мы ее внутренно переживаемъ и чувствуемъ, какъ рядъ собственныхъ усилій, во всѣхъ видахъ ея проявленія. Она болѣе, чѣмъ что-нибудь другое составляетъ принадлежность нашего собственнаго существа. Казалось бы, относительно свойства, а тѣмъ болѣе относительно существованія этой силы въ насъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній и никакихъ споровъ. А между тѣмъ существуютъ психологи, и очень почтенные, которые отнимаютъ у вниманія всѣ тѣ внутреннія качества, о которыхъ я говорилъ сейчасъ и совсѣмъ отвергаютъ его какъ, дѣйствительную активность нашего субъекта. Для Рибо, напримѣръ, акты вниманія состоятъ изъ чисто физическихъ ощущеній мускульнаго порядка—наморщиванія лба, бровей, стискиванія рта и т. д. Кромѣ этого въ нихъ ничего нѣтъ—всѣ внутренніе процессы въ насъ протекаютъ сами собой. Какъ могъ возникнуть такой взглядъ? Конечно, онъ продиктованъ предвзятымъ возрѣніемъ на общую природу душевныхъ явленій. Но если бы акты вниманія воспринимались нами вполне ясно и отчетливо, какъ, положимъ, мы воспринимаемъ красный или желтый цвѣтъ,—можно ли было бы въ описаніи ихъ такъ отважно идти противъ очевидности?

Въ совершенно подобномъ положеніи находится въ современной психологіи и вопросъ о волѣ вообще, по отношенію къ которой вниманіе есть только одна изъ формъ проявленія,—быть можетъ самая основная въ психическомъ процессѣ. Отрицаніе воли, какъ особаго факта душевной жизни, несводимаго на другіе ея факты, является однимъ изъ очень распространенныхъ психологическихъ предположеній въ наши дни. Иногда это отрицаніе получаетъ очень рѣшительный видъ. Такъ, напримѣръ, по Мюнстербергу, въ волевомъ актѣ всегда присутствуютъ только два феномена сознанія: 1) представленіе о будущемъ эффектѣ или дви-

женіи и 2) воспріятіе достигнутой цѣли или выполненнаго движенія. Между этимъ представленіемъ и этимъ воспріятіемъ не посредствуетъ ничего психическаго; переходъ отъ одного къ другому совершается механически въ нѣдрахъ нашего мозга, но въ сознаніи онъ не отражается нисколько. Эти основные моменты воли могутъ въ нашемъ сознаніи осложняться ощущеніемъ и представленіемъ сопровождающихъ ихъ движеній, логическими процессами выбора мотивовъ и т. д., но не въ нихъ суть воли. Подобнымъ же образомъ учить Цигень.

Сопоставимъ эту теорію съ ученіемъ Джемса о чувствахъ и постараемся объединить ихъ. Что тогда выйдетъ? Въ чувствахъ ничего нѣтъ, кромѣ физическихъ ощущеній и представлений о вызвавшихъ ихъ предметахъ; въ волѣ ничего нѣтъ, кромѣ ощущеній движенія и представлений о движеніи. Въ окончательномъ результатѣ: въ насъ ничего нѣтъ, кромѣ физическихъ ощущеній и ихъ воспроизведеній въ формѣ представленія. При этомъ ни эти ощущенія, ни эти представленія никакого вліянія на наши реальныя дѣйствія не имѣютъ. Мюнстербергъ настойчиво утверждаетъ, что причинность нашихъ психическихъ состояній и нашихъ поступковъ всецѣло лежитъ въ автоматическихъ отправленіяхъ мозга: всѣ наши дѣйствія совершались бы совсѣмъ такъ же, какъ и теперь, если бъ и не было никакихъ ощущеній и представлений въ нашемъ сознаніи. Съ другой стороны, Джемсъ выставляетъ свой знаменитый парадоксъ: мы опечалены, потому что плачемъ, приведены въ ярость, потому что кого-нибудь бьемъ, боимся, потому что дрожимъ, а никакъ не наоборотъ; всякое чувство есть только сопровождающее обстоятельство, ничего отъ себя не прибавляющее добавленіе къ физиологическому процессу.

Въ этомъ убѣжденіи,—что въ насъ ничего нѣтъ, кромѣ ощущеній и представлений о нихъ,—несомнѣнно есть своя законченность и простота. Но возникаетъ невольное и неразрѣшимое недоумѣніе: отчего тогда наши ощущенія имѣютъ то, что въ психологіи называется *тономъ*? Отчего эти со-

всѣмъ пассивныя отраженія слѣпыхъ и равнодушныхъ физическихъ процессовъ пріятны намъ или непріятны, окрашены удовольствіемъ или страданіемъ? Откуда это берется и зачѣмъ? По основному закону эволюціи, въ живыхъ существахъ развиваются только такія свойства, которыя имъ полезны. Но какая намъ польза отъ нашихъ страданій, болей, мучительныхъ размышленій, усилій борющейся воли, угрызеній совѣсти,—если они ничего не могутъ измѣнить въ нашихъ поступкахъ, всегда совершаемыхъ съ абсолютнымъ автоматизмомъ? Можно, пожалуй, спросить и общѣ: зачѣмъ вся психика въ насъ, если ей нигдѣ и ни въ чемъ не принадлежитъ никакой реальной роли? Помимо всего другого, уже одни эти простыя соображенія лишаютъ разсматриваемый взглядъ всякаго правдоподобія.

VII.

Дальнѣйшій примѣръ я возьму изъ области того великаго спора, начало которому было положено еще въ средніе вѣка: я разумѣю споръ между *номиналистами и концептуалистами* или *универсалистами*. Универсалисты учатъ, что въ нашемъ умѣ кромѣ представленій о вещахъ существуютъ *понятія о нихъ*, какъ нѣкоторыя совсѣмъ особыя психическія образованія съ универсальнымъ содержаніемъ, помощью которыхъ мы и мыслимъ всѣ общія положенія и истины. Напр., мы не только имѣемъ представленіе объ отдѣльныхъ людяхъ, но и понятіе *о человѣкѣ вообще*, у насъ не только есть представленіе о томъ или другомъ треугольникѣ, но и понятіе о всякомъ треугольникѣ вообще и т. д. Не будь этихъ универсальныхъ концепцій въ нашемъ разумѣ, наша обобщающая мысль была бы невозможна.

Номиналисты отвѣчаютъ на это, что мы можемъ воображать и представлять только отдѣльные предметы, только частное содержаніе со всѣми его индивидуальными особенностями въ данный моментъ. Мы никогда не мыслимъ человѣка вообще, а всегда представляемъ какого-нибудь опредѣленнаго человѣка или опредѣленныхъ людей съ извѣст-

ными особенностями лица, фигуры, цвѣта волосъ и т. д. Мы никогда не мыслимъ треугольника вообще, который не былъ бы ни великъ, ни малъ, ни прямоуглень, ни остроуглень, ни тупоуглень; представить что-нибудь подобное совсѣмъ невозможно. Мы всегда имѣемъ въ головѣ какіе-нибудь определенные треугольники съ опережденными свойствами. Общность нашей мысли заключается не въ ея собственномъ содержаніи, а въ одинаковости употребляемыхъ нами названій и словъ. Словомъ *человѣкъ* мы обозначаемъ всякаго человѣка. Поэтому, говоря что-нибудь о людяхъ, мы предполагаемъ, что и думаемъ о чемъ-то обнимающемъ все человѣчество. На самомъ дѣлѣ этого вовсе нѣтъ,—въ нашемъ умѣ всегда бываютъ даны только образы отдѣльныхъ людей, и наша мысль всегда обращается съ ними. То же самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ другихъ общихъ сужденіяхъ. Когда мы ихъ произносимъ, въ нашемъ умѣ капризно мелькаютъ отдѣльные образы, факты, ощущенія и ничего больше. Къ нимъ сводится все содержаніе нашей мысли.

Номиналистическую теорію я считаю особенно поучительнымъ и въ то же время весьма живучимъ примѣромъ тѣхъ очевидныхъ крайностей, къ которымъ приводитъ стремленіе признавать только наглядные элементы въ душевной жизни. Развитая до конца, номиналистическая теорія послѣдовательно должна привести къ совершенному отрицанію самой наличности у насъ разума. Она ничего не можетъ подѣлать съ слѣдующимъ несомнѣннымъ психологическимъ и логическимъ фактомъ: ни одно понятіе (и можно прибавить,—ни одно умственное дѣйствіе вообще) не исчерпывается сполна по своему содержанію какимъ-нибудь частнымъ представленіемъ или ассоціаціей такихъ представленій; и, наоборотъ, существуетъ великое множество понятій и умственныхъ дѣйствій, для которыхъ не существуетъ совсѣмъ даже приблизительно отвѣчающаго ихъ смыслу нагляднаго образа.

Поясимъ оба положенія нѣсколькими примѣрами. Предположимъ, что мы думаемъ о какой-нибудь самой простой

геометрической истинѣ о треугольникахъ, которая относится ко всѣмъ треугольникамъ вообще. Что при этомъ происходитъ въ нашей головѣ? Всего скорѣе въ нашемъ воображеніи всплываетъ въ этомъ случаѣ представленіе о какомъ-нибудь отдѣльномъ треугольникѣ, опредѣленной величины, съ опредѣленнымъ отношеніемъ сторонъ и угловъ, опредѣленной окраски (положимъ, нарисованномъ черными линіями) на опредѣленномъ фонѣ (положимъ, бѣломъ, по воспоминаніямъ о рисункахъ въ учебникахъ геометріи). Можетъ быть, въ теченіе нашихъ размышленій мы представимъ два треугольника или нѣсколько (во всякомъ случаѣ едва ли очень много: сила нашего воображенія вообще ограничена,—и чѣмъ больше мы ихъ представимъ за разъ, тѣмъ меньшею отчетливостью будетъ обладать каждый отдѣльный образъ). Участіе воображенія въ нашихъ размышленіяхъ этимъ и ограничится. А между тѣмъ *думать* мы будемъ о *всякихъ* треугольникахъ вообще, о *всѣхъ* треугольникахъ. Данный, наглядно воображаемый треугольникъ будетъ для насъ только примѣромъ или иллюстраціей того, на чемъ сосредоточилась наша мысль. И мы будемъ думать въ этомъ отдѣльномъ воображаемомъ треугольникѣ не объ его цвѣтѣ и не объ его формѣ, не о величинѣ его сторонъ или угловъ, а только о томъ, что есть и въ каждомъ другомъ треугольникѣ, какого бы цвѣта онъ ни былъ и какой бы величиной ни обладалъ, и мы допустимъ въ свое сужденіе только такіе выводы, которые относятся къ общей природѣ всѣхъ треугольниковъ. Я спрошу: какъ это возможно? Не нужно ли для этого, чтобы въ нашей мысли состоялось *рѣшеніе* обратить вниманіе въ данномъ примѣрѣ только на то, что относится ко всѣмъ треугольникамъ вообще, а для этого не необходимо ли, чтобы въ нашемъ умѣ такъ или иначе присутствовала идея о *всякихъ* возможныхъ треугольникахъ? А вѣдь это-то и отрицаетъ номиналистическая теорія. Между тѣмъ не ясно ли, что если бы въ нашемъ умѣ былъ только образъ отдѣльнаго треугольника со всѣми его конкретными признаками, но

не было бы въ насъ рѣшенія остановиться въ немъ только на томъ, что обще всѣмъ треугольникамъ, или не было бы способности исполнить это рѣшеніе, то не возникло бы въ насъ и никакого геометрическаго размышленія. Наше сознаніе было бы бездумно привязано къ этому отдѣльному представленію до тѣхъ поръ, пока по случайной игрѣ ассоціацій на мѣсто треугольника не сталъ бы кругъ или квадратъ, а то и такое представленіе, которое не имѣетъ ничего общаго съ геометрическими фигурами. Итакъ, для того, чтобы состоялось размышленіе о геометрической истинѣ, кромѣ участія нашей представляющей способности, нуженъ какой-то дополнительный процессъ, весьма отличный отъ воображенія; и онъ несомнѣнно въ насъ совершается, но о немъ номиналистическая теорія не даетъ никакого яснаго отчета.

Но здѣсь по крайней мѣрѣ мы имѣемъ такой случай умственнаго дѣйствія, въ которомъ представленіе по своему содержанію вполне отвѣчаетъ тому понятію, которое мыслится его помощью. Данный треугольникъ дѣйствительно имѣетъ всѣ свойства треугольника вообще, у него только есть много и своихъ частныхъ свойствъ, которыми другіе треугольники не обладаютъ. Однако такое соотвѣтствіе въ содержаніи частныхъ представлений и общихъ мыслей дано нашему уму далеко не всегда.

Возьмемъ другой примѣръ: положимъ, насъ очень заинтересовалъ вопросъ объ экономическомъ, политическомъ и культурномъ значеніи Москвы, и мы его всесторонне обсуждаемъ. Мы можемъ высказывать по этому поводу самыя разнообразныя мнѣнія и горячо на нихъ настаивать. Но зададимъ себѣ другой вопросъ: что представляется и воображается намъ, когда мы говоримъ—Москва? Какія представленія, воспоминанія, образы проходятъ въ нашей головѣ по ассоціаціи съ этимъ словомъ? И существуетъ ли какая-нибудь связь, и какая именно, между нашими теоретическими выводами о Москвѣ и тѣми вереницами образовъ и представленийъ, которыя проносятся въ нашемъ умѣ всякій разъ, когда

мы мысленно къ ней обратимся? Съ перваго взгляда ясно, что отвѣтить на этотъ вопросъ нелегко. Разобраться во всѣхъ представленіяхъ и картинахъ, которыя промелькнутъ въ нашей головѣ по этому случаю, едва ли даже выполнимая задача. Но вотъ что несомнѣнно: если мы станемъ передавать другъ другу о томъ, что вообразилось намъ при словѣ „Москва“, то не только окажется, что у cadaго изъ насъ протекли въ умѣ свои особые ряды воспоминаній и представленій, но что эти представленія будутъ постоянно мѣняться и у cadaго лица въ отдѣльности при новыхъ повтореніяхъ слова. Кто недавно пріѣхалъ въ Москву, тому всего скорѣе вспомнятся первыя впечатлѣнія отъ нея: видъ издали, вокзалъ, ближайшія къ нему улицы, домъ, въ которомъ онъ остановился и т. д. Многимъ вмѣсто всякихъ картинъ просто представится слово „Москва“, изображенное печатными или писанными буквами. Въ связи съ обсуждаемыми вопросами можетъ быть промелькнетъ въ умѣ неоднократно географическая карта Россіи. У живущихъ въ Москвѣ уже давно особенно трудно предугадать теченіе ассоціацій: тутъ все зависитъ отъ впечатлѣній, настроеній, случайныхъ воспоминаній. Въ общемъ едва ли можно ждть отчетливыхъ и раздѣльныхъ картинъ при опытахъ подобнаго рода: наша фантазія заразъ вмѣщаетъ лишь небольшое количество раздѣльныхъ представленій. А между тѣмъ слово „Москва“ само по себѣ не будетъ вызывать никакихъ отдѣльныхъ представленій въ особенности. Поэтому въ отвѣтъ на такое слово въ насъ всего скорѣе долженъ получиться пестрый и въ то же время неразличимо тусклый хаосъ мелькающихъ образовъ, обрывковъ воспоминаній, неясныхъ впечатлѣній. Одно будетъ для насъ ясно, если мы хорошенько подумаемъ, что между этимъ смутнымъ и чисто субъективнымъ хаосомъ въ нашемъ воображеніи и тѣми и для насъ и для другихъ вполне понятными сужденіями о значеніи Москвы въ современной Россіи, которыя мы будемъ высказывать въ нашей бесѣдѣ, лежитъ цѣлая бездна, черезъ которую едва ли можно перекинуть какую-нибудь связующую нить.

Въ примѣрѣ съ треугольникомъ, хотя наша мысль и отличалась отъ представленія, но все же она отправлялась отъ него: представленіе давало наглядный образецъ, какъ предметъ для прямого анализа мысли. Здѣсь уже нѣтъ такого отношенія. Мысль о большомъ городѣ, разсматриваемомъ при этомъ въ виду его очень отвлеченныхъ отношеній къ тому цѣлому, которому онъ принадлежитъ, слишкомъ обща и сложна, чтобы она могла воплотиться въ какомъ-нибудь наглядномъ образѣ. Протекающія въ насъ наглядныя представленія при процессахъ размышленія этого рода не являются уже органическими звеньями этихъ процессовъ, а оказываются въ отношеніи къ нимъ лишь внѣшнимъ сопровождающимъ обстоятельствомъ.

Возьмемъ еще примѣръ: положимъ, мы хотимъ дать опредѣленіе такимъ понятіямъ, какъ право, законъ, государство, нравственность, и съ этою цѣлью размышляемъ надъ ними. Нѣтъ никакого сомнѣнія, при обсужденіи каждаго изъ этихъ понятій въ нашемъ умѣ будутъ протекать разнообразныя ассоціаціи совершенно конкретныхъ представленій, воспоминаній, картинъ и т. д. Но возможно ли вообразить себѣ представленія, которыя находились бы къ этимъ понятіямъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ отдѣльный воображаемый треугольникъ относится къ треугольнику вообще? Положимъ, размышляя о правѣ, я вспоминаю вора, котораго на моихъ глазахъ городской велъ въ участокъ. Но развѣ право и городской, ведущій въ участокъ—одно и то же? Размышляя о законѣ, я могу вспомнить книжную полку, уставленную томами свода законовъ. Но если я буду имѣть въ головѣ только эту полку, развѣ это мнѣ что-нибудь уяснить въ понятіи о законѣ вообще? Чтобы это воспоминаніе могло мнѣ въ чемъ-нибудь помочь, мнѣ нужно имѣть понятіе о содержаніи этихъ книгъ, о тѣхъ весьма общихъ правилахъ и предписаніяхъ, которыя въ нихъ содержатся, т.-е. я долженъ уже имѣть какую-нибудь идею о законѣ. Слишкомъ ясно, что въ этихъ случаяхъ конкретное представленіе и понятіе отстоятъ еще дальше другъ

отъ друга, чѣмъ въ предыдущемъ примѣрѣ. Москву мы все-таки можемъ вообразить въ ея отдѣльныхъ частяхъ, но ни полка книгъ, ни городской съ воромъ не составляютъ *матеріальныхъ частей* права или закона, ибо и то и другое суть вещи отвлеченныя.

Фактъ очевидной несоизмѣримости между нашей представляющей и нашей мыслящей способностью заставляетъ сторонниковъ номинализма прибѣгать къ *теоріи символизма* въ мышленіи. Смысль этой теоріи таковъ: мы никогда не мыслимъ нашихъ понятій прямо, а всегда помощью чувственныхъ символовъ, которые сами собою слагаются въ нашемъ умѣ для каждаго понятія. Мы не можемъ представить себѣ безконечной вселенной, и вотъ, чтобы мыслить ея миниатюрное и символическое подобіе, мы воображаемъ кругъ или шаръ, въ которомъ заключены другіе шары или круги, и этотъ кругъ или шаръ замѣняетъ для нашего ума вселенную. Мы не можемъ представить солнечной системы въ ея дѣйствительныхъ размѣрахъ—и вотъ мы воображаемъ себѣ въ маломъ размѣрѣ геометрическія кривыя, по которымъ движутся планеты вокругъ солнца, и маленькіе шарики, изображающіе для насъ солнце, планеты и землю. Мы не можемъ представить *дерево вообще*, но сопоставляя различныя породы деревьевъ и отбрасывая ихъ отличительныя признаки, мы наконецъ приходимъ къ тусклому символическому образу, который состоитъ изъ палочки изображающей для насъ стволъ, и идущихъ отъ нея въ разныя стороны маленькихъ палочекъ, — эта вѣтвистая палочка и замѣняетъ для нашего ума идею *дерева вообще* и т. д.

Не нужно большихъ усилій критическаго анализа, чтобы замѣтить крайнюю несостоятельность такой теоріи. Прежде всего очень трудно оправдать изъ самонаблюденія, чтобы каждое понятіе нашего ума дѣйствительно имѣло въ нашемъ представленіи свой особый сколько-нибудь постоянный символъ. Если такіе постоянно сопровождающіе наши отвлеченныя понятія образы и существуютъ иногда, они обыкновенно менѣе всего символизируютъ содержаніе нашей мысли.

Всего чаще такимъ постоянно сопровождающимъ образомъ является представленіе о написанномъ или напечатанномъ словѣ, обозначающемъ данное понятіе. У людей, обладающихъ такъ называемымъ *цветнымъ слухомъ*, такимъ неизмѣнно сопровождающимъ обстоятельствомъ ихъ отвлеченныхъ понятій будетъ та или другая окраска звукового состава употребляемыхъ ими словъ и т. д. Но даже отдаленное логическое соотвѣтствіе между содержаніемъ чувственнаго символа и отвѣчающимъ ему абстрактнымъ понятіемъ явится скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ.

Однако главное возраженіе противъ символической теоріи заключается, конечно, не въ этомъ: оно состоитъ въ томъ простомъ и ясномъ соображеніи, что символъ до тѣхъ только поръ символъ, пока мы понимаемъ его смыслъ. А если значеніе его для насъ затеряно, то онъ уже не символъ, и мы начинаемъ относиться къ нему по его непосредственному, буквальному содержанію. Слово есть символъ выражаемой имъ идеи; но если мы забыли, что оно значитъ, для насъ останется только его звуковой составъ. Мы можемъ слушать самыя мудрыя рѣчи на непонятномъ для насъ языкѣ, но все же ничего не услышимъ, кромѣ бессмысленнаго ряда звуковъ. Все это истины очень простыя. А между тѣмъ изъ нихъ вытекаетъ очень важное заключеніе: чтобы мыслить символами, надо понимать эти символы, т.-е. кромѣ символовъ, надо имѣть въ головѣ тѣ понятія, которыя ими обозначаются,—безъ этого у насъ не будетъ никакой мысли—ни символической, ни несимволической. Другими словами, чтобы мыслить о чемъ-нибудь символически, надо о томъ же самомъ при этомъ думать прямо и по его настоящему смыслу. Какъ въ примѣрѣ треугольника, чтобы мыслить геометрическую истину, нужно было, чтобы кромѣ представленія объ отдѣльномъ конкретномъ треугольникѣ въ нашемъ умѣ былъ данъ нѣкоторый дополнительный процессъ, такъ тѣмъ болѣе при символахъ искусственныхъ и по содержанію далекихъ отъ обозначаемыхъ ими весьма абстрактныхъ понятій (какъ на примѣрѣ, когда мы воображаемъ

маленькій кругъ въ качествѣ символа безконечнаго міра въ его цѣломъ) нуженъ аналогическій дополнительный процессъ сопоставленія символа съ тѣмъ, что въ немъ символизируется. Кромѣ чувственныхъ образовъ, въ нашемъ умѣ должно какъ-нибудь присутствовать нечувственное содержаніе идей,—безъ этого никакой символизмъ невозможенъ.

Но такой выводъ обозначалъ бы полный крахъ номиналистической доктрины: согласившись съ нимъ, она признала бы то, въ отрицаніи чего заключается весь ея смыслъ. Однако какой же другой выходъ указать изъ этихъ затрудненій? Скажемъ ли мы, что мы просто *не понимаемъ* никакихъ общихъ сужденій и никакихъ отвлеченныхъ идей? Будемъ ли доказывать, что въ нашемъ умѣ въ соотвѣтствіе съ отвлеченными терминами проносится хаосъ совершенно бессмысленныхъ ассоціацій, которыя однакоже въ послѣднемъ результатѣ приводятъ по неизвѣстнымъ причинамъ къ употребленію логически цѣлесообразныхъ новыхъ терминовъ, хотя и они въ нашей головѣ вызовутъ опять только тусклый хаосъ случайныхъ представленій; такъ что осмысленность нашихъ общихъ разсужденій есть только иллюзія, зависящая отъ осмысленнаго сочетанія словесныхъ знаковъ? Конечно, можно договориться и до этого. Но является неумолимый вопросъ: какъ можетъ въ насъ возникнуть такая иллюзія? Пускай сочетанія словесныхъ знаковъ по отношенію къ обозначаемому ими содержанію въ высшей степени цѣлесобразны, — какъ могли бы мы это замѣтить, если бъ въ нашей головѣ ничего не было, кромѣ туслаго хаоса?

Итакъ, въ разсматриваемомъ спорѣ универсалисты оказываются правыми. Въ нашемъ мышленіи дѣйствительно присутствуютъ данныя сверхчувственного характера, не обладающія никакою наглядностью. И всѣ умственные операціи имѣютъ дѣло съ ними: вѣдь въ каждомъ сужденіи, если не подлежащее, то по крайней мѣрѣ сказуемое имѣетъ непременно общее содержаніе. Но, какъ ни странно это, эти данныя настолько неумовимы въ своихъ психологическихъ

качествахъ, они такъ легко ускользаютъ отъ самонаблюдения въ своей особой природѣ, что существуютъ до сихъ поръ очень серьезные изслѣдователи, которые совсѣмъ отрицаютъ самое ихъ существованіе. Въ этомъ долженъ заключаться величайшій урокъ для психолога въ смыслѣ осторожности и воздержанія отъ поспѣшныхъ обобщеній.

VIII.

Теперь мы ознакомились съ важнѣйшими достоинствами и недостатками самонаблюдения или интроспективнаго метода въ психологіи. Его основное достоинство въ томъ, что для него душевные факты являются въ своей настоящей реальности и что внутренняя связь между ними въ очень многихъ случаяхъ непосредственно открыта для нашего прямого усмотрѣнія. Его недостатки коренятся въ томъ, что психическія явленія очень неустойчивы и непрерывно протекаютъ во времени, что ихъ нельзя измѣрить, что они далеко не сполна воспроизводятся въ нашемъ воспоминаніи, что ихъ нельзя наблюдать въ моментъ ихъ совершенія, не измѣняя ихъ хода, наконецъ, что многіе изъ нихъ, и даже особенно важные по своей роли въ общемъ обиходѣ психической жизни, оказываются по своему внутреннему существу неопредѣленными, лишенными чувственного облика, не имѣющими отчетливой наглядности для нашего внутренняго воспріятія. Изъ этихъ свойствъ нашего самосознанія можно вывести нѣкоторыя руководящія и предостерегающія правила психологическаго изслѣдованія, поскольку они ведутся интроспективнымъ методомъ. Я укажу важнѣйшія между ними.

1) Къ нашему самонаблюденію невозможно примѣненіе строгой научной индукціи съ экспериментальными методами, при установленіи связей и послѣдовательностей между явленіями. Строгій экспериментъ вообще для самонаблюдения недоступенъ. Въ нашемъ душевномъ мірѣ нельзя вызывать явленій по произволу или даже если мы этого въ отдѣльныхъ случаяхъ достигаемъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ

въ томъ, что всѣ обстоятельства опыта намъ извѣстны. Для самонаблюденія оказывается примѣнимою только простая, популярная индукція, но и по отношенію къ ней мы не можемъ быть убѣждены (въ виду плохой воспроизводимости и неуловимости отдѣльныхъ психическихъ фактовъ), что всѣ данныя приняты нами во вниманіе.

2) Для самонаблюденія является широко открытымъ методъ *мысленнаго анализа*, въ значительной степени восполняющаго и дополняющаго индукцію въ ея обычномъ смыслѣ. Факты душевной жизни между всѣми явленіями дѣйствительности отличаются тѣмъ, что въ нихъ намъ нерѣдко бываетъ открыта ихъ внутренняя связь. Черезъ это въ ней отдѣльныя наблюденія даютъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ знанія. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такой непосредственно ясной связи мы можемъ услѣдить, что въ немъ первоначально и что производно, что причина и что слѣдствіе, въ чемъ условіе и что дано, какъ обусловленное, въ чемъ выражается активность духа и въ чемъ, напротивъ, сказывается его пассивность. Всего этого мы достигаемъ черезъ простое различеніе отдѣльныхъ данныхъ, присматриваясь къ тому, что совершается въ насъ. Это значитъ, что простое самонаблюденіе даетъ намъ во многихъ случаяхъ прямо то, что въ наукахъ о внѣшней природѣ достигается лишь строгимъ и детальнымъ примѣненіемъ методовъ экспериментальнаго изслѣдованія: въ самомъ дѣлѣ вѣдь вся задача экспериментальныхъ методовъ заключается въ установленіи причинной связи явленій.

3) Детальное усвоеніе всѣхъ малѣйшихъ перипетій психическаго процесса для самонаблюденія (въ виду неполноты воспроизведенія прошлыхъ явленій) вообще мало доступно. За то, вслѣдствіе сейчасъ указанной возможности мысленнаго анализа отдѣльныхъ фактовъ по ихъ внутреннему значенію и смыслу, въ сферѣ самонаблюденія мы способны сразу схватывать типическія черты явленій. Оттого психологъ до нѣкоторой степени оказывается въ положеніи геометра: какъ геометръ, всесторонне изслѣдуя отдѣльные примѣры,

приходить къ самымъ общимъ заключеніямъ о линіяхъ, углахъ и фигурахъ, такъ и психологъ, мысленно сосредоточившись на отдѣльныхъ душевныхъ актахъ, можетъ усматривать и оцѣнивать ихъ *типическія свойства и отношенія*. Въ самомъ дѣлѣ, при извѣстной долѣ проницательности, человѣкъ, даже и не знающій логики, могъ бы построить ея основные законы и правила, просто вдумываясь въ смыслъ какого-нибудь одного сложнаго разсужденія и мысленно выдѣляя мотивы, движущіе ходомъ заключеній въ немъ; вѣдь и исторически логика возникла изъ анализа отдѣльныхъ конкретныхъ логическихъ актовъ. Точно также переживъ одинъ какой-нибудь порывъ сильнаго чувства, дотолѣ намъ незнакомаго, мы не только будемъ знать, что оно въ насъ вызвало въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, но будемъ знать и то, чего можно ждать отъ этого чувства въ будущемъ, или отъ другихъ людей, когда оно ими овладѣетъ. Кто испыталъ сильную борьбу между голосомъ совѣсти и могущественными побужденіями личнаго интереса и выгоды, тотъ знаетъ, чего эта борьба стоитъ, какой твердой воли требуетъ, и на какіе хитрые софизмы пускается нашъ эгоизмъ, чтобы отстоять себя. Другими словами, онъ будетъ имѣть о подобныхъ положеніяхъ *типическое знаніе*. Такимъ образомъ вотъ два мощныя орудія интроспективной психологіи: *прямой мысленный анализъ* и вытекающій изъ него *типическій или обобщающій анализъ*.

Изъ сказаннаго сейчасъ вытекаетъ важный выводъ: не смотря на сравнительную неопредѣленность и неуловимость активныхъ элементовъ нашего сознанія, для интроспективнаго изслѣдованія оказываются наиболѣе доступными проявленія *активности нашего духа*. — Причина тому понятна: лишь въ проявленіяхъ этого рода нашему самонаблюденію и самовоспріятію открытъ причинный рядъ переживаемыхъ состояній въ его важнѣйшихъ звеньяхъ и въ его внутреннемъ значеніи; оттого только къ этой категоріи явленій съ полною плодотворностью прилагаются методы *прямого мысленнаго и типическаго анализа*. Говоря просто, мы только тѣ

психическія явленія понимаемъ вполне, въ которыхъ выражаются наши дѣйствія—внѣшнія или внутреннія,—наши стремленія и побужденія въ ихъ взаимной зависимости, наши влеченія и чувства; мы только то хорошо понимаемъ въ себѣ, что зависитъ отъ нашего собственнаго Я и выражаетъ его субъективныя реакціи на окружающій міръ,—мы видѣли тому многочисленныя примѣры. Напротивъ, тѣ психическія состоянія, къ которымъ наше сознание относится *пассивно*, которыя ему, такъ сказать, навязываются извнѣ и помимо его, несмотря на ихъ сравнительно большую наглядность, гораздо менѣе открыты интроспективному анализу по отношенію къ ихъ внутреннимъ связямъ, управляющимъ ими законамъ и вызывающимъ ихъ причинамъ. Напримѣръ, точно установить физическую природу раздраженій, вызывающихъ тѣ или другія внѣшнія ощущенія, на основаніи одного самонаблюденія, очевиднымъ образомъ невозможно. Что дѣлается въ глазу, когда мы испытываемъ зрительныя ощущенія? Конечно, простое самонаблюденіе при рѣшеніи этого вопроса ни къ чѣму насъ привести не можетъ, кромѣ самыхъ общихъ предположеній. Или какъ бы можно было вывести законъ Вебера только на основаніи самонаблюденія? Точно также невозможно путемъ интроспекціи установить причины нашихъ органическихъ ощущеній, возникающихъ изъ процессовъ и измѣненій внутри нашего организма; будь иначе, діагнозъ всякихъ болѣзней былъ бы простъ до чрезвычайности. Обращаясь къ другой области, нельзя лишь на основаніи самонаблюденія съ увѣренностью отвѣтить на вопросъ, какія представленія еще сохраняются въ нашей памяти и какія исчезли изъ нея навсегда. Одинаково нельзя самонаблюденіемъ рѣшить, какія причины вызываютъ въ насъ то или другое содержаніе нашихъ сновидѣній, ихъ тусклость или отчетливость, ихъ осмысленность или бессвязность и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ очевиднымъ образомъ самонаблюденіе нуждается въ помощи *наблюденія внѣшняго* и надъ другими людьми, и надъ физическими и физиологическими процессами въ нашемъ организмѣ вообще.

IX.

Теперь, когда намъ извѣстны сильныя и слабыя стороны самонаблюдения, которое все-таки, и это надо очень помнить, остается кореннымъ методомъ при нашемъ знакомствѣ съ своимъ собственнымъ душевнымъ міромъ, мы можемъ остановиться на нѣкоторыхъ *предостерегающихъ* правилахъ, внимательное выполнение которыхъ, быть можетъ, избавило бы психологію отъ той хаотической пестроты противорѣчащихъ другъ другу теорій и гипотезъ, которою она страдала въ теченіе всей своей исторіи.

1) Психологъ долженъ избѣгать исключительнаго сосредоточенія всѣхъ своихъ изслѣдованій на наглядныхъ и отчетливыхъ фактахъ въ жизни сознанія. Онъ долженъ постоянно имѣть въ виду душевную жизнь въ ея дѣйствительномъ цѣломъ, со всею ея сложностью, подвижностью, нерѣдко — неуловимостью и неопредѣленностью. Онъ долженъ помнить, что наглядное, вполне опредѣленное и отчетливое въ ней составляетъ лишь сравнительно небольшую и далеко не самую существенную область среди ея разнообразныхъ внутреннихъ двигателей.

2) Психологъ долженъ съ большою осторожностью относиться ко всякимъ попыткамъ дать окончательный анализъ психическихъ процессовъ на ихъ простѣйшіе элементы. Стремленіе разложить сполна всякое сложное явленіе на его составныя, далѣе неразложимыя части лежитъ въ самомъ существѣ науки и въ наукахъ о мірѣ внѣшнемъ (механикѣ, физикѣ, химіи): оно было главнымъ двигателемъ ихъ огромныхъ успѣховъ за послѣднія столѣтія. Но все же надо помнить, что оно плодотворно лишь тогда, когда назрѣла возможность его болѣе или менѣе обстоятельнаго выполненія. Въ противномъ случаѣ анализъ приведетъ не къ тому, чего отъ него ждутъ, а только къ одностороннему и искаженному изображенію фактовъ. Психологъ обязанъ помнить, какъ безконечно сложны даже по видимости простыя психическія явленія, какъ много въ каждомъ изъ нихъ не-

уловимыхъ, чисто идеальныхъ моментовъ и двигателей, и какое, съ другой стороны, органическое, нерасторжимое, внутреннее единство представляетъ душевная жизнь въ ея цѣломъ. Въ самой идеѣ разсматривать душевную жизнь, какъ простую сумму независимыхъ другъ отъ друга слагаемыхъ, заключается важная научная натяжка: въ душевной жизни возможенъ только *относительный*, а никакъ не абсолютный анализъ (какой, напримѣръ, бываетъ въ химіи), когда мы просто выдѣляемъ составныя части изъ ихъ даннаго соединенія. Во всякомъ случаѣ вѣрнѣйшее средство не понять психическій процессъ, это остановиться въ немъ только на такихъ элементахъ, которые ярко выражены и болѣе другихъ бросаются въ глаза. Противъ увлеченія аналитическими задачами въ психологіи единственное средство должно заключаться въ возможно большей строгости требованій отъ *обратнаго синтеза*. Каждый данный психическій процессъ долженъ строиться изъ предположенныхъ его элементовъ во всей конкретной и жизненной полнотѣ, а не только въ какихъ-нибудь своихъ отдѣльныхъ свойствахъ. Въ области подобныхъ изслѣдованій трудно быть достаточно скептикомъ: при чрезвычайной тонкости и сложности изучаемыхъ явленій, малѣйшее сомнѣніе въ возможности дѣйствительнаго выведенія всей совокупности ихъ признаковъ изъ ихъ предполагаемыхъ факторовъ, должно служить рѣшительнымъ препятствіемъ для признанія анализа законченнымъ. Между тѣмъ въ исторіи психологіи мы замѣчаемъ скорѣе противоположную тенденцію: требованія отъ обратнаго синтеза въ виду трудности задачи обыкновенно бываютъ очень снисходительны и нерѣдко только такую снисходительностью обезпечивается успѣхъ отдѣльныхъ психологическихъ гипотезъ.

3) Психологъ долженъ тщательно оберегаться отъ злоупотребленія *физиологическими схемами*. Тѣсная зависимость психическихъ явленій въ нашемъ духѣ отъ физиологическихъ процессовъ въ нашемъ организмѣ, въ особенности въ нашемъ мозгу и нервной системѣ, есть фактъ несомнѣнный,

и указаніе условій такой зависимости представляетъ весьма интересную тему научныхъ изысканій. Но все же изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что задача психолога состоитъ только въ томъ, чтобы для каждаго психическаго факта найти тотъ физико-химическій процессъ въ мозговыхъ клѣткахъ, который его вызываетъ. Такая замѣна психологіи физиологіей недозволительна, во-первыхъ, потому, что какъ бы ни были тѣсно связаны психическая и физическая сферы явленій въ насъ, мы все-таки не имѣемъ права сразу рѣшать, въ чемъ эта связь заключается. Состоитъ ли она въ томъ, что каждому психическому феномену отвѣчаетъ въ нервно-мозговой системѣ вполне эквивалентный ему физиологическій процессъ, порождающій съ физической неизбѣжностью другіе процессы, которые въ нашей психикѣ отражаются какъ новыя явленія, вытекающія изъ перваго? Такъ смотрятъ на дѣло очень часто и въ этомъ предположеніи состоитъ столь популярная теперь *теорія эпифеноменизма въ психологіи*. Но хотя она и очень популярна, она все же весьма далека отъ того, чтобы быть дѣйствительно доказанной. Напротивъ, какъ я старался показать во многихъ прежнихъ моихъ статьяхъ, она вызываетъ противъ себя весьма серьезные возраженія. А если такъ, то всегда возможно предположить, что отношеніе физическаго и психическаго въ насъ не такъ просто и не сводится только къ тому, что звенья психическаго ряда явленій въ насъ во всѣхъ случаяхъ представляютъ прямую функцію звеньевъ ряда физическаго, безъ всякаго обратнаго воздѣйствія душевныхъ актовъ на направленіе физиологическихъ процессовъ. Быть можетъ, физической и психической ряды феноменовъ хотя и связаны въ насъ въ томъ смыслѣ, что постоянно оказываютъ многообразное *взаимное* вліяніе другъ на друга, но все же развиваются самостоятельно, каждый по своему, и поэтому для отдѣльныхъ звеньевъ процесса душевнаго не всегда можно указать вполне соответствующій коррелятъ въ звеньяхъ цѣпи физическихъ процессовъ. Во-вторыхъ, при попыткахъ чисто физиологическаго объясне-

нія душевныхъ фактовъ постоянно приходится имѣть въ виду чрезвычайную скудость нашихъ свѣдѣній о тѣхъ безконечно сложныхъ и тонкихъ процессахъ, которые совершаются въ нашемъ мозгу. Психологу поневолѣ приходится пускаться въ творчество и самому сочинять физиологическія схемы для объясненія всѣхъ операций духа. Это отнимаетъ у изслѣдователей много времени и остроумія, а между тѣмъ результатъ довольно плохо вознаграждаетъ ихъ старанія: психическіе и физическіе факты слишкомъ разнородны между собою, и что бы мы ни придумывали для однихъ, это мало поясняетъ внутренній строй другихъ.

Между тѣмъ въ физиологической схематизаціи заключается и прямо опасная сторона для безпристрастнаго психологическаго изслѣдованія. Ничто такъ не толкаетъ къ одностороннему и даже прямо превратному освѣщенію душевныхъ фактовъ, какъ заранѣе составленное убѣжденіе въ томъ, что всѣ психическія явленія представляютъ лишь переводъ на языкъ нашего субъективнаго сознанія чисто физическихъ перемѣнъ въ нашей нервной системѣ. Ничто не побуждаетъ такъ могущественно къ совершенію поспѣшныхъ анализовъ и къ пренебреженію тѣми лишенными чувственной наглядности элементами сознанія, о значеніи которыхъ я уже говорилъ такъ много. Вѣдь при послѣдовательномъ проведеніи эпифеноменистическаго взгляда, мы съ самаго начала всякую психическую активность должны признать за простую иллюзію. Мы всѣ явленія сознанія должны будемъ разсматривать, какъ чисто пассивныя отраженія въ немъ разныхъ перемѣнъ внѣ его. При этихъ условіяхъ долженъ непременно возникнуть соблазнъ растолковать всю душевную жизнь изъ того, что я называлъ *объективными* или *периферическими* данными сознанія, — т.-е. изъ ощущеній и воспроизводящихъ ихъ представленій, — вѣдь тогда всякое душевное состояніе вообще есть только субъективное ощущеніе различныхъ нервныхъ измѣненій.

X.

Главная задача психолога должна заключаться въ *безпристрастномъ описаніи* данныхъ душевной жизни. Какъ мы уже знаемъ, эта задача чрезвычайно трудна въ виду тонкости и сложности психическихъ фактовъ. Въ этомъ отличіе психологіи отъ другихъ наукъ, въ которыхъ описаніе прямо даннаго составляетъ только вводную и несущественную часть. Но, съ другой стороны, отличіе психологіи отъ другихъ наукъ заключается и въ томъ, что въ ней всестороннее описаніе можетъ доставить гораздо больше, чѣмъ въ нихъ: оно раскроетъ внутреннюю причинность феноменовъ, поскольку, по крайней мѣрѣ, они зависятъ отъ активности нашего я. Наконецъ, въ виду того, что во внутреннемъ опытѣ предъ нами обнаруживается истинная и несомнѣнная дѣйствительность, такое описаніе должно открыть очень важныя перспективы для философскихъ выводовъ общаго характера.

Противъ сдѣланныхъ здѣсь выводовъ можно ждать одного принципиальнаго возраженія. Если психическіе факты въ столь значительной и важной долѣ своей оказываются неуловимыми и неопредѣленными, если къ нимъ не примѣнимы самые обычные приемы наблюденія и опытнаго изслѣдованія, если въ области чистаго самонаблюденія ничего нельзя измерить и вычислить и, стало быть, она недоступна для математическихъ формулъ,—какое же можетъ быть *знаніе* о психической жизни? Способна ли вообще психологія быть наукою? Не осуждена ли она самымъ существомъ своихъ задачъ на то, чтобы оставаться вѣчнымъ хаосомъ противорѣчивыхъ мнѣній?

Мнѣ кажется, отвѣтъ на эти недоумѣнія простъ: тѣмъ не менѣе мы кое-что знаемъ о своемъ духовномъ мірѣ и даже знаемъ довольно много,—это фактъ. Вѣдь все наше практическое знаніе жизни и свѣта, въ наибольшей своей части, слагается изъ того, что мы знаемъ о себѣ и вѣрно догадываемся о другихъ. Житейскій опытъ, личный и общественный, любое художественное произведеніе литературы,

всякое обдуманное знакомство съ историческимъ прошлымъ, всякая философская теорія, въ своихъ первыхъ послышкахъ неизбежно опирающаяся на какія-нибудь непосредственныя данныя разума и чувственного опыта,—все это и многое другое съ разныхъ сторонъ научаетъ насъ о томъ, что творится и содержится въ насъ самихъ. Если бы относительно нашего собственного психического міра въ нашемъ умѣ ничего не было, кромѣ дикаго хаоса противорѣчивыхъ заблужденій, мы ничего не могли бы ни понять, ни совершить въ жизни. А разъ мы кое-что о себѣ знаемъ,—а въ будущемъ, вмѣстѣ съ умственнымъ и духовнымъ ростомъ человѣчества, можемъ надѣяться узнать и еще больше,—то мы несомнѣнно можемъ систематизировать свое знаніе, установивъ градацію и связь между болѣе и менѣе общимъ, и болѣе или менѣе достовѣрнымъ. И конечно мы это сдѣлаемъ тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе будемъ подчиняться предвзятымъ взглядамъ на дѣло. Съ другой стороны, принципиальная оцѣнка главнаго источника и предмета психологическихъ споровъ можетъ значительно смягчить противорѣчивость и шаткость отдѣльныхъ психологическихъ обобщеній. Такое систематическое, по обдуманному и ясно сознанному методу построенное знаніе о нашей душѣ не имѣетъ ли всѣхъ логическія права быть названнымъ наукою?

Однако совсѣмъ другой вопросъ, можетъ ли психологія стать наукою въ томъ точномъ,—употребляя выраженіе Дюбуа-Реймона,—астрономическомъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ науками механику или физику? Дойдетъ ли когда-нибудь психологія до такого совершенства, что будетъ безошибочно предсказывать въ какой часъ и минуту въ данномъ человѣкѣ возникнетъ та или другая идея или будетъ имъ совершенъ тотъ или иной поступокъ, — подобно тому, какъ астрономъ предсказываетъ, когда должно быть затменіе луны или солнца? На это надежда въ самомъ дѣлѣ очень плохая. Но развѣ только для одной психологіи? Есть ли хоть малѣйшая вѣроятность, чтобы такой астрономическій обликъ получили когда-нибудь исторія или соціологія? До-

стигнуть ли его когда-нибудь біологія,—вѣдь теперь ей еще очень далеко до этого. Помимо всего другого, такой астрономическій обликъ не мыслимъ тамъ, гдѣ наше познаніе имѣетъ дѣло съ *неограниченною сложностью данныхъ*. Въ этомъ смыслѣ нужно признать, что нѣкоторыя науки самымъ существомъ своихъ задачъ осуждены быть не точными и не астрономическими. Науки о духѣ относятся къ этой категоріи наукъ. Означаетъ ли это, что мы должны отъ нихъ отказаться? Вѣдь неточное и не могущее давать абсолютныхъ предсказаній знаніе не значитъ еще *ложное* знаніе.

Не надо забывать и важнаго преимущества въ наукахъ о духѣ. Въ психологической области мы не имѣемъ исчерпывающихъ и математически предопредѣляющихъ ходъ явленій формулъ, но зато намъ открыта внутренняя качественная сторона этихъ явленій: мы съ абсолютною достовѣрностью знаемъ, что значитъ думать, хотѣть или чувствовать. Въ наукахъ точныхъ наблюдается нѣчто обратное: въ нихъ формулы даны въ изобиліи, но зато онѣ только въ сущности и даны. Формулы дѣйствія электричества, напр., установлены съ поражающей строгостью, но развѣ не загадка, что такое само электричество,—развѣ тутъ все намъ ясно и теперь? Формулы движенія тѣлъ даны. Но что такое тѣло, что такое вещество, что такое движеніе, что такое пространство? Вѣдь это все загадочныя, неизвѣстныя данныя, и когда для насъ настанетъ ихъ *абсолютное* пониманіе, да и настанетъ ли когда-нибудь?

Л. Лопатинъ.

Опечатки, замѣченныя въ статьѣ А. Э. Кони „Общія черты
судебной этики“.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано:	Читай:
864	10	неотрадня волны	шумныя волны
—	19—20	уголовнаго кризиса.	уголовнаго процесса.
865	14—15	Форма установилась.	Формы установились.
—	19—20	публично отступать	конечно отступать
866	30	косаются.	касаются.
872	31	лишь сталь.	лишь ставъ.
890	11	судимаго человѣка, Tat twamasi!	судимаго человѣка.—Tat twam asi!—
—	26	достаточною человѣка.	достойною человѣка
—	29	женщиной, съ тремя малолѣтними	женщиной, оставшейся съ тремя малолѣтними
—	31	показаній по 705	показанія, по 705
—	35	дочь—она	дочь. Она
891	3	форменное	формальное
—	4	такой потерпѣвшей—	такой потерпѣвшей,—
—	5	обязанностямъ, съ	обязанностямъ,—съ
—	13	ненужныхъ щекотливыхъ	ненужныхъ, щекотливыхъ
—	20	поддержавъ—	поддержать
893	4	подтвердилось.	подтверждалось.
—	24	свойственно увлеченіе и	свойственны увлеченія и
—	36	объясняемаго не тѣмъ, что	объясняемаго тѣмъ, что
906	27	раздумывать о томъ	раздумывать о нихъ

Вильгельмъ Вундтъ и психологія языка ¹⁾).

VI.

Предложеніе, какъ психологическая единица рѣчи.—Его опредѣленіе.—Психологическій процессъ его возникновенія.—Послѣдовательное раздвоеніе, какъ апперцепціонный элементъ предложенія.—Ассоціаціонный элементъ предложенія.—Замкнутыя и открытыя структуры.—Естественный и условный порядокъ частей предложенія.—Причина возникновенія условнаго порядка.—Выраженіе единства основнаго представленія.—Свобода въ языкахъ, какъ критерій ихъ гнѣнности.—Особое положеніе славянскихъ языковъ.

Какъ уже было сказано выше, четвертая по восьмую главы труда Вундта посвящены вопросамъ, входящимъ въ составъ научной грамматики: фонетикѣ, словообразованію, морфологіи, синтаксису, семантикѣ; повидимому, этимъ сознаниемъ внушенъ и порядокъ самого изложенія. Дѣйствительно, этотъ порядокъ приблизительно тотъ, въ которомъ названные отдѣлы слѣдуютъ другъ за другомъ въ грамматическихъ руководствахъ. Для психолога-минимиста былъ бы естествененъ другой порядокъ: мы видѣли уже, что психологической единицей рѣчи должно считаться не слово—и подавно не звукъ,—а предложеніе; съ него поэтому было бы правильнѣе начать. Результатами анализа предложенія явились бы прежде всего слова, разборъ которыхъ въ ихъ корневомъ, морфологическомъ и семантическомъ составѣ далъ бы тему для слѣдующихъ трехъ главъ; для послѣдней остались бы послѣдніе элементы анализа, звуки и ихъ измѣненія. Другими словами, нынѣшнія 4—8 главы Вундта должны бы были слѣдовать одна за другой вотъ въ какомъ порядкѣ: 7, 5, 6, 8, 4; въ его естественности мы еще болѣе убѣждаемся при чтеніи—дѣйствительно, глава о звукахъ предполагаетъ извѣстнымъ

1) № 61 Вопр. Ф. и П.

Вопросы философіи, кн. 62.

составъ словъ, глава о словахъ—анализъ предложенія. Конечно, въ такомъ объемистомъ сочиненіи, какъ наше, въ которомъ каждая глава образуетъ какъ бы отдѣльное самодовлѣющее цѣлое, неудобство ея помѣщенія мало даетъ себя чувствовать; но именно поэтому мы въ своей краткой характеристикѣ не можемъ послѣдовать примѣру автора и должны держаться психологически-раціональнаго порядка. Итакъ, мы начнемъ съ предложенія.

Что такое предложеніе? Этотъ вопросъ ближайшимъ образомъ интересуется грамматикую, которая рѣшаетъ его отчасти своими силами, отчасти прибѣгая къ помощи логики и психологіи—если только она не предпочитаетъ оставить его безъ рѣшенія, вслѣдствіе чего получается то, что Вундтъ не безъ ироніи называетъ «отрицательнымъ синтаксисомъ». Съ точки зрѣнія чистой грамматики предложеніе есть «соединеніе словъ, подчиненныхъ общему сказуемому въ видѣ законченной глагольной формы» (при чемъ для языковъ, вродѣ русскаго, пришлось бы прибавить «или именной»); съ точки зрѣнія логики—«соединеніе словъ, являющихся выраженіемъ мысли»; съ точки зрѣнія психологіи—«выраженное въ словахъ соединеніе представленій». Въ нашихъ школьныхъ грамматикахъ преобладаетъ логическое опредѣленіе—и это вполне разумно, такъ какъ въ школѣ языкъ долженъ быть не столько предметомъ познанія, сколько орудіемъ образованія; но сочиненіе, имѣющее предметомъ психологію языка, должно брать за исходную точку психологическое опредѣленіе.—Да, конечно, но только не то, которое мы привели. Понятіе «соединенія представленій» прямо противоположно дѣйствительному психологическому процессу, результатомъ котораго является предложеніе. Оно заставляетъ насъ предполагать, что «соединенныя представленія» до соединенія существовали въ сознаніи порознь; а между тѣмъ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Когда я говорю «крестьянинъ косить траву»—мой слушатель, конечно, долженъ путемъ соединенія этихъ трехъ единичныхъ представленій составить себѣ картину, которую я имѣю въ виду; но въ моемъ сознаніи—все равно, вижу ли я косящаго крестьянина, или вызываю его образъ въ своей памяти—эта картина существуетъ одновременно. Итакъ, въ чемъ же состоитъ психологическій процессъ въ моемъ сознаніи? Прежде всего отдѣльныя, но одновременныя ощущенія—зеленая трава, пестрые цвѣты, человѣкъ, коса, солнце, небо, облака и т. д.—складываются въ

общую картину; при этомъ воля не участвуетъ, это актъ ассоціаціонный. Затѣмъ я рамкой вниманія выдѣляю изъ этой общей картины ту, которая меня интересуетъ—косящаго крестьянина: это уже актъ волевой, такъ наз. апперцепція. Затѣмъ я, путемъ анализа разлагаю это совокупное представленіе на его три составныя части; этотъ анализъ, разумѣется, тоже апперцепціонный актъ. Законченъ ли этимъ психологическій процессъ? Нѣтъ: иначе я бы сказалъ «крестьянинъ косить трава», а не «косить траву». Итакъ, четвертымъ актомъ будетъ установленіе отношенія между тѣми частичными представленіями, которыя обнаружены анализомъ. А затѣмъ путемъ послѣдовательныхъ компликаціонныхъ ассоціаций, представленіе понятія вызоветъ представленіе слова, представленіе слова—представленіе его артикуляціи, и психологическій процессъ перейдетъ въ фізіологическій.

Итакъ, еще разъ: что такое предложеніе? Мы отвѣтимъ по Вундту (II, 240) «выраженное средствами языка произвольное расчлененіе совокупнаго представленія на его составныя части, поставленныя въ логическое отношеніе другъ къ другу», при чемъ слово «произвольное» придется принимать, разумѣется, не въ нравственномъ, а въ психологическомъ значеніи. Дѣйствительно, по мнѣнію Вундта, этотъ анализъ характеризуетъ человѣческое сознаніе въ противоположность къ сознанію животныхъ; въ сравненіи съ нимъ даже членораздѣльная рѣчь составляетъ пріобрѣтеніе второстепеннаго характера.

Опредѣливъ понятіе предложенія, Вундтъ переходитъ къ отдѣльнымъ его разновидностямъ; онъ различаетъ восклицательныя, изъяснительныя, вопросительныя предложенія съ ихъ подраздѣленіями, обсуждаетъ затѣмъ составныя части каждаго предложенія, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, именно мѣстоименія и нарѣчія, служатъ поводомъ къ переходу отъ простаго къ сложному предложенію, отъ координаціи къ субординаціи. Все это дѣлается, разумѣется, не съ грамматической, а съ психологической точки зрѣнія; все же мы въ эти частности пускаться не будемъ, а прослѣдимъ въ ея происхожденіи и развитіи одну любопытную мысль, въ которой Вундтъ усматриваетъ важный критерій для психологіи культурной рѣчи въ противоположность къ первобытной.

Апперцепціонные акты, какъ совершающіеся съ участіемъ вниманія, могутъ быть только послѣдовательны, а не одновременны;

анализъ совокупнаго представленія, поэтому, тоже придется разбить на послѣдовательные акты, каждый изъ которыхъ будетъ *раздвоеніемъ* предшествующаго сложнаго представленія. Такъ во взятомъ выше примѣрѣ совокупная картина разбивается прежде всего на двѣ составныя части, центральную личность и ея дѣйствіе: «крестьянинъ—косить»; затѣмъ дѣйствіе—на его актъ и его предметъ: «косить—траву»; затѣмъ, если это нужно подчеркнуть—на актъ и орудіе «косить—косой»; наконецъ, каждое изъ названныхъ частичныхъ представленій—на самый предметъ и его свойство: «молодой—крестьянинъ», «быстро—косить», «зеленую—траву», «острой—косой». Нетрудно, однако, убѣдиться, что этотъ послѣдній анализъ существенно отличается отъ первыхъ: насколько первые непосредственно вытекали изъ основного представленія и не допускали ни измѣненія, ни прибавленія, настолько послѣдній воленъ и неопредѣленъ. Я не скажу, напримеръ, «крестьянинъ и баринъ», «косить и поеть», или «траву и камышъ»—если барина, пѣнія и камыша не было въ основномъ представленіи; но я свободно, ничуть не измѣняя этого представленія, могу разнообразить данныя послѣдняго анализа: «молодой и сильный крестьянинъ», «быстро и размахисто косить», «зеленую, сочную траву», «острой, желѣзной косой». Или вотъ еще проба: двое лицъ, видѣвшіе одновременно картину, о которой идетъ рѣчь, вполне согласно передадутъ представленія перваго разряда, но подберутъ каждый по своему тѣ, которыя относятся ко второму разряду.

На этомъ различіи Вундтъ строитъ свою теорію *замкнутыхъ* и *открытыхъ структуръ*. Замкнутыя структуры, получающіяся путемъ послѣдовательныхъ раздвоеній совокупнаго представленія, являются результатомъ апперцепціи: наоборотъ, открытыя—продуктъ вольной ассоціаціи. Первыя заключены въ основномъ представленіи, вторыя рождаются сами собою во время произношенія основного предложенія, будучи вызваны той или другой его частью, вокругъ которой они и «кристаллизуются». Грамматически замкнутыя структуры соотвѣтствуютъ предикативнымъ, открытыя—аттрибутивнымъ конструкціямъ; преобладаніе тѣхъ или другихъ обуславливаетъ характеръ рѣчи. Въ первобытныхъ языкахъ господствуетъ ассоціація, а слѣдовательно—открытыя структуры, аттрибутивныя предложенія: видѣнія нескончаемой вереницей чередуются на узкомъ полѣ сознанія говорящаго, одно

вызываетъ другое, другое—третье и т. д. У насъ вполне ассоціаціонная рѣчь — явленіе патологическое, признакъ крайняго аффекта или помѣшательства; но ея преобладаніе, умѣло сдерживаемое апперцепціей, даетъ поэтическій слогъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе расширяется поле сознанія у человѣка, тѣмъ болѣе въ его рѣчи господствуетъ апперцепція; увеличивается способность анализировать сложныя представленія, является потребность во все большемъ и большемъ числѣ выражений подчиненности, возникаетъ, другими словами, періодизація рѣчи. Выше всѣхъ языковъ въ мірѣ стоятъ въ этомъ отношеніи оба языка античности, греческій и латинскій; въ нихъ интеллектъ нашелъ себѣ самое совершенное орудіе.

Не могу долѣе останавливаться на этой интересной теоріи; мнѣ она кажется столь же новой, сколько и важной, и я думаю, что рано или поздно она станетъ краеугольнымъ камнемъ въ каждой психологіи стили, развитіе которой—какъ это замѣчаетъ и нашъ авторъ,—лежало внѣ предѣловъ его задачи. Но рядомъ съ господствомъ открытой или замкнутой структуры, еще другой, однородный критерій помогаетъ намъ разобраться въ разнообразіи языковъ и стилей; это—*порядокъ частей предложенія*.

Части предложенія—это, согласно грамматикѣ, подлежащее, сказуемое и т. д. Грамматика выработала эти термины при помощи логики, благодаря естественному отождествленію грамматическаго предложенія съ логическимъ сужденіемъ—говорю «естественному», такъ какъ оно состоялось на почвѣ избранныхъ языковъ интеллекта, греческаго и латинскаго. Психологія ихъ признать не можетъ; для нея каждая пара представленій, получившихся при каждомъ раздвоеніи, будетъ состоять изъ одного господствующаго и одного отступающаго. Господствующее первое привлекаетъ наше вниманіе; естественно, что оно первымъ ищетъ себѣ выраженія въ рѣчи. Если бы наше сознаніе было «пунктуально узкимъ», то всѣ эти представленія вылились бы въ рѣчи въ порядкѣ своего старшинства; но въ томъ-то и дѣло, что оно не пунктуально узкое. Рядомъ съ частичными представленіями существуетъ и совокупное—про того, у кого оно исчезло, мы говоримъ, что онъ «потерялъ нить». Это совокупное представленіе тоже требуетъ себѣ выраженія, какъ таковое; выраженіемъ его единства служитъ раздѣленіе господствующаго представленія между началомъ и концомъ предложенія: *tagna*

dis immortalibus habenda est gratia. Опять одни только древніе языки удовлетворяютъ обоимъ требованіямъ развитого и расширеннаго сознанія. Что касается остальныхъ, то они болѣе или менѣе всѣ пожертвовали выраженіемъ единства основнаго представленія; но многіе пожертвовали также и психологическимъ порядкомъ частей предложенія, этимъ чуднымъ ритмомъ рѣчи, такъ естественно и вѣрно передающимъ волненіе возбужденнаго сознанія: состоялась такъ наз. *стабилизация* порядка словъ—ее мы имѣемъ въ нѣмецкомъ языкѣ, во французскомъ, во многихъ другихъ. Какъ объяснить это странное антипсихологическое явленіе?

Вундтъ, говоря правду, не объясняетъ его вовсе. Случайныя, неопредѣлимые условія дали перевѣсъ одному какому-нибудь порядку словъ; остальное—дѣло ассоціаціи, естественно предпочитающей наиболѣе проторенную тропу. Но даже если оставить въ сторонѣ недостаточность этого объясненія—оно имѣетъ основаніемъ предположеніе, что вольный порядокъ словъ первоначаленъ въ сравненіи съ постояннымъ; правильно ли это? Въ классическихъ языкахъ мы имѣемъ вольный порядокъ, въ санскритскомъ—постоянный; что же, нужно предположить, что классическіе языки представляютъ въ этомъ отношеніи болѣе древнюю ступень развитія? Пусть такъ, но Вундтъ забываетъ, что постоянный порядокъ имѣется также въ языкѣ жестовъ, а между тѣмъ мы видѣли, что въ дѣлѣ передачи представленій языкъ жестовъ древнѣе языка словъ. Итакъ, понятія «естественный» и «первоначальный» въ данномъ случаѣ не совпадаютъ: постоянный порядокъ, будучи условнымъ, все-таки первоначальнѣе вольнаго. Какъ это объяснить?

На основаніи сказаннаго выше объясненіе затрудненій не представляетъ. Стремленіе выразить въ рѣчи какъ единство совокупнаго представленія, такъ и естественный порядокъ частичныхъ существовало всегда, но пока въ языкѣ—языкѣ жестовъ—недоставало формальнаго элемента, ему противодѣйствовало стремленіе быть понятнымъ. Языкъ жестовъ не можетъ выразить различія между «отецъ сына убилъ» и «отца сынъ убилъ»; устраните обязательность условнаго порядка словъ—«отецъ сынъ убить» въ первомъ, «сынъ отецъ убить» во второмъ случаѣ—и съ нимъ будетъ устранена всякая возможность выяснить, кто кого убилъ. Когда возникъ языкъ словъ, онъ тоже долгое время былъ (какъ

понинѣ языки дальняго востока и другіе) лишень формальнаго элемента; понятно, что условный порядокъ словъ сталъ обязательнень и для него. Но вотъ, наконецъ, явился формальный элементъ; съ нимъ явилась возможность дать волю стремленію къ естественности рѣчи, не жертвуя ею понятностью. Почему только классическіе народы ею воспользовались? Очевидно по той же причинѣ, почему они одни также въ другихъ областяхъ умственности открыли свободу и естественность. Это—вопросъ темный, затрогивающій не одну только психологію языка; но зато ясно, что ослабленіе и потеря формальнаго элемента должны были повести также къ потерѣ вольнаго порядка словъ. Вундтъ оживленно полемизируетъ съ этимъ послѣднимъ объясненіемъ, вносящимъ телеологію въ лингвистическія явленія; мы уже знакомы съ этой его исключительностью, да и ниже еще придется имѣть съ нею дѣло.

Неохотно расстаюсь съ этой темой; на мой взглядъ такое одухотвореніе психологіей лингвистическихъ явленій, которыя многимъ казались чѣмъ-то сухимъ и мертвымъ—положительно красивое зрѣлище. Учившіеся по-латыни знаютъ, что такое «гипербатъ»; сочетанія въ родѣ вышеприведеннаго *magna dis immortalibus habenda est gratia* подводятся грамматиками подъ понятіе гипербата—и дѣло съ концомъ. Теперь мы знаемъ, какъ объяснить это явленіе: «гипербатъ—выраженіе въ рѣчи единства совокупнаго представленія». — Древніе риторы не могли этого выяснить—для этого ихъ психологическая теорія была недостаточно развита; они инстинктивно чувствовали важность отмѣченнаго явленія и отвели ему мѣсто среди «изяществъ» рѣчи. Позднѣйшія времена за ними слѣпо послѣдовали вплоть до XIX вѣка, который, гордый своею сознательностью, презрительно отвергъ сухую и непонятную риторическую рухлядь. Отвергнуть непонятное—это одинъ исходъ, не всегда лучший; предпочтительнѣе—понять его. Современная психологія языка даетъ намъ къ этому средства; можно теперь же предсказать, что съ помощью этихъ средствъ вся древняя риторика, раздавленная подъ бременемъ незаслуженнаго презрѣнія, будетъ восстановлена въ своихъ правахъ, но въ то же время, перенесенная на психологическую почву, превратится въ науку положительную, интересную и важную.

Еще позволю себѣ нѣсколько словъ относительно славянскихъ

языковъ. Изъ всѣхъ языковъ цивилизованной Европы только они обладаютъ полной свободой въ чередованіи словъ—предложеніе «отець убилъ сына» по-французски можетъ быть выражено только на одинъ ладъ, по-нѣмецки на два или, если прибѣгнуть къ мѣстоименію *es*, на четыре, только въ славянскихъ языкахъ, какъ и въ обоихъ классическихъ, возможны всѣ шесть; несомнѣнно, что эта свобода стоитъ въ связи съ богатствомъ формальнаго элемента, которымъ славянскій языкъ превосходитъ всѣ остальные. Но вмѣстѣ съ этимъ богатствомъ дана возможность полной психологической свободы языка, дана возможность выразить также и единство совокупныхъ и господствующихъ представлений; и мы дѣйствительно встрѣчаемъ ее въ польскомъ, но не въ русскомъ языкѣ. Откуда такое различіе? Оттого, что польская рѣчь выросла и развилась подъ постояннымъ вліяніемъ латинской; это вліяніе въ данномъ случаѣ не внесло въ нее чуждыхъ элементовъ, а заставило только открыть и примѣнить свои врожденные способности. Надъ этимъ стоитъ призадуматься.

VII.

Слово, какъ результатъ анализа предложенія. — Физіоматеріалистическая теорія говоренія; ея недостатки. — Психологическая теорія. — Психологическій составъ слова. — Неравныя ассоціаціи элементовъ слова и ихъ роль въ процессѣ говоренія. — Основные и формальные элементы слова. — Значеніе формальныхъ элементовъ. — «Безформенные языки». — Отношенія, выражаемыя формальными элементами. — Основные элементы, какъ носители смысла словъ. — Отношеніе значенія къ звуковому составу словъ. — Психологическіе факторы измѣненія смысла: перемѣна господствующей примѣты и новыя ассоціаціи. — Критика теоріи Вундта. — Метонимическія и метафорическія измѣненія. — Измѣненія общія и частичныя. — Психологія метафоры.

Какъ совокупному представленію соотвѣтствуетъ предложеніе, такъ частичному соотвѣтствуетъ *слово*; какъ частичныя представленія возникаютъ въ нашемъ сознаніи путемъ расчлененія совокупнаго, такъ точно и слово получается путемъ расчлененія предложенія. Это, пока, конечно, только психологическій процессъ на почвѣ нашей обыденной рѣчи; вопросъ о возникновеніи словъ такъ просто не рѣшается. Но мы заранѣе будемъ расположены отдать предпочтеніе такому объясненію историческаго процесса возникновенія словъ, которое будетъ соотвѣтствовать психологическому процессу ихъ ежедневнаго возникно-

венія въ нашемъ сознаниі. Такое объясненіе можно найти; слѣдуетъ только приобщить результаты нашей предыдущей главы къ тому, что было установлено въ пятой. Тамъ мы видѣли, какимъ образомъ представленія нашли себѣ выраженіе въ языкѣ звуковъ; теперь мы должны прибавить, что эти представленія были совокупными представленіями—что и понятно—и что, слѣдовательно, соотвѣтствующіе имъ комплексы звуковъ были предложеніями, а не отдѣльными словами. Они могли быть очень разнообразны; все же сознание подобія совокупныхъ представленій, обусловленнаго участіемъ однихъ и тѣхъ же частичныхъ представленій, должно было чисто ассоціаціоннымъ путемъ повести и къ уподобленію ихъ звуковыхъ выраженій; а дальнѣйшимъ послѣдствіемъ было то, что схожіе звуковые элементы стали сознаваться какъ выраженія частичныхъ представленій, т.-е. какъ «слова» въ нашемъ смыслѣ.—Я не поручусь, что Вундтъ именно такъ представляетъ себѣ процессъ возникновенія словъ—онъ его нигдѣ не выясняетъ,—но полагаю, что данное объясненіе болѣе всего соотвѣтствуетъ его теоріи (см. I, 565).

Полученное такимъ образомъ слово представляетъ изъ себя несомнѣнно психофизическое явленіе—правда, несомнѣнно только по теоріи Вундта, которую онъ энергично и, думается мнѣ, побѣдоносно отстаиваетъ отъ нападений фізіоматеріалистовъ, допускающихъ одну только фізіологическую причинность. Главной опорой фізіоматеріалистовъ былъ открытый Брокъ словомоторный центръ въ одной извилинѣ головного мозга, поврежденіе котораго лишало человѣка возможности говорить («афазія»), оставляя ему однако способность мыслить, слышать, помнить и писать слова — тѣмъ болѣе, когда это открытіе было дополнено открытіемъ соотвѣтственнаго сенсорнаго (акустическаго) центра, обусловливающаго способность слышать и запоминать услышанное. Остальное было уже дѣломъ гипотезы; стали допускать также существованіе особыхъ сенсорно-оптического и моторно-графическаго центровъ, пораженіе которыхъ вредно отзывается на способности читать и писать, а также и центра понятій, благодаря которому мы мыслимъ; клѣтки мозга обратились въ склады представленій—однимъ словомъ пресловутая френологія Галла возникла въ новомъ видѣ. Вотъ противъ этой-то френологіи и ратуетъ Вундтъ; ничуть не оспаривая несомнѣнной фізіологической обусловленности говоренія, онъ настаиваетъ,

однако, на вліяніи также и чисто психологическихъ условій. Дѣйствительно, фізіологическая теорія сама по себѣ недостаточна: во-первыхъ, она не объясняетъ нѣкоторыхъ особыхъ, относящихся сюда патологическихъ явленій и, съ другой стороны, ведетъ къ конструкціи такихъ, которыя никогда не встрѣчаются; а, во-вторыхъ, въ этихъ явленіяхъ наблюдаются такіа чисто психологическіа детали, которыхъ ни одна фізіологическая теорія не можетъ даже попытаться объяснить, не впадая въ абсурдъ. Такъ было замѣчено, что при неполной амнесіи (т.-е. неспособности помнить слова) сначала исчезаютъ имена собственные, затѣмъ существительныя конкретныя и долѣе всѣхъ держатся отвлеченныя; что жъ, неужели мы должны допустить, что представленія распределены въ нашихъ клѣткахъ по грамматическимъ категоріямъ, и что онѣ поражаются неизмѣнно въ одномъ и томъ же порядкѣ?

Напротивъ, всѣ трудности исчезаютъ, если отнести къ словамъ также и съ психологической точки зрѣнія. Что же представляетъ изъ себя слово, психологически разсуждая?

Оно представляетъ довольно сложное явленіе. Возьмемъ любое слово — «дерево», напримѣръ; для насъ съ вами это слово «дерево» слагается изъ шести отдѣльныхъ психическихъ элементовъ: 1) *зрительнаго* представленія настоящаго дерева съ его стволомъ, вѣтвями и листвою; 2) того особаго чувства пріятной свѣжести, которымъ сопровождается это представленіе; 3) *слухового* представленія произнесеннаго слова «дерево» какъ комплекса звуковъ д, е, р, е и т. д.; 4) *моторнаго* представленія артикуляціи этого слова мускулами рта; 5) *зрительнаго* представленія написаннаго или напечатаннаго слова «дерево» въ составѣ его буквъ д, е, р и т. д.; 6) *моторнаго* представленія изображенія этого слова мускулами руки. — Говорю «для насъ съ вами», т.-е. для всѣхъ нормальныхъ грамотныхъ людей; но кромѣ того у каждаго изъ насъ могутъ быть и побочные элементы, связанные съ представленіемъ нашего слова. Такъ, если я подъ деревомъ простился съ дорогимъ человѣкомъ, то представленіе этого прощанія можетъ возникнуть самопроизвольно при представленіи самого дерева, отгѣняя и сопровождающее его чувство чувствомъ грусти.

Теперь мы должны имѣть въ виду, что всѣ эти элементы связаны между собою ассоціаціями, но — и это очень важно — не

одинаковой силы. Такъ, № 5 естественно вызываетъ № 1, для этого онъ, вѣдь, и существуетъ,—но не наоборотъ: не всегда я могу прочесть слово «дерево», не думая при этомъ о дѣйствительномъ деревѣ, но, наоборотъ, отлично могу представить себѣ дерево, не думая при томъ, какъ соотвѣтственное слово пишется. Мало того: сравнительное значеніе обоихъ главныхъ элементовъ этого комплекса—№ 1 и 3—не одинаково для различныхъ словъ; такъ, если у меня есть братъ Владиміръ, то въ моемъ воображеніи будетъ господствовать элементъ № 1, т.-е. онъ самъ въ составѣ своихъ физическихъ и психическихъ особенностей; я буду представлять его себѣ, какъ личность, въ большинствѣ случаевъ и не думая о томъ, что его зовутъ Владиміромъ. Иначе обстоитъ дѣло со словомъ «дерево»: тутъ очень часто представленіе слова можетъ замѣнить представленіе самаго предмета. Что же касается такихъ словъ, какъ «справедливость», то вслѣдствіе различнаго вида подходящихъ подъ это понятіе дѣйствій представленіе слова получаетъ полное господство надъ представленіемъ самой вещи. Итакъ, въ процессѣ молчаливаго мышленія, всегда предшествующаго процессу говоренія и могущему происходить независимо отъ него, представленіе слова «Владиміръ» будетъ отсутствовать вовсе, будучи замѣнено представленіемъ челоуѣка, этимъ именемъ нареченнаго; представленіе слова «дерево» будетъ встрѣчаться вперемежку съ представленіемъ предмета; представленіе же слова «справедливость» будетъ возникать всякій разъ, когда мнѣ понадобится соотвѣтствующее понятіе. Другими словами: представленіе слова «справедливость», какъ необходимое, окажется лучше всего затверженнымъ, вслѣдъ за нимъ представленіе слова «дерево» и хуже всего—представленіе слова «Владиміръ». Вотъ почему лица, страдающія прогрессирующей амнезіей, начинаютъ съ того, что Владиміра зовутъ Васи́лемъ, Дми́тріемъ или «какъ тамъ тебя», продолжаютъ тѣмъ, что дерево называютъ шестомъ, тычинкой или «тѣмъ, что растеть», и до самаго конца удерживаютъ въ своей памяти справедливость и однородныя съ нею слова.

Точно такъ же теорія неравныхъ ассоціацій слова помогаетъ намъ объяснить и другія патологическія поврежденія способности словопредставленія; ими мы, однако, заниматься не будемъ и перейдемъ къ другимъ вопросамъ, входящимъ въ область психологіи слова. Тотъ же процессъ, который ведетъ къ расчлене-

нiю предложенiя на слова, распространяется также и на слова и ведетъ къ установленiю въ нихъ двоякаго рода элементовъ—*основныхъ* и *формальныхъ*. Такъ, въ фразѣ «крестьянинъ косить траву» мы легко сознаемъ, что самое представленiе кошенiя какъ такового ассоциируется только съ частью *кос-*, между тѣмъ какъ часть *-ить* опредѣляетъ только отношенiе этого дѣйствiя къ крестьянину, какъ его подлежащему. Итакъ, *кос-* будетъ основнымъ, а *-ить*—формальнымъ элементомъ слова *косить*; различiе это—совершенно другое, чѣмъ извѣстное изъ грамматики различiе повятiй корень, суффиксъ, основа, окончанiе и т. д.; послѣднiя принадлежатъ къ области грамматики и психологiи не интересуютъ. Психологiя не касается того, что для сознаниа неощутимо; пусть тысячу разъ корнемъ слова память будетъ *теп*—для сознаниа этотъ корень неощутимъ и психологiя съ нимъ не считается.—Разсмотримъ же по порядку—сначала формальные, а затѣмъ основные элементы словъ.

Роль формальныхъ элементовъ двоякая; они опредѣляютъ взаимное отношенiе словъ въ предложенiи, но они же и обуславливаютъ грамматическую категорiю каждаго отдѣльнаго слова. *Коса, косы; косой, косая; косить, косятъ* — только формальные элементы даютъ намъ право относить первую пару словъ къ существительнымъ, вторую къ прилагательнымъ, третью къ глаголамъ. Теперь спрашивается, какъ быть съ тѣми языками, которые не знаютъ формальнаго элемента? Можно ли будетъ сказать про нихъ, что они обладаютъ существительными, прилагательными, глаголами? Полагаю, что нѣтъ; въ нихъ будутъ, конечно, обозначенiя предметовъ, качествъ, состоянiй, но что эти логическiя категорiи не совпадаютъ съ грамматическими, видно изъ такихъ примѣровъ, какъ «толщина», «синѣть», «движенiе» и т. д. Съ этой точки зрѣнiя и споръ о томъ, какой элементъ языка древнѣе, имя или глаголь, теряетъ значительную долю своего интереса; Вундтъ, въ противоположность къ старымъ лингвистамъ, рѣшаетъ его въ пользу имени, но его главное доказательство—что предметъ самопредставимъ, состоянiе же нѣтъ—мало убѣдительно. Наименованiя вызываются интересомъ, который окружающiе предметы имѣютъ для человѣка, ихъ службой его потребностямъ; первоначальныя потребности—ѣсть, пить—прежде всего должны были вызвать наименованiя; а соотвѣтствовали-ли эти наименованiя нашимъ глаголамъ или именамъ (пища, питье)—

этого намъ не рѣшить. Подобно философу Анаксимандру и я бы поставилъ въ началѣ развитія словъ то неопредѣлимое *areion*, изъ котораго со временемъ развились стихіи языка.

На этомъ основаніи старыя лингвисты и называли такіе языки «безформенными (*formlos*); Вундтъ не допускаетъ такого обозначенія, указывая на то, что взаимное отношеніе словъ въ предложеніи, не опредѣляемое отсутствующимъ формальнымъ элементомъ, передается установленнымъ порядкомъ словъ. Съ этой точки зрѣнія онъ различаетъ «внѣшнюю» и «внутреннюю» форму; но врядъ ли эта терминологія удачна; сочетаніе «внутренняя форма» звучитъ противорѣчіемъ. Правильнѣе было бы, оставляя терминъ «безформенный» въ силѣ, говорить о (жалкихъ и недостаточныхъ) суррогатахъ формальнаго элемента въ тѣхъ языкахъ, которымъ нашъ авторъ приписываетъ «внутреннюю форму». Но это не такъ важно; сосредоточимся на формальномъ элементѣ и на тѣхъ языкахъ, которые имъ обладаютъ. Какого рода отношенія выражаетъ онъ?

Ихъ много: родъ, число, падежъ, степень, залогъ и т. д. И Вундтъ добросовѣстно ихъ разбираетъ одно за другимъ. Разборъ этотъ ведется на обширномъ лингвистическомъ основаніи: привлекаются языки, имѣющіе вмѣсто родовъ категоріи сравнительной цѣнности, языки, имѣющіе вмѣсто обоихъ нашихъ чиселъ еще не только двойственное, но и тройственное, языки, имѣющіе безъ малаго сотню падежей и добрую дюжину залоговъ и т. д. Понятно, что всѣ эти различія дадутъ богатый матеріалъ для психологическихъ объясненій; все же мы за авторомъ въ эти дебри не послѣдуемъ. Ограничимся интереснымъ результатомъ, что первыми въ области глаголовъ возникаютъ залого (съ видами включительно), вторыми по времени — склоненія и послѣдними — времена; другими словами, первой появляется потребность выразить внѣшнюю окраску представляемаго дѣйствія, второй — его отношеніе къ говорящему, и послѣдней — его приуроченіе къ той или другой временной ступени.

Переходимъ къ основному элементу. Онъ — носитель представленія, того «значенія», которое мы приписываемъ слову. Въ какомъ отношеніи однако находится значеніе къ своему носителю?

Возьмемъ, чтобы выяснить себѣ этотъ вопросъ, возможно конкретный и прозрачный случай. Передъ моими глазами мелькнула

птичка, возбудившая мое вниманіе яркимъ цвѣтомъ своихъ перьевъ; ей готово имя — синица. Что же, въ сущности, произошло? Въ нашей птицкѣ много различныхъ примѣтъ, какъ постоянныхъ (такой — то клювъ, такіа-то ножки и т. д.), такъ и переменныхъ (она то порхаетъ, то летаетъ, то щебечетъ, то ловитъ мушекъ и т. д.), но поводомъ къ наименованію послужила только одна изъ нихъ; почему? Потому что въ данную минуту эта примѣта была «господствующей». Это обстоятельство находится въ связи съ двумя свойствами нашей умственной природы, которая Вундтъ называетъ «единствомъ» апперцепціи и ея «узостью». Въ силу единства апперцепціи выдѣленный рамкой вниманія предметъ всегда ощущается какъ нѣчто цѣльное и единое, требующее одинаго наименованія; въ силу ея узости изъ всѣхъ примѣтъ предмета только одна дѣлается непосредственнымъ объектомъ вниманія, почему наименованіе и дается исключительно по ней. Если теперь обозначить постоянныя свойства предмета буквой A , а переменныя буквой X , то формула $A+X$ будетъ обозначеніемъ всего предмета, какъ одинаго объекта нашей апперцепціи; но его наименованіе не ассоціируется непосредственно съ $A+X$, а съ господствующей примѣтой d , которая у синицы принадлежитъ къ постояннымъ: формулой наименованія (n) будетъ $nd (A+X)$, при чемъ скобки означаютъ, что совокупность прочихъ примѣтъ отступаетъ въ сознаніи передъ господствующей. — Но разъ наименованіе дано — оно относится безразлично ко всѣмъ примѣтамъ птицы; я говорю о клювѣ синицы, об остовѣ синицы, о пѣніи синицы, совершенно не думая о ея синемъ цвѣтѣ. Господствующая примѣта d (синій цвѣтъ) отходитъ въ число прочихъ примѣтъ $A+X$ и съ ними ступеневывается, а вмѣсто нея выдѣляется каждый разъ новая господствующая примѣта d_1 (клювъ), d_2 (остовъ), d_3 (голосъ). Теперь ясно, что каждая изъ этихъ новыхъ господствующихъ примѣтъ можетъ подать поводъ къ новой ассоціации; и дѣйствительно, мы въ настоящее время обнимаемъ общимъ наименованіемъ синицы многихъ птицъ, имѣющихъ съ первоначальной синицей («лазоревкой») общее построеніе тѣла, но не цвѣтъ; мало того, синицей преимущественно мы называемъ черноголовку (какъ самую распространенную), на которой нѣтъ ни одного синяго пера. Это доказываетъ, что первоначальная господствующая примѣта d окончательно отошла въ группу примѣтъ $A+X$ и затерялась въ ней,

между тѣмъ какъ изъ этой группы выдвинулась новая примѣта d_1 , которая стала господствующей и дала поводъ къ новымъ ассоціаціямъ.

Вотъ, стало быть, двойная психологическая основа измѣненія значенія словъ: измѣненіе господствующей примѣты и вызванная имъ новая ассоціація. А разъ это такъ, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рождаются вопросы: 1) чѣмъ вызвано измѣненіе господствующей примѣты? 2) каковъ характеръ новой ассоціаціи? Смотря по различнымъ отвѣтамъ на эти вопросы, получаютъ различные процессы измѣненія значенія словъ; но прежде чѣмъ представить ихъ читателю, я долженъ указать на одинъ— какъ мнѣ думается—ошибочный элементъ въ построеніи Вундта, которому мы слѣдовали до сихъ поръ.

Вундтъ дѣлитъ процессъ измѣненія смысла словъ на двѣ крупныя категоріи — измѣненія общія и частичныя; примѣромъ онъ беретъ два родственныя по значенію слова, *resipia* и *moneta*. Первое, по своему первоначальному значенію—«скотъ»; а такъ какъ въ первобытномъ обществѣ скотъ служитъ орудіемъ обмѣна, каковая роль въ послѣдствіи перешла къ деньгамъ, то и самое слово *resipia* со временемъ стало обозначать «деньги». Такой постепенный переходъ значенія словъ, вызванный измѣненіемъ культурныхъ условій, Вундтъ называетъ «общимъ измѣненіемъ смысла» (*regulärer Bedeutungswandel*). Напротивъ, слово *moneta* было первоначально эпитетомъ богини Юноны («Внушительница», отъ *moneo*); затѣмъ оно стало обозначать монетный дворъ, находившійся въ Римѣ у храма этой богини, и, наконецъ— монету. Такой внезапный, какъ онъ думаетъ, переходъ значенія, вызванный случайными мѣстными условіями, Вундтъ называетъ измѣненіемъ частичнымъ (*Singulärer Bedeutungswandel*). Мнѣ кажется, однако, что разница заключается здѣсь не въ условіяхъ, а самомъ способѣ этого измѣненія. Въ *resipia* этотъ способъ такой же, какъ и въ «синица»: вмѣсто (неизвѣстнаго намъ) первоначальнаго господствующаго представленія d , стало выдвигаться другое d_1 («орудіе обмѣна»), въ силу чего *resipia* стало означать всякое орудіе обмѣна, м. пр. деньги, и затѣмъ—только деньги. Въ *moneta* мы, напротивъ, не имѣемъ никакого измѣненія господствующаго представленія; здѣсь дѣйствовала не ассоціація по сходству (т.-е. по общности господствующей примѣты), а по смежности: монетный дворъ находился *рядомъ* съ

храмомъ Монеты и поэтому унаслѣдовалъ ея названіе. Такія измѣненія я предложилъ бы выдѣлить въ особый классъ и назвать *метонимическими*, въ противоположность къ занимавшимъ насъ до сихъ поръ *метафорическимъ*. Возьмемъ другой болѣе родственннй намъ и болѣе выразительный примѣръ—слово *борода*. Его первоначальное значеніе, какъ показываютъ другіе индоевропейскіе языки (*Barb, barba*)—то, въ которомъ мы его употребляемъ нынѣ: волосы, покрывающіе нижнюю часть лица. По нѣмецки оно обозначаетъ также и плоскую часть ключа («бородку»), очевидно въ силу ассоціаціи по сходству и метафорическаго перехода: новое господствующее представленіе—плоскій наростъ на закругленномъ предметѣ. Но въ польскомъ языкѣ *broda* употребляется также въ значеніи «подбородокъ»—тутъ произошла ассоціація по смежности и метонимическое измѣненіе значенія.

Возвращаясь къ метафорическимъ измѣненіямъ, мы, дѣйствительно, можемъ найти въ нихъ категорію общаго и категорію частичнаго перехода смысла, и эти категоріи будутъ соответствовать тѣмъ категоріямъ общаго и частичнаго измѣненія звука, о которыхъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ; какъ тамъ, такъ и здѣсь измѣненія общаго характера происходятъ независимо, измѣненія частичнаго характера—подъ вліяніемъ какихъ-нибудь другихъ предметовъ или словъ. Законъ, обуславливающей общія измѣненія, гласитъ такъ: съ теченіемъ времени болѣе яркія примѣты, какъ господствующія, уступаютъ свое мѣсто болѣе существеннымъ. Такъ въ нашемъ первомъ примѣрѣ—синицѣ—мѣсто первоначальной яркой примѣты, синяго цвѣта, заняла болѣе существенная, построеніе тѣла; такъ въ понятіи «государство» представленіе государя смѣнилось представленіемъ политической самостоятельности; такъ въ понятіи «деревня» подавшая поводъ къ этому наименованію примѣта стушевалась передъ болѣе существенной, крестьянской общины; въ силу всѣхъ этихъ переходовъ мы называемъ черноголовку синицей, Францію—государствомъ, Ватерлоо—деревней, хотя они подъ первоначальное значеніе этихъ наименованій вовсе не подходятъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ причина измѣненія находится въ самихъ измѣняющихъ свое значеніе словахъ независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ предметовъ или словъ; въ совершенно другомъ положеніи оказываются *частичныя* измѣ-

ненія. Они происходятъ подъ вліяніемъ постороннихъ представленій; эти представленія, въ свою очередь, могутъ либо находиться въ томъ же предложеніи, либо не находиться въ немъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣйствіе вблизи, во второмъ— дѣйствіе издали; такъ какъ по гречески слово «близко» гласитъ *ансіи*, а слово «далеко» *тѣле*, то мы измѣненія первой категоріи будемъ называть анхипатическими, а второй—телепатическими. Возьмемъ сопоставленія «государство и провинція», «государство и личность», «государство и церковь»—нѣтъ сомнѣнія, что мы въ каждомъ случаѣ связываемъ со словомъ «государство» другое господствующее представленіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти частичныя представленія заключаются въ общемъ понятіи «государство» и лишь выдѣляются изъ него путемъ анализа; такъ-то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ анхипатическое дѣйствіе ведетъ къ *суженію* понятія. Теперь представимъ себѣ, что въ силу какихъ-нибудь условій одно изъ перечисленныхъ сопоставленій получить перевѣсъ надъ остальными—результатомъ будетъ окончательное суженіе понятія. Телепатическое дѣйствіе мы наблюдаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда или нововозникшій предметъ требуетъ себѣ наименованія, или какое-нибудь слово дѣлается неупотребительнымъ: результатъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же, какое-нибудь родственное слово «переносится» на нововозникшій или оставшійся безъ наименованія предметъ. Возьмемъ и здѣсь примѣры. Съ изобрѣтеніемъ ключей отдѣльныя ихъ части потребовали себѣ наименованій; такъ возникло слово *Варт* («бородка») для обозначенія части ключа. Слово «ходить» по-латыни гласило *іге*; со временемъ эта форма стала неупотребительной, ее замѣнилъ родственный глаголъ *ambulare* (собств. «ходить кругомъ», «гулять»), который и перешелъ во французскій языкъ, (*ambler*—*aller*). Психологически дѣло объясняется тѣмъ, что въ словахъ *Варт* и *ambler* первоначальное господствующее значеніе ступивало и уступило мѣсто другому, болѣе общему; но эта уступка произошла подъ вліяніемъ не естественнаго ихъ развитія, а постороннихъ представленій, требовавшихъ включенія въ нихъ. Включеніе это было однако актомъ синтетическимъ, и результатомъ телепатическихъ воздѣйствій оказалось *расширеніе* первоначальнаго понятія.

Вотъ какъ я бы отвѣтилъ на первый изъ поставленныхъ выше вопросовъ— на вопросъ о причинѣ, вызывающей измѣне-

ніе господствующей примѣты; этотъ отвѣтъ существенно отличается отъ даннаго Вундтомъ, но онъ покоится на его изслѣдованіяхъ и, думается мнѣ, совершенно въ духѣ его теоріи. Что касается второго вопроса, вопроса о характерѣ новыхъ ассоціацій, совершающихся послѣ измѣненія господствующей примѣты, то на него вполне исчерпывающимъ образомъ отвѣтилъ самъ Вундтъ (II, 487 сл.). Онъ различаетъ ассоціаціи представленій и ассоціаціи чувствъ; первыя въ свою очередь распадаются на ассимиляціи, т.-е. ассоціаціи внутри той же области представленій (зрительной, напримѣръ), и на компликаціи, т.-е. ассоціаціи между различными областями представленій (зрительной и слуховой, напримѣръ). Такъ «ножка стола» будетъ ассимиляціонной ассоціаціей, такъ какъ и нога человѣка и ножка стола относятся къ одной и той же зрительной области; «теплые цвѣта» — компликаціонная ассоціація, вызванная общимъ представленіемъ солнечныхъ лучей, въ ихъ оптическомъ и теплородномъ дѣйствиіи; наконецъ, «розовыя мечты», «сѣрая дѣйствительность», «черная печаль» и т. д.—ассоціаціи чувствъ. Особенно заслуживаютъ вниманія эти послѣднія ассоціаціи и ихъ обработка Вундтомъ; ими объясняются психологически и оправдываются нѣкоторыя явленія въ новѣйшей (т. наз. декадентской) поэзіи, хотя, разумѣется, и не то чрезмѣрное увлеченіе ими, которое дискредитировало ее.

Я здѣсь намѣтилъ только главныя рубрики въ классификаціи Вундта; въ частности, а также въ психологическій разборъ каждой изъ нихъ, произведенный имъ съ обычной тщательностью, я входить не буду. Но не могу оставить безъ вниманія одинъ вопросъ общеинтереснаго характера, пространно обсужденный Вундтомъ и рѣшенный имъ, какъ мнѣ кажется, не вполне правильно.

Извѣстно, какую роль въ образованіи языка старинная лингвистика приписывала *метафорѣ*; согласно нѣкоторымъ, весь нашъ языкъ представляетъ изъ себя «словарь поблекшихъ метафоръ». При такомъ широкомъ пониманіи слово «метафора» теряетъ всякую цѣнность для насъ; попытки его ограниченія заслуживаютъ, поэтому, всякаго одобренія. Критеріемъ такого ограниченія является, по Вундту, сознательность говорящаго; если нѣтъ сознательности, то нѣтъ и метафоры. «Когда мы говоримъ о *ножкахъ стола*, называемъ нужду *горькой*, печаль *тяжелой* и

т. д., то мы сознаемъ эти слова не какъ переносныя, а какъ адекватныя наименованія самихъ предметовъ и настроеній, и вѣтъ причины допускать, что дѣло обстояло иначе, когда всѣ эти выраженія возникали. И тогда ножки стола принимались за дѣйствительныя ноги» и т. д. (II, 553). Итакъ, одно—общее измененіе значенія, другое — метафора; первое имѣетъ своимъ психологическимъ основаніемъ одновременную (*simultané*), вторая—послѣдовательную (*successive*) ассоціацію.

Я отчасти уже опровергъ это разсужденіе Вундта гѣмъ, что перевелъ его по-русски; дѣйствительно, уже одно то, что *die Füße des Tisches* у насъ называется не ногами, а ножками стола (ср. схожія употребленія словъ ручка, бородака, очко, рыльце, корешокъ и т. д.) доказываетъ, что первый, употребившій это слово, сознавалъ разницу между ними и настоящими ногами. Но вообще я не думаю, чтобы различіе симультанной и сукцессивной ассоціаціи имѣло какую-нибудь цѣнность въ нашей области. Конечно, психологическое значеніе симультанной ассоціаціи неоспоримо, и Вундтъ, установившій это понятіе путемъ т. наз. тахистоскопическихъ опытовъ (ср. I, 525, гдѣ приводятся преинтересныя заключенія на основаніи необнародованнаго еще матеріала), имѣетъ право настаивать на немъ; но специально въ нашемъ случаѣ оно врядъ ли можетъ сослужить какую-нибудь службу. Сущность симультанной ассоціаціи состоитъ въ томъ, что новое представленіе при самомъ своемъ возникновеніи ассоціируется съ элементами нашихъ воспоминаній; если же оно успѣло проникнуть въ наше сознаніе, и мы лишь затѣмъ находимъ сходство между гѣмъ и другимъ представленіемъ, сохранившимся въ нашей памяти, то это будетъ сукцессивная ассоціація. Теперь нетрудно убѣдиться, что въ языкѣ не могло сохраниться никакихъ слѣдовъ того или другого возникновенія. Возьмемъ любую метафору, хотя бы изъ Гл. Успенскаго («Богъ грѣхамъ терпитъ», сцена драки), «вышибай, ребята, изъ купчины днище!»—очевидно, слово «днище» употреблено здѣсь не въ обычномъ значеніи; какъ это объяснить? Если парень былъ родомъ изъ деревни, промышленяющей рыболовствомъ, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что при первомъ взглядѣ на объемистый животъ купца у него возникло представленіе опрокинутой лодки; такимъ образомъ мы имѣемъ ассоціацію симультанную. Но возможно, что это представленіе вовсе не было у него привыч-

нымъ, и что только желаніе найти игривое уподобленіе его ему подсказало; тогда ассоціація была сукцессивной. И такъ вездѣ: данное тропическое выраженіе у одного будетъ результатомъ симультанной ассоціаціи, у другого—сукцессивной, у третьяго—ни той, ни другой, а повтореніемъ слышаннаго отъ другихъ оборота. А если такъ, то ясно, что характеръ процесса ассоціаціи критеріемъ служить не можетъ, а только характеръ ассоціаціи какъ таковой (по сходству или по смежности, путемъ ассимиляціи или компликаціи и т. д.).

Итакъ, спросятъ, нѣтъ никакой разницы между метафорой и простымъ переходомъ значенія? Нѣтъ, есть; но критеріемъ должень служить характеръ умственнаго процесса не у автора даннаго оборота, а у насъ самихъ, которыми языкъ живетъ и поддерживается. Для насъ «днище» въ значеніи «животъ»—выраженіе метафорическое, такъ какъ оно вызываетъ у насъ болѣе или менѣе ясно представленіе опрокинутой лодки или бочки; это—слово-аккордъ. Напротивъ, слово «животъ» никакого другого представленія, кромѣ именно этого, не вызываетъ, это—слово-тонъ; только исторія языка указываетъ намъ, что и оно получило свое настоящее значеніе путемъ измѣненія смысла. И опять мы коснулись коренной односторонности метода Вундта—его стремленія объяснять всѣ явленія языка психологическимъ анализомъ умственнаго процесса при ихъ *возникновеніи*, оставляя въ сторонѣ тотъ другой, не менѣе важный процессъ, благодаря которому эти явленія въ языкѣ *удержались*, другими словами, его индивидуально-психологической, а не народно-психологической точки зрѣнія. Но и здѣсь мы только подчеркиваемъ эту особенность, предоставляя себѣ вернуться къ ней въ заключительной главѣ.

VIII.

Звукъ, какъ послѣдній элементъ рѣчи. — Психологія измѣненія звуковъ. — Просторъ нормальной артикуляціи. — Ассоціація звуковъ, какъ причина ихъ измѣненія. — Классификація измѣненій звуковъ. — Измѣненія общія и частичныя. — Недостатки метода экспериментальной психологіи. — Необходимость дополненія теоріи Вундта.

И вотъ, наконецъ, мы дошли до послѣднихъ элементовъ рѣчи—*звуковъ*. Отъ ихъ подбора зависитъ внѣшняя фізіономія, такъ сказать, языка; они прежде всего обращаютъ на себя наше вниманіе, когда мы начинаемъ знакомиться съ чужой рѣчью; всякое

измѣненіе внѣшняго облика языка, совершающееся въ теченіе столѣтій его жизни, есть прежде всего измѣненіе его звукового состава. Чѣмъ же вызывается оно? Какъ объяснить психологически феноменъ измѣненія звуковъ?

И здѣсь народная психологія прибѣгаетъ къ помощи психологіи индивидуальной; она имѣетъ полное основаніе это дѣлать, такъ какъ всѣ факты, утвердившіеся въ языкѣ совокупности, возникали въ психофизическомъ естествѣ индивидуевъ. А разъ на сцену является индивиду — экспериментъ вступаетъ въ свои права. Что же обнаруживаетъ экспериментъ относительно измѣненій въ звуковомъ составѣ словъ, происходящихъ при ихъ воспроизведеніи индивидуемъ?

Его результаты довольно любопытны. Прежде всего оказываются маленькія, чуть замѣтныя колебанія въ произношеніи звуковъ, объяснимыя тѣмъ, что всякая нормальная артикуляція допускаетъ для говорящаго нѣкоторый просторъ. Одинъ говоритъ *дверь, первый, любовь*, другой *дверь, перьвый, любовь*, при чемъ между этими двумя крайними артикуляціями звуковъ *д, р, в* встрѣчается масса посредствующихъ отгѣнковъ, неумовимыхъ для уха, установленіе которыхъ было бы возможно только при помощи особыхъ микрометрическихъ измѣреній. Но кромѣ этого простора нормальной артикуляціи экспериментъ обнаруживаетъ также крупныя несоотвѣтствія, принадлежащія къ области «абераціонныхъ явленій»; эти звуковыя абераціи съ нѣкоторыхъ поръ обратили на себя вниманіе какъ медиковъ (Куссмауля, напр.) такъ и психологовъ и лингвистовъ, которые раздѣлили ихъ на три категоріи: дислаліи (невольнаго затрудненія артикуляціи, напр. заиканія), паралаліи (вставки, пропуска или перемѣщенія звуковъ, напр. «сосредротроченный», «баушка», «фершалъ», или «знако лицомое, а гдѣ васъ помнилъ, не увижу» какъ говоритъ у Лѣскова пьяный Препотенскій) и ономатомиксіи (путанія словъ, напр. «протомонетъ» — прошу замѣтить, что рѣчь идетъ объ *индивидуальныхъ* абераціяхъ). Психологически всѣ эти явленія сводятся къ одному — къ ассоціаціи звуковъ.

Таковы данныя индивидуальной психологіи. Разсмотримъ теперь данныя народной психологіи, т. е. звуковыя измѣненія въ собственно такъ называемыхъ языкахъ; а затѣмъ уместно будетъ поставить вопросъ, насколько послѣднія могутъ быть объяснены при помощи первыхъ. Конечно, никто не потребуетъ отъ пси-

холога, чтобы онъ исчерпалъ весь безконечный лингвистическій матеріаль сюда относящійся; для него достаточно отмѣтить важнѣйшіе типы звуковыхъ измѣненій, главное — это психологическіе законы, ими управляющіе.

Первые два типа, на которые распадается звуковыя измѣненія — это измѣненія *общія* (I) и *частныя* (II). Подъ общими мы разумѣемъ тѣ, которымъ подверглись всѣ однородные звуки даннаго языка, независимо отъ ихъ отношенія къ другимъ звукамъ; сюда относится исчезновеніе въ большинствѣ индоевропейскихъ языковъ т. называемыхъ *mediae aspiratae* (т.-е. bh, dh, gh), законъ Гримма о «передвиженіи звуковъ» въ германскихъ языкахъ (ср. измѣненія звуковъ *b* и *d* въ слѣдующихъ прогрессіяхъ: лат. *lub-ricus*, гот. *sliupan*, нѣм. *schlürfen*, лат. *duo*, англ. *two*, нѣм. *zwei*), а равно и явленія славянскаго полногласія и краткогласія. Сложнѣе явленія частичныя, т.-е. измѣненія однихъ звуковъ подъ вліяніемъ другихъ: такъ, напр., ясно, что въ *плету*, *плести* переходъ звука *t* въ *s* состоялся подъ вліяніемъ слѣдующаго *t* — гдѣ его нѣтъ, тамъ онъ остается неизмѣненнымъ (плетень, плетка и т. д.) Такимъ образомъ мы въ относящихся сюда явленіяхъ должны различать два рода звуковъ — звукъ оказывающій вліяніе и звукъ претерпѣвающій его — «индуцирующій» и «индуцируемый», по терминологіи Вундта; въ нашемъ случаѣ первое, коренное *t* будетъ индуцируемымъ, второе — индуцирующимъ звукомъ. Теперь возможны два случая.

(II A) Во-первыхъ, оба звука, индуцируемый и индуцирующій, могутъ принадлежать къ одному и тому же слову, какъ это было во взятомъ нами примѣрѣ; получается «дѣйствіе вблизи», которое Вундтъ называетъ *Contactwirkung*, мы же опять будемъ называть «анхипатическимъ». При этомъ дѣйствіе можетъ заключаться въ уподобленіи различныхъ звуковъ (тверское *рѣнный* вм. *родной*) или наоборотъ въ расподобленіи одинаковыхъ (*плести* вмѣсто *плетти*). Въ обоихъ случаяхъ индуцирующій звукъ можетъ или предшествовать индуцируемому или слѣдовать за нимъ; такъ греческое *ор-та* («глазь») дало въ аттическомъ говорѣ *отта*, но въ эоійскомъ *орра*. Комбинируя эти возможности, мы получаемъ четыре разновидности анхипатическаго дѣйствія: прогрессивную и регрессивную ассимиляцію, прогрессивную и регрессивную диссимиляцію. Замѣтимъ тутъ же, что регрессивныя дѣйствія значительно преобладаютъ надъ прогрессивными.

(II B) Во-вторыхъ, индуцирующей и индуцируемый звуки могутъ принадлежать къ различнымъ словамъ; получается «дѣйствіе издали», которое Вундтъ называетъ Fernwirkung, мы же будемъ называть телепатическимъ. Такъ, чтобы сразу взять примѣръ, ясно, что въ солдатскомъ *потонный мостъ* (вм. понтонный) исчезновеніе звука *н* вызвано не слѣдующимъ *т* — этотъ звукъ всегда сохраняетъ, а не разрушаетъ предшествующій носовой — а смутно мелькнувшимъ въ сознаниіи говорящаго глаголомъ *потонуть*. Индуцирующее слово можетъ возникнуть въ сознаниіи или благодаря формальному родству съ индуцируемымъ, или благодаря реальному; въ первомъ случаѣ оно произведетъ дѣйствіе только на формальные элементы индуцируемаго слова, но во второмъ также и на основные. Такимъ образомъ, вся категорія телепатическихъ дѣйствій будетъ состоять изъ трехъ типовъ уподобленій (несомнѣнныхъ расподобленій при данныхъ условіяхъ не бываетъ).

(II B₁) Первый типъ: уподобленія грамматическія. Мы спрягаемъ: *дамъ, дадутъ, дано*: въ народѣ существуетъ вмѣсто *дано* форма *дадено*, очевидно подъ влияніемъ удвоенія въ *дадутъ*. Мы склоняемъ *тѣло, тѣла* (мн. ч.), въ старину склоняли *тѣло, тѣлеса*; какъ же *тѣлеса* перешли въ *тѣла*? Очевидно подъ влияніемъ словъ въ родѣ *дѣло*, которое и въ старину давало *дѣла*; здѣсь измѣненіе состоялось въ силу пропорціи *дѣло: дѣла, = тѣло: х*. Какъ видитъ читатель, оба случая не одинаковы: въ первомъ индуцирующее слово *дадутъ* принадлежитъ къ тому же глаголу, какъ и индуцируемое *дадено*, во второмъ индуцирующее *дѣла* — форма другого, хотя и грамматически однороднаго существительнаго, чѣмъ индуцируемое *тѣла*; въ первомъ мы имѣемъ внутреннее, во второмъ — внѣшнее грамматическое уподобленіе ¹⁾).

(II B₂) Второй типъ: уподобленія реальныя съ воздѣйствіемъ на формальные элементы слова. Индуцирующее слово возникаетъ

¹⁾ Самъ Вундтъ, однако, правильно замѣчаетъ, что разграничить оба случая нельзя, что при внутреннемъ уподобленіи часто и внѣшнее можетъ сыграть вспомогательную роль и наоборотъ. Такъ мы въ первомъ случаѣ можемъ сказать, что на образованіе формы *дадено* не осталась безъ влияния пропорція *найдутъ: найдено, = дадутъ: х*, и во второмъ случаѣ, что сходство съ именительнымъ единственнаго числа *тѣло* посодѣйствовало упроченію множественнаго числа *тѣла*.

въ сознаниі вслѣдствіе своего реального родства (по сходству смысла или же по контрасту), съ индуцируемымъ и оказываетъ вліяніе на его окончаніе (или суффиксъ). Это типъ довольно рѣдкій; такъ въ простонародномъ *обуѣ* (= обувь) фонетически неправильное *ѣ* возникло несомнѣнно по аналогіи со словомъ *одеѣ*, схожимъ съ нимъ по смыслу.

(II B₃) Третій типъ: уподобленія реальныя съ воздѣйствіемъ на основные элементы слова. Это многочисленная категорія т. наз. народныхъ этимологій; сюда относится приведенный выше *потонный мостъ* и *Облаканскія горы*, *долбица умноженія* и *мелко-скопъ* и т. д.

Таковъ въ самыхъ общихъ и грубыхъ чертахъ схематизмъ звуковыхъ измѣненій; посмотримъ теперь, согласно намѣченной выше программѣ, насколько подведенныя подъ него явленія языка могутъ быть объяснены результатами экспериментальной, т.-е. индивидуальной, психологіи. Одна рубрика всецѣло ими покрывается: это — послѣдняя изъ разсмотрѣнныхъ нами, рубрика народныхъ этимологій (II, B₃), вполне соответствующая указаннымъ выше явленіямъ ономастикси. Но это вмѣстѣ съ тѣмъ самая прозрачная и наименѣе цѣнная для лингвиста рубрика; что же касается остальныхъ, то съ ними затрудненій гораздо больше.

Прежде всего ясно, что явленія общаго измѣненія звуковъ находятся въ связи съ удостовѣреннымъ индивидуальной психологіей просторомъ нормальной артикуляціи: звуки *d, t, z*, произносятся однимъ и тѣмъ же органомъ; мы можемъ себѣ представить безконечное множество посредствующихъ звуковъ между ними, а стало быть при посредствѣ множества поколѣній и вполне незамѣтный переходъ отъ одного къ другому. Все же одинаковое *направленіе* этого перехода остается необъясненнымъ; что могло быть его причиной? Географическія условія? На нихъ указывали многіе; но можно безъ труда доказать призрачность этой теоріи, какъ ведущей къ непримиримымъ противорѣчіямъ. Или смѣшеніе народовъ, вліяніе чужой расы? Но опытъ доказываетъ, что именно звуковой составъ языка менѣе всего поддается чужому вліянію. Вундтъ склоненъ признать культурныя условія причиной общихъ звуковыхъ измѣненій; дѣйствительно, прямо или косвенно они только и могли быть ихъ причиной. Но спеціальныя примѣненія этого принципа — такъ явленія гриммова

«передвиженія звуковъ» онъ старается объяснить постепенно усиливающейся быстротой артикуляціи—врядъ ли многимъ покажутся убѣдительными; въ главной своей части загадка осталась загадкой и приводимому Вундтомъ психологическому принципу еще рано присуждать побѣду надъ физиологическимъ.

А между тѣмъ осталась еще огромная категорія анхипатическихъ и телепатическихъ дѣйствій, обнимающая громадное большинство всѣхъ измѣненій въ языкахъ; нетрудно убѣдиться, что для ихъ объясненія вышеприведенныя данныя экспериментальной психологіи—явленія дислаліи и паралаліи—никакого значенія имѣть не могутъ. Тѣ явленія сплошь и рядомъ наблюдаются при исключительной, ненормальной обстановкѣ: или говорящій самъ—ненормальный человѣкъ (заика и т. п.), или ему приходится воспроизводить мудренныя или иностранныя слова, затрудняющія ассоціацію между смысломъ и формой, или, наконецъ, замѣченное явленіе—единичное, котораго и самъ говорящій уже не повторить; напротивъ, языкъ создается и воспроизводится людьми нормальными, переходя отъ одного поколѣнія къ другому при самыхъ удобныхъ условіяхъ усвоенія и укрѣпляется въ своихъ носителяхъ путемъ многократнаго воспроизведенія. Да и самъ Вундтъ, повидимому, не очень дорожитъ дислаліей и паралаліей; онъ только полемизируетъ противъ всякаго телеологическаго объясненія (въ смыслѣ «стремленія къ удобопроизносимости» или «стремленія къ сохраненію характерныхъ примѣтъ») и настаиваетъ на необходимости исключающаго всякую сознательность психологическаго обоснованія. При такихъ условіяхъ единственнымъ орудіемъ объясненія остается *ассоціація*; ею и пользуется Вундтъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Присмотримся къ его разсужденіямъ.

Одна рубрика, дѣйствительно, прямо напрашивается на такое объясненіе; это рубрика телепатическихъ дѣйствій (II, В). Она во всѣ времена, лишь только было признано ея существованіе, объяснялась именно путемъ ассоціаціи, и Вундтъ вноситъ только одну небольшую поправку—правда, психологически довольно существенную—въ ходячій методъ (I, 458 сл.) Ходячій методъ сводитъ телепатическое дѣйствіе къ «последовательной ассоціаціи словъ»: сначала въ моемъ воображеніи возникаетъ имѣющее быть произнесеннымъ *тѣлеса* какъ множественное къ *тѣло*; оно по грамматическому сходству вызываетъ параллельную группу *дѣла*: *дѣло*, послѣдствіемъ чего является новообразование

тѣла. Это представленіе неправильно: если бы у меня *тѣла* ассоціировалось съ *дѣла*, то я произнесъ бы не *тѣла*, а *дѣла*; слѣдовательно, ассоціація происходитъ не между словами, а только между элементами, участвующими въ индукціи; а эти элементы въ обособленномъ видѣ не существуютъ. Индуцирующимъ является, такимъ образомъ, не *тѣла* и даже не *-ла*, а оставшаяся во мнѣ—вслѣдствіе многократнаго произношенія множественнаго числа отъ словъ типа *дѣло*: *дѣла*—«диспозиція» образовать множественное число словъ на—*о* прямо на—*а*. Итакъ, мы имѣемъ не послѣдовательную (сукцессивную) ассоціацію словъ, а «одновременную» (симультанную) ассоціацію элементовъ таковыхъ.

Не такъ легко подчиняются принципу ассоціаціи анхипатическія дѣйствія. Только одна ихъ группа уже съ давнихъ сравнительно поръ подъ нее подводилась—т. наз. регрессивныя ассимиляціи; дѣйствительно, артикуляція каждаго звука возникаетъ въ нашемъ представленіи прежде, чѣмъ она производится соответствующимъ органомъ рѣчи: такимъ образомъ въ *родной*, *родненькій* артикуляція звука *д*, производимая при одновременномъ существованіи въ представленіи артикуляціи слѣдующаго *н*, ассоціируется съ ней и даетъ въ результатѣ *ронной*, *рдненькій* тверскихъ крестьянъ. Конечно, причиной этой ассоціаціи является фонетическое родство обоихъ звуковъ *д*, и *н*; при *грибной*, напр., она была бы невозможна. Итакъ, регрессивная ассимиляція сводится къ одновременной ассоціаціи—это признавалось уже Штейнталемъ; но что же сказать объ остальныхъ анхипатическихъ дѣйствіяхъ? Прогрессивную ассимиляцію, напр., Штейнталь объяснял не психологически, а физиологически; органы рѣчи, произнесшіе одинъ звукъ, остаются по инерціи въ томъ же положеніи и при произнесеніи слѣдующаго, послѣдствіемъ чего является одинаковое произношеніе также и его: изъ *орта* эолецъ дѣлаетъ *орра*. По Вундту нѣтъ надобности и здѣсь измѣнять психологическому принципу: артикуляція звука продолжаетъ существовать въ нашемъ представленіи и послѣ его произнесенія и можетъ, поэтому, ассоціироваться со слѣдующимъ произносимымъ звукомъ. Пусть такъ; но что же мы будемъ дѣлать съ диссимиляціей? «Точно такъ же,—говоритъ нашъ авторъ (I, 433),—и диссимиляція заставляетъ предполагать аналогичныя психологическія условія; ихъ дѣйствіе отличается только тѣмъ, что оно происходитъ не въ уподобляющемъ, а въ дифференци-

рующемъ смыслѣ». Но вѣдь въ этомъ вся суть; на мой взглядъ явленія диссимиляціи Вундту такъ и не удалось объяснить. Это не значитъ, разумѣется, что его теорія неправильна; это значитъ только, что она нуждается въ дополненіи. Дополнить же ее слѣдуетъ—и тутъ я опять возвращаюсь къ затронутому въ началѣ моего изложенія коренному вопросу—при помощи того принципа, который я назвалъ «народно-психологическимъ».

IX.

Индивидуально-психологическая и народно-психологическая точка зрѣнія въ лингвистикѣ.—Принципъ соціологическаго подбора.—„Стремленіе къ ясности“ и „стремленіе къ удобству“.—Полемика Вундта.—Полная постановка вопроса: вопросъ о возникновеніи и вопросъ о сохраненіи.—Дуалистическая теорія; какъ синтезъ біологической и психологической.—Табель цѣнности языковъ.—Лингвистика и біологическія науки. Заключение.

Само собою разумѣется, что этотъ принципъ, какъ таковой, не могъ ускользнуть отъ вниманія такого тщательнаго изслѣдователя, какъ Вундтъ. «Всѣ явленія,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (I, 361),—относящіяся къ области народно-психологическаго наблюденія, показываютъ намъ индивидуумъ въ постоянномъ взаимодействіи со средой; это относится естественно и къ измѣненію звуковъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, всякое уклоненіе отъ нормы должно было возникнуть прежде всего у какихъ-нибудь индивидуумовъ; но *общее* значеніе такое уклоненіе могло получить лишь въ томъ случаѣ, если ему шли навстрѣчу благоприятныя условія, которымъ были подчинены также и другіе члены лингвистической общины». Еще яснѣе выражается онъ стр. 391; тутъ онъ говоритъ объ «особыхъ соціологическихъ условіяхъ, которыя заключаютъ тѣ уклоненія въ извѣстные предѣлы и доставляютъ преимущество нѣкоторымъ изъ нихъ. На первомъ планѣ тутъ стоитъ выключеніе слишкомъ сильныхъ отклоненій отъ даннаго состоянія языка—законъ, имѣющій общее значеніе для отношенія индивидуальныхъ измѣненій къ соответствующимъ генерическимъ, который мы можемъ назвать коротко *принципомъ соціологическаго подбора*. Благодаря этому подбору особенно первые два рода общихъ ошибокъ въ произношеніи, вставка и пропускъ звуковъ, въ своемъ распространеніи стѣснены предѣлами, внутри которыхъ они въ то же время обуславливаютъ фізіологическое облегченіе артикуляціи». Вотъ это и есть тотъ горизонтъ, кото-

рый открывается читателю Вундта съ предѣльнаго пункта его изложенія; этотъ принципъ соціологическаго подбора, которому здѣсь приписывается такое значеніе въ образованіи языка, нигдѣ далѣе у автора не встрѣчается; зато встрѣчается очень часто полемика съ лингвистами, методъ которыхъ сводится въ сущности къ примѣненію этого принципа. Старая школа лингвистовъ--Г. Курціусъ, Шлейхеръ, Максъ Мюллеръ и др.—при объясненіи лингвистическихъ явленій прибѣгали главнымъ образомъ къ двумъ мотивамъ: 1) предполагаемому стремленію къ удобству и 2) стремленію къ сохраненію характерныхъ звуковъ. Такъ, напр., странное на первый взглядъ несоотвѣтствіе *веду: вести=иду: итти* они объяснили бы дѣйствіемъ обоихъ этихъ мотивовъ: въ *веду: вести* сказанъ мотивъ удобства, такъ какъ *вести* несомнѣнно легче для произношенія, чѣмъ *ведти* или даже *ветти*, а въ *иду: итти*—мотивъ сохраненія характерныхъ звуковъ, такъ какъ при *исти* устранился бы именно характерный для глагола *иду* эксплозивный звукъ. Приблизительно тѣ же два мотива имѣетъ въ виду и извѣстный синологъ Габеленцъ, когда онъ говоритъ, что языкъ двигается по діагонали между обоими принципами ясности и удобства—вѣдь принципъ ясности и ведетъ къ сохраненію характерныхъ для даннаго слова звуковъ. Вотъ противъ этихъ то «телологическихъ» теорій и полемизируетъ Вундтъ; онъ отрицаетъ, чтобы принципъ ясности и удобства, вообще какой бы то ни было принципъ, заключающій въ себѣ намекъ на цѣлесообразность, могъ быть мотивомъ, имѣвшимъ вліяніе на образованіе языка; въ этой роли онъ допускаетъ только психологическіе или психофизическіе мотивы, дѣйствующіе независимо отъ какого-нибудь сознанія цѣли. Это стремленіе проходитъ красной нитью черезъ всю его книгу; мы его отмѣчали попутно должнымъ образомъ и указывали на пробѣлы, получающіеся отъ односторонняго его проведенія. Теперь постараемся дать полную постановку вопроса, со включеніемъ тѣхъ элементовъ, которые оказались необходимыми при послѣдовательномъ разборѣ теоріи нашего автора.

Прежде всего остается въ силѣ фактъ, что всякое лингвистическое явленіе возникло у нѣкоторыхъ индивидуумовъ и должно быть объяснено при помощи законовъ индивидуальной психологии, какъ это и дѣлаетъ Вундтъ. Но это объясненіе не будетъ еще объясненіемъ лингвистическаго явленія какъ такового,

т.-е. какъ явленія, *вошедшаго въ составъ языка*. Дѣйствительно, чтобы ограничиться областью звуковъ, руководящія ихъ психологическіе и психофизическіе принципы до того растяжимы, что нельзя указать ни одного не только дѣйствительнаго, но даже мыслимаго явленія, котораго бы они не объяснили. Уже одинъ «просторъ нормальной артикуляціи» выясняетъ очень многое; не хватаетъ его — къ нашимъ услугамъ неизмѣримая область ассоціаций, съ помощью которыхъ изъ всего можно сдѣлать все. Итакъ, ясно, что наша теорія недостаточна; да она и не объясняетъ того, что собственно требуетъ объясненія. Когда я спрашиваю, какимъ образомъ изъ *плет-ти* получается *плест-ти*—отвѣтъ «благодаря простору нормальной артикуляціи» меня вовсе не удовлетворяетъ. Я вовсе не хочу знать, какимъ образомъ эта форма получилась у тѣхъ индивидуевъ, которые впервые ее употребили—какъ принадлежность этихъ индивидуевъ она равноправна съ *плети*, *плетти*, *тлени*, *тепли*, *квекки* и т. п. единичными образованиями, которыя и теперь можно слышать отъ дѣтей или лицъ, у которыхъ языкъ заплетается—нѣтъ, я хочу знать, какимъ образомъ она *удержалась* въ языкѣ и стала для меня обязательной.

А разъ вопросъ поставленъ такъ—точка зрѣнія мѣняется. Изъ души автора даннаго слова я долженъ перенестись въ души тѣхъ, которые его отъ него переняли, т.-е. отдали ему предпочтеніе передъ приведенными выше вариантами. Именно «отдали предпочтеніе»; значить, происходилъ выборъ, всѣ прочія формы были послѣдовательно забракованы, только одна принята. На какомъ основаніи? Чѣмъ *плести* для воспроизводящаго лучше *тлени* и прочихъ? Тѣмъ, что она для него понятна; вѣдь всѣ приведенныя искаженія понятны только для говорящаго, у котораго они вызваны существовавшимъ раньше представленіемъ, а не для слушающаго, которому они должны передать искомое представленіе. Итакъ, здѣсь «соціологическій подборъ» руководился «мотивомъ ясности»; но почему же, все-таки, вышло не *плетти*, а *плести*? Потому что мотивъ ясности скрещивался съ «мотивомъ удобства». Просторъ нормальной артикуляціи допускалъ цѣлый рядъ формъ, посредствующихъ между *плетти* и *плести*; окончательное торжество послѣдней формы имѣло своей причиной несомнѣнно ея сравнительную наибольшую удобопроизносимость.

Итакъ, по отношенію къ каждому лингвистическому явленію вопросъ объ его происхожденіи распадается на два вопроса; именно:

I. Какимъ образомъ это явленіе могло *возникнуть*?

(Отвѣтъ: по причинамъ *индивидуально-психологическаго* или *психофизическаго* характера, сводящимся

- 1) къ простору нормальной артикуляціи, или
- 2) къ ассоціаціи съ такимъ-то другимъ психологическимъ явленіемъ.)

II. Какимъ образомъ могло оно *удержаться*, т.-е. быть воспроизведеннымъ?

(Отвѣтъ: благодаря принципу *соціологическаго подбора*, обусловленнаго

- 1) мотивомъ ясности, или
- 2) мотивомъ удобства.)

Конечно, предложенная схема, какъ она ни проста и убѣдительно по существу, допускаетъ придирки по отношенію къ выбраннымъ терминамъ. Правильно ли противопоставлять индивидуально-психологическіе мотивы соціологическимъ? Вѣдь и воспроизведеніе лингвистическихъ явленій въ сущности дѣло индивидуальное, и оно, стало быть, подчинено законамъ индивидуально-психологическаго характера. Но, во-первыхъ, такое возраженіе, совершенно устраняющее самое понятіе народной психологіи, со стороны Вундта и раздѣляющихъ его принципы ученыхъ невозможно; а, во-вторыхъ, даже со стороны отрицающихъ народную психологію лингвистовъ оно сводится къ протесту противъ употребленія словъ, не затрагивая сущности дѣла. Какъ бы мы ни выражались — всегда условія воспроизведенія лингвистическаго явленія будутъ существенно отличаться отъ условій его первичнаго произведенія.

Стоитъ, однако, бросить взглядъ на послѣдствія установленнаго здѣсь дуализма въ этиологіи лингвистическихъ явленій. Мы видѣли выше, что біологическая теорія должна была въ лингвистикѣ уступить свое мѣсто теоріи психологической, которая теперь въ ней царствуетъ единовластно. Если высказанныя мною соображенія правильны, то этому единовластью близится конецъ; мѣсто исключительно психологической теоріи должна занять теорія дуалистическая, опирающаяся съ одинаковой силой и на психологическій, и на біологическій корни. Принципъ соціоло-

гическаго подбора—несомнѣнно біологическій принципъ; съ его принятіемъ біологія отвоевываетъ обратно часть той области, которая раньше принадлежала ей вся. Представленія «языкъ-растеніе», «слово-растеніе», усердно изгоняемыя лингвистами-психологами, снова получаютъ право научнаго гражданства; а съ ними водворяется обратно и та разумная стройность, которой лингвистическія руководства и сочиненія старой школы—говоря правду—такъ выгодно отличались отъ большинства новыхъ. Но это еще не все.

Вліяніе среды имѣетъ воспитывающее вліяніе и на индивидуевъ, производя на нихъ извѣстное ассимиляціонное дѣйствіе. Въ нашей области это ведетъ къ тому, что такія словообразованія, которыя въ случаѣ своего возникновенія подверглись бы неминуемому забракованію путемъ соціологическаго подбора, возникаютъ все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ. Творческая сила индивидуевъ, не расточаемая на нежизнеспособные продукты, энергичнѣе дѣйствуетъ въ соотвѣтствующемъ народному духу направленіи, языкъ развивается. Развитие совершается параллельно съ развитіемъ самой народной души; языкъ дѣлается зеркаломъ этой послѣдней, раздѣляя ея цѣнность. И вотъ *принципъ цѣнности*, несуществующій въ начальныхъ грубыхъ стадіяхъ языка, требуетъ себѣ признанія на дальнѣйшихъ ступеняхъ его развитія. Въ этомъ признаніи ему отказывала психологическая теорія, — что было съ ея стороны вполнѣ послѣдовательно; но оно стало опять возможнымъ на почвѣ дуалистической теоріи, какъ было возможно въ біологическую эпоху. Орудіями примѣненія нашего принципа будутъ тѣ же мотивы ясности и удобства, только въ своемъ развитомъ, усовершенствованномъ видѣ: изъ мотива ясности могутъ развиваться мотивы сенсуалистической наглядности, интеллектуалистической разумности и эмоціоналистической силы; изъ мотива удобства естественно развивается мотивъ красоты. Отсюда видно, что языки съ точки зрѣнія цѣнности, не могутъ быть распределены въ линейномъ порядкѣ, начиная наименѣе и кончая наиболѣе цѣнными: одинъ языкъ можетъ оказаться наиболѣе цѣннымъ съ сенсуалистической, другой—съ интеллектуалистической точки зрѣнія. Но за то станетъ ясно, какой языкъ для какого народа можетъ быть, такъ сказать, дополнительнымъ: такъ, если мой родной языкъ стоитъ особенно высоко какъ языкъ сенсуалисти-

ческой или эмоціоналистической, то въ интересахъ своего самоусовершенствованія я сочту наиболѣе цѣннымъ для себя усвое- ніе преимущественно интеллектуалистическаго языка, и т. д. Все это должно опять стать задачей будущаго, какъ было задачей прошлаго.

И все же, повторяю, дуалистическая теорія, именно какъ та- ковая, не будетъ повтореніемъ біологической; она будетъ воз- ведена одинаково на работахъ какъ лингвистовъ-психологовъ, такъ и лингвистовъ-біологовъ. Это будетъ, равнымъ образомъ, не то, что мы видѣли въ эпоху перехода отъ старой школы къ новой, когда инныя явленія объяснялись при помощи біологиче- ской, другія — при помощи психологической теоріи; нашъ дуа- лизмъ предполагаетъ одинаковое примѣненіе обѣихъ теорій къ каждому лингвистическому явленію, какъ это показываетъ выше- приведенная схема вопросовъ. И именно вслѣдствіе того, что она допускаетъ этотъ дуализмъ, какъ сочетаніе двухъ одинаково намъ доступныхъ принциповъ объясненія, лингвистика обѣщаетъ сдѣлаться самой цѣнной изъ всѣхъ наукъ, связанныхъ между собою нитью общей біологической причинности. Въ самомъ дѣлѣ обратитесь къ любой изъ частныхъ біологическихъ наукъ—вездѣ вы встрѣтите только второй изъ вышеприведенныхъ принциповъ объясненія, принципъ подбора; что же касается перваго, тѣхъ интимныхъ психологическихъ принциповъ, которые въ области языка объясняютъ возникновеніе явленій и которые, при всей кажущейся произвольности и причудливости своихъ результа- товъ, такъ близки намъ — близки потому, что они познаются той же самой душой, которая ими руководится—то имъ ничто въ области біологическихъ наукъ не соотвѣтствуетъ. Не соот- вѣтствуетъ и не можетъ соотвѣтствовать: мы можемъ познать силу; создавшую лингвистическія явленія, такъ какъ эта сила— въ насъ самихъ; но какъ назвать ту силу, которая создала явленія внѣшняго міра, подчиненныя закону біологическаго под- бора?.. «Эномъ», отвѣчалъ нѣкогда Гераклитъ.—А что такое Эонъ?—«Шаловливое дитя, играющее въ кости», объяснялъ фи- лософъ—провидецъ полусказочной старины.

Ө. Зѣлинскій.

Волонтаристическое учение о волѣ.

Въ современной психологической литературѣ часто слышатся жалобы на то, что никогда еще психологія не была въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, какъ теперь. Ни одно изъ основныхъ направленій въ ней не пользуется преобладаніемъ. Ассоціационизмъ уже давно пересталъ всецѣло увлекать психологовъ, хотя и не вымеръ еще. Интеллектуализмъ въ послѣднее время очень часто встрѣчаетъ отпоръ со стороны волонтаризма, но не падаетъ вслѣдствіе этого. Психологическое направленіе пользуется большимъ успѣхомъ, но его матеріалистическій характеръ вредитъ свободѣ изслѣдованія многихъ чисто психологическихъ проблемъ. Съ нимъ поэтому вступаетъ въ борьбу психологія, требующая чисто психологическаго изслѣдованія явленій и отвергающая попытки выводить психическія явленія изъ не психическихъ (*Bewusstseinspsychologie*; сюда можно отнести и психологію, широко пользующуюся понятіемъ безсознательной психической жизни).

Каждое изъ старыхъ направленій оказало такія очевидныя услуги психологіи, что невольно внушаетъ почтеніе къ себѣ. Новыя теоріи стремятся не столько переработать содержаніе психологіи, сколько отвоевать себѣ какую-либо частную область въ ней и приобрѣтаютъ эклектическій характеръ. Такимъ образомъ неопредѣленнымъ становится не только положеніе психологіи въ цѣломъ, но и cadaго направленія въ частности. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ направленій, напр., волонтаризмъ, начинающій теперь поднимать голову, требуютъ совершенно определенной системы взглядовъ и могутъ быть согласованы съ результатами изслѣдованій, произведенныхъ представителями другихъ направленій, лишь путемъ переработки этихъ изслѣдованій. По-

этому работы, посвященный вопросу, какія системы взглядовъ необходимо требуются или исключаются тѣмъ или другимъ направлениемъ, могли бы существенно способствовать оцѣнкѣ этихъ направленій.

Настоящая работа предпринята съ цѣлью подвергнуть именно такому изслѣдованію волонтаризмъ. Необходимыя для этого направленія точки зрѣнія на волю, личность, теченіе душевныхъ процессовъ, связь между душевными и тѣлесными процессами будутъ изложены въ особыхъ почти самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ. Первое изъ нихъ, предлагаемое вниманію читателя, посвящено волонтаристическому ученію о волѣ.

I. Предварительное опредѣленіе волонтаризма.

Волонтаризмъ есть направленіе въ психологіи, утверждающее, что всѣ явленія душевной жизни, относимыя индивидуальнымъ сознаниемъ на основаніи непосредственнаго чувства къ «я», протекаютъ по образцу волевыхъ актовъ, что волевые акты суть типичная форма процессовъ сознанія. Иными словами въ жизни я нѣтъ *состояній* сознанія, а есть только цѣлестремительные акты, *поступки*. Таково предварительное опредѣленіе волонтаризма, еще не обрисовывающее его физіономіи, такъ какъ каждый изъ терминовъ въ этомъ опредѣленіи требуетъ особаго поясненія.

Психологическія понятія основываются въ волонтаризмѣ, какъ направленіи строго эмпирическомъ ¹⁾, на тщательномъ наблюденіи надъ реальнымъ содержаніемъ душевной жизни, и каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ какая-либо группа фактовъ, находящихся въ сознаніи каждаго человѣка. Поэтому, знакомясь съ волонтаризмомъ, мы обязаны отбросить все принесенное съ собою содержаніе понятій воли, волевого акта, поступка, я и т. п., и посмотрѣть, какіе факты намъ предлагаютъ обозначать этими именами. Исходнымъ пунктомъ при этомъ должны служить явленія, называемыя дѣйствіями по сознательному выбору: они состоятъ изъ наиболѣе дифференцированныхъ элементовъ и потому особенно пригодны для перечисленія фактовъ, мыслимыхъ въ понятіи волевого акта.

¹⁾ См. Вундтъ. Очеркъ психологіи, перев. подъ редакціей Грота, стр. 23—24.

II. Элементы волевого акта.

Разсмотримъ слѣдующій случай: мы пишемъ научный рефератъ, въ комнату входитъ нашъ знакомый и зоветъ пойти прогуляться; мы отвѣчаемъ, что охотно пошли бы полюбоваться весеннимъ солнцемъ и небомъ, но у насъ мало времени, такъ какъ работу непремѣнно нужно окончить сегодня; потомъ намъ приходитъ въ голову, что получасовая прогулка освѣжитъ насъ, мы будемъ быстрѣе работать и успѣемъ дописать докладъ; какъ только является это соображеніе, мы встаемъ и идемъ гулять. Сложный внутренній процессъ заканчивается перемѣною въ нашемъ психофизическомъ цѣломъ: у насъ является рядъ движеній, осуществляющихъ прогулку, и рядъ новыхъ состояній сознанія, связанныхъ съ чувствомъ удовольворенія или неудовольворенія (напр., если оказалось, что погода начала портиться). Этой перемѣнѣ предшествовалъ рядъ стремленій, изъ которыхъ одни, какъ намъ кажется, составляютъ условіе возникновенія перемѣны, а другія, наоборотъ, противодѣйствуютъ возникновенію ея. Иными словами, намъ *кажется*, что перемѣна *причиняется* нами, поскольку у насъ есть эти предшествующія состоянія сознанія, и возникаетъ тогда, когда причиняющія состоянія оказываются сильнѣе удерживающихъ. Замѣтимъ при этомъ, что намъ не кажется, будто стремленіе само дѣйствуетъ, а мы пассивно созерцаемъ его дѣятельность; мы чувствуемъ, что мы сами, поскольку у насъ есть стремленіе, порождаемъ перемѣну. Волевыми мы будемъ называть тѣ дѣйствія, въ которыхъ есть всѣ три указанные элемента: 1) *мое* стремленіе, 2) *чувствованіе моей дѣятельности, активности* ¹⁾, 3) перемѣна, которая кажется мнѣ результатомъ *моей дѣятельности*.

Чувствованіе активности связываетъ стремленіе и соотвѣтствующую ему перемѣну и какъ бы показываетъ мнѣ, какое мое состояніе сознанія составляетъ причину перемѣны. Эта важная составная часть описываемаго нами процесса неразложима, одинакова по качеству, хотя и различна по интенсивности въ различныхъ дѣйствіяхъ. Напримѣръ, если мы припоминаемъ забытую фамилію или подыскиваемъ возраженія на трудный вопросъ

¹⁾ Словомъ чувствованіе мы будемъ называть всякое «не предметное» содержаніе сознанія, которое не хотимъ или затрудняемся помѣстить въ какую-либо опредѣленную рубрику.

въ серьезномъ философскомъ спорѣ, чувствованіе усилія у насъ интенсивнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда мы, слѣдуя призыву товарища, тотчасъ встаемъ, чтобы отправиться гулять, но во всѣхъ этихъ дѣятельностяхъ чувствованіе активности по качеству одинаковое. Это утвержденіе, пожалуй, можетъ вызвать возраженія лишь потому, что сознаніе активности никогда не существуетъ въ обособленной формѣ и потому его качество трудно опредѣлить: нельзя сознать себя просто дѣятельнымъ, можно лишь сознать себя дѣятельно припоминающимъ, размышляющимъ, разсматривающимъ и т. п. Недифференцированность чувствованія активности и простота его очень вредитъ изученію его, такъ какъ такія состоянія сознанія легко ускользаютъ отъ вниманія наблюдателя.

По поводу нашего анализа насъ легко могутъ обвинить въ томъ, что мы взяли только перечислить *факты*, находимые въ сознаніи, а на самомъ дѣлѣ вмѣсто этого построили цѣлую *теорію*: можетъ явиться предположеніе, будто мы уже говорили о я, какъ субстанции, объ активности я и о томъ, что стремленія составляютъ причину перемѣнъ въ я. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было: мы говорили лишь о *чувствованіи* активности (которое можетъ быть иллюзією), а не о *способностяхи* дѣйствительно производить перемѣны въ мірѣ и въ себѣ; о стремленіяхъ мы говорили, что намъ *кажется* (быть можетъ, это чувствованіе ложное), будто они именно находятся въ причинной связи съ перемѣнами, слѣдующими за ними. Упомянувъ о я, мы имѣемъ въ виду лишь не подвергнутое еще нашему анализу чувствованіе, присутствіемъ котораго характеризуются всѣ состоянія сознанія, называемыя *моими* состояніями. Собственно говоря, все содержаніе каждаго индивидуальнаго сознанія окрашено этимъ чувствованіемъ; однако если всмотрѣться ближе, окажется, что нѣкоторыя состоянія очень интенсивно и въ цѣломъ своемъ составѣ чувствуются, какъ «мои», а другія лишь отчасти кажутся «моими». Анализируя послѣднія, можно бываетъ выдѣлать въ нихъ элементы, вовсе не окрашенные упомянутымъ чувствованіемъ, т.-е. вовсе не мои, а какъ бы данные мнѣ, найденные мною. Напримѣръ, если я смотрю на хорошо знакомую мнѣ чернильницу на своемъ столѣ, то цвѣтъ, форма и т. п. элементы этого воспріятія вовсе не кажутся мнѣ *моими* состояніями сознанія; они даны, я готовъ назвать ихъ своими лишь постоль-

ку, поскольку *мое вниманіе* направлено на нихъ. Наоборотъ, процессъ отыскиванія отвѣта на какую-нибудь задачу-шутку, напр., на вопросъ, какъ построить изъ шести спичекъ четыре треугольника, можетъ быть очень дѣятельнымъ, такъ что въ немъ не моими, данными кажутся только случайные побочные отрывки мыслей, возникающіе по ассоціаціи идей. Каждый изъ элементовъ волевого акта, именно большинство стремленій, чувствованіе активности и большинство перемѣнъ, могутъ встрѣчаться также въ сознаніи, какъ не мои, какъ данныя мнѣ состоянія сознанія.

Такъ какъ съ помощью анализа можно отдѣлить, если не реально, то мысленно, элементы мои отъ данныхъ мнѣ, то мы различаемъ понятія *я и индивидуальное сознаніе*: подъ словомъ индивидуальное сознаніе мы разумѣемъ совокупность всѣхъ состояній сознанія, переживаемыхъ какимъ-либо я, а подъ словомъ я лишь ту часть индивидуальнаго сознанія, которая чувствуется, какъ моя.

Итакъ, до сихъ поръ мы занимались лишь описаніемъ фактовъ, но, безъ сомнѣнія, мы дѣлаемъ это для того, чтобы со временемъ перейти къ теоріи, къ ученію о дѣйствительной активности сознанія. Однако эта задача еще далеко впереди: раньше намъ нужно заняться изслѣдованіемъ элементовъ волевого акта, стремленій, чувствованія активности и перемѣнъ, и опредѣлить виды волевыхъ актовъ.

г. Стремленія.

Намъ предстоитъ теперь задача опредѣлить необходимыя составныя части всякаго стремленія. Этотъ трудъ въ значительной мѣрѣ облегченъ для насъ превосходнымъ сочиненіемъ Пфендера (Pfünder) *Phänomenologie des Wollens* (Leipzig 1900). Пфендеръ задался въ немъ цѣлью опредѣлить лишь, избѣгая всякихъ теорій воли, составъ стремленій вообще и важнѣйшаго вида ихъ, хотѣній въ частности; вопросомъ о перемѣнахъ, слѣдующихъ за стремленіями, т.-е. объ актахъ, онъ вовсе не занимается. Результаты его анализа настолько точны и убѣдительны, по нашему мнѣнію, что намъ остается только передать ихъ и дополнить своими соображеніями о нѣкоторыхъ наиболѣе простыхъ стремленіяхъ, не принятыхъ, по нашему мнѣнію, въ расчетъ Пфендеромъ.

Во всякомъ стремленіи, говоритъ Пфендеръ, есть представленіе о какомъ-либо переживаніи, составляющемъ предметъ стре-

мленія. Представленіе служитъ для насъ замѣстителемъ этого переживанія, такъ какъ вниманіе сосредоточено не на тѣхъ его свойствахъ, которыя придають ему характеръ представленія, а на тѣхъ, которыя у него общи съ замѣщаемымъ переживаніемъ. При этомъ содержаніе представленія, общее съ замѣщаемымъ переживаніемъ, представляется, какъ не находящееся въ настоящемъ, т.-е. какъ прошедшее, будущее или не локализованное во времени, хотя само представленіе, конечно, находится въ сознаніи въ настоящемъ времени ¹⁾. Присутствіемъ такого представленія не исчерпывается еще явленіе стремленія. Въ немъ замѣчается еще всегда опредѣленное отношеніе къ чувствованіямъ удовольствія и неудовольствія. Обыкновенно предполагають, что предметомъ стремленія бывають всегда переживанія, заключающія въ себѣ воспоминанія (представленія) о прежнихъ удовольствіяхъ или, вѣрнѣе, относительныхъ удовольствіяхъ, доставленныхъ соответствующими переживаніями. Пфендеръ приводитъ рядъ соображеній, показывающихъ, что такія представленія о прежнихъ пріятныхъ переживаніяхъ, хотя и входятъ очень часто въ стремленія, вовсе не составляютъ необходимаго элемента ихъ. Въ дѣйствительности въ стремленія входитъ нѣчто совершенно иное по существу, именно не представленіе о пріятномъ переживаніи, а относительно *пріятное* представленіе о переживаніи, т.-е. представленіе о переживаніи, которое было, можетъ быть, и непріятнымъ, но теперь въ воспоминаніи сопровождается чувствованіемъ (не представленіемъ) относительнаго удовольствія. Это чувствованіе относительнаго удовольствія есть удовольствіе болѣе сильное, чѣмъ удовольствіе отъ нѣкотораго другого представленія, или же удовольствіе въ противовѣсъ неудовольствію отъ нѣкотораго другого представленія, или же неудовольствіе, менѣе сильное, чѣмъ отъ нѣкотораго другого представленія. Трудный вопросъ, какое другое представленіе, связанное съ другимъ чувствованіемъ, всегда существуетъ налицо въ стремленіи, Пфендеръ рѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: «Стремленіе возникаетъ когда мы переходимъ отъ представленія небытія къ представленію бытія переживанія; оно проходитъ, когда антиципация переживанія вполнѣ достигнута. Слѣдовательно, во время стремленія происходитъ движеніе отъ представленія небытія къ представленію бытія пе-

¹⁾ Pfänder, Phänomenologie des Wollens, стр. 1—36.

реживанія». Стремленіе существуетъ только въ томъ случаѣ, если этотъ переходъ отъ представленія А къ не-А или наоборотъ связанъ съ чувствованіемъ «относительнаго удовольствія». Само собою разумѣется, эта относительность, обыкновенно, не познается, а только фактически существуетъ ¹⁾.

Однако представленіе, вызывающее чувствованіе относительнаго удовольствія, еще не составляетъ стремленія. Напримѣръ, если мы съ удовольствіемъ представляемъ себѣ какое-либо будущее событіе и совершенно убѣждены въ томъ, что оно осуществится безъ нашихъ усилій, наше состояніе вовсе не относится къ категоріи стремленій. Состояніе сознанія можно назвать стремленіемъ только въ томъ случаѣ, если къ перечисленнымъ выше элементамъ присоединяется своеобразное, неразложимое далѣе чувствованіе тяготѣнія (*Hindrängens*), *чувствованіе стремленія*, какъ его называетъ Пфендеръ ²⁾.

Если во всякомъ стремленіи есть „движеніе отъ представленія небытія къ представленію бытія переживанія“, при чемъ послѣднее предпочитается первому, то, слѣдовательно, въ каждомъ положительномъ стремленіи заключается въ скрытой формѣ отрицательное стремленіе (*Widerstreben*), стремленіе избѣгать какого-либо состоянія, находящагося къ первому въ отношеніи противорѣчащей противоположности (отъ А къ не-А или наоборотъ). Мы будемъ пользоваться этими описательными терминами, такъ какъ всякій простой терминъ, относящійся къ этой категоріи явленій, напр. терминъ отвращеніе, обозначаетъ не простое стремленіе, а стремленіе, осложненное эмоціею, что можетъ повести къ заблужденіямъ. По нашему мнѣнію, именно терминъ *Widerstreben* виноватъ въ томъ, что у Пфендера въ его анализѣ отрицательныхъ стремленій есть одна маленькая неточность, которую мы отмѣтимъ далѣе.

Отрицательное стремленіе, скрывающееся во всякомъ положительномъ, легко можетъ выступить наружу, и такіе случаи особенно пригодны для анализа. Если мы идемъ вечеромъ по лѣсу и намъ немного, чуть чуть жутко, то, замѣтивъ впереди на дорогѣ человѣка, хотя бы и не особенно интереснаго для насъ, мы стремимся догнать его. При этомъ наше состояніе въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 37—61.

²⁾ Тамъ же, стр. 60—70.

однихъ случаяхъ имѣеть характеръ положительнаго, а въ другихъ отрицательнаго стремленія. Когда оно относится къ первой категоріи, вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы идти вмѣстѣ, а когда оно относится ко второй категоріи, вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы избѣжать одиночества.

Въ первомъ случаѣ вниманіе направлено на то состояніе, къ которому мы стремимся, а во второмъ на то, отъ котораго мы хотимъ удалиться: въ отрицательномъ стремленіи мы какъ бы оборачиваемся спиною къ мѣсту, куда направляется наше движеніе, и смотримъ на ту точку, отъ которой удаляемся. Нерѣдко одно и то же положеніе въ жизни въ зависимости отъ направленія вниманія, вызваннаго сопутствующими обстоятельствами, переживается то какъ положительное, то какъ отрицательное стремленіе. Можно даже выучиться производить искусственно такія превращенія (какъ можно выучиться воспринимать нѣкоторые простые схематическіе рисунки геометрическихъ тѣлъ то какъ обращенные къ намъ выпуклостью, то какъ обращенные къ намъ вогнутостью) путемъ перемѣщенія фокуса вниманія. Теоретически такое превращеніе, конечно, возможно всегда, но въ дѣйствительности оно встрѣчается или искусственно достигается преимущественно лишь въ томъ случаѣ, 1. если состоянія A и не A сами по себѣ оба имѣють цѣну для насъ (обыкновенно, одно изъ этихъ состояній получаетъ для насъ цѣну только вслѣдствіе стремленія достигнуть или избѣжать другого состоянія) 2. если дѣйствіе, избавляющее насъ отъ какаго-либо состоянія, не настолько сложно, чтобы выполненіе его требовало полнаго вниманія къ нему (такъ что, выполняя его, можно повернуться къ нему спиною), напр., въ приведенномъ нами случаѣ, если намъ жутко, а встрѣтившійся человѣкъ вовсе не интересенъ, у насъ является, когда мы его догоняемъ, отрицательное стремленіе, не легко превратимое въ положительное; если встрѣтившійся человѣкъ интересенъ намъ, то является положительное стремленіе, не легко превратимое въ отрицательное. Если, встрѣтившись съ разъяреннымъ быкомъ, мы убѣгаемъ домой, то вѣроятнѣе всего во время бѣгства мы будемъ испытывать отрицательное стремленіе; но если при этомъ мы переходимъ черезъ рѣчку по узенькой жердочкѣ, наше отрицательное стремленіе замѣнится во время перехода положительными и другими отрицательными стремленіями.

Кромѣ разницы въ направленіи вниманія, отрицательное стремленіе отличается, по мнѣнію Пфендера, еще тѣмъ, что въ немъ антипация избѣгаемаго состоянія сопровождается все возрастающимъ относительнымъ неудовольствіемъ, тогда какъ въ положительномъ стремленіи она вызываетъ все возрастающее относительное удовольствіе ¹⁾).

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться: если непріятное состояніе сопровождается дѣйствительнымъ активнымъ стремленіемъ избѣжать его (отрицательнымъ стремленіемъ), а не покорнымъ созерцаніемъ, то вниманіе сосредоточено на убываніи его, и это убываніе связано съ чувствованіемъ относительнаго удовольствія. Слѣдовательно, *составъ* отрицательныхъ стремленій въ этомъ отношеніи не отличается отъ положительныхъ стремленій. Однако разница между тѣми и другими настолько велика, что объяснить ее однимъ различіемъ въ направленіи вниманія нельзя; поэтому необходимо допустить, что они различаются еще характеромъ самого чувствованія стремленія: ²⁾ въ отрицательномъ стремленіи мы испытываемъ не тяготѣніе, а *отталкиваніе*.

Опредѣливъ составъ стремленій вообще, Пфендеръ переходитъ къ изслѣдованію важнѣйшаго вида стремленій — *хотѣній*. Кромѣ элементовъ, входящихъ въ каждое стремленіе, въ хотѣніи есть еще рядъ новыхъ моментовъ, прежде всего чувствованіе возможности осуществить предметъ стремленія собственною дѣятельностью. Гдѣ нѣтъ чувствованія, напр., если предметомъ стремленія служить «хорошая погода завтра», тамъ мы имѣемъ дѣло не съ хотѣніемъ, а съ *желаніемъ*, надеждою и т. п. Въ связи съ этимъ, конечно, необходимо, чтобы мы также представляли себѣ эту свою собственную дѣятельность и чтобы она тоже сдѣлалась предметомъ стремленія ³⁾. Эта собственная дѣятельность можетъ быть косвенною, напр. когда мы стремимся послушать музыку и уговариваемъ кого-либо сыграть нашу любимую пьесу, или же она можетъ быть опредѣлена въ моментъ хотѣнія лишь въ крайне общей, неясной формѣ, напр., когда мы стремимся рѣшить задачу, и тѣмъ не менѣе наличность представленія о собственной дѣятельности и готовность къ ней придаетъ первоначальному стремленію характер-

1) Тамъ же, стр. 70—81.

2) См. Пфендеръ, стр. 80.

3) Тамъ же, стр. 82—104.

ную новую окраску; состояніе сознанія, получающееся вслѣдствіе этого, заслуживаетъ того, чтобы выдѣлить его въ особую рубрику и обозначить особымъ терминомъ. Само собою разумѣется, прямого соответствія между хотѣніемъ и возможностью выполненія его нѣтъ. Чрезвычайно часто загнанные судьбою, измученные неудачами и т. п. люди ограничиваются желаніями тамъ, гдѣ у нихъ могло быть хотѣніе, и наоборотъ люди самоувѣренные или неопытные проявляютъ опредѣленно выраженное типичное хотѣніе въ отношеніи событій, находящихся на самомъ дѣлѣ и прямо и косвенно внѣ ихъ власти.

Перечисленными элементами не исчерпывается еще составъ тѣхъ состояній, которыя Пфендеръ называетъ хотѣніями. Нерѣдко стремленіе, осложненное представленіемъ о собственной дѣятельности и готовностью къ ней, наталкивается на представленіе о какомъ-нибудь нежелательномъ послѣдствіи этой дѣятельности; тогда мы начинаемъ колебаться, наше стремленіе становится *связаннымъ*. Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ, даже и послѣ такого столкновенія первоначальное стремленіе остается *побѣдоноснымъ* и чувствованіе положительнаго стремленія сохраняетъ или пріобрѣтаетъ характеръ «полной или относительной свободы или рѣшимости». Только такія стремленія Пфендеръ называетъ хотѣніями ¹⁾.

Кромѣ того есть еще одинъ элементъ, включаемый Пфендеромъ въ хотѣнія. Его удобнѣе всего указать, рассматривая случаи, когда хотѣніе возникаетъ, какъ результатъ практическаго (не теоретическаго) обсужденія и выбора. Если пьяница сидитъ передъ стаканомъ водки и колеблется, не воздержаться ли на этотъ разъ, а потомъ вдругъ эти колебанія прерываются тѣмъ, что онъ схватываетъ стаканъ и выпиваетъ водку, то этотъ поступокъ не есть результатъ хотѣнія: въ немъ нѣтъ *волевого рѣшенія*, оно совершается противъ воли, оно осуществляется побѣдоносною страстью. Иной характеръ со стороны чувствованій имѣютъ тѣ поступки, которымъ, какъ и въ данномъ случаѣ, предшествуютъ борющіяся стремленія, при чемъ я сначала колеблется, на которую сторону стать, а потомъ «становится на сторону одного стремленія и, болѣе или менѣе успѣшно отталкивая другія стремленія, дѣлаетъ одно изъ стремленій исключи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 105—108.

тельно своимъ». Поступокъ, описанный выше, можетъ относиться къ этой второй категоріи, если онъ закончится выпивкою, напр., послѣ такого соображенія: «Э, къ чорту кисло-сладкую мораль! Хочется выпить, такъ и пей». Итакъ, „волевое рѣшеніе состоитъ въ томъ, что побѣдоносныя стремленія суть въ то же время стремленія, на сторону которыхъ стало я, или которыя оно въ концѣ концовъ сдѣлало своими. Если наоборотъ, нами овладѣтъ страсть, то это значить, что побѣдили стремленія, на сторону которыхъ не стало я, или которыя я не сдѣлало своими»¹⁾. Различая эти два вида стремленій, Пфендеръ называетъ одни изъ нихъ «моими стремленіями», а другія «стремленіями во мнѣ». Разницу между ними онъ описываетъ такъ: «Стремленіе, называемое «моимъ стремленіемъ», кажется прямо исходящимъ изъ я, а не вынужденнымъ или навязаннымъ нашему я со стороны чего-либо отличнаго отъ я. Иными словами, въ «нашемъ стремленіи» мы чувствуемъ себя стремящимися свободно, изъ себя къ представляемому переживанію; короче, мы чувствуемъ себя въ этомъ стремленіи спонтанными. Наоборотъ, въ случаѣ «стремленія въ насъ», хотя оно также въ концѣ концовъ есть «наше» стремленіе, мы чувствуемъ себя не свободно изъ себя стремящимися, не спонтанно стремящимися, а вынужденными или побуждаемыми къ этому стремленію чѣмъ то отличнымъ отъ нашего я»²⁾.

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ приводимъ эти соображенія Пфендера, такъ какъ находимъ въ нихъ сходство съ чрезвычайно важнымъ для насъ различеніемъ состояній сознанія «моихъ» и «данныхъ мнѣ». Однако Пфендеръ насчитываетъ только двѣ категоріи стремленій и видитъ разницу между ними въ томъ, что одни изъ нихъ какъ бы причиняются нашимъ я самостоятельно, а другія тоже какъ бы причиняются нашимъ я, но подъ вліяніемъ давленія извнѣ. Между тѣмъ мы находимъ, что въ однихъ случаяхъ стремленіе какъ бы исходитъ изъ я самостоятельно дѣйствующаго, въ другихъ случаяхъ оно тоже какъ бы исходитъ изъ я, но подъ вліяніемъ давленія извнѣ, не свободно, а въ третьихъ случаяхъ стремленіе какъ бы вовсе не исходитъ изъ я, оно уже существуетъ, какъ состояніе сознанія безъ содѣйствія я, которое только присматривается къ нему; такое состояніе

1) Тамъ же, стр. 125.

2) Тамъ же, стр. 128.

сознанія можетъ быть названо «моимъ» лишь постольку, поскольку *мое вниманіе* направлено на него.—Выраженія въ родѣ «стремленія борются во мнѣ», «страсть увлекаетъ меня» мы считаемъ не простыми метафорами, а точнымъ описаніемъ нѣкоторыхъ чувствованій. Чтобы подчеркнуть оттѣнки различныхъ состояній сознанія, мы покажемъ на модификаціяхъ одного и того же примѣра три описанныя формы стремленій. Если у пьяницы, сидящаго передъ стаканомъ водки, борьба съ собою *прерывается неожиданно для него* самого тѣмъ, что онъ судорожно хватаетъ стаканъ водки и выпиваетъ его, то мы имѣемъ дѣло здѣсь съ типичнымъ «*даннымъ во мнѣ стремленіемъ*». Если изъ такого стремленія возникаетъ поступокъ, то и онъ имѣетъ характеръ даннаго во мнѣ; подобные поступки мы будемъ обозначать терминомъ «поступокъ во мнѣ». Само собою разумѣется, такое теченіе явленій возможно лишь въ простѣйшихъ случаяхъ и приводитъ лишь къ примитивнѣйшимъ поступкамъ. Если пьяница борется со стремленіемъ выпить, но совершенно подавленный этимъ стремленіемъ, когда оно овладѣваетъ всѣмъ полемъ сознанія, наконецъ, начинаетъ *самъ* обдумывать, гдѣ бы можно было достать водки, вспоминаетъ, что бутылка стоитъ въ шкафу, достаетъ ее и выпиваетъ, при чемъ до самого конца всетаки *не становится на сторону* стремленія выпить, а дѣйствуетъ какъ бы подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, то стремленіе обдумать, какъ достать водки, можно назвать «*вынужденнымъ моимъ стремленіемъ*», а самое обдумываніе «*вынужденнымъ моимъ поступкомъ*». Доставаніе водки изъ шкафа и выпиваніе ея можетъ при этомъ быть или «поступкомъ во мнѣ» или «вынужденнымъ моимъ поступкомъ». Если пьяница, сидяшій передъ стаканомъ водки, заканчиваетъ борьбу съ угрызениями совѣсти презрительнымъ восклицаніемъ по адресу морали, то, почти навѣрное, у него къ «данному стремленію» выпить присоединилось *собственное* свободное стремленіе выпить. Это присоединившееся стремленіе есть *мое стремленіе* и слѣдующій за нимъ поступокъ есть «мой поступокъ». Конечно, это не типичный примѣръ «моихъ стремленій», такъ какъ я въ этомъ случаѣ только *дѣлаетъ своимъ* данное уже стремленіе или *присоединяетъ* къ нему свое стремленіе. Болѣе типичные примѣры «моихъ стремленій» встрѣчаются напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда честолюбецъ совершаетъ какой-либо поступокъ съ цѣлью выдвинуться.

Присоединеніе «моихъ» стремленій и поступковъ къ «даннымъ» и «вынужденнымъ» стремленіямъ и поступкамъ можетъ подготовить почву для появленія въ будущемъ вынужденныхъ или даже данныхъ во мнѣ поступковъ необычайно сложныхъ, такъ что даже не вѣришь, что они относятся къ этой категоріи. Сильная любовь, борющаяся съ чувствомъ долга въ семейномъ чловѣкѣ и навязывающаяся его сознанію, какъ бы противъ воли, точно бы какой-то злой демонъ, можетъ вынудить его обдумывать планъ достиженія цѣли. Такое *вынужденное* обдумываніе въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ привести къ построенію сложнаго хитраго плана, потому что вынужденная дѣятельность постоянно прерывается, въ ней какъ бы не участвуютъ всѣ силы я. Однако стоитъ только явиться мысли: «Отчего же не подумать? Вѣдь это ничего: я все равно этого не сдѣлаю», и тотчасъ же положеніе мѣняется: борьба прекращается, вынужденное обдумываніе превращается въ мое обдумываніе и становится необычайно оживленнымъ, плодотворнымъ, является хитрый планъ, какъ удалить на время жену, какъ приблизить къ себѣ любимую особу и т. п. Наконецъ, игра фантазіи прекращается, чловѣкъ возвращается къ дѣйствительности и строго обрываетъ себя, опять утверждая, что никогда этого не сдѣлаетъ. Между тѣмъ самое трудное уже сдѣлано: планъ построенъ, и когда страсть нахлынетъ вновь, воспоминаніе о планѣ и выполненіе его могутъ легко послѣдовать, какъ вынужденные поступки или даже поступки во мнѣ.

До сихъ поръ мы говорили о стремленіяхъ, имѣя въ виду лишь тотъ обширный классъ ихъ, который намѣченъ Пфендеромъ и состоитъ изъ антиципаціи переживанія въ формѣ относительно пріятнаго представленія въ связи съ чувствованіемъ стремленія. Только такія сложные, сравнительно, состоянія сознанія Пфендеръ ставитъ въ тѣсную связь съ волевою дѣятельностью. Если нѣтъ антиципаціи въ формѣ представленія, то мы имѣемъ дѣло со слѣпымъ влеченіемъ (Trieb) и перемѣна, слѣдующая за такимъ влеченіемъ, не относится, по его мнѣнію, къ области волевыхъ актовъ: волевыми онъ называетъ лишь тѣ акты, которые слѣдуютъ за хотѣніями. Съ такимъ построеніемъ понятія волевого акта и съ такою классификаціею мы не можемъ согласиться, потому что она преувеличиваетъ значеніе одного въ данномъ случаѣ сравнительно не важнаго признака, именно познанія, и заставляетъ поэтому ставить слишкомъ далеко другъ

отъ друга явленія, по существу сходныя. Самымъ характернымъ элементомъ въ стремленіяхъ слѣдуетъ признать чувствованіе стремленія; какъ только оно появляется, тотчасъ же начинается оживленіе дѣятельности сознанія по направленію къ осуществленію какой-либо перемѣны, тотчасъ же такъ или иначе (даже и въ желаніяхъ) является чувствованіе активности. Поэтому если намъ встрѣтятся состоянія сознанія, во всѣхъ отношеніяхъ сходныя съ описанными выше стремленіями и не заключающія въ себѣ только представленій, мы ихъ все же отнесемъ въ разрядъ стремленій. Таковы именно слѣпыя влеченія. Войдя съ мороза въ комнату и увлекаясь разговоромъ, мы можемъ въ то же время, не отдавая себѣ отчета въ своемъ поступкѣ, подойти къ печи, отъ которой пышитъ тепломъ, и начать грѣться. Когда мы отдадимъ себѣ отчетъ въ своемъ дѣйствіи, можетъ даже оказаться, что мы его не одобряемъ, напр., потому что считаемъ вреднымъ грѣться прямо у печи послѣ мороза. Точно такимъ же образомъ, бесѣдуя, мы можемъ подойти къ столу съ хлѣбомъ и начать его ѣсть, если мы голодны. Если мы очень не любимъ какого-нибудь человѣка, мы можемъ при одномъ видѣ его вдругъ почувствовать какое-то смутное раздраженіе и сдѣлать ему рядъ неприятныхъ замѣчаній, противорѣчить ему на каждомъ шагу, вовсе не отдавая себѣ отчета въ томъ, что наше поведеніе руководится стремленіемъ раздосадовать его. Увидѣвъ некрасиво составленный букетъ, человѣкъ со вкусомъ испытываетъ неприятное чувство, подходитъ къ букету и, сдѣлавъ перестановку безъ всякаго предварительнаго плана въ воображеніи, сразу придаетъ букету лучшій видъ. Дѣти, когда хотятъ ѣсть или спать, начинаютъ иногда капризничать, требуютъ то того, то другого, всѣмъ своимъ поведеніемъ показываютъ, что они чего-то ищутъ, чего-то добиваются, но сами себѣ не отдаютъ отчета, чего имъ нужно; опытная няня догадывается, въ чемъ дѣло, удовлетворяетъ ихъ смутное влеченіе, и они сразу успокаиваются. Такія черезчуръ простыя потребности, какъ голодъ, рѣдко приводятъ взрослыхъ въ положеніе ребенка, желающаго ѣсть, но неспособнаго опредѣлить, чего ему хочется, однако нѣкоторыми комбинаціями условій могутъ быть созданы и такія положенія, какъ это, навѣрное, всякій испыталъ; благодаря своей простотѣ они особенно удобны для анализа, которымъ намъ слѣдуетъ заняться теперь.

Несомнѣнно въ смутныхъ влеченіяхъ есть чувствованіе стремленія. Однако они не исчерпываются этимъ чувствованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, оно имѣетъ однообразный характеръ, между тѣмъ какъ стремленія и влеченія безконечно разнообразны. Слѣдовательно, чувствованіе стремленія и здѣсь присоединяется къ какимъ-то другимъ элементамъ. Да это и само собою разумѣется: это чувствованіе есть тяготѣніе къ чему-то, и это что-то такъ или иначе должно быть дано въ сознаніи, въ противномъ случаѣ мы бы не характеризовали свое чувствованіе, какъ *тяготѣніе*. Намъ остается предположить, что и во влеченіяхъ антиципируется какое-либо переживаніе. Это подтверждается тѣмъ, что за влеченіями, какъ и за стремленіями, нерѣдко слѣдуетъ рядъ дѣйствій, осуществляющихъ перемѣну, которая какъ бы удовлетворяетъ влеченію, и оно послѣ этого утихаетъ. Эта антиципация, очевидно, сопровождается также относительнымъ удовольствіемъ, потому что приближеніе къ удовлетворенію влеченія сопровождается возрастаніемъ удовольствія, а удаленіе убываніемъ удовольствія. Однако антиципация переживанія въ слѣпыхъ влеченіяхъ не есть представленіе, т.-е. не есть познавательное состояніе: въ противномъ случаѣ мы бы не затруднялись указать ее, не называли бы влеченія слѣпыми и не отличали бы ихъ отъ стремленій. Повидимому эта антиципация проще антиципации въ стремленіяхъ; и въ самомъ дѣлѣ мы нашли въ слѣпыхъ влеченіяхъ всѣ тѣ же элементы, которые есть и въ стремленіяхъ, однако смутныя влеченія болѣе просты, чѣмъ стремленія; вслѣдствіе неразложимости чувствованій стремленія, активности и относительнаго удовольствія въ нихъ нельзя искать причину этой большей простоты, слѣдовательно, остается объяснить ее лишь большею простотою антиципации. И, въ самомъ дѣлѣ, антиципация во влеченіяхъ не есть *представленіе* переживанія, слѣдовательно ей остается лишь быть *простымъ сознаваніемъ* переживанія, а всякое представленіе или знаніе бываетъ сложнѣе соотвѣтствующаго переживанія, если не принимать, конечно, въ расчетъ элементовъ переживанія, подвергнувшихся забвенію. Можно переживать сильное чувство ревности, зависти и т. п. и не познавать того, что переживаешь эти чувства. Безъ сомнѣнія, если мы даемъ себѣ отчетъ въ нихъ, наше состояніе сознанія сложнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ; такія состоянія сознанія мы будемъ называть *опознанными*, а первыя *неопознанными*. Не-

опознанныя состоянія встрѣчаются въ нашей душевной жизни чрезвычайно часто, и вообще нельзя утверждать, что опознание есть необходимый факторъ при выполнении сознательныхъ дѣйствій. При *воспріятіи* пищи, напримѣръ, мы можемъ руководиться только самимъ *чувствованіемъ* насыщенія, вовсе не познавая его, т.-е. не имѣя *представленія* насыщенія. Если такъ, то и *влеченіе* утолить голодъ тоже можетъ заключать въ себѣ антиципацію насыщенія не въ видѣ представленія, а въ формѣ простаго переживанія. Болѣе подробно мы рассмотримъ вопросъ о различіи между знаніемъ и простымъ сознаніемъ, въ изслѣдованіи о такъ называемомъ *бесознательномъ*, а теперь ограничимся лишь указаніемъ на общеизвѣстные случаи, когда состояніе сознанія, безъ сомнѣнія, существуетъ, а знанія о немъ нѣтъ. Особенно часто эти состоянія встрѣчаются въ подготовительныхъ стадіяхъ волевого акта. Въ сложномъ волево́мъ актѣ въ большинствѣ случаевъ бывають опознаны только конечная цѣль и осуществленіе ея, а рядъ промежуточныхъ стремленій, средствъ и вообще весь механизмъ дѣйствованія остается почти вовсе не опознаннымъ. Это легко подтвердить слѣдующимъ образомъ. Совершивъ какой-либо сложный актъ, требовавшій быстроты и затрогивавшій многія стороны душевной жизни, займемся сейчасъ же мысленнымъ воспроизведеніемъ его; при этомъ мы навѣрное сдѣлаемъ рядъ открытій въ своей собственной душѣ, подмѣтимъ такія чувствованія и мотивы, какихъ мы, можетъ быть, до того и не подозрѣвали въ себѣ. Конечно, такое воспроизведеніе и опознаніе требуетъ большого навыка. Всѣмъ извѣстно, какого труда и умѣнья требуетъ воспроизведеніе даже и ряда опознанныхъ состояній сознанія, напр. всего, что воспринято нами во время прогулки. Въ отношеніи неопознанныхъ состояній эта задача становится даже совсѣмъ невыполнимою, если не взятыся за воспроизведеніе тотчасъ же послѣ акта, да и то при этомъ чувствуется, что память упрощаетъ пережитой процессъ, или опознаніе не вполне удастся, такъ что нужна большая настойчивость, чтобы получить наконецъ картину процесса, которая бы казалась точною копіею прошлаго. Несмотря на это, изучать неопознанныя состоянія, а, слѣдовательно, и большую часть волевыхъ процессовъ, само собою разумѣется, приходится лишь на основаніи свѣжихъ воспоминаній, а не прямого наблюденія. Такой *ретроспективный* субъективный методъ заключаетъ въ себѣ

еще большее количество недостатковъ, чѣмъ простой субъективный методъ, но съ этимъ приходится мириться, потому что лучшаго орудія у насъ нѣтъ.

Опознавая слѣпя влеченія, мы находимъ, что они заключаютъ въ себѣ антиципацію желаемаго переживанія и отличаются отъ стремленій, рассмотрѣнныхъ раньше, только тѣмъ, что эта антиципація въ нихъ не есть представленіе. Поэтому мы будемъ обозначать ихъ терминомъ *неопознанныя стремленія*, а рассмотрѣнные раньше—терминомъ опознанныя стремленія; они такъ же, какъ и опознанныя стремленія, бываютъ или моими или данными во мнѣ, или вынужденными стремленіями. Соотвѣтствующіе имъ поступки бываютъ или опознанными, или неопознанными. Поступки, вытекающіе изъ неопознанныхъ *моихъ* стремленій, мы относимъ къ числу волевыхъ, слѣдовательно, расширяемъ понятіе воли сравнительно съ Пфендеромъ, который считаетъ волевыми только поступки, обусловленные хотѣніями. Расширеніе понятія происходитъ отъ того, что мы опускаемъ познавательный элементъ на основаніи соображеній, которыя выяснятся далѣе въ обоснованіи волонтаризма. Здѣсь же мы сошлемся лишь на то, что опознанность всегда бываетъ лишь *относительною*, что всякій поступокъ и стремленіе заключаютъ въ себѣ неопознанные элементы, такъ что знаніе не есть признакъ; на которомъ можно было бы основывать *коренныя* подраздѣленія въ психологіи.

Раньше, чѣмъ доказывать эту мысль, мы должны рассмотреть еще одну замѣчательную особенность стремленій, состоящую въ томъ, что въ душевной жизни никогда не встрѣчаются одиночныя стремленія, а всегда цѣлыя системы ихъ. Если у насъ является стремленіе взяться за разработку какой-либо темы, заданной на конкурсъ, мы стремимся точно вспомнить текстъ ея; когда это не удается, мы стремимся вспомнить, гдѣ лежитъ книга, въ которой помѣщена тема; послѣ прочтенія книги является длинная серія новыхъ стремленій, напр. посоветоваться съ тѣмъ или другимъ лицомъ, обдумать тотъ или иной частный вопросъ, входящій въ тему, записать свои мысли, отправить по почтѣ рукопись и т. д.; возникновеніе и осуществленіе этихъ стремленій будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока или первоначальное стремленіе не будетъ осуществлено или не возникнутъ болѣе сильныя стремленія, удерживающія отъ всего этого

предпріятія, напр. если усталость и опасенія за свое здоровье заставят насъ прекратить работу. Рядъ стремленій, возникающихъ по поводу первоначальнаго стремленія, составляетъ систематическое цѣлое: всѣ члены его находятся въ связи другъ съ другомъ и съ первоначальнымъ стремленіемъ. Ихъ можно разбить на три группы: на стремленія, поддерживающія нашу рѣшимость (напр. въ описанномъ случаѣ честолюбивыя стремленія), стремленія, ослабляющія ее, и стремленія къ средствамъ для осуществленія первоначальнаго стремленія. Послѣдній разрядъ ихъ мы будемъ называть *производными* стремленіями. Предметъ первоначальнаго стремленія мы будемъ называть *конечною цѣлью*, а предметъ производнаго стремленія *относительною цѣлью*. Конечно, производныя стремленія могутъ въ то же время относиться къ числу поддерживающихъ или ослабляющихъ, если они сами по себѣ составляютъ предметъ стремленія или отвращенія. Однако чаще всего средства сами по себѣ не бываютъ предметомъ стремленія и получаютъ смыслъ только въ связи съ первоначальнымъ стремленіемъ. Завертывая рукопись въ бандероль, мы не считаемъ этотъ актъ конечною цѣлью, а объясняемъ его своимъ намѣреніемъ отослать рукопись на почту. Точно такъ же относимся мы и къ самому отправленію рукописи на почту и т. д. Однако восходя въ ряду стремленій, обусловливающихъ другъ друга, мы, наконецъ, дойдемъ до первоначальнаго стремленія и конечной цѣли, которыя кажутся намъ ничѣмъ необусловленными. На вопросъ, почему мы ставимъ такую цѣль, мы отвѣчаемъ: «такъ себѣ», или: «я такъ хочу, и этого достаточно», или, если рѣчь идетъ о чемъ-либо важномъ: «вѣдь само собою разумѣется, что этого слѣдуетъ хотѣть».

Въ опредѣленіи конечныхъ цѣлей своихъ поступковъ мы на каждомъ шагу дѣлаемъ ошибки, обнаруживаемыя всѣмъ остальнымъ нашимъ поведеніемъ. Эти ошибки интересны тѣмъ, что показываютъ, какъ широко распространены въ нашей волевой жизни неопознанные элементы. Честолюбецъ, подготовляющій докладъ къ научному съѣзду будто бы исключительно изъ любви къ наукѣ, иногда не только увѣряетъ другихъ, но и самъ убѣжденъ въ чистотѣ своихъ побужденій. Ребенокъ, получившій въ подарокъ гармонику и наигравшійся уже вдоволь, беретъ, увидѣвъ, что рабочіе пришли съ поля, опять за нее, садится на крыльцо и играетъ такъ, чтобы они слышали его;

онъ хвастаетъ своею игрушкою и самъ не знаетъ побужденія, вызвавшаго его на крыльцо. Иной разъ въ обществѣ мы готовы уже сказать какую-либо фразу, но вдругъ что-то удерживаетъ насъ и потомъ мы радуемся этому: нашъ поступокъ оказывается *тактичнымъ*, потому что эта фраза могла бы обидѣть одного изъ присутствовавшихъ; иногда можно подмѣтить и внѣшнія подтвержденія того, что въ сознаниіи было опасеніе затронуть это лицо, напр. такое движеніе по направленію къ этому лицу, какъ будто бы мы спохватываемся. Съ возрастаніемъ нашей опытности чрезвычайно часто цѣли, казавшіяся намъ прежде первоначальными, сами по себѣ интересными, перестаютъ играть такую роль и превращаются лишь въ средство для осуществленія другихъ болѣе важныхъ цѣлей. Весьма вѣроятно, что во многихъ случаяхъ эти болѣе важныя цѣли уже и раньше существовали въ сознаниіи, но не были опознаны. Напр. въ дѣтствѣ стремленія къ той или иной пищѣ кажутся цѣнными сами по себѣ; для многихъ взрослыхъ тѣ же самыя стремленія превращаются уже лишь въ средство для удовлетворенія определенной опознанной потребности организма и интересны лишь съ этой точки зрѣнія.

Если присоединить неопознанныя стремленія къ опознаннымъ, то окажется, что въ душевной жизни невозможно найти мимолетное *одиночное* стремленіе. Всегда оно окажется звеномъ цѣлой системы, въ которой мы по недостатку наблюдательности упустили изъ виду начало или конецъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти всегда окажется, что оно вовсе не первоначальное, что въ основѣ его можно съ большою вѣроятностью допустить какое-либо другое неопознанное стремленіе. Или же еще легче бываетъ доказать, что въ связи съ появившимся стремленіемъ возникли также стремленія къ средствамъ для осуществленія его (часто лишь воображаемымъ), и эти производныя стремленія нерѣдко бывають неопознанными, въ особенности если они просты и очень привычны. Напр., если мы хотимъ взвѣсить себя на вѣсахъ, мы подзываемъ сосѣда и просимъ его положить гири на вѣсы. Несомнѣнно, эта просьба сопровождается специальнымъ стремленіемъ, но въ большинствѣ случаевъ оно остается неопознаннымъ; съ этимъ легко согласиться, если обратить вниманіе на тѣ случаи, когда оно становится болѣе продолжительнымъ и сложнымъ вслѣдствіе неудовлетворенія. Казалось бы, что ми-

молетныя стремленія, *не переходящія въ хотѣніе и не осуществляемыя* нами, могутъ оставаться и часто остаются одиночными. Однако и это не вѣрно: если стремленіе не развилось далѣе, то почти навѣрное вслѣдъ за нимъ возникло какое-либо противорѣчащее стремленіе и подавило его совсѣмъ или на время. Напр. послѣ обѣда при видѣ яблока у насъ является стремленіе съѣсть его, однако вдругъ оно обрывается, и мы забываемъ о немъ; всматриваясь въ этотъ процессъ, мы навѣрное найдемъ какое-либо побужденіе для отміны стремленія, напр. тягостное ощущеніе насыщенія, вызывающее отвращеніе къ новому воспріятію пищи.

Впрочемъ въ системахъ стремленій часто происходятъ значительныя упрощенія: средства для достиженія конечной цѣли, въ особенности, если они очень просты, осуществляются нами иногда безъ всякихъ специальныхъ стремленій къ нимъ; они осуществляются какъ бы сами собою, такъ что эти акты нельзя даже назвать «поступкомъ во мнѣ». Напр. услышавъ крикъ журавля, мы поворачиваемъ голову и глаза, и эти средства, необходимыя для акта видѣнія, вовсе не предваряются специальными стремленіями. Однако, если журавли летятъ очень высоко, и мы хотимъ непременно отыскать ихъ, разведеніе осей глазъ, сведеніе ихъ и т. п. акты могутъ стать предметомъ специальныхъ и даже *опознанныхъ* стремленій. Если мы видимъ возмутительный поступокъ, и у насъ вырывается восклицаніе: «это безобразіе», то *это средство* для выраженія негодованія почти всегда является безъ специальнаго стремленія, потому что выраженіе чувствъ съ помощью рѣчи есть актъ въ высшей степени привычный для насъ. Однако, если это восклицаніе явится у насъ въ отвѣтъ на вопросъ, какъ мы относимся къ такому-то поступку, при чемъ мы не сразу найдемъ слова для выраженія своего чувства, то, обыкновенно, этимъ словамъ предшествуетъ неопознанное стремленіе произнести ихъ. Мало того, если въ обществѣ обсуждается какой-либо поступокъ, который мы хотимъ назвать безобразнымъ, если эта фраза уже заготовлена нами и мы ждемъ лишь, когда обратятъ на насъ вниманіе, чтобы сказать ее, то этотъ же актъ предшествуется специальнымъ и при томъ опознаннымъ стремленіемъ.

Мы изслѣдуемъ въ этой главѣ свойства стремленій только для того, чтобы перейти къ обоснованію волонтаризма, и потому

можемъ ограничиться слѣдующими добытыми результатами. Два важныхъ свойства стремленій, большая или меньшая близость къ я и большая или меньшая опознанность, даютъ основаніе для дѣленія ихъ на стремленія мои, вынужденныя и данныя во мнѣ, а также на опознанныя и неопознанныя. Слѣдуя Пфендеру, мы рассмотрѣли также составъ важнѣйшаго вида опознанныхъ стремленій, именно хотѣній; однако специфическія особенности хотѣній не имѣютъ существеннаго значенія для нашего изслѣдованія.

2. Чувствованіе активности и перемѣна.

Чувствованіе активности служитъ связующимъ звеномъ между стремленіемъ и соотвѣтствующею ему перемѣною ¹⁾. Какъ и другія состоянія сознанія, чувствованіе активности можетъ быть «моимъ» и «даннымъ мнѣ». Типичное чувствованіе «моей» активности возникаетъ, напр., тогда, когда мы напряженно обдумываемъ какой-либо трудный вопросъ, усиливаемся припомнить что-либо или совершаемъ произвольное мускульное движеніе. Чувствованіе данной активности встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда перемѣна слѣдуетъ за «даннымъ во мнѣ стремленіемъ» ²⁾; однако отличіе ея отъ чувствованія моей активности въ этихъ случаяхъ рѣдко бываетъ ясно выражено. Въ типичной формѣ оно встрѣчается во многихъ органическихъ ощущеніяхъ, какъ составная часть ихъ; напр., когда мы испытываемъ одну изъ тѣхъ болей, которыя называются колющими, сверлящими и т. п., мы, поскольку называемъ эти боли такими именами, указываемъ на то, что сознаемъ присутствіе какой-то активности, но чувствуемъ ее, какъ постороннюю, а не свою; этой активности не предшествуетъ никакое стремленіе, или вѣрнѣе, мы не замѣчаемъ, не опознаемъ въ этомъ случаѣ никакого стремленія. Такое чувствованіе внѣшней активности встрѣчается даже въ воспріятіяхъ внѣшняго міра, напр., въ воспріятіи камня, разбивающаго окно, стремительно мчащагося курьерскаго поѣзда и т. п.

Перемѣны, слѣдующія за «моими стремленіями» и чувствованіемъ «моей» активности, бываютъ трехъ родовъ. Въ однихъ случаяхъ перемѣна во всемъ своемъ составѣ кажется «моею».

¹⁾ См. выше, II.

²⁾ См. выше, II.

Если мы обдумываемъ для маскарада костюмъ джентльмена эпохи Людовика XIV и, уже составивъ планъ его, стараемся представить себѣ, каковъ будетъ онъ, если къ зеленымъ отворотамъ рукавовъ пришить имѣющееся у насъ кружево, то этотъ синтезъ сознается, какъ мой. Конечно, представленіе самаго костюма и кружева можетъ при этомъ относиться къ числу «данныхъ» состояній сознанія. Мало того, черезъ нѣсколько минутъ послѣ мысленнаго осуществленія синтеза, если мы попытаемся опять вспомнить его, онъ почти навѣрное безъ труда всплываетъ въ нашемъ сознаніи, какъ «данное» состояніе. Въ другихъ случаяхъ перемѣна состоитъ изъ элементовъ отчасти моихъ, отчасти данныхъ мнѣ, напр., если я обдумываю, какъ устроить каталогъ библиотеки, и при этомъ отчасти вспоминаю ящики и карточки подвижныхъ каталоговъ, отчасти самъ создаю новыя формы ихъ. Наконецъ, въ третьихъ случаяхъ перемѣна на первыхъ порахъ тоже кажется вполне или отчасти моею, однако внимательное наблюденіе показываетъ, что она состоитъ исключительно изъ данныхъ элементовъ и кажется моею только потому, что послѣдовала за живымъ чувствованіемъ «моей» активности; слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ мы живо сознаемъ, что произвели что-то, но сами не знаемъ что. Напр., если мы произвольно поднимаемъ руку, эта перемѣна кажется намъ «моею»; однако она вся для нашего сознанія состоитъ изъ зрительныхъ и моторныхъ ощущеній, которыя *всегда* относятся къ числу данныхъ состояній сознанія; въ этомъ случаѣ иллюзія принадлежности моему я возникаетъ вслѣдствіе чрезвычайно живого сознанія, что наше усиліе не осталось безрезультатнымъ, что мы что-то произвели, но при внимательномъ анализѣ оказывается, что произведенное нами *вовсе не дано въ нашемъ сознаніи*. Перемѣны перваго рода мы будемъ называть терминомъ «мой внутренний актъ», перемѣны втораго рода—терминомъ «неполный мой внутренний актъ», а перемѣны третьяго рода—«мой внѣшній актъ». Конечно, внѣшніе акты не необходимо бываютъ мускульными. Многіе изъ нихъ вовсе не обнаруживаются на периферіи тѣла. Напр., если мы усиливаемся припомнить стихотвореніе, и оно вдругъ всплываетъ въ нашемъ сознаніи въ готовомъ видѣ, то этотъ процессъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ типичнымъ внѣшнимъ актомъ: мы что-то произвели, однако данная въ сознаніи перемѣна есть не нашъ актъ, а какое-то болѣе или менѣе отдаленное послѣдствіе нашего акта.

Большая часть перемѣнъ настолько сложна, что относится ко второму разряду. Однако въ этомъ отношеніи возможны значительныя индивидуальныя различія. Если предложить нѣсколькимъ лицамъ исправить, напр. такую фразу: «Сознавая, что сознание преступника въ своей винѣ»..., то, навѣрное, этотъ актъ у однихъ лицъ будетъ относиться ко второму, а у другихъ къ третьему разряду. Если онъ относится къ третьему разряду, то онъ можетъ протекать, напр., слѣдующимъ образомъ: вниманіе сосредоточивается на содержаніи мысли, не выраженномъ раздѣльными словами, а являющемся въ формѣ какого-то неяснаго цѣльнаго клубка, и болѣе или менѣе продолжительное усиліе выразить его въ новой формѣ вдругъ смѣняется всплываніемъ въ сознаніи новой готовой фразы вродѣ: «Находя, что сознание преступника въ своей винѣ»...

«Мои внѣшніе акты» нужно строго отличать отъ одного вида перемѣнъ, принадлежащаго къ совершенно иному типу, именно отъ перемѣнъ, являющихся вслѣдъ за стремленіями, но безъ чувствованія активности, и вообще безъ сознанія, что мы произвели ихъ прямо или косвенно. Напр., утромъ, лежа въ постели, мы рѣшаемъ, что нужно встать, но не можемъ преодолѣть себя; потомъ начинаемъ думать о чемъ-либо постороннемъ и вдругъ замѣчаемъ, что мы уже встаемъ. Въ обществѣ иной разъ мы собираемся что-либо рассказать, потомъ рѣшаемъ, что нашъ рассказъ будетъ неумѣстенъ, но черезъ нѣсколько минутъ вдругъ замѣчаемъ, что языкъ измѣнилъ намъ и принялся говорить. Такія внѣшнія перемѣны нельзя назвать волевыми, если примѣнять этотъ терминъ въ вышеуказанномъ смыслѣ ¹⁾, но въ то же время нельзя отнести ихъ къ числу рефлекторныхъ или автоматическихъ, потому что имъ необходимо предшествуетъ психическое состояніе. Мы будемъ называть эти перемѣны *психо-рефлекторными актами*. Существованіе ихъ вовсе не противорѣчитъ утвержденію волонтаризма, что всѣ перемѣны въ сознаніи, относимыя нами къ нашему я, протекаютъ по типу волевыхъ процессовъ: въ самомъ дѣлѣ, психо-рефлекторные акты въ цѣломъ въ такой же мѣрѣ не составляютъ единой перемѣны въ сознаніи, какъ, напр., наша мысль о какомъ-либо отвлеченномъ вопросѣ и послѣдовавшее за нею воспріятіе боя часовъ. Иными

¹⁾ См. выше, II.

словами, психо-рефлекторный актъ состоитъ *изъ двухъ различныхъ перемѣнъ*; это тотчасъ же становится яснымъ, если сдѣлать точное описаніе того, что мы находимъ въ сознаниіи въ подобныхъ случаяхъ, напр., въ первомъ изъ описанныхъ. Сначала у насъ было представленіе объ актѣ вставанія и стремленіе къ нему, а потомъ явилась перемѣна, которую нельзя описать словами «я всталъ» (гдѣ возможно такое описаніе, тамъ мы имѣемъ дѣло съ «моимъ внѣшнимъ актомъ», который предваряется живымъ сознаваніемъ того, что я что-то произвелъ), а точнѣе будетъ обозначить словами «я чувствую себя вставшимъ, я воспринимаю себя вставшимъ». Безъ сомнѣнія, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ двумя отдѣльными явленіями въ сферѣ индивидуальнаго сознания: со стремленіемъ, отмѣненнымъ или, какъ кажется, не заключающимъ въ себѣ достаточной силы для осуществленія перемѣны, и съ воспріятіемъ перемѣны, повидимому, происшедшей помимо активности я. Это воспріятіе ничѣмъ не отличается отъ воспріятія рефлекторныхъ сокращеній: въ самомъ дѣлѣ, если мы ѣдимъ какой-либо черезчуръ кислый плодъ, и у насъ начинаютъ рефлекторно сокращаться мускулы лица, мы совершенно такимъ же образомъ воспринимаемъ эти сокращенія, какъ происшедшія помимо нашей воли. Поэтому-то мы и обозначили описанные только что процессы терминомъ психо-рефлекторные акты, быть можетъ, не совсемъ удачнымъ въ другихъ отношеніяхъ. Многіе психологи обозначаютъ подобныя явленія терминомъ идео-моторный актъ. Однако это понятіе у нихъ въ однихъ отношеніяхъ шире, а въ другихъ уже того, что нужно намъ. Оно шире потому, что подъ него часто подводятся всѣ движенія, слѣдующія за представленіемъ движенія, хотя бы къ такому представленію и присоединялось стремленіе (мой или вынужденный внѣшній актъ); оно уже въ томъ отношеніи, что подъ него подводятся только акты движенія, между тѣмъ какъ отмѣченныя нами специфическія черты психо-рефлекторныхъ перемѣнъ встрѣчаются и среди психическихъ явленій, не сопровождающихся перемѣнами на периферіи; такіе внутренніе психо-рефлекторные акты особенно часто встрѣчаются въ процессахъ припоминанія ¹⁾).

Чрезвычайно часто психо-рефлекторные акты бываютъ составною частью «неполныхъ моихъ внутреннихъ актовъ». Слѣдова-

1) См. ниже, III. 1.

тельно, среди этихъ послѣднихъ нужно различать три разновидности: «мой внутренній актъ» въ однихъ случаяхъ сочетается съ «моимъ внѣшнимъ актомъ», въ другихъ случаяхъ съ психо-рефлекторнымъ актомъ, а въ третьихъ случаяхъ съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Конечно, на практикѣ различать эти разновидности почти невозможно, потому что для этого нужна необычайно изощренная способность наблюдать за оттѣнками своихъ состояній.

3. Чувствованіе удовольренія.

Осуществленіе переживанія, антиципируемаго въ стремленіи, всегда сопровождается чувствованіемъ относительнаго удовольствія, удовольренія. Исключенія изъ этого правила бываютъ лишь кажущіяся. Если осуществленіе стремленія вызываетъ неудовольствіе, то это значитъ, что перемѣна оказалась противорѣчащею какому-либо другому, болѣе сильному стремленію. Человѣкъ, ловко подслушивающій чужой разговоръ, почти навѣрное не испытаетъ отъ этого удовольствія, если услышитъ въ разговорѣ дурные отзывы о себѣ. Точно также и наоборотъ. Если мы идемъ навстрѣчу къ болѣе или менѣе интересующему насъ человѣку и вдругъ окажется, что это не онъ, а ближайшій нашъ другъ, надолго уѣзжавшій отъ насъ, то мы навѣрное почувствуемъ не разочарованіе, а сильное удовольствіе. Впрочемъ, даже и въ этихъ случаяхъ нерѣдко можно бываетъ подмѣтить быструю смѣну зарождающагося неудовольствія удовольствіемъ и наоборотъ.

4. Виды волевыхъ актовъ.

Волевыми актами мы называемъ всѣ процессы, складывающіеся изъ «моихъ» стремленій, чувствованія «моей» активности и перемѣны (внутренней или внѣшней), сопровождающейся чувствованіемъ удовольренія или неудовольренія. Свойства этихъ элементовъ, наиболѣе важныя для обоснованія волюнтаризма, мы уже разсмотрѣли: стремленія въ волевыхъ актахъ могутъ быть «моими» и вынужденными, опознанными и неопознанными, а перемѣны могутъ быть внутренними, неполными внутренними и внѣшними. На основаніи этихъ признаковъ можно насчитать двѣнадцать видовъ волевыхъ актовъ: мои опознанные внутренніе акты, мои опознанные неполные внутренніе акты, мои опознанные внѣшніе акты; мои неопознанные внутренніе акты, мои неопоз-

нанные неполные внутренніе акты, мои неопознанные внѣшніе акты; вынужденные опознанные внутренніе акты, вынужденные опознанные неполные внутренніе акты, вынужденные опознанные внѣшніе акты; вынужденные неопознанные внутренніе акты, вынужденные неопознанные неполные внутренніе акты, вынужденные неопознанные внѣшніе акты.

Среди неопознанныхъ актовъ можно различать двѣ разновидности: акты, въ которыхъ только стремленія неопознаны, и акты, въ которыхъ неопознано какъ стремленіе, такъ и перемѣна. Для насъ особенно важна первая модификація, и почти всегда мы имѣемъ въ виду ее, говоря о неопознанныхъ актахъ.

5. Составъ индивидуальнаго сознанія: волевые акты, «акты во мнѣ» и состоянія сознанія.

Съ точки зрѣнія даннаго опредѣленія волевыхъ актовъ всѣ явленія въ индивидуальномъ сознаніи могутъ быть распредѣлены въ слѣдующія три группы: волевые акты («мои» акты), акты во мнѣ и состоянія сознанія. Волевые акты и виды ихъ уже разсмотрѣны нами. Актами во мнѣ (поступками во мнѣ), какъ уже сказано выше, мы называемъ психическіе процессы, складывающіеся изъ «данныхъ во мнѣ» стремленій (стремленій во мнѣ) и перемѣнъ, слѣдующихъ за ними ¹⁾. По своему составу они во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ волевыми актами, за исключеніемъ лишь того, что исходнымъ пунктомъ ихъ служитъ стремленіе, окрашенное оттѣнкомъ данности. Акты во мнѣ, какъ и волевые, могутъ быть опознанными и неопознанными; дѣлать ихъ на внутренніе и внѣшніе мы не будемъ, потому что наблюденіе такихъ оттѣнковъ въ этихъ процессахъ слишкомъ затруднительно.

Наконецъ, *состояніями* сознанія мы называемъ такія психическія явленія, которымъ не предшествуютъ въ индивидуальномъ сознаніи никакія стремленія, ни «мои», ни «данныя во мнѣ». Сюда относятся, напримѣръ, всѣ ощущенія высшихъ чувствъ: рассматривая какую-нибудь черную поверхность, мы ощущаемъ ея цвѣтъ, какъ пассивно данное состояніе, не включающее въ себя ни какихъ стремленій; само собою разумѣется, поскольку это состояніе становится предметомъ вниманія и измѣняется отъ этого, въ немъ тоже есть стремленія, оно тоже есть актъ, но

¹⁾ См. выше, II.

основной «данный» матеріалъ въ этомъ процессѣ ни въ какомъ смыслѣ не подходитъ подъ понятіе акта.

Интересное промежуточное положеніе между актами во мнѣ и состояніями сознанія занимаютъ нѣкоторыя органическія ощущенія, вродѣ жажды, усталости, ломоты въ костяхъ: въ нихъ смутно чувствуется что-то напоминающее стремленія и въ этомъ состоитъ главное отличіе ихъ отъ ощущеній органовъ высшихъ чувствъ.

III. Волюнтаризмъ.

1. Волевой характеръ всѣхъ «моихъ» процессовъ сознанія.

Мы намѣтили три группы процессовъ въ индивидуальномъ сознаніи: волевые акты, акты во мнѣ и состоянія сознанія. Если волюнтаризмъ правъ, утверждая, что всѣ явленія душевной жизни, относимыя индивидуальнымъ сознаніемъ на основаніи непосредственнаго чувства къ я, протекаютъ по образцу волевыхъ актовъ, то это значитъ, что всѣ «мои» процессы сознанія суть не состоянія, а волевые акты, т.-е. заключаютъ въ себѣ «мое» стремленіе, чувствованіе активности и перемѣну, связанную съ чувствованіемъ удовольворенія или неудовлетворенія, и, наоборотъ, все то, что мы отнесли въ рубрику состояній сознанія (процессы, не связанные органически со стремленіями), всегда чувствуется, какъ «данное мнѣ». Намъ предстоитъ, слѣдовательно, установить чрезвычайно широкое обобщеніе. До сихъ поръ мы лишь описывали составъ нѣкоторыхъ «моихъ» процессовъ сознанія и для анализа выбирали по возможности типичныя формы, поэтому наше описаніе, можетъ быть, не вызывало возраженій. Однако теперь, лишь только мы обобщаемъ свой анализъ и говоримъ, что поскольку непосредственное чувство заставляетъ насъ включить въ свое описаніе душевнаго процесса слова «мое состояніе», мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, заключающимъ въ себѣ стремленія и чувствованіе активности, это утвержденіе навѣрное вызоветъ рядъ сомнѣній. Наше доказательство этого обобщенія будетъ состоять главнымъ образомъ въ устраненіи такихъ возможныхъ сомнѣній.

Прежде всего намъ могутъ замѣтить, что всѣ процессы въ индивидуальномъ сознаніи безъ исключенія чувствуются, какъ

«мои». Мы уже говорили объ этомъ выше¹⁾, и тогда же указали на то, что все же между различными состояніями сознанія существуютъ огромныя различія въ отношеніи градаціи этого чувствованія: одни процессы сознанія, *наиболѣе* окрашенные имъ, кажутся *цѣликомъ* «моими», другіе процессы, *наименѣе* окрашенные имъ, кажутся моими лишь постольку, *поскольку мое вниманіе направлено на нихъ*, а въ остальныхъ отношеніяхъ, въ особенности со стороны содержанія, цѣликомъ кажутся данными мнѣ. Итакъ, вниманіе есть самое общее изъ тѣхъ условій, благодаря которымъ процессы сознанія кажутся моими. Слѣдовательно, если мы хотимъ установить основное положеніе волюнтаризма, мы должны прежде всего доказать, что перемѣщенія фокуса вниманія и перемѣны, возникающія вслѣдствіе этого, подходятъ подъ наше понятіе волевого акта. Послѣ изслѣдованій Вундта эта задача не представляетъ особенно большіхъ затрудненій.

Во всякій данный моментъ наше сознаніе складывается изъ массы разнородныхъ состояній, совокупность которыхъ принято называть *полемъ сознанія*. Въ этомъ полѣ одна какая-либо болѣе или менѣе обширная группа занимаетъ центральное положеніе въ томъ смыслѣ, что она сознается наиболѣе ясно и отчетливо, она составляетъ *фиксационную точку* сознанія; на ней сосредоточено вниманіе, или, говоря языкомъ Вундта, ее мы *аттерципируемъ*, а прочія состоянія только *перципируемъ*. Апперципированіе какого-либо состоянія, т.-е. переходъ его съ периферіи поля сознанія въ фиксационную точку, есть, безъ сомнѣнія, одна изъ важнѣйшихъ внутреннихъ перемѣнъ: то состояніе сознанія, на которомъ преимущественно сосредоточивается вниманіе, оттѣсняетъ всѣ другія состоянія, становится наиболѣе яснымъ и пріобрѣтаетъ господствующее положеніе въ томъ смыслѣ, что дальнѣйшее теченіе сознательной жизни, напр. припоминаніе, мышленіе, картины воображенія, внѣшніе волевые акты, соотвѣтствуютъ апперципированному состоянію.

Анализируемъ сначала наиболѣе сложный видъ апперцепціи, тотъ, который у Вундта носитъ названіе активной апперцепціи. Предположимъ, что мы заняты обдумываніемъ вопроса объ апперцепціи, припоминаемъ теорію Вундта, между прочимъ вспом-

¹⁾ См. II.

нили терминологию его на русскомъ языкѣ и хотимъ восстано-
вить въ своей памяти нѣмецкую терминологию; на самой пери-
феріи нашего сознания уже явились термины *Blickpunkt* и *Blick-
feld*, но въ такой неясной формѣ, что мы не могли бы ихъ за-
писать и произнести; въ этотъ моментъ въ полѣ нашего созна-
нія неожиданно является новый элементъ: мы перципируемъ
едва доносящіеся до насъ звуки игры на скрипкѣ; дальнѣйшее
теченіе нашей сознательной жизни прямо зависитъ отъ того,
что мы апперципируемъ, если мелодію, то нѣмецкіе термины
опять забудутся и, можетъ быть, надолго; если мы очень заняты
работою и стараемся не отвлекаться отъ нея, но любимъ также
музыку, то легко можетъ случиться слѣдующее: сначала мы не-
обдуманно отвлечемся въ сторону мелодіи, нѣмецкіе термины
станутъ потухать въ сознаниі, но мы, замѣтивъ это, тотчасъ
спохватимся и, сдѣлавъ какое-то усиліе, отвлечемся отъ мело-
діи, сосредоточимся на прежнемъ токѣ идей, мелодія потухнетъ
въ сознаниі, можетъ быть, совсѣмъ, нѣмецкіе термины ясно
всплывутъ, и мы запишемъ ихъ съ чувствомъ полного удовле-
творенія. Безъ сомнѣнія, въ этомъ процессѣ есть всѣ элементы
волевого акта: перемѣнѣ предшествовали цѣлыхъ два представ-
ленія, которыя можно назвать стремленіями: они связаны съ
тѣмъ своеобразнымъ безпокойнымъ чувствомъ, наличность кото-
раго дастъ намъ основаніе называть ихъ такъ (стремленіе окон-
чательно припомнить термины, стремленіе прослѣдить мелодію).
Перемѣна сопровождается чувствованіемъ активности и насту-
паетъ съ чувствованіемъ удовлетворенія. Такая перемѣна заклю-
чаетъ въ себѣ элементы цѣлестремительнаго акта, именно отно-
сится къ числу неполныхъ внутреннихъ опознанныхъ актовъ.
Это актъ неполный внутренний, потому что перемѣна, слѣдую-
щая за усиліемъ, заключаетъ въ себѣ много «данныхъ» элемен-
товъ, повидимому, составляющихъ болѣе или менѣе отдаленное
слѣдствіе усилія, а не прямой результатъ его ¹⁾.

Гораздо чаще встрѣчаются въ сознаниі болѣе простыя смѣны
фокуса вниманія, неудачно названныя Вундтомъ пассивною ап-
перцепціею. Если мы не особенно увлекаемся работою и плохо
владѣемъ собою, стоитъ только явиться любимой мелодіи, хотя
бы на самой периферіи поля сознания, и мы тотчасъ безъ коле-

¹⁾ См. II. 2.

баній, станемъ усиливаться разслушать ее, а нѣмецкіе термины при этомъ совсѣмъ потухнутъ въ сознаниі. Стремленіе разслушать, чувствованіе активности и, наконецъ, перемѣна, наступающая съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія, всѣ эти элементы несомнѣнно присутствуютъ въ такъ называемой пассивной апперцепціи; она также есть цѣлестремительный актъ, и описанный случай ея относится къ числу неопознанныхъ неполныхъ внутреннихъ актовъ.

Наконецъ, и все остальное содержаніе сознаниа, находящееся на периферіи, тоже не лишено участія вниманія. Можно найти безчисленное количество переходныхъ ступеней, связывающихъ перцепированіе съ апперцепированіемъ, такъ что рѣзкой границы между этими процессами вовсе не существуетъ: они различаются лишь количественно, по степени опознанности и степени интереса, возбуждаемаго переживаемымъ состояніемъ. Послѣдній признакъ особенно важенъ: въ самомъ дѣлѣ, не только апперцепція, но и перцепція совершается лишь въ отношеніи явленій, болѣе или менѣе интересующихъ насъ: то, что ни въ какомъ отношеніи не интересно, вовсе не попадаетъ въ сферу сознаниа. Поэтому и явленія на периферіи сознаниа не кажутся намъ абсолютно данными; даже и они, хотя и въ очень слабой иногда степени, сознаются, какъ мои, поскольку я созерцаю ихъ, поскольку мое вниманіе направлено на нихъ.

Безъ сомнѣнія, вниманіе есть одинъ изъ самыхъ важныхъ внутреннихъ актовъ. Однако даже и въ самой высшей формѣ, въ формѣ апперцепирования, переводящаго состояніа сознаниа съ периферіи въ фиксаціонную точку, оно производитъ по существу лишь незначительную перемѣну, именно увеличиваетъ лишь ясность и отчетливость состояніа сознаниа, но не создаетъ его. Иными словами, въ актѣ апперцепціи мы сознаемъ себя дѣятельными, но ясно чувствуемъ, что не все создано нами, что основной матеріалъ возникшаго явленія данъ намъ, и мы играемъ лишь роль зрителя, дѣятельно разсматривающаго, но не творящаго свой объектъ.

Только въ томъ случаѣ, если мы анализируемъ такимъ образомъ психическія явленія и различаемъ въ нихъ данные и мои элементы, мнимыя противорѣчія тезису волюнтаризма могутъ быть устранены съ успѣхомъ. При этомъ оказывается, что *одно и то же* психическое явленіе, *поскольку* оно чувствуется, какъ мое,

заключаетъ въ себѣ элементы волевого акта, а *поскольку* оно чувствуется, какъ данное, *вовсе не подходитъ*, да и не должно, съ точки зрѣнія волонтаризма, подходить подъ понятіе волевого акта.

Всякое психическое состояніе пользуется хоть нѣкоторою долею вниманія я, слѣдовательно, всякое психическое явленіе, должно, если не цѣликомъ, то хоть до нѣкоторой степени чувствоваться, какъ мое, что и подтверждается наблюденіемъ. Если психическое явленіе чувствуется, какъ мое, только постольку, поскольку мое вниманіе, направлено на него, то оно заключаетъ въ себѣ минимальное количество элементовъ активности. Если психическое явленіе все цѣликомъ чувствуется, какъ мое, и со стороны содержанія, и со стороны формы, и какъ объектъ вниманія, то оно заключаетъ въ себѣ максимальное количество элементовъ активности, оно все цѣликомъ подходитъ подъ понятіе моего волевого акта. Большинство психическихъ явленій располагается между этими двумя крайними ступенями, соединяя ихъ безчисленнымъ множествомъ переходныхъ формъ. Какъ и процессы вниманія, эти переходныя формы вызываютъ много опасныхъ для волонтаризма недоумѣній, потому что въ нихъ мои элементы перемишиваются съ данными. Мы рассмотримъ съ этой точки зрѣнія продукты всѣхъ главныхъ психическихъ дѣятельностей въ восходящемъ порядкѣ, т.-е. начиная съ продуктовъ, заключающихъ въ себѣ въ общемъ наименьшее количество моихъ элементовъ, именно начиная съ воспріятій.

Всякое воспріятіе состоитъ изъ 1. нѣсколькихъ, обыкновенно, очень многихъ (наличныхъ и воспоминаемыхъ) ощущеній, 2. объединенныхъ извѣстнымъ образомъ, 3. опознанныхъ (напр. ощущение зеленого цвѣта не только переживается, но и признается за зеленый цвѣтъ) и 4. связанныхъ съ чувствомъ объективности и субстанціальности (сознаніе присутствія объекта). Каждый изъ этихъ элементовъ мы рассмотримъ отдѣльно.

Всѣ ощущенія въ воспріятіи чувствуются, какъ данныя намъ, а не произведенныя нами. Правда, для того, чтобы ощущеніе перешло въ фиксаціонную точку сознанія, нужно бываетъ сосредоточить на немъ вниманіе, иногда повернуть голову и глаза, наконецъ, для цѣлей воспріятія нужно опознать его. Однако, вниманіе придаетъ лишь большую отчетливость ощущенію, но не кажется причиною возникновенія самого ощущенія; импульсъ

для поворота головы и глазъ есть, можетъ быть, причина этого движенія, но не зрительныхъ ощущеній; наконецъ, опознаніе ощущенія навѣрное требуетъ значительной активности во многихъ случаяхъ, напр., усиленнаго припоминанія другихъ ощущеній, сопоставленія новаго со старымъ и т. п., однако всѣ эти акты имѣютъ смыслъ лишь тогда, когда ощущеніе уже есть, слѣдовательно, не они производятъ его, хотя, безъ сомнѣнія, они придаютъ ему новый оттѣнокъ. Всѣ ощущенія не только органовъ высшихъ чувствъ, но и органическія, голода, жажды, усталости и т. п., отличаются этимъ характеромъ данности; активные элементы, встрѣчающіеся въ нихъ, лишь сопутствуютъ имъ, сообщаютъ имъ новые оттѣнки, но не составляютъ ихъ основы.

Гораздо больше чувствуемъ мы себя активными при объединеніи элементовъ воспріятія въ единое цѣлое. Если мы любуемся лѣснымъ пейзажемъ, пятнами солнечнаго свѣта на стволахъ березъ, сочетаніями свѣтлой зелени листвы съ темною зеленью хвои, темными углубленіями въ чащѣ деревьевъ, намъ нужно сочетать всѣ эти элементы въ сложное единство, *части* котораго даны (напр. *единство* какого-либо *отдѣльнаго* солнечнаго блика), но цѣлое вовсе не дано. Вообще, если мы воспринимаемъ какую-либо простую хорошо знакомую намъ вещь, напр., лампу на своемъ столѣ, то единство ощущенія кажется намъ даннымъ, если же вещь сложна и мало намъ знакома, напр., если мы впервые воспринимаемъ Страсбургскій соборъ, мы осматриваемъ башни, колонны, арки, фрески, и чтобы сдѣлать эстетическую оцѣнку цѣлаго, объединяемъ эти части въ одну общую картину, затрачивая на это большой трудъ и во всякомъ случаѣ сознавая, что это цѣлое не само входитъ въ наше сознаніе, а отчасти строится нами подъ руководствомъ стремленій охватить цѣлое и объединить его. Это построеніе заключаетъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта и, обыкновенно, имѣетъ характеръ неопознаннаго неполнаго внутренняго акта. Безъ сомнѣнія, въ этомъ отношеніи существуютъ огромныя различія между разными людьми и въ отношеніи къ разнымъ вещамъ: одни способны воспринимать очень сложныя вещи, почти не затрачивая силъ на синтезъ, другіе наоборотъ; одни легче схватываютъ сложныя группы звуковъ, другіе сложныя сочетанія красокъ, третьи сложныя сочетанія пространственныхъ формъ. Даже у одного и того

же человѣка активность въ процессахъ воспріятія подвержена сильнымъ колебаніямъ. Въ случаѣ усталости, подавленнаго состоянія или смущенія приходится даже, воспринимая такую несложную вещь, какъ человѣческое лицо, строить ее.

Все сказанное о построеніи воспріятія относится и къ опознанію его элементовъ. Если мы имѣемъ дѣло съ простымъ или хорошо знакомымъ объектомъ, то онъ вмѣстѣ со своими элементами кажется даннымъ уже въ опознанномъ видѣ (напр., никакихъ особенныхъ усилій для опознанія зеленаго цвѣта листы мы не замѣчаемъ въ себѣ). Наоборотъ, если объектъ, заключаетъ въ себѣ много новаго или если мы утомлены, опознаніе требуетъ иногда значительнаго труда и предшествуется стремленіями узнать, опредѣлить, вспомнить, анализировать, и т. п. Обыкновенно, эти акты относятся къ числу неопознанныхъ неполныхъ внутреннихъ актовъ.

Наконецъ, послѣдній элементъ воспріятія, живое чувство объективности и субстанціальности (напр. деревьевъ) подобно ощущеніямъ, никоимъ образомъ не сознается, какъ произведенное нами; характернѣйшая черта этихъ чувствъ въ томъ и состоитъ, что мы сознаемъ присутствіе чего то (не качества, а носителя качества) чуждаго намъ, навязывающагося нашему я извнѣ. Конечно, поскольку мы обращаемъ вниманіе на эти чувства, они *въ этомъ отношеніи* также сознаются, какъ мои, и *въ этомъ отношеніи* подходятъ подъ понятіе волевого акта.

Нашъ анализъ долженъ устранить всевозможныя мнимыя возраженія, возникающія вслѣдствіе того, что данные и мои элементы вездѣ тѣсно переплетаются въ воспріятіи. Однако одно изъ такихъ возраженій мы все же разберемъ здѣсь специально. Намъ могутъ замѣтить, что воспріятія нѣкоторыхъ интенсивныхъ, а также внутреннихъ органическихъ раздраженій, въ родѣ грохота пушечнаго выстрѣла, боли отъ раны, зубной боли и т. п., возникаютъ у насъ, казалось бы, безъ всякой нашей активности, даже безъ напряженія вниманія, а между тѣмъ чувствуются, какъ мои, и находятся въ фиксаціонной точкѣ сознанія; слѣдовательно, они составляютъ отрицательную инстанцію противъ нашего обобщенія: это мои состоянія сознанія, повидимому, не подходящія подъ понятіе волевого акта ни въ какомъ отношеніи. Однако даже и въ этихъ случаяхъ тезисъ волюнтаризма подтверждается анализомъ. Крайне интенсивныя и органическія

раздраженія, обыкновенно, исходятъ отъ причины, такъ или иначе опасной или важной для насъ, и потому на основаніи приспособленія, выработаннаго продолжительною эволюціею, должны пробуждать одно изъ самыхъ мощныхъ стремленій, стремленіе къ самосохраненію. Слѣдовательно, у насъ должна быть общая тенденція легко и моментально сосредоточивать вниманіе прежде всего на такихъ раздраженіяхъ, такъ что даже и въ томъ случаѣ, если вниманіе раньше было поглощено другимъ объектомъ, мы тотчасъ же покидаемъ его. Какъ это часто бываетъ, психологическій тактъ человѣчества, выразившійся въ языкѣ, правильно утверждаетъ, что отъ этихъ раздраженій «трудно *отвлечь* вниманіе»: въ этихъ случаяхъ мы безъ борьбы слѣдуемъ за примитивнѣйшимъ, мощнымъ и почти всегда неопознаннымъ стремленіемъ. Если бы въ жизни не встрѣчалось ни одного примѣра, когда такія раздраженія не были бы восприняты вслѣдствіе отвлеченія вниманія въ сторону другимъ, слѣдовательно, болѣе сильнымъ стремленіемъ, это не значило бы, что они безъ помощи вниманія и стремленій, сами входятъ въ фиксаціонную точку нашего сознанія: это показывало бы только, что стремленіе къ самосохраненію и *примитивныя* вытекающія изъ него (производныя) стремленія суть самый мощный двигатель для насъ. Къ счастью, мы можемъ найти доказательство въ пользу волюнтаризма болѣе вѣское, чѣмъ это рассужденіе. Какъ ни мало развито человѣчество, все же нѣкоторые люди, хотя на время, подъ вліяніемъ различныхъ другихъ стремленій съ такою силою сосредоточиваютъ вниманіе на болѣе высокихъ сравнительно объектахъ, что примитивныя проявленія стремленія къ самосохраненію отступаютъ на задній планъ, и интенсивное или органическое раздраженіе остается невоспринятымъ. Всѣмъ извѣстны случаи, когда раненые люди въ пылу битвы или драки не замѣчали своихъ ранъ: увлекшись чѣмъ-либо интереснымъ, мы не ощущаемъ зубной боли, хотя разрушительные процессы въ зубахъ по прежнему продолжаютъ и т. п.

Исходя изъ анализа воспріятія, мы уже можемъ высказать слѣдующія важныя положенія относительно «моихъ» и «данныхъ» элементовъ сознанія.

1. *Всѣ чувственные элементы сознанія (ощущенія) относятся къ числу «данныхъ» состояній.*

2. *Нѣкоторые нечувственные элементы могутъ быть то моими,*

то данными (напр., единства ощущеній); другіе нечувствительные элементы всегда бываютъ данными (напр. сознаніе объективности); третьи нечувствительные элементы всегда бываютъ моими (напр., тотъ оттѣнокъ состояній сознанія, который обусловливается сосредоточеніемъ вниманія на нихъ).

3. *Вся мои элементы сознанія относятся къ числу нечувствительныхъ.*

Въ воспріятіи, какъ мы видѣли, подавляющее количество элементовъ «дано». Такимъ же характеромъ отличаются и процессы припоминанія, такъ какъ въ нихъ, обыкновенно, въ высокой степени активны лишь начало и нѣкоторые промежуточные пункты, а вслѣдъ за тѣмъ тянутся цѣлыя полосы воспоминаній, возникающихъ какъ бы произвольно и требующихъ лишь активности вниманія для апперцепирования. Обыкновенно, процессы припоминанія объясняютъ законами ассоціаціи идей и вовсе не ставятъ ихъ въ связь со стремленіями я; однако на дѣлѣ, если законъ ассоціаціи и управляетъ чѣмъ-либо, такъ это только «даннымъ» матеріаломъ припоминанія, а поскольку этотъ матеріалъ становится «моимъ», въ особенности, поскольку онъ переходитъ съ периферіи сознанія въ фиксаціонную точку, всегда можно бываетъ доказать присутствіе стремленій и чувствованія активности; иными словами, поскольку процессъ припоминанія чувствуется, какъ мой, постольку онъ тоже подходитъ подъ понятіе волевого акта. Для анализа мы воспользуемся опять уже описаннымъ процессомъ припоминанія терминовъ Blickpunkt и Blickfeld. Когда мы думаемъ о какой бы то ни было вещи, напр. о теоріи вниманія Вундта, на периферіи нашего сознанія толпятся въ большемъ или меньшемъ количествѣ болѣе или менѣе смутно ряды идей, связанныхъ по ассоціаціи съ апперцепируемою идеею; однако появленіе этихъ идей на периферіи вовсе не сопровождается чувствованіемъ дѣятельности и не относится нами къ нашему я: онѣ возникаютъ у насъ такъ же, какъ психорефлекторные акты ¹⁾; безъ предшествующаго моего акта (апперцепціи) эти идеи не появились бы на периферіи сознанія, однако я вовсе не считаю себя виновникомъ ихъ возникновенія; ихъ возникновеніе вовсе не есть мой волевой актъ. Гораздо опредѣленнѣе становится чувствованіе активности съ того момента, когда я аппер-

¹⁾ См. II. 2.

ципирую ту или другую изъ этихъ «данныхъ» въ смутной формѣ идей. При этомъ въ типичномъ актѣ припоминанія (а не построенія) быстро и отчетливо вступаетъ въ фиксаціонную точку сознанія нѣкоторое сложное цѣлое (напр. слово Blickfeld) и *синтезъ его частей* чувствуется, какъ «данный», совершенно такъ же, какъ въ простѣйшихъ воспріятіяхъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло, какъ мы уже рѣшили выше, говоря объ апперцепціи вообще, съ неполнымъ внутреннимъ актомъ ¹⁾.

Отсюда ясно, что если мы хотимъ наблюдать смѣну идей, наименѣе зависимую отъ нашихъ стремленій и управляемую однимъ лишь закономъ ассоціаціи (если такой законъ существуетъ), то мы должны, насколько возможно, подавить въ себѣ апперципирующую дѣятельность, отказаться отъ всякихъ опредѣленныхъ своихъ цѣлей и присматриваться къ игрѣ идей, которая возникнетъ вслѣдъ за этимъ. Точнѣе говоря, мы и въ этомъ случаѣ не отказываемся совсѣмъ отъ апперципированія, а ставимъ себѣ очень оригинальную цѣль—апперципировать (не особенно интенсивно) все, что всплываетъ въ полѣ сознанія. При этомъ искусственномъ условіи начинается безумная скачка идей, и только она даетъ настоящіе типичные случаи слѣпого чередованія идей по смежности. Такая же скачка можетъ явиться и въ другихъ случаяхъ ослабленія апперципирующей дѣятельности, напр., при усталости, душевной болѣзни. По мнѣнію Вундта, «у нормальнаго человѣка ассоціація въ формѣ ряда, т.-е. содержащая болѣе двухъ членовъ, встрѣчается очень рѣдко», и достигается легче всего описаннымъ искусственнымъ путемъ ²⁾.

Переходъ состояній сознанія съ периферіи въ фиксаціонную точку кажется намъ зависящимъ отъ нашихъ стремленій. Слѣдовательно, если опираться на непосредственное чувство, то нужно признать, что смѣна идей въ фиксаціонной точкѣ зависитъ отъ смѣны стремленій, а потому основной законъ теченія сознательной жизни будетъ найденъ тогда, когда удастся опредѣлить законъ смѣны стремленій. Этотъ вопросъ мы разсмотримъ подробно въ изслѣдованіи, посвященномъ критикѣ закона ассоціаціи идей.

До сихъ поръ мы говорили лишь объ активности вниманія въ процессахъ припоминанія; если бы они не заключали въ себѣ

1) См. III. г.

2) Вундтъ, «Очеркъ психологіи», стр. 278.

кромѣ этого никакихъ другихъ «моихъ» элементовъ, то они должны были бы казаться еще болѣе пассивными, чѣмъ воспріятіе: весь процессъ припоминанія состоялъ бы въ томъ, что на периферіи сознанія психо-рефлекторно появлялись бы идеи, соотвѣтствующія апперципируемымъ идеямъ, а мы только сосредоточивали бы вниманіе то на той, то на другой изъ нихъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ; въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, если нужная для нашей дальнѣйшей дѣятельности идея не является на периферіи сознанія, можно замѣтить, что мы не просто сосредоточиваемъ вниманіе на апперципируемой идеѣ, связанной съ искомою по закону ассоціаціи, а роемся какъ бы въ сознаніи, подыскивая другія идеи, связанныя съ искомою (при этомъ мы руководимся непосредственнымъ чувствованіемъ приближенія къ цѣли или удаленія отъ нея), и вообще направляемъ вниманіе не столько на самыя эти идеи, сколько на ихъ *связи* съ искомою идеею, дѣлая при этомъ какія-то своеобразныя усилія. Такой процессъ припоминанія подходитъ подъ понятіе внѣшняго волевого акта ¹⁾.

Гораздо болѣе напряженною и непрерывною кажется активность я въ болѣе высокихъ дѣятельностяхъ, чѣмъ припоминаніе, напр., при построеніи картинъ воображенія, при размышленіи и сложной (не превратившейся въ автоматическую) практической дѣятельности, которая разлагается на дѣятельность воображенія, мышленія и сокращенія мускуловъ (внѣшній волевой актъ). Всѣ эти процессы опираются на матеріаль, доставляемый памятью; слѣдовательно, здѣсь требуется та же активность, что и въ процессахъ припоминанія, да кромѣ того всевозможныя сравненія, анализы, синтезы, большинство которыхъ относится нами къ нашему я, сопровождается стремленіями и чувствованіемъ активности. Напр., когда мы рисуемъ мысленно картину тропическаго лѣса, намъ сразу припоминаются, если у насъ живое воображеніе, деревья, задрапированныя ползучими растеніями, магноліи, бамбуки и т. п., и синтезы, заключающіеся въ этихъ представленіяхъ, въ большинствѣ случаевъ кажутся данными, но чтобы изъ нихъ получилась картина роскошнаго лѣса, намъ нужно изъ этихъ матеріаловъ *построить цѣлое*, и этотъ синтезъ, какъ намъ кажется, производимъ мы сами, согласно своему стре-

¹⁾ См. III. 2.

мленію получить картину, подавляющую воображеніе, или удовлетворяющую эстетическому вкусу, или типичную для тропиковъ. Впрочемъ, именно при особенно успѣшной творческой дѣятельности даже и эта обработка матеріала памяти отчасти происходитъ гдѣ-то за предѣлами я, такъ что нѣкоторые *новые* синтезы, анализы, сопоставленія *оказываются* «данными», и намъ остается лишь апперципировать ихъ. Различіе между талантливыми учеными или поэтами и обыкновенными смертными, быть можетъ, главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что у первыхъ соотвѣтственно ихъ апперцепціямъ, на периферіи сознанія сразу являются въ огромномъ количествѣ сложные матеріалы, такъ что имъ остается лишь строить изъ нихъ еще болѣе сложное цѣлое, а обыкновенному человѣку приходится тратить силы на припоминаніе и построеніе еще и этихъ матеріаловъ.

Итакъ, во всѣхъ случаяхъ, разсмотрѣнныхъ нами, мы всегда сознаемъ себя лишь, какъ часть причины психическихъ явленій, разыгрывающихся въ нашемъ сознаніи: они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сознаются, какъ «мои», и въ этихъ же отношеніяхъ подходятъ подъ понятіе волевого акта, такъ какъ содержатъ въ себѣ всѣ элементы его. Слѣдовательно, для устраненія недоразумѣній необходимо лишь анализъ, обособляющій «мои» элементы отъ «данныхъ мнѣ».

Однако намъ могутъ возразить, что мы до сихъ поръ вовсе не принимаемъ въ расчетъ эмоцій и чувствъ, тогда какъ эта темная область психическихъ явленій заключаетъ въ себѣ, быть можетъ, много отрицательныхъ инстанцій противъ волюнтаризма. Въ отвѣтъ на это здѣсь мы скажемъ только, что анализъ «моихъ» и «данныхъ» элементовъ примѣнимъ и къ этимъ психическимъ явленіямъ, при чемъ всегда можно показать, что «мои» элементы стоятъ въ связи со стремленіями; напр., въ такой эмоціи, какъ гнѣвъ, чувствуется очень большое количество «моихъ» элементовъ, но на ряду съ ними въ ней же живо чувствуется большое количество стремленій, слѣдовательно, воспользоваться ею, какъ отрицательною инстанціею противъ волюнтаризма, нельзя. Такъ какъ явныхъ опроверженій волюнтаризма эта плохо разработанная область психологіи не даетъ, то мы считаемъ себя вправѣ оставить теперь этотъ вопросъ и разсмотрѣть его значительно позже въ специальной главѣ.

Наконецъ, мы должны устранить еще одно возможное недо-

разумѣніе. Такъ какъ волевой актъ состоитъ изъ ряда элементовъ, которые относительно самостоятельны или, по крайней мѣрѣ, путемъ анализа могутъ быть обособлены мысленно, то легко является соблазнъ взять отдѣльно одинъ изъ элементовъ волевого акта и представить его въ качествѣ примѣра психическаго явленія, сознаваемого какъ «мое» и тѣмъ не менѣе вовсе не заключающаго въ себѣ всѣхъ составныхъ частей волевого акта. Особенно легко могутъ подать поводъ къ такому недоразумѣнію начальный и конечный пунктъ волевого акта, стремленіе и чувствованіе удовлетворенія или неудовлетворенія.

Мы нарочно избѣгаемъ терминовъ удовольствіе и неудовольствіе, потому что ими обозначаются чрезвычайно разнообразныя психическія состоянія, и говоримъ о чувствованіи удовлетворенія и неудовлетворенія, чтобы отмѣтить лишь тотъ пріятный или непріятный оттѣнокъ соотвѣтствія или противорѣчія нашимъ стремленіямъ, который окрашиваетъ всѣ «мои» перемены въ нашемъ сознаніи и настолько простъ, что подвергнуть его дальнѣйшему анализу нельзя. Само собою разумѣется, этотъ оттѣнокъ не есть волевой актъ, но онъ необходимая составная часть волевого акта. Очень часто въ сознаніи являются психическія состоянія, похожія на это чувствованіе, но болѣе сложныя и сопровождающіяся болѣе или менѣе явственно выраженными измѣненіями въ дѣятельности сердца, дыханіи и состояніи кровеносныхъ сосудовъ ¹⁾. Объ этихъ состояніяхъ дѣйствительно можно сказать, что они составляютъ самостоятельное цѣлое. Въ главѣ объ «Удовольствіи и неудовольствіи» мы покажемъ, что эти состоянія сложны, что они относятся къ числу эмоцій и, какъ всѣ эмоціи, отчасти состоятъ изъ «данныхъ», отчасти изъ «моихъ» элементовъ.

Наконецъ, что касается стремленій, мы дѣйствительно соглашаемся, что неосуществленное стремленіе или система ихъ можетъ сознаваться, какъ мое состояніе сознанія, и тѣмъ не менѣе вовсе не заключаетъ въ себѣ всѣхъ элементовъ волевого акта. Однако этого и слѣдовало ожидать: весьма возможно, что именно «мои» стремленія, поскольку они окрашены чувствованіемъ принадлежности мнѣ, придаютъ эту окраску и всѣмъ слѣдующимъ за ними переменамъ, такъ что неосуществленное стремленіе есть

¹⁾ См. Lehmann, Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens.

единственный примѣръ психическаго состоянія, которое не заключаетъ въ себѣ всѣхъ элементовъ волевого акта и тѣмъ не менѣе можетъ сознаваться, какъ «мое» состояніе сознанія: это не волевой актъ, а начало волевого акта.

Впрочемъ, типичныхъ примѣровъ такихъ неосуществленныхъ стремленій вовсе нельзя найти. Какъ мы уже говорили выше, въ душевной жизни не бываетъ одиночныхъ мимолетныхъ стремленій, стоящихъ особнякомъ отъ другихъ душевныхъ процессовъ¹⁾. Всякое стремленіе или непосредственно, или какъ членъ цѣлаго ряда стремленій, относящихся другъ къ другу, какъ средства къ цѣлямъ, заканчивается волевымъ актомъ. Слѣдовательно, было бы несправедливо выхватить изъ такого органическаго цѣлаго одно какое-либо стремленіе и, рассматривая его отдѣльно, приводить его какъ примѣръ психическаго состоянія, не заключающаго въ себѣ всѣхъ элементовъ волевого акта и тѣмъ не менѣе сознаваемаго, какъ «мое» состояніе. Поэтому наше предположеніе относительно исключительнаго положенія неосуществленныхъ стремленій нужно формулировать слѣдующимъ образомъ: хотя всякое стремленіе прямо или косвенно приводитъ къ волевому акту, однако нѣкоторыя стремленія, особенно относящіяся къ числу конечныхъ цѣлей²⁾, осуществляются не вполне и тѣмъ не менѣе цѣликомъ чувствуются какъ мои, и это-то именно обстоятельство наводитъ на мысль, что стремленія занимаютъ въ душевной жизни исключительное положеніе, что они, даже и вовсе не осуществившись, могутъ сознаваться, какъ мои, и что, можетъ быть, именно «мои» стремленія разливаютъ эту окраску на другія психическія состоянія.

Надобно замѣтить еще, что существуетъ цѣлый классъ стремленій, чувствуемыхъ нерѣдко, какъ вполне самостоятельное цѣлое, какъ относительно законченный, обособленный отъ другихъ психическихъ явленій процессъ: таковы многія опознанныя стремленія. И на самомъ дѣлѣ съ точки зрѣнія волюнтаризма они имѣютъ право на такое положеніе, потому что стремленіе, *поскольку оно опознано*, заключаетъ въ себѣ нерѣдко полный волевой актъ: опознаніе стремленія есть одно изъ вспомогательныхъ средствъ для осуществленія стремленія, и совершается очень часто по типу неопознанныхъ внутреннихъ волевыхъ актовъ.

1) См. выше II. 1.

2) См. II. 2.

Кромѣ того, бывають еще психическія состоянія, на первый взглядъ относящіяся къ числу стремленій, а на самомъ дѣлѣ принадлежащія къ разряду эмоцій и заключающія въ себѣ, какъ всѣ эмоціи, зачастую множество внутреннихъ и внѣшнихъ волевыхъ актовъ; таково, напр., состояніе человѣка, слишкомъ поздно пріѣхавшаго на вокзалъ и торопливо, взволнованно бѣгущаго по платформѣ къ поѣзду. Объ этихъ состояніяхъ мы будемъ говорить въ главѣ объ эмоціяхъ.

Мы разсмотрѣли различныя возраженія, основанныя на недоразумѣніяхъ, и указали способъ для устраненія другихъ подобныхъ возраженій, именно обособленія «моихъ» и «данныхъ» элементовъ въ каждомъ психическомъ состояніи. Опираясь на такой анализъ, мы можемъ, безъ опасенія встрѣтить опровергающіе факты, признать установленными на основаніи метода единственнаго совпаденія слѣдующія обобщенія.

1. *Всякое психическое состояніе, поскольку оно чувствуется, какъ мое, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта, мое стремленіе, чувствованіе моей активности и перемѣну, связанную съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія; такое состояніе кажется мнѣ произведеннымъ мною.*

2. *Только стремленія могутъ сознаваться, какъ мои, даже и въ томъ случаѣ, когда они не сопровождаются остальными элементами волевого акта.*

2. Основное положеніе и окончательное опредѣленіе волюнтаризма.

Если исходнымъ пунктомъ «моего» психическаго процесса необходимо служить «мое» стремленіе, то мы имѣемъ право утверждать, что «мое» стремленіе есть причина (вѣрнѣе, конечно, часть причины) такого процесса. Поэтому мы можемъ выразить первое изъ установленныхъ обобщеній въ слѣдующей формѣ: *всѣ сознательные процессы, поскольку мы относимъ ихъ на основаніи непосредственнаго чувства къ своему я, заключаютъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта и причиняются «моими» стремленіями.* Мы можемъ теперь также опредѣлить волюнтаризмъ, какъ направленіе въ психологіи, исходящее изъ этого обобщенія.

Итакъ, чувствованіе активности, внушающее намъ мысль, что сознаніе вовсе не есть ничто пассивное, что оно можетъ быть

источникомъ новыхъ перемѣнъ въ мірѣ, не обманывало насъ: тѣ причинныя связи, которыя мы описывали, какъ кажущіяся, оказываются дѣйствительно существующими; боясь довѣриться непосредственному чувству, мы установили ихъ при помощи обыкновеннаго индуктивнаго метода единственнаго совпаденія. Однако теперь мы можемъ опять придать больше цѣны непосредственному чувству и имѣемъ право заявить, что согласіе результатовъ индукціи съ непосредственнымъ чувствомъ въ высшей степени свидѣтельствуетъ въ пользу волюнтаризма. Въ самомъ дѣлѣ, всякое эмпирическое знаніе прямо или косвенно опирается на данныя внѣшняго или внутренняго воспріятія; волюнтаризмъ можетъ прямо опираться на этотъ основной источникъ эмпирическаго знанія, и въ этомъ состоитъ одно изъ важныхъ преимуществъ его передъ другими направленіями.

Однако оба метода для обоснованія волюнтаризма, какъ методы, не застрахованы отъ возраженій. Противъ индуктивнаго обобщенія по методу единственнаго совпаденія можно возразить, что имъ доказано только сосуществованіе двухъ явленій, а не причинная связь ихъ: быть можетъ, это сосуществованіе обусловливается какимъ-либо третьимъ явленіемъ, причиняющимъ и стремленіе и перемѣну, слѣдующую за нимъ. Такъ какъ въ сферѣ психическихъ процессовъ такого третьяго явленія нельзя найти, то, очевидно, это возраженіе можетъ возникнуть лишь въ психологіи, предполагающей, что психическія явленія могутъ причиняться и даже всегда причиняются не другими психическими явленіями, а какимъ-либо бытіемъ иного рода. Такимъ бытіемъ иного рода можетъ быть только бытіе матеріальное или какая-то неизвѣстная и непознаваемая сущность (агностическая точка зрѣнія). Слѣдовательно, указанное возраженіе можетъ возникнуть или въ матеріалистической психологіи, или въ психологіи агностицизма. Такъ какъ психологія агностицизма вообще должна отказаться отъ познанія причинныхъ связей и принуждена ограничиваться изученіемъ необходимыхъ сосуществованій, то волюнтаризмъ не разрушается ею: она не замѣняетъ его законовъ другими. Иначе поступаетъ матеріалистическая психологія: она не только утверждаетъ, что связи между явленіями, указанныя волюнтаризмомъ, не имѣютъ причиннаго характера, но еще и указываетъ причины этихъ явленій, низводящія сознаніе на степень призрачнаго бытія, вполне подчинен-

наго законамъ механики или вообще матеріальнаго міра. Слѣдовательно, для окончательнаго обоснованія волонтаризма вслѣдъ за индуктивнымъ изслѣдованіемъ нужно еще побороть матеріализмъ. Дальше, разсматривая логически возможныя ученія о волѣ, ¹⁾ мы постараемся обстоятельнѣе показать, что это единственный опасный противникъ.

Второй источникъ обоснованія волонтаризма, непосредственное чувствованіе активности и связи между психическими процессами, также не можетъ считаться абсолютно застрахованнымъ отъ ошибокъ. Въ самомъ дѣлѣ, опираясь на воспріятія, человѣчество, напр., думало до Коперника, что солнце вращается вокругъ земли. Однако, безъ сомнѣнія, *onus probandi* лежитъ на сторонѣ тѣхъ, кто признаетъ то или другое воспріятіе иллюзією: пока астрономія не представила убѣдительныхъ доводовъ въ пользу теоріи, противорѣчащей этому воспріятію, естественно и необходимо было опираться на него. Въ такомъ же положеніи находится и волонтаризмъ. Если въ психологіи есть теоріи, отвергающія причинную дѣятельность сознанія и объясняющія, какимъ образомъ, несмотря на это, въ связи съ стремленіями возможна иллюзія активности, то сторонники волонтаризма обязаны выйти изъ состоянія покоя и разсмотрѣть доводы противниковъ; но если окажется, что доводы ихъ не выдерживаютъ критики, то этого даже и безъ помощи индуктивнаго изслѣдованія уже достаточно, чтобы вернуться опять къ свидѣтельству непосредственнаго чувства.

Итакъ, если мы разсмотримъ матеріалистическое ученіе о душевной жизни, утверждающее полную пассивность сознанія, и покажемъ, что оно не выдерживаетъ критики, и что другія направленія въ психологіи примиримы съ волонтаризмомъ, мы получимъ право считать это направленіе достаточно обоснованнымъ. Матеріалистическую психологію мы разсмотримъ въ особомъ изслѣдованіи, а теперь займемся изученіемъ чувствованія активности съ психологической точки зрѣнія, въ особенности опроверженіемъ противорѣчащаго волонтаризму ученія о томъ, что чувствованіе активности есть моторное ощущеніе.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Лосскій.

¹⁾ См. III. 2.

Очерки философіи естествознанія.

Направленіе мірового процесса.

Зачѣмъ свѣтитъ это горячее солнце? Для чего стоятъ упираясь въ небо эти высокія горы? Зачѣмъ шумитъ это угрюмое море? Зачѣмъ текутъ по долинамъ широкія рѣки? Зачѣмъ по склонамъ этихъ горъ, въ глубинѣ этого моря, по берегамъ этихъ рѣкъ въ вѣчной борьбѣ и въ вѣчномъ смятеніи въ тысячахъ разнообразныхъ формъ постоянно умираетъ и постоянно возрождается организованная матерія, включая сюда и человѣка со всѣми его чувствами и мыслями? Мы едва ли ошибемся, если позволимъ себѣ утверждать, что этими, или почти этими вопросами обыкновенно начинается созерцательное отношеніе человѣка къ природѣ, то отношеніе, которое кладетъ глубокія основы его научнаго, а можетъ быть и религіознаго міровоззрѣнія.

Это и понятно. Если вопросъ о конечной конструкціи міра можетъ волновать нашъ умъ, то онъ во всякомъ случаѣ не касается нашихъ стремленій. Другое дѣло съ вопросомъ о конечной цѣли мірового процесса. Какъ бы высоко мы ни ставили себя, какими бы горделивыми титлами царя и повелителя природы мы ни украшали себя, всегда въ глубинѣ нашего индивидуальнаго «я» мы отлично сознаемъ, что мы часть этой природы, наша жизнь часть ея жизни и наши стремленія и желанія часть ея стремленій; и если мы можемъ, если мы только можемъ, имѣть задачи и цѣли внѣ цѣли міра, мы пожалуй поступимъ лучше, если больше и ближе будемъ желать того, чего желаетъ и къ чему стремится огромное со всѣхъ сторонъ окружающее насъ «не я».

Эта этическая сторона вопроса о цѣли мірового процесса сдѣлала его издревле краеугольнымъ камнемъ почти всѣхъ рели-

гіозныхъ системъ, породивъ значительное разнообразіе его рѣшеній. Каково же отношеніе къ нему точнаго знанія? Прежде всего входитъ ли онъ въ него и если да, то какое рѣшеніе можетъ послѣднее на него дать?

Вопросъ нашъ, какъ относящійся къ природѣ, въ область точнаго знанія, очевидно, входитъ, что же касается рѣшеній его со стороны послѣдняго, то, если они и не столь многочисленны, отказать имъ въ разнообразіи во всякомъ случаѣ нельзя. Однако прежде всего нужно замѣтить, что вопросъ о цѣли природы или мірового процесса въ области науки имѣетъ нѣсколько иную редакцію, не измѣняющую впрочемъ его сущности. Цѣль всякаго движенія можно опредѣлять двоякимъ образомъ: или конечной точкой пути этого движенія, или направленіемъ его; послѣднее всегда удобнѣе, ибо опредѣлители направленія очевидно ближе къ дѣйствительности, доступнѣе, чѣмъ всегда удаленная, конечная точка—цѣль. Вотъ почему въ наукѣ вопросъ о цѣли мірового процесса сводится всегда къ вопросу о его направленности или просто къ вопросу о его направленіи. вмѣсто того, чтобы спрашивать себя, куда стремится міръ, мы съ одинаковымъ правомъ можемъ спросить себя, по какому направленію онъ движется.

Прежде чѣмъ говорить о направленіи мірового процесса или вообще процессовъ природы, намъ необходимо опредѣлить или лучше выяснить то, что нужно понимать подъ словомъ направленіе. Содержаніе слова направленіе въ нашемъ случаѣ необходимо значительно расширить; мы попросимъ читающихъ понимать подъ этимъ терминомъ не только одну пространственную направленность, а всякую вообще закономерность, наблюдаемую, или высказываемую нами по отношенію явленій или процессовъ природы, взятыхъ въ состояніи ихъ протеканія. Это можетъ быть извѣстная закономерность въ измѣненіи ихъ скорости, напр. утвержденіе, что всѣ процессы природы стремятся идти равномерно, при этомъ подъ скоростью не слѣдуетъ опять разумѣть только пространственныя перемѣщенія,—за такую можно считать количество вещества, измѣняющагося въ t времени, количество тепла, излучаемаго въ ту же t времени и т. д. Затѣмъ это можетъ быть извѣстная закономерность въ знакѣ измѣненія тѣхъ или иныхъ величинъ, характеризующихъ явленія природы, какъ, напр., утвержденіе, что всякій процессъ приро-

ды сопровождается совершениемъ работы, положительнымъ измѣненіемъ, приростомъ ея величины или обратно, утверждение, что процессъ не идетъ при возможности только отрицательнаго измѣненія, убыли работы. Наконецъ — это можетъ быть закономѣрность, выражаемая какъ стремленіе извѣстныхъ величинъ, опредѣляющихъ собою явленія къ maximum или minimum.

Въ этомъ опредѣленіи направленности, какъ всякой закономѣрности протеканія явленій природы, мы должны подчеркнуть съ особой силой слово протеканіе, какъ характерную особенность его. Дѣло въ томъ, что явленія природы могутъ быть разсматриваемы, и часто разсматриваются, еще иначе, какъ нѣкоторыя цѣлыя, вѣтъ особенностей ихъ временнаго характера. При этомъ разсмотрѣніи они могутъ обнаруживать также извѣстныя закономѣрности, изъ числа которыхъ должно прежде всего указать на законъ постоянства ихъ соотносительности, выражающійся въ томъ, что съ исчезновеніемъ одного даннаго явленія, вызывается, или на мѣсто его возникаетъ, всегда постоянное количество другого явленія; напр. на мѣсто спуска одного килограмма съ высоты одного метра, т. наз. единицы работы какъ явленія, всегда возникаетъ $\frac{1}{425}$ — единицы тепла и т. д. Но этого рода разсмотрѣніе явленій природы, равно какъ и выводимые при этомъ законы, не говорятъ ровно ничего ни о законѣ, ни даже о существованіи направленности. Въ нашемъ примѣрѣ соотносительность работы опусканія килограмма съ высоты 1 метра съ опредѣленнымъ тепловымъ эффектомъ остается неизмѣнной, по какому бы пути и съ какимъ бы временнымъ характеромъ (равномѣрно или неравномѣрно) подобное опусканіе ни происходило.

Вопросъ о направленіи явленій природы распадается на двѣ почти независимыя половины:

1) на вопросъ объ общей направленности и ея опредѣлителяхъ и

2) на вопросъ объ частной направленности и ея опредѣлителяхъ.

Эти обѣ половины не обязательно связаны другъ съ другомъ; утвердительный отвѣтъ на первую не трбуетъ такового же для второй. Въ самомъ дѣлѣ, можно предположить, что всѣ явленія природы имѣютъ ту или иную общую направленность: напр. идутъ въ сторону совершенія работы, выдѣленія энергіи и т. д., но это еще не ведетъ къ утверженію, что

среди многихъ путей, ведущихъ въ томъ же направленіи, напр., также къ выдѣленію энергіи, природа оказывала извѣстнымъ путямъ предпочтеніе. Еще менѣе необходимо слѣдуетъ изъ послѣдняго, что, въ случаѣ существованія такихъ особыхъ предпочтительныхъ путей, слѣдованіе процесса по нимъ опредѣлялось бы тѣмъ же детерминаторомъ, которымъ опредѣляется и общая направленность, напр. энергіей.

Наше изученіе вопроса о направленности явленій природы будетъ слагаться, по обычаю, изъ исторіи отдѣльныхъ мнѣній, данныхъ въ разныя времена различными авторами по занимающему насъ вопросу, изъ разбора этихъ мнѣній и, наконецъ, изъ указаній, въ какомъ видѣ и въ какой изъ своихъ частей нашъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ.

Однако, въ виду нѣкоторой абстрактности нашего вопроса мы позволимъ себѣ предпослать нашей исторической части небольшую иллюстрацію отдѣльныхъ случаевъ направленности явленій природы.

Въ нашей психической организаціи, какъ результатъ всего нашего опыта, сложилось непреодолимое убѣжденіе въ существованіи общей направленности всѣхъ явленій природы. Это убѣжденіе мы выражаемъ повседневымъ утвержденіемъ, что время, какъ величина, измѣняется только въ одну сторону, а именно въ сторону прироста, увеличенія, что оно двигается впередъ, только уходитъ: прошедшее не возвращается.

Психологически время есть, какъ извѣстно, одно изъ качествъ явленій природы, воспринимаемыхъ нами, какъ процессы. Утвержденіе односторонности измѣненій времени есть поэтому утвержденіе односторонности въ теченіи всѣхъ процессовъ природы. Это какъ бы первый самый общій законъ направленности міра.

Время является, однако, не единственной величиной, измѣненія которой въ природѣ имѣютъ одно и всегда одно направленіе. Примѣромъ другихъ односторонне измѣняющихся величинъ можетъ служить температура. Два нагрѣтыхъ тѣла, имѣющихъ разныя температуры при соприкосновеніи другъ съ другомъ стремятся всегда выравнивать эти температуры, свести ихъ различіе къ нулю. Такимъ образомъ разность температуръ двухъ, или нѣсколькихъ, разно-нагрѣтыхъ тѣлъ сама по себѣ, т.-е. при отсутствіи всякихъ стороннихъ факторовъ (т. наз. остающихся измѣненій среды) всегда убываетъ, т.-е. измѣняется всегда въ одномъ

и только въ одномъ направленіи. Сказанное сейчасъ о температурѣ слово въ слово можетъ быть повторено относительно разности всякаго рода давленій (гидростатическаго, газоваго, давленія упругой пружины и т. д.), равно какъ и относительно разности электрическихъ напряженій.

Какъ и разность температуръ, разность послѣднихъ величинъ сама собою никогда не возрастаетъ, а только убываетъ. Камень падаетъ со стола на полъ, но не подымается самъ съ пола на столъ; вода течетъ съ горъ въ долины и никогда сама собою не подымается изъ долинъ на горы. Заряженное электричествомъ тѣло разряжается, но мы не знаемъ случая, чтобы не заряженное тѣло само собою заряжалось, или заряженное увеличивало бы свой зарядъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ вполнѣ опредѣленную направленность, хотя она, очевидно, лишь общаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, хотя температурныя и электрическія разности, разности давленій и т. д., измѣняются только въ сторону уменьшенія, но детальный путь этихъ послѣднихъ остается неопредѣленнымъ.

Среди явленій природы можно замѣтить, однако, и не одну общую направленность. Часто наблюдаются явленія, совершающіяся въ одномъ направленіи изъ ряда нѣсколькихъ возможныхъ. Очень часто этотъ особый путь характеризуется, какъ минимальный по протяженію, какъ максимальный по работоспособности, какъ путь наименьшаго сопротивленія и т. д. Напр., если положить на столъ шаръ или круглый предметъ и приподнять одинъ изъ угловъ стола, то нашъ шаръ покатится, при чемъ путь его движенія будетъ соотвѣтствовать наибольшей крутизнѣ наклона. Если мы будемъ раскалывать кусокъ дерева, или лучше кристалла, то первый расколется скорѣй всего по волокнамъ, а второй по плоскостямъ спайности, чѣмъ по какимъ-либо другимъ направленіямъ.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ явно замѣтна частная направленность, выборъ одного пути изъ многихъ. Впрочемъ, подобное явленіе наблюдается далеко не всегда. Токи электричества, воды, газа не дѣлаютъ предпочтенія тому или другому изъ предоставленныхъ имъ путей, а развѣтвляются и текутъ по всѣмъ имъ.

Этихъ немногихъ примѣровъ, мы думаемъ, достаточно для общаго ознакомленія съ вопросомъ о направленности явленій природы; переходимъ къ изложенію историческаго его развитія.

Первый изслѣдователь, пытавшійся дать строго научный критерій для вопроса о направленіи процессовъ природы былъ знаменитый Лейбницъ.

«Въ самой возможности или сущности есть извѣстная потребность существованія... сущность сама по себѣ стремится къ существованію. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ возможныя, т.-е. выражающія сущность или возможную реальность, вещи съ одинаковымъ правомъ стремятся къ существованію, смотря по количеству ихъ реальной сущности или по степени совершенства, которую они заключаютъ въ себѣ: ибо совершенство есть не что иное, какъ количество сущности».

«Отсюда очевидно, что среди безконечнаго сочетанія возможныхъ вещей и возможныхъ рядовъ существуетъ одно, въ которомъ приведено къ бытію наибольшее количество сущности или возможности. И дѣйствительно, въ вещахъ всегда существуетъ нѣкоторое начало опредѣленія, основывающееся на принципѣ наибольшаго и наименьшаго, или на томъ, чтобы наибольшій результатъ получился при наименьшихъ затратахъ.»

... «Точно такъ же разъ допущено, что бытіе имѣетъ преимущество передъ небытіемъ, т.-е. что есть основаніе, почему существуетъ что-нибудь, а не ничто... то уже отсюда, даже при отсутствіи всякаго другаго опредѣленія будетъ вытекать, что количество существованія должно быть наивозможно большимъ при данной вмѣстимости пространства и времени (или при данномъ возможномъ порядкѣ существованія)».

Разсматривая приведенныя сейчасъ возрѣнія Лейбница нельзя не указать на нѣкоторыя особенности въ пониманіи имъ бытія и сущности. Послѣдней Лейбницъ, какъ легко замѣтить, приписываетъ особый динамическій характеръ; для него простое бытіе въ смыслѣ пребыванія или существованія въ абсолютно покойномъ состояніи невозможно. Бытіе неотдѣлимо отъ стремленія къ существованію; оно не только есть, но и стремится быть, стремится постоянно расширить область своего существованія, и напряженность этого скрытаго стремленія есть мѣра его реальной сущности или совершенства. Міръ — это какъ бы собраніе заведенныхъ пружинъ изъ стремленій къ существованію, пружинъ, изъ которыхъ каждая стремится раскрутиться на возможно большую величину, сдавливая другія. Непрерывное, изъ вѣка продолжающееся раскручиваніе подобныхъ пружинъ и есть

процессъ міра. Но онъ не однороденъ во всѣхъ частяхъ міра. Пружинныя сущности не одинаковы по своей силѣ: сильнѣйшія сдавливаютъ слабѣйшія, проявляя тѣмъ, такъ сказать, развертывающаю наибольшую долю изъ скрытаго въ нихъ совершенства.

Міровой процессъ есть постоянное стремленіе къ проявленію все большаго и большаго совершенства — сущности, совершенства—стремленія къ бытію; въ этомъ его направленность.

Таково старѣйшее изъ ученій о направленности въ природѣ. Переходя къ его разбору, мы должны прежде всего указать, что оно даетъ только общее опредѣленіе этой послѣдней, отвѣчаетъ на первую половину нашего вопроса, не касаясь вовсе второй. Направление міровой жизни есть стремленіе къ максимуму бытія или совершенства безъ различія отдѣльныхъ путей, по которымъ можетъ осуществляться это стремленіе. Далѣе, какъ уже замѣчено, оригинальной особенностью теоріи Лейбница является пониманіе имъ сущности или бытія, какъ динамическаго процесса. Это въ высшей степени важно; если глубже вдуматься въ это, то легко замѣтить, что этимъ, собственно говоря, признается недостаточность понятія о явленіи для объясненія природы, какъ процесса, и ищется новое понятіе, болѣе широкое и содержательное; такимъ и признается бытіе какъ стремленіе. Если съ этой послѣдней стороны воззрѣнія Лейбница заслуживаютъ справедливаго вниманія, то нельзя того же сказать о всей теоріи, какъ цѣломъ. Въ этомъ отношеніи она раздѣляетъ участь многихъ, ей аналогичныхъ, явившихся позднѣе и основанныхъ также на попыткахъ искать въ понятіи максимума детерминатора процессовъ природы. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе о стремленіи къ максимуму не совсѣмъ опредѣленно, ибо стремленіе къ максимуму есть: 1) стремленіе къ остановкѣ или къ точкѣ поворота даннаго процесса въ обратный; напр., тѣло, брошенное вверхъ, поднявшись до максимумальной возможной для него высоты, останавливается и начинаетъ двигаться обратно; 2) служить также выраженіемъ того, что данная величина неограничимо возрастаетъ.

Если понимать стремленіе бытія къ максимуму въ первомъ смыслѣ, т.-е. какъ стремленіе къ остановкѣ, то это будетъ, очевидно, невѣрно, ибо понятіе объ остановкѣ или покоѣ является заключителемъ процесса только психологически, какъ усталость, смѣняющая напряженіе мысли, но отнюдь не въ дѣйствительности.

Едва ли также можно себя представить подобный максимум, как поворотъ процесса въ обратный; это привело бы къ представлеию о мѣрѣ, какъ о чемъ-то пульсирующемъ, колеблющемся между точками максимум'а и минимум'а бытія.

Если прилагать къ максимум'у бытія второе толкованіе, т.-е. утверждать, что бытіе—стремленіе неограничиваемое въ своемъ возрастаніи, то подобное утвержденіе едва ли будетъ болѣе простаго тождества: стремленіе есть стремленіе, и едва ли можетъ служить характеристикой направленности мірового процесса даже въ самомъ общемъ смыслѣ.

Въ 1747 году знаменитый впоследствии учредитель берлинской академіи наукъ Мопертюи высказалъ положеніе, названное имъ «принципомъ наименьшаго дѣйствія», сообразно которому протекаютъ будто бы всѣ явленія природы. Принципъ этотъ состоитъ въ томъ, что всѣ естественные процессы происходятъ такимъ образомъ, что величина ихъ дѣйствія, за мѣру котораго берется произведеніе массы, скорости и пути, является наименьшей. Принципъ «наименьшаго дѣйствія» возбуждалъ не разъ въ наукѣ оживленныя пренія, то пріобрѣтая сторонниковъ, то вызывая осужденіе. Во всякомъ случаѣ, какъ мы увидимъ далѣе при разсмотрѣннн аналогичнаго принципа Эйлера, онъ является не общимъ; если онъ и можетъ найти себя гдѣ-либо примѣненія, то почти исключительно въ явленіяхъ чисто механическаго характера.

Въ 1811 году основатель современной теоретической механики Лагранжъ высказалъ положеніе, или начало, служащее наиболѣе общимъ и совершеннымъ выразителемъ или условіемъ равновѣсія. Хотя самъ Лагранжъ никогда не считалъ своего положенія нормативомъ процессовъ природы и даже не стремился распространить его на явленія, лежащія внѣ области чисто механическихъ процессовъ природы, однако, въ виду возможности подобнаго распространенія, здѣсь будетъ уместнымъ разсмотрѣть это начало.

Принципъ или начало Лагранжа заключается въ слѣдующемъ: если дана система, которая находится подъ дѣйствіемъ извѣстныхъ силъ, способныхъ вызывать въ ней нѣкоторыя измѣненія или перемѣщенія, то условіемъ равновѣсія этой системы будетъ равенство нулю работы, соотвѣтствующей всѣмъ подобнымъ, возможнымъ перемѣщеніямъ системы. Это и понятно: если система

перемѣщается или вообще измѣняется, то, въ силу принципа сохраненія энергіи (см. предшд. статью нашу), эти перемѣщенія производятъ нѣкоторую работу; перемѣщенія или измѣненія системы прекращаются; система достигаетъ состоянія равновѣсія, слѣдовательно, и процессъ произведенія работы системой тоже прекращается; на математическомъ языкѣ это выразится, какъ равенство нулю новаго прироста работы, доставляемаго системой.

Въ виду того, что въ настоящее время не только механическія явленія, но и всѣ безъ исключенія явленія природы могутъ быть поставлены въ связь съ явленіями чисто механическими, могутъ быть выражены и измѣрены работой,—начало Лагранжа можетъ быть расширено. Его можно считать критеріемъ или условіемъ равновѣсія всякихъ системъ, съ замѣной слова работа равноцѣннымъ ему выраженіемъ—энергія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на него можно смотрѣть и какъ на опредѣлитель такихъ естественныхъ процессовъ, которые заканчиваются состояніемъ равновѣсія. Въ самомъ дѣлѣ, измѣненіе всякихъ величинъ математически можетъ быть опредѣлено троякимъ образомъ; а именно: данная величина возрастаетъ—ея измѣненія положительны; данная величина не возрастаетъ, не убываетъ—ея измѣненія равны нулю и, наконецъ, данная величина убываетъ—ея измѣненія отрицательны. Выше было высказано, какъ условіе равновѣсія, равенство нулю возможныхъ измѣненій энергіи системы. Отсюда слѣдуетъ, что на долю характеристики процесса остаются два рода измѣненій энергіи: положительная, т.-е. ея возрастаніе, и отрицательная, т.-е. ея уменьшеніе. Такъ какъ очевидно процессъ измѣненія системы не можетъ характеризоваться двумя прямо противоположными условіями, то является необходимымъ перенести одно изъ нихъ на сторону равновѣсія. Обыкновенно сюда переносятъ положительныя измѣненія энергіи. Въ такомъ случаѣ равновѣсіе будетъ опредѣлено двумя условіями, или наступитъ въ двухъ случаяхъ: при обращеніи въ нуль возможныхъ измѣненій энергіи системы и въ томъ случаѣ, когда для измѣненій энергіи системы останутся возможными только положительныя измѣненія, т.-е. должно наступить ея возрастаніе. Отсюда обратно всякій процессъ, какъ процессъ, можетъ быть характеризованъ какъ такое измѣненіе системы, которое сопровождается отрицательнымъ и только отрицательнымъ измѣненіемъ ея энергіи.

Въ силу принципа сохраненія энергіи всякая убыль ея въ данномъ мѣстѣ является какъ приростъ энергіи окружающаго міра, среды; отсюда положеніе Лагранжа можетъ быть читаемо такъ: система совершаетъ измѣненія только въ сторону прибыли энергіи среды, въ сторону совершенія работы.

Вотъ какъ можетъ быть опредѣлено общее направленіе процессовъ природы, основываясь на принципѣ Лагранжа. Къ сожалѣнію нельзя не замѣтить, что этимъ по существу не высказывается много новаго, ибо совершеніе работы, прибыль энергіи среды есть въ сущности главный, чтобы не сказать единственный, критерій существованія измѣненій въ системѣ.

Однако тогда, когда мы не стремимся найти такой детерминаторъ процессовъ природы, который имѣлъ бы для нихъ характеръ причины, мотиваціи или импульса, а желали бы дать лишь описаніе даннаго процесса въ его соотношеніи ко всему остальному міру, мы не найдемъ лучшаго, чѣмъ описаніе черезъ энергію, т.-е. начало Лагранжа. Замѣтивъ при этомъ, что начало Лагранжа, какъ и все вообще ученіе объ энергіи, можетъ служить опредѣлителемъ процессовъ природы только въ общемъ смыслѣ, т.-е. оно отвѣчаетъ лишь на одну первую половину нашего вопроса, не только не касаясь второй, но и не будучи въ состояніи отвѣтить на эту послѣднюю.

Въ самомъ дѣлѣ, количество энергіи, выдѣляемой при переходѣ даннаго явленія изъ одного состоянія A въ другое состояніе B , не зависитъ, какъ извѣстно, отъ пути перехода, т.-е. остается одинаковымъ, по какому бы изъ возможныхъ путей процессъ перехода ни совершался.

Въ 1744 году Эйлеръ измѣнилъ указанное выше начало Мопертюи въ слѣдующее положеніе: всѣ дѣйствительныя механическія перемѣщенія природы суть такія, которыя за данный промежутокъ времени даютъ наименьшую сумму живыхъ силъ, считая послѣднюю отдѣльно для каждаго момента движенія. Разсмотрѣніе дѣйствительныхъ механическихъ перемѣщеній показываетъ полное согласіе ихъ съ этимъ началомъ, напр параболическій путь паденія сброшеннаго съ данной поверхности тѣла какъ разъ соответствуетъ такому пути, при движеніи по которому сумма живыхъ силъ всѣхъ моментовъ паденія является наименьшей. Это же положеніе стремился позднѣе развить и Лагранжъ.

Что касается обще-философскаго содержанія этого положенія

и его отношенія къ другимъ подобнымъ, то нельзя не отмѣтить одной весьма важной особенности его. Оно вводитъ въ опредѣленіе направленности процессовъ среди другихъ величинъ время; въ этомъ его существенное отличіе и преимущество. Ни принципъ энергіи, ни принципъ энтропіи (см. ниже) не содержатъ въ себѣ понятія времени, между тѣмъ всѣ процессы природы, очевидно, идутъ во времени.

Къ сожалѣнію однако начало Эйлера не только не является общимъ, но и не можетъ быть обобщено, ибо среди другихъ не механическихъ явленій природы мы не имѣемъ того, что содѣйствовало бы механическому понятію живой силы, какъ работы массы или инерціи.

Въ половинѣ XIX столѣтія вопросъ о направленности явленій природы получилъ новое рѣшеніе въ работахъ Клаузіуса и Томсона (нынѣ лорда Кельвина). Ихъ изслѣдованія въ основѣ своей относились къ очень частному вопросу о движущей силѣ тепла или о переходѣ тепла въ работу. До этого времени связь тепла съ работой теоретически изучалась только со стороны перехода послѣдней въ первое, т.-е. работы въ тепло, и многіе думали, что процессъ обратный, т.-е. переходъ тепла въ работу, ничѣмъ существеннымъ отъ прямого процесса не отличается. Изслѣдованія Клаузіуса и Томсона показали, что это заключеніе поспѣшно и переходъ тепла въ работу вовсе не такъ простъ, какъ процессъ обратный. Послѣдній совершается всегда сполна; работа, доставляемая тѣмъ или другимъ механическимъ процессомъ, всегда сполна можетъ быть превращена въ тепло черезъ посредство тренія, задержаніе движенія и т. д.; переводъ же тепла въ работу всегда частный, т.-е. тепло лишь частью переходитъ въ работу, тогда какъ другая часть его остается при этомъ въ видѣ тепла. Это и понятно: чтобы тепло переходило въ работу, необходимо, чтобы оно уходило, выдѣлялось изъ нагрѣтаго тѣла; а чтобы послѣднее имѣло мѣсто необходимо, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, чтобы по сосѣдству было тѣло болѣе холодное, чѣмъ данное. Какимъ бы образомъ мы ни устраивали переходъ тепла отъ перваго тѣла ко второму, какими бы посредниками (машинами) ни пользовались, очевидно, второе тѣло будетъ всегда поглощать часть тепла непроизводительно, такъ сказать въ награду за то, что своимъ присутствіемъ обусловливаетъ потребное для работы теченіе тепла. Изъ всего этого

слѣдуетъ, что въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ извѣстное количество механической энергіи и переводимъ ее въ тепло, то обратно изъ полученнаго тепла мы не можемъ воссоздать прежней величины механической энергіи: часть ея, какъ механическая энергія, будетъ навсегда утеряна. При этомъ не произойдетъ конечно никакой утраты энергіи, считаемой какъ общая величина; тепло, не перешедшее обратно въ работу, должно быть считаемо также какъ энергія въ общей суммѣ энергіи превращенія. При описанномъ процессѣ произойдетъ только уменьшеніе механической энергіи съ соотвѣтствующимъ увеличеніемъ тепловой, и уменьшеніе это необратимо, не возстановляемо, иначе говоря—уменьшеніе активной части общей энергіи данной системы. Энергія какъ бы обезцѣнивается, уменьшается степень ея трансформизма, уменьшается величина или запасъ ея подвижной части. Такъ какъ всѣ виды энергіи въ природѣ связаны между собой и при разнообразныхъ процессахъ переходятъ другъ въ друга прямо и обратно, то очевидно при всякомъ переходѣ механической, или другой какой энергіи въ тепло происходитъ убыль активной части общаго ея мірового запаса, ея обезцѣненіе. Въ образѣ тепла въ природѣ существуетъ какъ бы огромная брешь, къ которой извѣка направляется и въ которой безвозвратно исчезаютъ всѣ разнообразные потоки всѣхъ отдѣльныхъ видовъ энергіи. Здѣсь лежитъ преддверье абсолютнаго покоя: вотъ источникъ нирваны міра; къ ней онъ постоянно стремится и въ нее онъ непрерывно и постепенно погружается. Вотъ сущность направленія мірового процесса. Въ жизни вселенной нѣтъ возврата, нѣтъ воскресенія; строгое однообразіе температуры во всѣхъ частяхъ, абсолютный мракъ, абсолютная тишина и абсолютная смерть вотъ предѣлъ, вотъ цѣль, къ которой стремится жизнь міра.

«Весь міръ, всѣ естественные процессы послѣдовательно приближаются къ извѣстному предѣльному состоянію; разъ оно достигнуто, дальнѣйшее измѣненіе дѣлается невозможнымъ. Покой и смерть царствуютъ повсюду, конецъ міру пришелъ» (W. Thomson).

Таковъ величавый образъ научнаго пессимизма. Ученіе объ уменьшеніи активности энергіи или обезцѣненіи ея носитъ въ наукѣ названіе ученія о разсѣяніи энергіи. Нѣкоторая математическая функція степени этого разсѣянія называется по предложенію Клаузіуса энтропией, и принципъ инактивации энергіи читается иногда тоже какъ принципъ увеличенія энтропії.

Переходимъ теперь къ разбору ученія объ инактивациі энергіи—этому главному теченію въ вопросѣ о направленіи процессовъ природы. Основываясь на сказанныхъ выше отношеніяхъ тепла къ другимъ видамъ энергіи, легко убѣдиться, что принципъ прогрессивной инактивациі энергіи можетъ служить опредѣлителемъ направленности только тогда, когда мы говоримъ объ энергіи всей вселенной, взятой какъ замкнутое цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ такую систему, внутри которой нѣтъ вовсе тепловыхъ процессовъ и всѣ другіе процессы таковы, что не продуцируютъ тепла. Въ этой системѣ не будетъ происходить процесса инактивациі; отдѣльные виды энергіи подобной системы будутъ переходить другъ въ друга безъ обезцѣненія общаго запаса энергіи. Такая система будетъ существовать вѣчно, обмѣнъ отдѣльныхъ видовъ ея энергіи никогда не прекратится. Примѣромъ подобныхъ системъ можетъ служить наша солнечная система, рассматриваемая исключительно со стороны движенія членовъ ея, или еще лучше качающійся маятникъ безъ тренія въ точкѣ привѣса, который непрерывно преобразуетъ энергію тяготѣнія въ энергію движенія и обратно.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ принципъ инактивациі энергіи очевидно не примѣнимъ. Только тогда, когда мы возьмемъ всю вселенную какъ цѣлое, мы въ силу необходимости въ число процессовъ и трансформаций энергіи, въ ней совершающихся, должны включить и переходы въ тепло, а вмѣстѣ съ тѣмъ считается съ процессами инактивациі энергіи. Только тогда, когда мы скажемъ вмѣстѣ съ Клаузіусомъ, что энтропія вселенной стремится къ максимуму, мы признаемъ за ней детерминативный характеръ для процессовъ природы въ ихъ цѣломъ. Однако есть ли какая либо польза отъ такого черезчуръ широкаго опредѣлителя міровой жизни, не распространяемаго всегда на частные отдѣлы природы? Утверждать, что нѣкоторая одна половина міровой энергіи всегда возрастаетъ на счетъ другой, тогда, когда объ абсолютныхъ величинахъ этихъ половинокъ мы ровно ничего не знаемъ и знать не можемъ, не значить ли это въ значительной степени играть въ слова и опредѣленія? Намъ не должна подкупать аналогія или антитеза этого выраженія съ извѣстнымъ принципомъ сохраненія энергіи, читаемымъ иногда такъ—энергія вселенной постоянна. Послѣднее положеніе, если и неудачно въ своемъ формальномъ выраженіи, то во всякомъ случаѣ оно имѣетъ ту особенность, что

одинаково приложимо, какъ къ неизвѣстной намъ энергіи всей вселенной, такъ и къ хорошо извѣстной и всегда доступной измѣренію энергіи всякой изолированной части ея. Собственно изъ наблюдений надъ послѣдними и послѣдующимъ расширеніемъ ихъ на весь міръ и была получена произведенная выше редакція его. Всего этого нѣтъ, какъ мы видѣли, въ положеніи Клаузіуса. За сходной внѣшностью здѣсь скрывается глубокое различіе.

Таково общее возраженіе, которое можно сдѣлать противъ принципа инактивации энергіи или начала увеличенія энтропіи, какъ общаго детерминатора явленій природы. Но кромѣ того можно сдѣлать и еще одно, болѣе частное. Степень инактивации, степень разсѣянія, энтропія—все это очевидно мѣра извѣстнаго состоянія, которое, какъ таковое, должно быть всегда считаемо, какъ состояніе равновѣсія. Спрашивается теперь, какимъ же образомъ мѣру состоянія взять какъ спредѣлитель, какъ мѣру процесса? Это вопросъ старый; онъ былъ поднятъ еще философіей классическаго періода, и одна изъ школъ этого времени пыталась рѣшить его компромиссомъ, принявъ, что всякое движеніе или вообще процессъ есть рядъ послѣдовательныхъ состояній покоя; это привело, какъ извѣстно, къ софистикѣ, къ возможности доказать все, что угодно. Насколько тѣсна связь послѣдней съ первымъ, мы не беремся судить; но мы должны сознаться, что при приложеніяхъ ученія объ энтропіи мы возвращаемся къ положенію Элеатовъ. Чтобы помирить понятіе о состояніи съ понятіемъ о процессѣ, мы создаемъ фикцію обратимаго процесса, такого процесса, который начинаясь и кончаясь состояніями равновѣсія, течетъ настолько медленно, что, собственно говоря, является не процессомъ, а рядомъ состояній равновѣсія. Только замѣнивъ дѣйствительный процессъ такимъ псевдо-процессомъ, мы можемъ опредѣлить его направленіе съ помощью ученія объ энтропіи и прогрессивной инактивации.

Проф. Оствальдъ, а вмѣстѣ съ нимъ и многіе другіе изслѣдователи, стремясь обобщить принципъ инактивации энергіи, выставляетъ слѣдующее положеніе, какъ начало, нормирующее или направляющее всѣ естественные процессы:

Невозможенъ самопроизвольный (т. е. протекающій безъ внѣшняго содѣйствія) процессъ, ведущій къ концентрированію или непрерывному собиранію безграничнаго запаса міровой энергіи въ одномъ ограниченномъ тѣлѣ, или ограниченномъ пространствѣ.

Если бы это было возможно, то мы могли бы создать, если не такой вѣчный двигатель, который творилъ бы энергію изъ ничего, то все же такой, который для насъ былъ бы безконечно могучъ. Этотъ послѣдній двигатель Оствальдъ предлагаетъ назвать *perpetuum mobile* второго рода и приведенное выше положеніе читать кратко такъ: *perpetuum mobile* второго рода также невозможно, какъ и *perpetuum mobile* первого рода.

Принципъ Оствальда, какъ мы сказали уже, есть только иная редакція принципа инактивации энергіи, а потому допускаетъ тѣ же возраженія, какъ и этотъ послѣдній. Что касается достоинствъ его со стороны большей словесной простоты и логической ясности, то они скорѣе отрицательны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы указывали уже въ предыдущей статьѣ нашей, положеніе о *perpetuum mobile* даже по отношенію къ ученію о сохраненіи энергіи уже не такъ ясно и просто, чтобы съ помощью его можно было доказывать послѣднее. Еще сложнѣе дѣло съ *perpetuum mobile* второго рода. Если подъ нимъ разумѣть невозможность самопроизвольнаго канцентрированія энергіи, т.-е. возрастанія ея въ нѣкоторой замкнутой системѣ насчетъ всего окружающаго міра, то съ этимъ еще можно помириться; но *perpetuum mobile* второго рода мыслимо и еще въ одной формѣ. Представимъ себѣ для примѣра, что данъ огромный, въ предѣлѣ безконечный, запасъ керосина и такой же запасъ кислорода. Они представляютъ собою запасъ энергіи, которая сама собой не будетъ обнаруживаться. Стоитъ однако вставить въ керосинъ фитиль и зажечь его, какъ начнется процессъ горѣнія, который при указанныхъ условіяхъ будетъ продолжаться вѣчно, т.-е. осуществить собою *perpetuum mobile* второго рода. Это не будетъ концентрація запасной энергіи, а лишь ея проявленіе, переходъ изъ пассивнаго состоянія въ активный видъ, съ постояннымъ оттокомъ послѣдняго. Нѣчто подобное вполне допустимо по отношенію къ вселенной, взятой какъ цѣлое. Мировое пространство можно представить наполненнымъ смѣсью веществъ, способныхъ при извѣстныхъ условіяхъ въ извѣстныхъ точкахъ выдѣлять непрерывно безграничный запасъ содержащейся въ нихъ энергіи. Итакъ, аппеляцію къ *perpetuum mobile* второго рода едва ли можно признать удачной.

Кромѣ этихъ главнѣйшихъ теченій въ ученіи о направленіи процессовъ природы можно указать нѣсколько второстепенныхъ

или точнѣе менѣе разработанныхъ. Такъ напр. К. Неуманъ считаетъ, что кинетическая энергія дѣйствительно наступившаго движенія всегда больше кинетической энергіи всякаго другого. Петцольдъ принимаетъ за общее направленіе процессовъ природы стремленіе къ устойчивости, а Генке опредѣляетъ его, какъ—такое, при которомъ «измѣненія, производимыя внѣшними вліяніями, происходятъ всегда такъ, что измѣненные состоянія лежатъ возможно близко къ тѣмъ, изъ которыхъ они произошли».

Мы познакомились съ большинствомъ изъ существующихъ попытокъ рѣшить вопросъ о направленности процессовъ природы, и мы видѣли, что наиболѣе глубокія изъ нихъ являются не общими и такимъ образомъ нашъ вопросъ остается открытымъ. Но можетъ быть въ природѣ и нѣтъ не только частной, но и общей закономерности въ теченіи тѣхъ процессовъ и явленій, которые ее составляютъ. Можетъ быть одна случайность руководить тѣмъ, по какому изъ всевозможныхъ и равновозможныхъ направленій начнетъ двигаться данное явленіе?

Великій основатель ученія о развитіи въ органической природѣ—Чарльзъ Дарвинъ былъ, кажется, первымъ, кто сознательно и преднамѣренно отказался отъ идеи всякой направленности въ строеніи, развитіи и жизни живыхъ существъ. Его знаменитая теорія происхожденія видовъ есть наиболѣе яркое и систематическое проведеніе этой мысли. Въ средѣ органическихъ формъ какъ животныхъ, такъ и растительныхъ, въ ихъ видоизмѣненіяхъ господствуетъ полнѣйшій произволь, абсолютная случайность. Самъ организмъ въ своихъ новообразованіяхъ не стремится ни къ чему и ничѣмъ не связанъ. У даннаго млекопитающаго или другого существа одинаково могутъ выработаться какъ рога, такъ и клыки, какъ быстрыя въ бѣгу ноги, такъ и неуклюжій роговой панцирь; все дѣло въ условіяхъ, отъ которыхъ данное животное зависитъ, отъ тѣхъ враговъ, которые исторически его окружали. Борьба съ этими условіями и врагами вырабатываетъ и формируетъ тотъ органъ, темное возникновеніе котораго должно быть приписано также случайному обнаруженію не совсѣмъ ясныхъ, какъ бы остаточныхъ силъ или матеріала организма, его случайно возникшимъ привычкамъ и случайно удачному выходу изъ затруднительнаго положенія. Существующіе организмы суть только наиболѣе приспособленные, выжившіе въ борьбѣ за существованіе; рѣзкія грани между ни-

ми, это тѣ пропасти, въ которыхъ погибло все возможное разнообразіе всѣхъ другихъ возможныхъ формъ. Природа не идетъ куда-либо по одному какому-нибудь направленію, она идетъ во всѣ мѣста по первой попавшейся дорогѣ.

Факты современнаго естествознанія не совѣмъ однако благопріятствуютъ признанію господства абсолютной случайности. Здѣсь можно указать на явленія соотносительныхъ измѣненій и явленія эмбриональнаго и постэмбриональнаго развитія. Первые состоятъ въ томъ, что извѣстныя уклоненія организма отъ типа въ данномъ органѣ сопровождаются постоянно параллельными уклоненіями въ другомъ органѣ или области его тѣла, физиологически и анатомически не связанной непосредственно съ даннымъ органомъ, напр., кошки съ голубыми глазами всегда бываютъ глухи. Это указываетъ на извѣстную закономерность, лежащую внутри самого организма.

Изъ другихъ подобныхъ же закономерностей можно указать на правило Эйлера, которому слѣдуетъ измѣненіе окраски животныхъ. Это правило состоитъ въ слѣдующемъ: древнѣйшія формы, равно какъ и животныя, еще недостигшія зрѣлости, обладаютъ обыкновенно продольно полосатой окраской; въ послѣдствіи продольныя полосы распадаются на отдѣльности — пятнистая окраска. Пятнистая окраска переходитъ въ поперечно полосатую и наконецъ, послѣдняя постепенно исчезаетъ, уступая мѣсто одноцвѣтной. Исчезаніе начинается ранѣе въ задней части тѣла, чѣмъ въ передней, у самцовъ скорѣе, чѣмъ у самокъ. Это правило является согласно Эйлеру довольно общимъ; онъ наблюдалъ его одинаково у ящерицъ и у кошекъ. Если допустить болѣе широкое существованіе подобныхъ правильностей, то мы должны будемъ признать, что господство абсолютной случайности въ строеніи организма является сильно ограниченнымъ.

И не всякое мыслимое сочетаніе органовъ или общее элементовъ организма является дѣйствительно возможнымъ.

Разбирая теорію Дарвина въ ея отношеніяхъ къ вопросу о направленности въ организованной природѣ, мы должны указать, что отрицая существованіе направленности въ новообразованіяхъ и появленіи новыхъ формъ, она принимаетъ и даже съ особой силой подчеркиваетъ существованіе иного рода направленности: въ формахъ уже образованныхъ. Это законъ наслѣдственности, законъ неуклоннаго повторенія рядами поколѣній не только

внѣшнихъ формъ и строгія взрослыхъ особей, но и того пути, которымъ эти формы развиваются. Это какъ бы законъ инерціи для организованнаго міра.

Гораздо глубже отрицаетъ направленность природы проф. Махъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу въ своей исторіи механики. Представимъ себѣ рядъ независящихъ другъ отъ друга величинъ, измѣненія которыхъ охватываютъ всѣ извѣстныя намъ измѣненія вселенной. Примѣромъ такихъ величинъ могутъ служить температура (не одного тѣла, а вообще всего мірозданія), давленіе, электрическое напряженіе и т. д. Обозначимъ ихъ:

$$x, y, z, u, t \dots$$

Между всѣми ими въ природѣ существуютъ связи, соотношенія, уравненія, какъ говорятъ математики.

Предположимъ, что число этихъ связей или уравненій равно числу переменныхъ $x, y, z, u, t \dots$; въ этомъ случаѣ система уравненій, какъ извѣстно, является вполне опредѣленной, и каждое изъ переменныхъ имѣетъ и должно имѣть только одно, единственное значеніе, т.-е. температура, электрическое состояніе и т. д. повсюду во всей вселенной должны быть одинаковы. Этого нѣтъ, слѣдовательно, наше предположеніе о числѣ уравненій невѣрно; число этихъ связей-уравненій меньше числа переменныхъ міра; наша система уравненій является неопредѣленной. Предположимъ, что число ихъ только на единицу менѣ числа переменныхъ, тогда изъ нихъ способомъ подстановки можно получить рядъ неопредѣленныхъ уравненій, включающихъ каждое произвольную пару переменныхъ, и эти уравненія будутъ указывать на то, какъ будетъ измѣняться одно изъ этихъ двухъ переменныхъ, если мы будемъ извѣстнымъ образомъ измѣнять другое. Въ группу переменныхъ, опредѣляющихъ мірозданіе, входитъ, между прочимъ, и время. Въ нашемъ послѣднемъ предположеніи эту переменную—время—можно было бы поставить въ связь съ нѣкоторой переменной, подлежащей измѣненію руками человѣка и тогда, уменьшая послѣднюю, можно было бы углубляться произвольно въ прошедшее, оборачивать время. Это невозможно. Мы должны поэтому допустить, что число уравненій между переменными міра еще менѣ ихъ числа, а въ такомъ случаѣ міръ является абсолютно неопредѣленнымъ, принципъ свободы управляетъ его жизнью.

Мы разсмотрѣли теперь всѣ или почти всѣ изъ существующихъ въ точномъ знаніи попытокъ, какъ дать характеристику направленности процессовъ природы, такъ и ея отвергнуть; намъ надлежитъ теперь или выбрать изъ нихъ тѣ, которыя являются наиболѣе полными, или соединить части отдѣльныхъ воззрѣній въ нѣкоторое новое или, наконецъ, поискать новыхъ путей въ рѣшеніи нашего вопроса.

Процессы природы въ самой общей схемѣ могутъ быть раздѣлены на два класса: на элементарные и сложные. Элементарными могутъ быть названы такіе, которые не могутъ быть разложены на болѣе простые, напр: свободное движеніе тѣла въ пустомъ пространствѣ, внѣ дѣйствія какихъ-либо силъ, простое химическое превращеніе, происходящее при постоянствѣ внѣшнихъ условій, температуры, давленія и концентраціи, процессъ жизни единичной клѣтки и т. д.

Разсмотримъ ближе нѣкоторые изъ элементарныхъ процессовъ. Свободно двигающееся тѣло по второму закону инерціи двигается и должно двигаться всегда прямолинейно и равномерно. Мы такъ привыкли къ этому положенію, подобное движеніе кажется намъ такимъ простымъ и естественнымъ, что мы рѣдко задаемся вопросомъ, почему это такъ. Между тѣмъ въ этомъ нѣтъ никакой ни механической, ни логической необходимости. Логически съ одинаковымъ, и можетъ быть даже съ большимъ правомъ, мы могли бы утверждать, что свободное тѣло должно двигаться по винтовой линіи, ибо послѣдняя, какъ извѣстно, представляетъ собою наиболѣе общій видъ пространственныхъ перемѣщеній, какъ сочетаніе поступательнаго и вращательнаго движеній. Аналогичный законъ равномерности мы признаемъ и для всякихъ другихъ элементарныхъ процессовъ. Напр., если данный химическій процессъ при данныхъ условіяхъ идетъ въ данномъ направленіи (въ смыслѣ образованія тѣхъ, а не иныхъ продуктовъ) и съ данной скоростью (скоростью химического процесса называется количество вещества, реагирующаго въ 1 времени), то при постоянствѣ тѣхъ же условій, а слѣдовательно неограниченности взятаго въ реакцію вещества, которое предполагается постоянно подтекающимъ, нашъ процессъ будетъ идти вѣчно въ томъ же направленіи и съ тою же скоростью. Примѣромъ такого процесса можетъ служить горѣніе керосина въ лампѣ. Мы на столько же привыкли считать этотъ процессъ необходимо равно-

мѣрнымъ и обязательно идущимъ въ сторону образованія углекислоты и воды, что по моменту погасанія лампы или по наступленію неравномѣрности ея горѣнія всегда заключаемъ объ измѣненіи внѣшнихъ условій и никогда не дѣлаемъ предположенія, что погасаніе лампы наступило потому, что процессъ горѣнія, такъ сказать, естественно самъ собой повернулся въ обратную сторону. Совершенно тѣ же разсужденія мы прилагаемъ и должны обязательно прилагать къ элементарному жизненному процессу — жизни простой клѣтки. Хотя мы хорошо знаемъ изъ учебниковъ логики, что человекъ, а съ нимъ и все живущее смертно, однако, когда мы беремъ одинокую клѣтку, то относительно ея мы утверждаемъ обратное: мы должны допустить, что при условіяхъ, постоянно благопріятныхъ ея существованію, она необходимо будетъ существовать вѣчно. Хотя мы не можемъ подтвердить этого экспериментально, но въ жизни клѣтокъ есть одинъ фактъ, который приводитъ къ тому же заключенію; этотъ фактъ — процессъ размноженія клѣтки путемъ дѣленія на двѣ половины, образующія второе самостоятельно существующее поколѣніе. Такъ какъ это послѣднее есть не что иное, какъ только разросшіяся уже потомъ половинки материнской клѣтки, то мы должны признать, что весь рядъ поколѣній, произошедшихъ отъ данной клѣтки, есть въ сущности она сама, одновременно возроставшая и раздроблявшаяся на части; иначе современные одноклѣтныя организмы есть непосредственныя части миллионы лѣтъ тому назадъ существовавшей материнской особи. Такимъ образомъ, клѣтка вѣчна въ своихъ однородныхъ частяхъ, логика заставляетъ насъ признать отсюда ея вѣчность и въ цѣломъ.

Итакъ, въ группѣ элементарныхъ процессовъ мы имѣемъ очень простой законъ, нормирующий ихъ протеканіе; этотъ законъ есть законъ равномѣрной послѣдовательности, утвержденіе о независимости элементарныхъ процессовъ отъ времени. Его можно разсматривать и иначе: можно считать, что всѣ явленія міра таковы, что въ концѣ концовъ они разложимы на элементарные процессы, независящіе отъ времени, но это будетъ очевидно лишь перифраза закона равномѣрности.

Итакъ, законъ равномѣрности и есть законъ направленности элементарныхъ процессовъ. Это конечно можетъ показаться слишкомъ простымъ, но это потому, что мы слишкомъ привыкли къ нему и потеряли способность оцѣнивать его. То же самое было

и съ двумя основными истинами современнаго естествознанія: закономъ сохраненія матеріи и закономъ сохраненія энергіи; изучающему ихъ теперь они кажутся трюизмами, а историки будущаго справедливо скажутъ, что ихъ бессмертные авторы не нашли ихъ, а лишь указали людямъ давно извѣстное.

Насколько дѣйствительно необходимъ и важенъ законъ равномерности элементарныхъ процессовъ, въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что гениальный авторъ электрическихъ волнъ Генрихъ Герцъ сдѣлалъ попытку построить на немъ, и только на немъ, всю механику. Мы не имѣемъ возможности ни излагать здѣсь систему Герца, ни входить въ разборъ ея; ограничимся лишь разсмотрѣніемъ вопроса, поскольку законъ равномерности элементарныхъ процессовъ можетъ быть считаемъ, какъ это часто дѣлаютъ, слѣдствіемъ закона причинности. Въ самомъ дѣлѣ часто говорятъ, что движеніе свободнаго тѣла потому остается равномернымъ, что отсутствуетъ причина его измѣненій. Но въ этомъ утвержденіи, оставляя даже въ сторонѣ старый вопросъ о логическомъ авторитетѣ закона причинности, кроется небольшое недоразумѣніе, ибо отсутствіе обстоятельствъ, измѣняющихъ явленіе, не можетъ считаться достаточнымъ мотивомъ того, что оно приобрѣло и имѣетъ тотъ, а не иной характеръ.

Чтобы ярче выяснить нелогическую, если такъ можно выразиться, природу закона равномерности, прочитаемъ его въ другой, не столь привычной нашему уху формѣ: напр., какъ законъ независимости скорости протеканія элементарныхъ процессовъ отъ времени. Въ допущеніи этого положенія нѣтъ ни малѣйшей логической необходимости, и нашъ законъ, какъ это указалъ Герцъ, слѣдуетъ разсматривать скорѣй, какъ «гипотезу или результаты самаго широкаго опыта», т.-е. совершенно такъ же, какъ мы разсматриваемъ теперь законы сохраненія вещества и энергіи.

Гораздо сложнѣе обстоитъ дѣло съ вопросомъ о направленности сложныхъ процессовъ. Конечно, всегда возможно разложеніе ихъ на элементарные составляющіе, но къ сожалѣнію этимъ не изчерпывается вопросъ объ общей направленности сложныхъ процессовъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему данная комбинація элементарныхъ процессовъ даетъ сложный процессъ, а не какая-либо другая. Иначе говоря, возникаетъ новый вопросъ: объ общемъ законѣ сочетанія элементарныхъ процессовъ. Су-

существует ли подобный законъ, возможенъ ли онъ? Всякое ли сочетаніе элементарныхъ процессовъ возможно?

Наконецъ мыслимо существованіе и такого опредѣлителя, который, захватывая сложные процессы, опредѣлялъ бы ихъ направленность такъ сказать въ цѣломъ, не требуя предварительнаго разложенія ихъ на элементы. Подобное динамическое или детерминирующее теченіе природы начало во всей сложности было бы вполнѣ подобно принципу энергіи, который, какъ извѣстно, является въ высшей степени простымъ и въ то же время строго точнымъ средствомъ для описанія самыхъ сложныхъ явленій природы, не требуя при этомъ знанія ихъ детальнаго механизма, г.-е. разложенія ихъ на элементарныя явленія. Изъ предыдущаго изложенія ясно, что подобное детерминативное начало не можетъ слагаться изъ существующихъ принциповъ, ни опираться на нихъ, ибо оно должно быть шире ихъ, захватывая то, что они не обнимаютъ; затѣмъ оно должно имѣть динамическій характеръ и заключать въ себѣ такъ или иначе понятіе времени.

Естествознаніе къ сожалѣнію до сихъ поръ не сдѣлало даже слабой попытки въ этомъ направленіи. Насколько однако умъ человѣческій нуждается въ ней, въ этомъ легко убѣдится изъ попытки созданія подобнаго понятія въ отвлеченной философій. На одну изъ нихъ—Лейбница мы указали, въ параллель къ ней могутъ быть приведены: движущее начало природы (*natura naturans*) Спинозы и воля Шопенгауэра. Не считая себя специалистомъ въ этой области, мы не беремся разбирать ихъ.

А. Щунаревъ.

Критика и библиографія.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Богословски Гласник. Год. 1. Сремски Карловици. 1902. Стр. 80.

Н. В. Гоголь. Его жизнь и произведенія. Составиль П. Первовъ. Москва, 1902. Стр. 30. Ц. 10 к.

В. З. Завитневичъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Томъ 1. Кн. 1 и 2. Кіевъ, 1902. Ст. XVI+1422. Цѣна книги 3 руб.

П. А. Наленовъ. Будда. Поэма. Философскія статьи. Посмертное изданіе съ портретомъ и біографіей. Москва, 1902. Стр. XXII+236.

С. И. Коробовъ. О праздничномъ отдыхѣ. Москва, 1902. Стр. 32. Ц. 15 коп.

Народный университетъ. Мозгъ, какъ органъ мышленія. Спб. Стр. 64. Ц. 50 коп.

Désiré Nys. La notion d'espace au point de vue cosmologique et psychologique. Louvain. 1901 p. V+289.

Н. Софистъ. Проектъ мѣръ для болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности современныхъ писателей. Спб. 1902. Стр. 54. Ц. 50 коп.

Д-ръ А. Тарасенковъ. Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя. Москва, 1902. Стр. 33. Ц. 30 коп.

И. Т. Тарасовъ. Очеркъ политической экономіи. Москва. 1899. Стр. VII+136. Ц. 1 руб.

Михаиль Гарѣевъ. Цѣль и смыслъ жизни. Москва, 1902. Стр. 148. Ц. 1 руб.

Ales Usenionik. Katoliski Obsornik. V. Ljubljani. 1902. P. 96. Velja 5 kron.

А. С. Шляревскій. Въ память 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ въ Россіи. «Чтеніе Положенія 19-го февраля, 1861 г.» Историческая картина Г. Г. Мясоѣдова. Приложение 15 фототипій, картины и рисунковъ Г. Мясоѣдова. Кіевъ, 1902. Стр. 31.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXXIV. А. Углеродъ—Усиліе. Изданіе Ф. А. Брокгаузъ, (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Спб. 1902.

Обзоръ журналовъ.

Mind. New Series, Vol. X, №№ 37—40, январь—октябрь 1901.

1) *Leslie Stephen*.—Генри Седжвикъ.

Краткая характеристика недавно умершаго ученаго Генри Седжвика, автора трехъ книгъ: «Methods of Ethics» (1874 г.), «Principles of Political Economy» (1883 г.) и «Elements of Politics» (1891 г.).

2) *Henry Sigwick*.—Философія Т. Грина.

Въ этой своей посмертной статьѣ Седжвикъ разбираетъ «Prolegomena to Ethics» Грина и доказываетъ, что у него спиритуалистическіе выводы не согласуются съ идеалистическими предпосылками, на которыхъ они основаны. Мы реферлируемъ эту статью потому, что въ ней дѣлается попытка придать большую опредѣленность термину «идеализмъ», злоупотребленіе которымъ сдѣлалось, по словамъ автора, «совершенно невыносимымъ» (quite intolerable). Кантъ считалъ возможнымъ опредѣлить идеализмъ, какъ «утвержденіе, что нѣтъ ничего, кромѣ мыслящихъ существъ, а все остальное есть только представленіе мыслящихъ существъ», т.-е. у него дѣйствительность состояла изъ «духовъ и идей», употребляя терминологию Беркли. Это ученіе нашъ авторъ называетъ спиритуализмомъ, опредѣляя спиритуализмъ, какъ признаніе основного отличія между духомъ или субъектомъ (какъ человѣческимъ, такъ и первичнымъ, или вѣчнымъ) и его идеями, мыслями или мыслительными дѣятельностями (its ideas, thoughts, or thinking activities). Идеализмомъ Седжвикъ согласенъ называть лишь то ученіе, «которое упрощаетъ концепцію реальности, уничтожая или отодвигая на задній планъ различіе между мыслящимъ субъектомъ и его мыслью», которое, такимъ обра-

зомъ, разсматриваетъ вселенную, какъ мышление или мыслительную дѣятельность. Идеализмомъ называютъ еще и то ученіе, которое утверждаетъ, что «матерія въ конечномъ анализѣ есть проявленіе духа или сознанія», при чемъ не подымается вопроса о сознающемъ субъектѣ и объ отношеніи между умомъ, волею и чувствомъ. Такое ученіе Седжвикъ предлагаетъ назвать «ментализмомъ», въ качествѣ общей антитезы «матеріализму».

B. Russell.—О понятіи порядка.

Философы обращаютъ мало вниманія на понятіе порядка, но это понятіе хорошо разработано математиками. Публика привыкла думать, что порядокъ членовъ въ какой-либо группѣ терминовъ болѣе или менѣе произволенъ. Но эта видимая произвольность объясняется лишь тѣмъ, что мы въ большинствѣ случаевъ имѣемъ дѣло не съ независимымъ, а съ производнымъ рядомъ; однако, въ основѣ этого производнаго, зависимаго ряда всегда лежитъ рядъ первичный, независимый. Случайное собраніе терминовъ въ счетѣ имѣетъ подъ собою независимый рядъ *цѣлыхъ*; въ рѣчи — рядъ *временныхъ* величинъ; въ письмѣ — рядъ *пространственныхъ* величинъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ порядокъ терминовъ опредѣляется внутреннимъ порядкомъ *цѣлыхъ*, *временъ* и *пространствъ*, а эти послѣднія имѣютъ порядокъ, независимый отъ нашей воли. Порядокъ предполагаетъ отношеніе между терминами, поэтому нужно прежде всего охарактеризовать различныя формы отношенія.

Употребимъ символъ «ARB» для выраженія того, что «А имѣетъ къ В отношеніе R». Теперь очевидно, что возможны четыре случая: ARB можетъ подразумѣвать или не подразумѣвать BRA; затѣмъ ARB и BRC могутъ подразумѣвать или не подразумѣвать ARC. Въ самомъ дѣлѣ, отношеніе R можетъ имѣть два знака, такъ что отношеніе А къ В не тождественно съ отношеніемъ В къ А. Таковы, напр., отношенія бѣльшаго и меньшаго, предшествующаго и послѣдующаго; тогда R должно имѣть два значенія: R_1 и R_2 , и взаимоотношеніе между А и В выражено такъ: AR_1B и BR_2A . Это отношеніе *асимметричное*. Если же отношеніе ARB подразумѣваетъ отношеніе BRA, то это отношеніе *симметричное*; примѣръ: отношенія равенства, одновременности и т. п. Затѣмъ, если изъ отношеній ARB и BRC можно вывести ARC, какъ, напр., изъ утверждений «А болѣе В» и «В болѣе С» можно заключить «А болѣе С», то это будетъ отно-

шеніе *транзитивное*. Если же изъ ARB и BRC нельзя вывести ARC, то это отношеніе *интранзитивное*; примѣръ: изъ утвержденій «А несходно съ В» и «В несходно съ С» нельзя заключить «А несходно съ С». Отношенія, способныя создать рядъ, суть отношенія асимметричныя, а также и транзитивныя «во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ,—прибавляетъ авторъ,—за исключеніемъ сомнительнаго и сложнаго случая генеалогіи». Такимъ образомъ порядокъ есть такое взаимоотношеніе между тремя терминами А, В, С, когда В имѣетъ къ А и С асимметрическія отношенія, отличающіяся другъ отъ друга лишь знакомъ, при чемъ А не имѣетъ къ С такого же отношенія и съ тѣмъ же знакомъ, какъ и В къ А, а С не имѣетъ къ А такого же отношенія и съ тѣмъ же знакомъ, какъ и В къ С. На отношеніе обыкновенно смотрятъ, какъ на простое прилагательное къ соотносящимся терминамъ; можно привести много соображеній противъ подобнаго взгляда, но несостоятельность его особенно выясняется при изученіи вопроса о знакѣ отношенія: мы не можемъ не придти къ выводу, что различіе знака (символизуемое, на примѣръ, + и —) отношенія есть основной, неподдающійся анализу, логическій фактъ, изъ котораго вытекаетъ и порядокъ, и рядъ. Эти общія соображенія авторъ затѣмъ прилагаетъ къ понятіямъ «числа», «цѣлаго и части», «величины», «времени» и «пространства».

Mc - Dougal. — Новыя наблюденія, поддерживающія теорію свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ воспріятій Томаса Юнга (3 статьи).

Авторъ заявляетъ, что онъ вначалѣ, «вѣроятно, подобно большинству тѣхъ людей, которые имѣютъ лишь поверхностныя познанія въ данной области», принадлежалъ къ сторонникамъ теоріи зрительныхъ воспріятій Геринга, но потомъ увидѣлъ, что Юнгъ-Гельмгольца теорія вѣрнѣе.

Въ настоящей статьѣ авторъ рѣшилъ дать прежде всего описаніе нѣсколькихъ детальныхъ наблюденій относительно «полнаго исчезновенія (fading) зрительныхъ образовъ» и относительно «взаимной задержки зрительныхъ образовъ», ибо именно эти вопросы не разработаны литературою. Съ помощью этихъ новыхъ свѣдѣній я, говоритъ авторъ, перейду къ исчерпывающему изслѣдованію вопроса объ отдѣльномъ процессѣ, вызывающемъ ощущеніе чернаго (black-exciting process), сравнительно съ процессами, вызывающими цвѣтотыя ощущенія, и въ результатѣ этого сравненія покажу, что существованіе подобнаго отдѣльнаго про-

цесса и бесполезно, и ничѣмъ не обосновано. Затѣмъ, говоритъ авторъ, я приложу эти новыя свѣдѣнія къ выясненію вопроса о явленіяхъ цвѣтового зрѣнія и покажу, какимъ образомъ они устраняютъ въ данномъ случаѣ затрудненія Юнгъ-Гельмгольцевой теоріи, а въ подтвержденіе своихъ заключеній приведу рядъ наблюденій надъ образами и послѣдовательными изображеніями, обусловленными лучами различной интенсивности.

H. R. Marshall.—Сознаніе, самосознаніе и наше я.

Ученіе о параллелизмѣ психическихъ и нервныхъ явленій уже по тому одному является весьма полезнымъ для психологіи, что позволяетъ при помощи изученія явленій нервно-мозговыхъ яснѣе уразумѣть явленія психическія. Такъ, напримѣръ, лучшимъ опроверженіемъ атомистической формы ассоціационализма является указаніе на то обстоятельство, что мозгъ, который считается всѣми за «органъ мысли», является *системою* нервовъ (а *neural system*) и что, такимъ образомъ, и сознаніе должно обладать свойствами системы, совпадающей съ дѣятельностью нервной системы. Нервная система состоитъ изъ безсчетнаго числа элементовъ, но эти элементы не являются вполнѣ независимыми величинами; напротивъ, основная ихъ характеристика обусловливается ихъ принадлежностью къ *системѣ*. Нервная система находится въ постоянной дѣятельности, какъ цѣлое; но одновременно съ этимъ ея дѣятельность постоянно получаетъ приращеніе, благодаря дѣятельности ея отдѣльныхъ элементовъ или группъ этихъ элементовъ, которые время отъ времени раздражаются окружающею средою. И эти частичныя дѣятельности ассимилируются системою, видоизмѣняя такимъ образомъ всю ея дѣятельность. Соответственно съ этой организаціей нервной дѣятельности мы имѣемъ: 1) параллельно общей массовой дѣятельности нервной системы—ту часть сознанія, которая не является, какъ представленіе, но называется нами нашимъ я; 2) параллельно дѣятельности отдѣльныхъ элементовъ—сознательныя представленія; 3) параллельно нарастанію общей дѣятельности вслѣдствіе усвоенія дѣятельности элементовъ—самосознаніе.

Sydney Ball.—Современная соціологія.

Авторъ задаетъ себѣ вопросъ: есть ли соціологія дѣйствительно наука? Американскій соціологъ Джиддингсъ хотя и вынужденъ признать, что въ настоящее время соціологія есть скорѣе предметъ научныхъ упованій, однако все-таки утверждаетъ,

что мы имѣемъ полное право надѣяться, что настанетъ время, когда принципы социологіи, точно сформулированные и тщательно протѣренные, будутъ организованы въ связную теорію. Однако, современное положеніе социологіи скорѣе можно характеризовать словами: *Quot homines, tot sociologici*, и въ настоящее время трудно отказаться отъ мысли, что социологія есть просто общее названіе для большой группы проблемъ, ожидающихъ рѣшенія. Въ настоящее время раздается даже призывъ: «назадъ, къ Огюсту Контю». Но насколько этотъ призывъ д-ра Алангри не можетъ рассчитывать на успѣхъ, видно хотя бы ужъ изъ того одного, что вся современная социологія основана на психологіи, т.-е. именно на той наукѣ, которую Ог. Контъ исключилъ изъ своей классификаціи наукъ. Приблизительно то же можно сказать о Спенсерѣ, ибо одна изъ самыхъ замѣтныхъ чертъ современной социологіи, это—отрицаніе біологическаго метода. Это уклоненіе отъ біологическаго метода, имѣя свои хорошія стороны, въ то же время является и значительнымъ шагомъ назадъ. Аналогія, правильно установленная, можетъ дать весьма цѣнные указанія на условія поддержанія жизни человѣчества. Такъ, напримѣръ, Бозанкетъ вполнѣ вѣрно замѣчаетъ, что изученіе паразитизма и регрессивнаго подбора можетъ предостеречь насъ отъ попытокъ освободить человѣчество отъ власти космическихъ условій существованія. Теорія подражанія можетъ считаться типичною представительницею психологическаго метода въ социологіи; однако не слѣдуетъ забывать, какъ много эта теорія обязана ученію о социальномъ организмѣ. Даже нравственность не есть чисто-психологическое явленіе, и теорія подражанія не можетъ дать объясненія возникновенія идеи о порядкѣ жизни, болѣе высокомъ, чѣмъ нашъ, къ которому, однако, мы должны стремиться.

James Seth.—Этическая система Генри Седжвика.

Краткій обзоръ заслугъ Седжвика, какъ автора книги «*Methods of Ethics*». Седжвикъ, говоритъ авторъ статьи, не принадлежалъ ни къ какой изъ этическихъ школъ: онъ былъ представителемъ современнаго стремленія примирить различныя до сихъ поръ борящіяся ученія, включивши ихъ въ болѣе широкую концепцію. Онъ не былъ ни интуиціонистомъ, ни утилитаріанцемъ, ни рационалистомъ, ни гедонистомъ, а интуиціоннымъ утилитаріанцемъ, рациональнымъ гедонистомъ.

V. Welby.—Замѣтки о сочиненіи на премію Уельби.

Уельби объявилъ конкурсъ на сочиненіе о неясности философской терминологіи. Премію получилъ Тэнніесъ (см. «Вопр. Филос.», кн. 51. Обзоръ *Mind'a* за 1899 г.). Теперь Уельби печатаетъ критическій обзоръ работы Тэнніеса.

Bertrand Russel. Абсолютно или относительно Положеніе въ Пространствѣ и Времени?

Цѣль этой статьи, говоритъ авторъ, возбудить вновь вопросъ, относительно котораго мы всѣ были убѣждены, что онъ рѣшенъ окончательно. Мы всѣ думали, что пространство и время вполне слагаются изъ отношеній и что моменты и точки суть математическія фикціи. Это мнѣніе авторъ и намѣренъ подвергнуть изслѣдованію. Прежде всего онъ возможно точно излагаетъ обѣ теоріи, какъ абсолютную, такъ и относительную; затѣмъ онъ доказываетъ, что относительно времени, если только мы будемъ считаться съ фактами, будетъ весьма трудно, если не невозможно, освободить относительную теорію отъ противорѣчій; что же касается пространства, то здѣсь относительная теорія должна претерпѣть такія измѣненія (если только эти измѣненія можно логически оправдать), что она утратитъ всѣ тѣ преимущества передъ абсолютною теоріею, которыми она теперь гордится; наконецъ, авторъ подвергаетъ критикѣ доводы Лотце противъ абсолютнаго пространства и доказываетъ ихъ логическую несостоятельность. Такими словами опредѣляетъ самъ авторъ цѣль и предметъ своей статьи. Суть его разсужденій вкратцѣ такова. Абсолютная теорія признаетъ существованіе двухъ классовъ сущностей (*two classes of entities*): 1) тѣхъ, которыя *суть* положенія (*are positions*); 2) тѣхъ, которыя *имѣютъ* положенія (*have positions*). Всякіе два термина перваго класса находятся въ асимметричномъ, транзитивномъ отношеніи (относительно терминовъ «асимметричный» и «транзитивный» см. выше изложеніе статьи того же автора «о понятіи порядка»), т.-е. въ данномъ случаѣ это—«прежде» или «посль». Соединяя терминъ, *имѣющій* одно или нѣсколько положеній, съ однимъ изъ положеній, которыя онъ имѣетъ, мы получаемъ сложный терминъ, т.-е. мы говоримъ: терминъ находится *въ* данномъ положеніи (*at position*). Такимъ образомъ возникаютъ три отношенія абсолютной теоріи: «прежде», «посль» и «въ», при чемъ послѣднее отношеніе будетъ интранзитивнымъ и асимметричнымъ. Относи-

тельная теорія признаетъ лишь сущность одного класса, при чемъ каждыя два термина могутъ находиться въ трехъ слѣдующихъ простыхъ и неанализуемыхъ отношеніяхъ: «предшествованіе», «слѣдованіе» и «одновременность», при чемъ всѣ эти три отношенія транзитивны, и первыя два асимметричны, а послѣднее симметрично. Эта относительная теорія кажется проще абсолютной, однако ея примѣненіе сопряжено съ большими затрудненіями. Достаточно указать хотя бы на то, что всѣ симметричныя, транзитивныя отношенія могутъ быть анализованы, а между тѣмъ отношеніе «одновременности» не можетъ быть анализовано. Вообще нельзя указать, какія сущности отвѣчаютъ вышеприведеннымъ опредѣленіямъ относительно теоріи. Если же мы начнемъ искать событій (events), согласующихся съ вышеприведенными опредѣленіями, то мы встрѣтимъ такое затрудненіе. Все, что, говоря обыденнымъ языкомъ, можетъ возвращаться или продолжаться, не есть событіе (Whatever can, in ordinary language, recur or persist, is not an event), но какъ мы можемъ признать что-либо неспособнымъ возвращаться или продолжаться, если мы не включимъ временной порядокъ въ его опредѣленіе. Если же оставить единичныя событія и перейти къ качествамъ, то мы увидимъ, что качество совершенно неспособно образовать временного ряда. Приблизительно подобныя же затрудненія присущи и относительной теоріи пространства.

S. H. Mellone.—Природа самопознанія.

Цѣль этого изслѣдованія, говоритъ авторъ, заключается не въ томъ, чтобы объяснить самопознаніе при помощи чего-либо иного, ибо подобная задача была бы, очевидно, противорѣчивою. Но самопознаніе есть отношеніе, присущее уму (Intelligence) по самой его природѣ, посему его мѣсто въ органическомъ строеніи ума можетъ быть опредѣляемо безъ противорѣчія съ собою. Терминъ «самопознаніе» понимается авторомъ статьи такъ, что онъ включаетъ въ себѣ все то, что претендуетъ быть знаніемъ какой бы то ни было формы нашей внутренней жизни, будетъ ли это какая-либо собственная характеристика, знаніе «человѣческой природы» или же психологическое, логическое или философское обобщеніе. Самопознаніе есть основная функція нашего ума, и всѣ его формы и степени опредѣляются однимъ и тѣмъ же принципомъ. Но традиціонный взглядъ на познаніе признаетъ, что познаніе есть отношеніе, предпочитающее два-

лизмъ познающаго субъекта и познаваемаго объекта. Этотъ взглядъ прилагается и къ самопознанію: и здѣсь познающій субъектъ является какъ бы глазомъ, а познаваемое какъ бы видимое этимъ глазомъ. Авторъ подробно опровергаетъ эту «глазовую теорію» (eye-theory) самопознанія. Прежде всего эта «глазовая теорія» приводитъ къ различенію «чистаго» я и я «эмпирическаго», т.-е. къ различенію духовнаго нумена и духовнаго феномена и такимъ образомъ къ отрицанію всякаго познанія личности. Правда, этотъ неизбѣжный выводъ пытаются обойти признаніемъ тождества субъекта и объекта въ самопознаніи. Но единственный смыслъ, который можно придать утвержденію тождества субъекта и объекта, это тотъ, что въ данномъ случаѣ нѣтъ отношенія, т.-е. нѣтъ того, что является существенной характеристикой всякаго познанія. Желая избѣжать подобнаго агностическаго вывода, утверждаютъ, что интроспекція есть по существу извѣстное направленіе вниманія и можетъ быть сравнена съ прямымъ обзоромъ содержанія сознанія, а это послѣднее есть предметъ психологическаго изученія. Но подобный взглядъ ведетъ къ признанію познанія формальнымъ процессомъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ познаваемому. Положительнымъ выводомъ изъ этихъ критическихъ замѣчаній является утвержденіе, что мы должны и въ психологіи, и въ метафизикѣ отвергнуть понятіе «чистаго», или «трансцендентальнаго» я, а слѣдовательно, и понятіе «эмпирическаго» я. Реальное я есть то, что познается и реализуется въ дѣйствительныхъ процессахъ сознательной жизни и чрезъ нихъ (in and through the actual process of conscions life). Сказать, что для познанія всегда долженъ быть субъектъ познанія, значитъ утверждать, что мысль или познаніе существуетъ лишь, какъ мысль мыслящаго (the thought of a thinker), т.-е. есть всегда дѣятельность, «активно-пассивный опытъ индивидуальнаго субъекта»; а сказать, что для познанія долженъ существовать объектъ познанія, значитъ утверждать, что познаніе есть всегда отношеніе къ чему-то лежащему внѣ даннаго мѣста его возникновенія, какъ сознательная функція конечной индивидуальности. Всякое познаніе непосредственно (direct) въ томъ смыслѣ, что оно непосредственно относится къ познаваемой реальности, хотя это познаніе неизбѣжно является несовершеннымъ, и въ нѣкоторыхъ деталяхъ можетъ быть даже иллюзорнымъ. Самопознаніе, подобно всякому познанію, имѣетъ

степени достовѣрности. Оно предполагаетъ основное отличіе, а также и соотношеніе мышленія и того непосредственнаго элемента, который Брэдли называетъ: «Feeling», Гегель: «Gefühl», а Стаутъ: «apoetic conscionsness». Самопознаніе включаетъ въ себѣ тѣ элементы непосредственнаго опыта, которые, какъ таковые, не суть знаніе, но на базисѣ которыхъ знаніе только и возможно. Самопознаніе увеличивается въ глубину и дѣлается болѣе истиннымъ всякій разъ, когда нѣчто существующее въ сознаніи (in conscionsness) также и дается сознанію (to conscionsness).

Ellen Beiss Talbot.—Взаимное отношеніе двухъ періодовъ философіи Фихте.

F. H. Bradley.—Замѣтки о стремленіи (conation).

Главное содержаніе этой статьи, говоритъ авторъ, заключается въ утвержденіи, что стремленіе есть нѣчто нами испытываемое, что оно сложно и состоитъ изъ нѣсколькихъ неразлучимыхъ элементовъ, которые, такимъ образомъ, тоже даны въ нашемъ опытѣ, что внѣ этихъ данныхъ въ опытѣ элементовъ терминъ стремленіе теряетъ свой настоящій смыслъ, такъ что употребленіе его съ другимъ соозначеніемъ если и не незаконно, то во всякомъ случаѣ опасно. Терминъ «стремленіе» авторъ употребляетъ, какъ общее названіе для желанія (desire), усилія (striving) и импульса. Сознаваемое нами стремленіе необходимо включаетъ въ себѣ такіе элементы: «не-я», а затѣмъ «я», которому это не-я препятствуетъ, и вмѣстѣ съ этимъ идея перемѣны: удаленіе этого препятствія. Всѣ эти элементы должны быть даны въ сознаніи одновременно, если только стремленіе существуетъ. Могутъ возразить, что то, что я усиливаюсь измѣнить, иногда бываетъ мною самимъ, и что такимъ образомъ элементъ «не-я» можетъ отсутствовать. На это авторъ возражаетъ, что все, что сознается, какъ существованіе, противоположное нашему «я», есть для данной цѣли «не-я». Затѣмъ могутъ указать, что въ нѣкоторыхъ импульсахъ, какъ, напр., въ импульсахъ инстинктивныхъ, сознаніе цѣли можетъ отсутствовать. Но подобныя дѣйствія нельзя подвести подъ названіе: «стремленіе», о нихъ можно сказать, что они имѣютъ лишь нѣкоторые элементы, присущіе стремленію.

T. Loveday.—Теорія Духовной Дѣятельности. (Начало статьи; статья будетъ изложена по ея окончаніи.)

E. B. Mc-Gilvary.—«Вѣчное Сознаніе».

Изложеніе метафизики Грина, автора «*Prolegomena to Ethics*».

G. Spiller.—Динамика вниманія.

Вниманіе тождественно съ мозговою перемѣной (*cerebral change*), но терминъ, наиболѣе тѣсно связанный съ вниманіемъ, есть «направленіе». Поэтому, при изученіи вниманія съ точки зрѣнія физиологической, мы рассматриваемъ игру нервныхъ перемѣнъ съ точки зрѣнія направленія, въ которомъ онѣ происходятъ. Говоря о вниманіи, мы имѣемъ въ виду не столько перемѣну, сколько линію перемѣнъ. Поэтому авторъ и занимается вопросомъ о томъ, почему перемѣны происходятъ иногда въ одномъ, а иногда въ другомъ направленіи. Факторовъ, опредѣляющихъ перемѣны въ полѣ вниманія, авторъ насчитываетъ шестнадцать. Такъ какъ нормальная дѣятельность подвержена интерференціи и включаетъ различные элементы, то можно говорить о степени и объемѣ вниманія. Вниманіе есть необходимое условіе всей нашей духовной жизни. Ощущенія, образы и чувствованія не существуютъ помимо вниманія. Вниманіе въ нормальномъ бодрственномъ состояніи количественно одинаково у всѣхъ людей и во всякое время, и возрастаніе дѣятельности въ одномъ направленіи происходитъ насчетъ убыли дѣятельности въ другомъ направленіи. Такъ какъ вниманіе, съ физиологической точки зрѣнія, есть превращеніе энергіи, то мы легко поймемъ, что при ограниченности общаго фонда, если, напримѣръ, мы захотимъ обратить вниманіе сразу на много мелочей, дѣятельность вниманія, распредѣлившись на широкую арену, будетъ слаба въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ. Направленіе вниманія никогда не остается одинаковымъ, но вѣчно мѣняется. Мы не только можемъ концентрировать вниманіе сразу на нѣсколькихъ предметахъ, но даже не можемъ концентрировать его лишь на одномъ предметѣ: вниманіе имѣетъ дѣло не съ точками, а съ участками. Воля отличается отъ вниманія тѣмъ, что вниманіе есть всегда перемѣна, и ничего болѣе, а воля никогда не бываетъ перемѣною, но только указываетъ на нее (*points to it*). Здѣсь отношеніе, значить, таково, какъ между бытіемъ (*being*) и становленіемъ (*becoming*), между *sein* и *werden*.

П. Моніевскій.

Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. Vierundzwanzigster Jahrgang. 1900.

Jonas Cohn. «Münsterbergs Versuch einer erkenntnistheoretischen Begründung der Psychologie».

Эта статья заключаетъ въ себѣ изложеніе и критику теоріи Мюнстерберга. Являясь яркимъ противникомъ психологизма, то-есть того направленія, которое отводитъ психологіи первостепенное мѣсто, Мюнстербергъ, въ виду необходимости обоснованія самой психологіи, дѣлаетъ попытку такого обоснованія въ формѣ гносеологическаго изслѣдованія. Цѣль психологіи, говоритъ онъ, составляютъ описаніе и объясненіе, но ни то, ни другое не достигается прямымъ путемъ, собственными силами психологіи, и ей приходится обращаться къ содѣйствію физики. Въ первомъ случаѣ психическіе объекты, какъ не поддающіеся описанію, переводятся на ощущенія, то-есть физическіе процессы; во второмъ, при объясненіи причинной зависимости психическихъ объектовъ, выступаетъ теорія параллелизма психическихъ и мозговыхъ, то-есть опять-таки физическихъ, процессовъ.

Признавая всю важность даннаго гносеологическаго изслѣдованія, представляющаго собою попытку научно обосновать сильно распространенное направленіе психо-физическаго матеріализма, и, вполне соглашаясь съ Мюнстербергомъ въ его отрицаніи всякаго рода психологизма, Cohn, однако, не согласенъ съ тѣми доводами, которыми Мюнстербергъ думаетъ доказать свою теорію, усматривая ихъ ошибочность главнымъ образомъ въ неправильномъ опредѣленіи понятій «описаніе» и «объясненіе».

C. Siegel. «Ueber einige Entdeckungen der Naturwissenschaft in ihrer erkenntnistheoretischen Wirkung».

Цѣль автора — доказать гносеологическое значеніе открытій изъ области естествознанія. Для своего изслѣдованія онъ выбираетъ: теорію Коперника, открытіе микроскопа, принципъ сохранения энергіи и Дарвиновскую теорію приспособленія. Ученіе Коперника о вращеніи земли вокругъ солнца должно было подорвать вѣру въ показанія нашихъ чувствъ и провозгласить субъективность чувственныхъ воспріятій. Къ тому же привело и открытіе микроскопа, показавшее человѣку новый, безконечно дѣлимый міръ и способствовавшее тѣмъ самымъ возникновенію новаго, критическаго атомизма. Принципъ сохранения энергіи при-

далъ новое освѣщеніе принципу причинности, уничтоживъ понятія субстанціи и силы и замѣнивъ прежнее причинное отношеніе между субстанціями отношеніемъ взаимодействія. Наконецъ, теорія приспособленія одержала верхъ надъ схоластическою телеологіей, положила начало научной психологіи животныхъ, оказала вліяніе своимъ принципомъ развитія на логику и въ этикѣ вызвала крупныя измѣненія признаніемъ детерминизма чело­вѣческой воли.

Paul Barth. «Fragen der Gesellschaftswissenschaft: II. Unrecht und Recht der organischen Gesellschaftstheorie».

Историческая теорія, провозглашающая чело­вѣческое общество организмомъ, тѣмъ самымъ утверждаетъ извѣстную закон­мѣрность историческихъ событій: какъ въ жизни отдѣльнаго организма есть единичныя проявленія, не подлежащія нашему знанію, случайныя для него, общій же ходъ измѣненій всего организма намъ представляется необходимымъ,—такъ и въ исторической жизни общества, не будучи въ состояніи объяснить какого-нибудь единичнаго факта, мы отлично понимаемъ и даже можемъ предсказать ходъ историческихъ событій въ ихъ совокупности.

Въ виду несомнѣнной важности вопроса о закон­мѣрности историческихъ явленій, съ одной стороны, и частыхъ нападковъ на такъ называемую органическую теорію — съ другой, необходимо выяснить, въ правѣ ли мы приравнивать общество къ организму, для чего прежде всего слѣдуетъ установить самое понятіе организма. Отличительные признаки этого понятія указаны еще Кантомъ и приняты и до сихъ поръ въ біологіи: 1) един­ство, то-есть подчиненіе частей организма идеѣ цѣлаго, какъ цѣли; 2) зависимость частей другъ отъ друга, и 3) способность организма къ продолженію своего рода.

Всѣ эти признаки присущи и обществу, что подтверждается исторіей, съ тою только разницей, что общество представляетъ собою духовный, иначе «волевой» организмъ; представители натуралистико-органической теоріи упустили это изъ виду и потому въ изображеніи исторической жизни оставили въ сторонѣ или невѣрно истолковали всѣ проявленія духовной культуры, лежащія за предѣлами одной только чисто органической жизни и подлежащія иного рода причинности.

Bastian Schmidt. «Aus dem Seelenleben der Insecten».

Въ своей статьѣ Шмидтъ рисуеъ тотъ переворотъ, который произвела теорія эволюціи въ существовавшей до нея психологіи животныхъ: она 1) указала на прогрессивное видоизмѣненіе въ области духовной жизни и 2) заставила признать зачатки духовнаго развитія въ простѣйшихъ существахъ.

Тѣмъ не менѣе и новѣйшіе изслѣдователи продолжаютъ впадать въ прежнія ошибки: одни изъ нихъ прилагаютъ къ духовной жизни животныхъ человѣческую мѣрку, другіе же низводятъ ихъ на степень автоматовъ, надѣляя одними рефлексами. Между тѣмъ большая часть дѣйствій животныхъ объясняется ассоціаціями, причеъ у нихъ могутъ быть усмотрѣны зачатки образованія понятій и сужденій.

Свои положенія авторъ иллюстрируетъ наблюденіями изъ жизни насѣкомыхъ, почерпнутыми имъ у Дарвина, Вейсмана и другихъ естествоиспытателей.

C. Siegel. «Versuch einer empiristischen Darstellung der räumlichen Grundgebilde und geometrischen Grundbegriffe mit besonderer Rücksicht auf Kant und Helmholtz».

Цѣль автора указать на эмпирической характеръ воспріятія пространства и основоположеній геометріи—посредствомъ разбора теорій Канта и Гельмгольца по тому же предмету. Онъ опровергаетъ положеніе Канта объ апіорно-синтетическомъ характерѣ сужденій, употребляемыхъ въ математикѣ и геометріи, и приходитъ къ слѣдующему выводу: 1) сужденіе $7+5=12$ есть аналитическое; 2) аксіомы геометріи хотя и не аналитическія сужденія, 3) но и не синтетическія; 4) сужденія, употребляемыя въ геометріи, не апіорны. Что касается апіорности пространства, по мнѣнію автора, аргументы, приводимые Кантомъ, доказываютъ какъ разъ обратное тому, что Кантъ хочетъ доказать, то-есть, что пространство есть не апіорная интуиція, а эмпирическое понятіе.

Покончивъ съ ученіемъ Канта, авторъ переходитъ къ изложенію теоріи Гельмгольца. Послѣдній, защитникъ эмпирической и не эвклидовой геометріи, признаетъ, однако, пространство, подъ вліяніемъ Канта, апіорною формой, данной въ субъектѣ, но не считаетъ ея достаточной для воспріятія пространства и, вмѣсто того, чтобы за ненужностью совсѣмъ упразднить ее,

вводитъ сверхъ нея основаніе, заложенное въ воспринимаемомъ объектѣ, то-есть объективное условіе: пространственная интуиція образуется, по его мнѣнію, на почвѣ внутреннихъ, но при содѣйствіи внѣшнихъ факторовъ, причемъ апіорны у него не отдѣльныя пространственныя формы, а пространство безсодержательное, пространство «вообще» или принципъ пространственности.

Слѣдующая часть статьи содержитъ доводы автора въ пользу эмпиричности геометріи: по его мнѣнію, и геометрическія понятія, какъ-то—точка, линія, поверхность, и геометрическія аксіомы равнымъ образомъ обязаны своимъ происхожденіемъ опыту. Чистой геометріи нѣтъ: есть одна только геометрія, выросшая изъ практическихъ потребностей.

Въ заключеніе Зигель подвергаетъ критику эмпиризмъ Гельмгольца въ примѣненіи къ геометріи и, отмѣчая въ этой области его заслуги, исправляетъ недочеты его теоріи.

Eugen Posch. «Ausgangspunkte zu einer Theorie der Zeitvorstellung».

Въ пятой статьѣ своего труда авторъ разсматриваетъ такъ называемое «чувство» времени или способность по сравненію опредѣлять данные въ опытѣ промежутки времени. Шестая посвящена разбору метафизическаго вопроса о реальности времени. Седьмая, и послѣдняя, содержитъ историческій обзоръ главнѣйшихъ теорій по данному вопросу—въ извѣстной классификаціи.

C. M. Giessler. «Die Identifizierung der Persönlichkeiten».

Относя представленія однородныхъ индивидууму личностей къ категоріи важнѣйшихъ представленій, Гисслеръ подвергаетъ психологическому анализу процессъ отождествленія, иначе—воспризнанія личности. Въ этомъ процессѣ онъ отмѣчаетъ три момента, соотвѣтствующихъ различаемымъ имъ тремъ видамъ памяти: 1) воспріятіе данной личности при помощи внѣшнихъ чувствъ влечетъ за собой дѣйствіе перваго вида памяти—памяти чувствъ, не сопровождаемой никакимъ эмоціональнымъ тономъ; 2) измѣненное воспріятіемъ данной личности самочувствіе порождаетъ дѣйствіе эмоціональной памяти, вслѣдъ за которымъ наступаетъ третій моментъ — разсудочное воспроизведеніе представленій. Результатомъ дѣятельности этихъ трехъ видовъ памяти является

занесеніе воспринимаемой личности въ соответствующее ей между прочими представленіями мѣсто, т.-е. отождествленіе ея съ воспринимавшеюся прежде личностью.

Theodor Lindner. «Beharrung und Veränderung als geschichtliche Kräfte».

Въ разработкѣ исторіи мѣняется не методъ, а постановка вопроса.

Ища въ прошломъ освѣщенія настоящаго и практическаго руководства для будущаго, каждая эпоха освѣщаетъ въ исторіи соответствующую своимъ главнымъ интересамъ сторону. Такъ, индивидуализмъ въ исторіи въ эпоху гуманизма смѣнилъ идею средневѣкового универсальнаго католичества и, въ свою очередь, уступилъ мѣсто сначала теологическому направленію исторіи во время реформаціи, затѣмъ—идеѣ государственности и социальное-экономическаго порядка.

Подобныя попытки систематическаго изображенія прошлой жизни народовъ всегда односторонни, между тѣмъ какъ сама историческая жизнь отличается необыкновеннымъ многообразіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на разносторонность своихъ проявленій, опредѣляется однимъ общимъ закономъ, а именно: *взаимнымъ отношеніемъ между устойчивостью и измѣнчивостью.*

Не представляя ничего метафизическаго, устойчивость всецѣло обусловлена естественными причинами, какъ-то: унаслѣдованіемъ свойствъ отъ родителей и окружающей среды и воздѣйствіемъ природы, т.-е. климата, устройства поверхности и т. п. Сила устойчивости очень значительна, хотя и находится въ зависимости отъ обстоятельствъ. Значеніе ея для историческаго развитія внѣ всякаго сомнѣнія: являясь, съ одной стороны, причиной многообразія историческаго процесса, она вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для него задерживающимъ началомъ, умѣряющимъ всякіе рѣзкіе толчки.

Второй историческій факторъ, измѣнчивость, обусловливается двоякаго рода причинностью: внутренней и внѣшней.

Къ первой категоріи относится приспособленіе къ окружающей средѣ въ борьбѣ за существованіе, которая вызываетъ черезъ посредство слѣдующихъ одна за другой идей (то-есть прошедшихъ въ сознаніе потребностей) цѣлый рядъ измѣненій. Еще интенсивнѣе въ этомъ приспособленіи дѣйствуютъ причины

внѣшнія: общеніе народовъ мирнымъ и завоевательнымъ путемъ, заимствованія изъ области духовной культуры, особенно религіи, всемірныя открытія и, пожалуй, также великіе люди.

Залогъ успѣха—въ гармоничномъ сочетаніи обоихъ историческихъ факторовъ, взаимоотношеніе которыхъ прекрасно объясняетъ наступленіе реакціи послѣ всякаго революціоннаго движенія въ историческомъ процессѣ.

E. Marcus. «Versuch einer Umbildung der Kant'schen Kategorienlehre».

Авторъ задается цѣлью исправить недочеты Кантовскаго ученія о категоріяхъ. Эти недочеты онъ усматриваетъ въ трехъ пунктахъ: въ отношеніи 1) архитектоники, 2) полноты перечня категорій, 3) простоты категорій, т.-е. неразложимости ихъ на другія понятія. Взамѣнъ Кантовской онъ предлагаетъ свою собственную таблицу. Въ ней четырехклассное дѣленіе замѣнено трехкласснымъ; въ каждомъ классѣ три группы, а въ группѣ три члена, причемъ средній членъ состоитъ изъ двухъ понятій. Итакъ, преобразования автора сводятся къ соединенію первыхъ двухъ классовъ Канта въ одинъ, къ замѣнѣ нѣкоторыхъ понятій и терминовъ другими, болѣе соотвѣтствующими требованіямъ трансцендентальной философіи и въ добавленіи нѣсколькихъ коренныхъ, опущенныхъ Кантомъ понятій, въ видѣ промежуточныхъ двойныхъ членовъ въ каждой группѣ.

Joseph W. A. Hickson. «Der Kausalbegriff in der neueren Philosophie und in den Naturwissenschaften von Hume bis Robert Mayer».

Первая глава этого очерка посвящена разбору понятія причинности у Юма, какъ основателя новой теоріи причинности, вліянію котораго, однако, слѣдуетъ приписать, по мнѣнію автора, чрезмѣрное значеніе, утвердившееся за понятіемъ причинности по отношенію къ естествоиспытанію.

Указывая на эмпирической характеръ причинной связи, независимой отъ логическихъ законовъ мышленія, Юмъ такимъ образомъ рассматриваетъ необходимость, присущую причиннымъ отношеніямъ, какъ слѣдствіе привычныхъ ассоціацій смѣняющихся другъ друга явленій. Согласно этому относительный характеръ привычности обуславливаетъ, вопреки Юму, и относительность необходимости. Мало того, понятіе причинной связи, какъ пра-

вильнаго чередованія явленій, не примѣнимо къ чередованію психическихъ и физическихъ явленій. Но у того же Юма мы находимъ такія положенія: 1) причина должна быть въ извѣстной степени сообразна и пропорціональна дѣйствию; 2) сходныя причины даютъ сходныя дѣйствія. Причину такого колебанія Юма между необходимостью и случайностью надо видѣть, по мнѣнію Никсон'а, въ пренебреженіи, съ которымъ онъ относится къ математикѣ.

Контъ пошелъ дальше Юма, совершенно отбросивъ понятіе причинности.

Въ новѣйшее время противъ понятія причинности возсталъ Махъ, но его критика, направленная на устарѣвшее понятіе причинной связи, немислимое послѣ Юма, является такимъ образомъ совершенно излишней.

Raul Richter. «Friedrich Nietzsche».

Въ лицѣ Ницше мы потеряли могучую своеобразную личность, которая сумѣла цѣлый рядъ противорѣчій сочетать въ себѣ въ одно гармоническое цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ Ницше, этотъ проповѣдникъ жестокости, въ жизни отличается мягкостью и добротой; вышучивая образованность, трудится надъ достиженіемъ познанія, провозглашая идеаль свѣрхчеловѣка, ведетъ тихую, праведную жизнь и, несмотря на рѣчи Заратустры-безбожника, нѣтъ никакой возможности отказать ихъ автору въ религіозномъ настроеніи.

Не входя въ объясненіе этихъ противорѣчій, Рихтеръ переходитъ къ главному предмету своего очерка—оцѣнкѣ философіи Ницше. Отличительная черта этой философіи—необыкновенная субъективность, тѣснѣйшая связь съ субъективными чувствами и хотѣніями, иначе говоря—романтизмъ, оказавшій вліяніе на исторію философіи, выдвинувъ въ ней психологическую точку зрѣнія. Теоретическая часть философіи Ницше крайне незначительна: систематичнѣе и объективнѣе всего она изложена въ необнародованномъ его сочиненіи «Umwertung». Его философія носитъ апостольскій, реформаторскій и эстетическій характеръ. Въ теоретической философіи Ницше принадлежитъ тройкая заслуга: онъ мастерски ставитъ новыя задачи, даетъ блестящія попытки ихъ разрѣшенія и богатый матеріаль, весьма цѣнный для психологіи, этики, эстетики, исторіи культуры и философіи религіи. Его теорія познанія имѣетъ, благодаря вліянію

Дарвина, біологическій характеръ. Принципы человѣческаго познанія служатъ, по мнѣнію Ницше, выраженіемъ біологической необходимости совершенно такъ же, какъ въ философіи Юма они обусловлены психологической, а по ученію Канта—логической необходимостью.

Этика, наиболѣе интересующая Ницше, отличается у него тѣмъ же біологическимъ характеромъ; теорія нравственныхъ цѣнностей—его излюбленная тема. На морально-философской литературѣ отразилась его разработка вопросовъ нравственности. Психологическія изслѣдованія Ницше о моральномъ инстинктѣ и чувствѣ цѣнности ставятъ его рядомъ съ Монтэнемъ, Шаррономъ, Паскалемъ.

Та же біологическая точка зрѣнія сказывается у него въ эстетикѣ и въ метафизикѣ.

Центръ тяжести лежитъ у Ницше не въ теоретической, а въ практической философіи: его задача—воспитать человѣчество для болѣе свободной и смѣлой жизни. Какъ носитель этого идеала, Ницше—философъ въ высшемъ значеніи этого слова и можетъ быть поставленъ на ряду съ Шопенгауеромъ и Спинозой: идеаль Спинозы—утвержденіе жизни на почвѣ интеллектуализма, Шопенгауеръ возводитъ въ идеаль отрицаніе воли къ жизни, Ницше на почвѣ волюнтаризма провозглашаетъ утвержденіе жизни и осуществленіе своего идеала видитъ въ героѣ, сверхчеловѣкѣ.

3. Столица.

Rivista filosofica. Ноябрь—декабрь 1901 г.

С. Сантони. Изученіе Канта.

Въ статьѣ кратко излагаются взгляды Паульсена на философію Канта, и мнѣніе Паульсена сопоставляется съ мнѣніями другихъ современныхъ изслѣдователей Канта. Въ существѣ своихъ взглядовъ Паульсенъ—кантіанецъ, особенно въ томъ, что онъ признаетъ взаимную независимость между вѣрою и наукою: съ разумной вѣрой, чисто моральной и практической, говоритъ онъ, никогда не можетъ быть въ противорѣчии истинная философія и истинная наука. Такъ какъ Кантъ полагаетъ спасеніе людей не въ вѣрѣ или культѣ, а въ нравственномъ принципѣ, то Паульсенъ правъ, когда противопоставляетъ Канта Томѣ Аквинскому, представителю официальной философіи католичества. Кантъ, дѣйствительно,—противникъ католической церкви, по-

сколько онъ не признаетъ никакого подчиненія разума какому бы то ни было авторитету. Но, при всей справедливости всѣхъ этихъ замѣчаній, надо сознаться, что Паульсенъ не вполне вѣрно понимаетъ Канта и приписываетъ ему гораздо больше идеализма и сентиментальности, чѣмъ сколько ихъ было у Канта, для котораго «критицизмъ былъ не только доктриной, но внутреннимъ глубокимъ чувствомъ и вмѣстѣ долгомъ искренности и благоразумія». Кроме того, Паульсенъ переноситъ свой собственный догматизмъ на Канта и противопоставляетъ его Юму, говоря, что Кантъ признаетъ возможнымъ познаніе сверхчувственного міра, и ссылаясь при этомъ на Критику практическаго разума; а между тѣмъ реальность сверхчувственного міра допущена Кантомъ только для практическихъ цѣлей, и онъ постоянно подчеркиваетъ нѣкоторый дуализмъ, нарушающій въ этомъ пунктѣ гармонию между двумя Критиками. Въ подтвержденіе своего мнѣнія о Паульсенѣ Кантони приводитъ возраженія, сдѣланныя ему тремя нѣмецкими критиками. Такъ, Vaihinger указалъ, что Кантъ, дѣйствительно, признаетъ, что склонность къ метафизикѣ необходимо присуща разуму; но при этомъ вовсе не думаетъ, что возможна теоретическая наука объ этомъ сверхчувственномъ мірѣ идей. Неманн, рѣшительно отрицая предположеніе, будто Кантъ хотѣлъ создать какую бы то ни было метафизику, доказываетъ, кроме того, что ни изъ перваго (1721 г.), ни изъ послѣдняго (1894 г.) изданія Кантовыхъ Лекцій о метафизикѣ одинаково невозможно извлечь ни одного аргумента противъ доктринъ его критики. Наконецъ, Goldschmidt обвиняетъ Паульсена въ томъ, что онъ не могъ понять ни личности, ни ученія Канта, съ которымъ его раздѣляетъ глубокая антипатія. При всей крайности увлеченія Goldschmidt'a Кантомъ, онъ все-таки даетъ болѣе правильное представленіе о Кантѣ, чѣмъ Паульсенъ: ошибка послѣдняго въ томъ, что онъ часто смѣшиваетъ обѣ Критики; кроме того, если принципы Канта, въ противность глубочайшему стремленію его души, привели къ метафизическому идеализму, это еще не значитъ, что этотъ идеализмъ и есть его ученіе.

L. Cредаро. Успѣхи педагогики Гербарта.

При жизни Гербарта, въ эпоху господства идеалистической философіи Фихте и Гегеля, сочиненія Гербарта не пользовались славою и считались даже устарѣвшими остатками философіи

XVIII в. Но не прошло и 20 лѣтъ съ его смерти, какъ сначала въ Германіи, а потомъ и по всей Европѣ возникаетъ и чрезвычайно быстро растетъ интересъ къ Гербарту и его педагогикѣ. Credaro объясняетъ это тѣмъ, что нѣмцы сознали необходимость въ корень измѣнить положеніе у нихъ народнаго образованія и возвысить до степени истинной науки педагогику, которая до времени Гербарта была просто собраніемъ кое-какихъ практическихъ указаній. Упомянувъ о многочисленныхъ изслѣдователяхъ и переводчикахъ Гербарта въ разныхъ странахъ, Credaro нѣсколько подробнѣе останавливается на книгѣ Mauzion—L'éducation par l'instruction et les théories pédagogiques de Herbart, въ которой достаточно ярко освѣщены заслуги Гербарта: онъ первый показалъ, что, въ виду расшатанности религіозныхъ устоевъ, на которыхъ была основана прежняя педагогика, необходимо дать морали новое твердое основаніе, необходимо сдѣлать воспитаніе рациональнымъ, подчинить его знанію законовъ психологіи.

G. Cesca. Монизмъ Эрнста Геккеля.

Ознакомившись съ послѣднимъ сочиненіемъ Геккеля Die Welt-räthsel, авторъ статьи съ удивленіемъ замѣтилъ, что знаменитый зоологъ не высказываетъ въ немъ ничего существенно новаго; даже болѣе: онъ обѣщаетъ отрѣшиться отъ всякаго теологическаго предрасудка, а между тѣмъ вся его философія настолько проникнута предвзятыми мнѣніями, что прямо примыкаетъ къ до-кантовскому догматизму и даже къ философіи среднихъ вѣковъ. Чѣмъ же объясняется успѣхъ этой книги? Причину его авторъ статьи видитъ въ томъ, что въ послѣднія десятилѣтія XIX в. въ европейскомъ обществѣ сильно развилась реакція противъ господства разума и науки, и эта реакція, съ одной стороны, снова призвала къ жизни старыя теологическія тенденціи, а съ другой, какъ противовѣсъ этимъ тенденціямъ, пробудила потребность въ новомъ научномъ міросозерцаніи; это міросозерцаніе и думали найти въ материализмѣ Геккеля, который выдаетъ свои теоріи за послѣдній выводъ науки. Но вскорѣ оказалось, что наука въ его лицѣ не исполнила своихъ обѣщаній, не дала новаго научнаго объясненія всего существующаго. Не слѣдуетъ, однако, смѣшивать науку съ материализмомъ: это онъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ, но его несостоятельность не должна подрывать наше довѣріе къ наукѣ. Эту-то несостоятельность материалистическаго міропониманія и

доказываетъ авторъ статьи. Главное основаніе, которое Геккель выставляетъ въ пользу своей системы, есть то, что она представляетъ собою единственное возможное объясненіе міра для тѣхъ, кто не желаетъ принять теологическое объясненіе; а между тѣмъ эта система страдаетъ тѣмъ же самымъ недостаткомъ, за который Геккель такъ порицаетъ теологическую точку зрѣнія: она въ высшей степени догматична, ибо авторъ ея, предлагая читателямъ, въ качествѣ строго доказанныхъ положеній, всего только гипотезы, допускаетъ при этомъ существованіе единой безконечной и вѣчной субстанціи, которая, къ тому же, доступна будто бы нашему познанію. вмѣсто того, чтобы ограничиться описаніемъ и объясненіемъ нашего міра явленій, Геккель поддается обычной склонности людей къ догматизму и приходитъ къ такой же догмѣ, какъ и церковь, только въ натуралистическомъ смыслѣ. Далѣе, Геккель защищаетъ свою теорію единой субстанціи, какъ философскій и пантеистическій монизмъ, и въ этомъ отношеніи противопоставляетъ ее теистическому дуализму. Но такъ какъ онъ не можетъ объяснить, какимъ образомъ единая субстанція переходитъ въ многообразныя явленія, то и ему, для объясненія этихъ явленій, остается прибѣгнуть къ тому дуализму, къ которому долженъ былъ обратиться еще Спиноза, т.-е. признать рядомъ съ единствомъ субстанціи множественность ея атрибутовъ. Отсюда неизбежное противорѣчіе: ибо, если матерія и духъ суть атрибуты единой субстанціи, она все-таки должна всегда оставаться единою, и ея единство не можетъ перейти въ многообразіе. Это противорѣчіе показываетъ, что Геккелю не удалось сохранить нейтральное положеніе между спиритуализмомъ и матеріализмомъ: онъ принужденъ вполнѣ примкнуть къ этой послѣдней доктринѣ.

Въ отдѣлѣ *Rassegna bibliografica* представленъ критическій обзоръ сочиненій: Théodore Ruysen. Kant; Varisco. Scienza e opinioni; Juvalta. Prolegomeni a una morale distinta della metafisica; Dandolo. La causa e la legge nella interpretazione dell'universo; Sighele. La foule criminelle; Tarde. L'opinion et la foule; Fournière. Essai sur l'individualisme и мн. др.

Н. Н. Вальденбергъ.

Вышла апрѣльская книжка педагогическаго журнала

XIII г. **ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.** XIII г.

I. **ОРИГИНАЛЬНЫЯ И ПЕРЕВОДНЫЯ СТАТЬИ.** 1. В. А. Жуковский какъ поэтъ-воспитатель. Проф. А. Кирпичникова.—2. Н. В. Гоголь (продолженіе). Проф. Д. Овсянко-Куликовскаго.—3. Очерки по исторіи народной школы. Народное образованіе и реформація (окончаніе). Н. Сперанскаго.—4. Миръ невидимой борьбы. П. Крылова.—5. Учительскіе курсы, педагогическіе и общеобразовательные. Е. Звягинцева.—6. О расходахъ земствъ на народное образованіе. Ю. Бунина.—7. Экспериментальныя наблюденія надъ памятью правописанія (окончаніе). Кл. Тихомирова.

II. **КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.** Начальный курсъ зоологіи, сост. М. А. Мензбиръ, часть первая, позвоночныя.—Psychologie du rire, par L. Dugas (Психологія смѣха, соч. Л. Дюга); Essai sur l'individualisme, par Eugène Fournière (Опытъ объ индивидуализмѣ, соч. Е. Фурниера); La logique chez l'enfant et sa culture, par Frédéric Queyrat (Дѣтская логика и ея культура, соч. Ф. Кейра); Les limites de biologie, par J. Grasset (Границы біологіи, соч. Ж. Грассе). **Евгенія Лозинскаго.**—На помощь учащимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ, сост. Н. Веригинъ. Е. Звягинцева.—Кругомъ свѣта, географическая хрестоматія, сост. И. Горбуновъ-Посадовъ, Е. Горбунова и В. Лукьянская. Л. С.—Въ царствѣ лѣсовъ и полей, Бергарда Ландсберга, перев. съ нѣм. С. А. Порѣвскій. **Его же.**—Ф. Девель, рассказы о восточной Сибири.—Л. Курпьянова, Австралія и Новая Зеландія.—На добрую память, сборникъ для дѣтей, памяти Н. А. Соловьева-Несмѣлова.—Поэты изъ народа, сост. Н. Хрѣновъ.—Ворона и ея знакомые, І. А. Любича-Копурова.—Э. Вэръ-Чистякова. Рассказы для дѣтей; А. Догановичъ, Пѣсенка маятника и другіе рассказы.

III. **РЕФЕРАТЫ И МЕЛКІЯ СООБЩЕНІЯ.** Настѣдственность.—Изъ области конфессіональнаго образованія во Франціи. Вл. Ивановскаго.—Англійская національная воскресная лига. **Его же.**

IV. **ХРОНИКА.** 1. Школа, литература и жизнь. Отмѣна переводныхъ испытаній.—Увеличенія жалованья учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Предстоящіе расходы на реформированную школу.—Опытъ родительскихъ совѣщаній въ школахъ; ученическіе журналы.—Циркуляръ попеч. харьк. учебн. округа; рѣчь директора таганрогскаго коммерческаго училища.—Школьная выставка въ Петербургѣ.—Ручной трудъ въ начальной школѣ.—Учительскій институтъ въ Томскѣ. 2. Памяти Ф. С. Климъ Н.

V. Приложенія. Извлеченіе изъ протоколовъ отдѣленія преподавателей исторіи московскаго педагогическаго общества. VI. **Объявленія.**

Продолжается подписка на 1902 г.

Съ 1901 года, кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, общественно-дѣльному, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Журналь допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

Съ 1901 года журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 рубль.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Коношенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ *Н. Ф. Михайловъ.*

„МИРНЫЙ ТРУДЪ“

повременное литературно-научное издание

выходятъ 5 разъ въ годъ (1-го марта, мая, сентября, ноября и января), въ объемъ 10—12 печатныхъ листовъ по слѣдующей программѣ: 1) романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія, какъ оригинальные, такъ и переводные. 2) Беллетристическія новости. 3) Литературная критика. 4) Искусство, театръ и музыка. 5) Вопросы воспитанія и обученія. 6) Статьи по разнымъ отраслямъ науки. 7) Обзорніе научныхъ журналовъ. 8) Дѣятельность ученыхъ обществъ. 9) Научныя мелочи. 10) Критическій разборъ научныхъ изслѣдованій. 11) Библиографія и 12) Объявленія.

Въ журналѣ обѣщали сотрудничать: проф. В. П. Бузескуль, проф. П. Н. Буцинскій, А. В. Ветуховъ, проф. А. С. Вязигинъ, проф. Н. А. Гредескуль, проф. Н. К. Грунскій, проф. Я. А. Денисовъ, проф. М. С. Дриновъ, проф. Л. Н. Загурскій, проф. Ф. А. Зеленогорскій, проф. А. П. Кадлубовскій, П. В. Каменскій, Ф. Г. Кашменскій, проф. А. Д. Киселевъ, проф. А. С. Лебедевъ, проф. П. Э. Лейкфельдъ, проф. Н. А. Максимейко, проф. М. А. Масловъ, проф. И. В. Нетушилъ, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, А. Р. Пельцеръ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. А. В. Репревъ, проф. Е. К. Рѣдинъ, проф. В. И. Савва, М. П. Савиновъ, проф. С. В. Соловьевъ, проф. Н. Ф. Сумцовъ, В. В. Умановъ-Каллуновскій, проф. А. Н. Фатѣевъ, проф. И. П. Филевичъ, проф. М. Е. Халанскій, В. И. Харціевъ, проф. Р. И. Шерль, проф. Г. Ф. Шульдъ, проф. В. А. Ястржембскій и др.

Призывая „мирный трудъ единственной заждающей силой, выдержавшей вѣковыя испытанія“, редакція ставитъ своею задачею посильное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости національнаго самосознанія, усилению культурнаго общенія со славянствомъ и росту общественной самостоятельности, опѣзняющей свое и чужое, независимо отъ какихъ бы то ни было партійныхъ соображеній.

Подписная цѣна: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ съ доставкой 5 руб. въ годъ, для игородныхъ съ пересылкой 6 рублевъ. Отдѣльныя книжки по 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала (Харьковъ, Мордвиновскій, № 25, д. А. В. Ветухова). Контора открыта отъ 4 до 6 часовъ, кромѣ праздниковъ. За комиссію и пересылку денегъ книжные магазины удерживаютъ по 30 коп. съ cadaго годового экземпляра.

Издатель А. Ветуховъ.

Редакторъ проф. А. Вязигинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г. Годъ VII.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ГЕОГРАФІЯ“

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 к., безъ доставки 4 р.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 р. 50 к.; за границу—7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 к. каждая. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и перес. денегъ только 20 к. съ cadaго годового полнаго экземпляра.

Контора редакціи: Москва, Б. Полянка, д. Учительскаго Института, кв. 2.

Редакторъ-издатель М. П. Варавва.

Вышла апрѣльская (четвертая) книга

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

СОДЕРЖАНІЕ: I) Темный блескъ. Романъ. В. Я. Свѣтлова. Продолженіе.— II) Братиска. Романъ изъ семейной жизни. Густава Гейерстама Пер. со швед. А. и П. Ганзенъ.— III) По теченію. Повѣсть. А. Ф. Дохтуровой. Окончаніе.— IV) Стихотвореніе. Леонида Аванасьева.— V) На голубинкѣ. Е. М. Милицыной.— VI) Спрутъ. Калифорскій романъ. Франна Норриса. Пер. съ англ. А. Г. Продолженіе.— VII) Стихотвореніе Леонида Аванасьева.— VIII) Народныя чтенія въ городахъ и селахъ. Н. В. Тулупова. Окончаніе.— IX) Нѣсколько мыслей о женскомъ воспитаніи и образованіи. М. К. Цебриновой.— X) Объ опекаѣ надъ несовершеннолѣтними. А. И. Загоровскаго.— XI) О сѣздѣ мира въ Глазго. Гр. Л. А. Камаровскаго.— XII) Современная провансальская литература. С. Ф. Русовой.— XIII) По поводу статьи Г. Рожкова: Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. В. И. Семевскаго.— XIV) „Поэтический ядъка чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ“. В. В. Калаша.— XV) Викторъ Гюго. (Къ столѣтію со дня рожденія.) В. А. Гольцева.— XVI) Положеніе печати во время французской революціи. П. Мировичъ.— XVII) О Гоголѣ и о посвященныхъ ему стихотвореніяхъ. В. В. Калаша.— XVIII) Памяти Глѣба Ивановича Успенскаго. В. А. Гольцева.— XIX) Внутреннее обозрѣніе.— XX) Иностранное обозрѣніе. В. А. Г.— XXI) Библиографическій отдѣлъ.— XXII) Объявленія.

Продолжается подписка на 1902 годъ.

Подписная цѣна съ до- ставкою и пересылкою	12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
во всѣхъ мѣстахъ Россіи:	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу:	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр., 1-го іюля, 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой 1 р. 30 коп.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ конторѣ журнала, Ваганьковскій пер., домъ Аплаксиной; въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова; въ Киевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина; въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова; въ Перми, въ центральномъ книжномъ складѣ.

При конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ находится складъ изданій.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

Открыта подписка на 1902 годъ
НА ИЗДАНИЕ

Галицко-Русской Матицы
ВО ЛЬВОВѢ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

ВЫХОДЯЩИЙ ЧЕТЫРЕ РАЗА ВЪ ГОДЪ

книжками въ объемѣ 8—10 листовъ каждая, съ двумя отдѣлами: научнымъ и литературнымъ.

Научный отдѣлъ содержитъ ученые разсужденія, статьи, матеріалы и зашѣтки преимущественно по русской и славянской филологіи, исторіи, литературѣ и этнографіи, а также критико-библиографическіе обзоры современной научной литературы. Въ литературномъ отдѣлѣ помѣщаются повѣсти, рассказы, очерки и стихотворенія, а также литературные и популярно-научные очерки.

Въ „Сборникѣ“ принимали участіе въ 1901 году и обѣщали участвовать впредь слѣдующія лица: Д. Н. Вергунъ, М. Ѳ. Глушкевичъ, Г. А. Ильинскій, В. Д. Залозецкій, В. А. Колпачкевичъ, С. А. Лабенскій, проф. П. А. Лавровъ, В. Ѳ. Луцкыъ, О. А. Мочаловскій, А. С. Петрушевичъ, проф. К. Ѳ. Радченко, Ф. И. Свистувъ, И. С. Свѣнцицкій, Д. Ѳ. Трублаевичъ, проф. К. В. Харламовичъ, проф. И. П. Филевичъ, проф. Т. Д. Флоринскій, проф. В. А. Францевъ, Ю. А. Яворскій и др.

Подписная цѣна на цѣлый годъ (четыре книги)—6 рублей; отдѣльныя книжки—1 р. 80 к. съ почтовой пересылкой.

Адресъ конторы редакціи: Львовъ (Галичина), Жолковская ул., Нр. 28.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

на политическо-общественную и литературную газету

ЕНИСЕЙ.

ВЫХОДИТЪ въ Красноярскѣ ТРИ РАЗА въ недѣлю.

Подписная цѣна: съ доставк. и перес. на годъ 7 р., на полг. 4 р., на четверть г. 2 р. 50 к., на одинъ мѣсяць 1 р.

Городскіе подписчики, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, получаютъ безплатно телеграммы Московскаго Телеграфнаго Агентства.

Подписка принимается: въ Красноярскѣ—въ конторѣ редакціи газеты въ Томскѣ—въ отд. конторы, въ Москвѣ—въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Ѳ. Метцль и К^о, Мясницкая ул.. д. Сытова, и въ конторѣ объявленій И. К. Голухева—Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи, въ Петербургѣ—въ отдѣленіи конторы Т. д. Л. и Ѳ. Метцль и К^о, Б.-Морская № 11. Плата за объявленія впереди текста 20 к. за стр.; позади текста 10 к. за стр. петита. Объявленія изъ всѣхъ мѣстъ и странъ принимаются непосредственно въ конторѣ газеты, въ Красноярскѣ, а также въ конторѣ Торг. Дома Л. и Ѳ. Метцль и К (Москва—Мясницкая, д. Сытова и Петербургъ—Б. Морская, 11), въ конторѣ объявленій И. К. Голубева (Москва, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи); въ отдѣленіи конторы редакціи (Томскѣ), въ конторѣ объявленій А. З. Ремизова (Москва, Б. Дмитровка, д. Живаго) и во всѣхъ вообще конторахъ по приему объявленій и подписки.

Редакторъ-издатель *Е. Кудрявцевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ (2-й г. изданія) „САМОПОМОЩЬ“

популярный журналъ для семьи

гигиенической, сельскохозяйственный, технической и педагогической

12 №№ журнала въ годъ и 48 приложений библіотеки „САМОПОМОЩИ“.

Подписная цѣна со всѣми приложениями 4 руб. въ годъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Николаевская, № 37.

„Помогай себѣ самъ!“ вотъ девизъ нашего времени и идея самопомощи все болѣе входятъ въ сознаніе людей. Журналъ „Самопомощь“ посвящается этой идее. Это первый русский популярный журналъ, съ столь широкой программой, могущей удовлетворить каждаго. Провинциальная интеллигенція, люди труда, мысли и практическаго дѣла, чиновники, помѣщики, военные, священники, учителя, ремесленники, сельскіе хозяева, наконецъ, родители и воспитатели—найдутъ въ журналѣ „Самопомощь“ и его многочисленныхъ приложенийъ, въ ясной и общедоступной формѣ, много полезныхъ для себя указаній, совѣтовъ и наставленій, въ области медицины и гигиены, сельскаго хозяйства и домохозяйства, техники и ремеселъ, воспитанія и обученія и пр.

Въ 1902 г. подписчики получаютъ слѣдующія приложения:

Медицина и гигиена. 1) Малокровіе. 2) Гигиена старости. 3) Сонъ и бессонница. 4) Катарръ желудка. 5) Нервность нашего времени. 6) Тучность или ожирѣніе. 7) Гигиена слабогрудыхъ. 8) Домашняя косметика. 9) Лѣченіе худобы. 10) Гигиена волосъ. 11) Геморрой и привычные запоры. 12) Домашняя аптека. **Техника и ремесла.** 1) Шипущія машины. 2) Автомобили. 3) Уходъ за велосипедомъ. 4) Волшебный фонарь. 5) Столяръ-любитель. 6) Ацетиленовое освѣщеніе. 7) Двигатели малой силы. 8) Электричество въ домашнемъ быту. 9) Рецепты по фотографіи. 10) Граммофоны. 11) Технические рецепты дома. 12) Мелкія производства. **Сельское хозяйство и домоводство.** 1) Системы полеводства. 2) Уходъ за плодовымъ садомъ. 3) Малина и ея разведеніе. 4) Замѣтки по пчеловодству. 5) Молочное хозяйство. 6) Искусственныя удобрения. 7) Посадка деревьевъ. 8) Устройство цвѣтниковъ. 9) Земледѣльскія орудія. 10) Деревенскія постройки. 11) Обработка почвы. 12) Уходъ за дугами. **Воспитаніе и педагогія.** 1) Переутомленіе дѣтей. 2) Семейное воспитаніе. 3) Учебные столы и скамейки. 4) Дурныя привычки дѣтей. 5) Дѣтскія игры. 6) Мать и дитя. 7) Городъ и деревня для дѣтей. 8) Награды и наказанія въ воспитаніи. 9) Капризные дѣти. 10) Школьная гигиена. 11) Вліяніе наследственности. 12) Нормальная дѣтская.

Премія для подписчиковъ. Подписчики, подписавшіеся до 1-го января 1902 года получаютъ въ видъ преміи журналъ „Самопомощь“ со всѣми приложениями въ теченіе октября, ноября и декабря текущаго года бесплатно, а всего получаютъ 15 №№ и 60 приложенийъ.

Подписчики по желанію могутъ подписаться наложеннымъ платежемъ, о чемъ заявляють редакціи простымъ, даже открытымъ письмомъ. Первый № журнала имъ высылается немедленно, съ наложеннымъ платежъ 4 р. 25 к. (25 к. почтовые расходы), а остальные №№ по полученіи денегъ, высылаются обыкновеннымъ порядкомъ. № журнала для ознакомленія высылается съ 4 очередными приложениями за 50 коп. деньгами или марками.

Подробная программа бесплатно.

Открыта подписка на 1902 годъ
на еженедѣльную политическую, общественную и литературную газету

ОТГОЛОСКИ

(годъ изданія 7-й).

цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 р.

И ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

(годъ изданія 8-й),

Цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 р.

Адресъ редакціи обоихъ изданій: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, 10.

Лица, подписывающіяся на оба изданія, платятъ за годъ съ доставкой и пересылкой 5 руб., на 8 мѣс.—4 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 4 мѣс.—2 руб:

Въ программу газеты „Отголоски“ входятъ всѣ обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ, а именно руководящія статьи всякаго рода, фельетонъ, романы, рассказы и очерки, обзоръ мнѣній и отзывы печати, внутреннее и иностранное обозрѣніе, хроника русской и заграничной жизни, обзоръ открытій и изобрѣтеній, театр и музыка, справочныя свѣдѣнія: торговля, биржевыя и пр. Отвѣты редакціи. Объявленія.

„Литературное Обозрѣніе“ заключаетъ въ себѣ обзоръ всѣхъ выдающихся и наиболее интересныхъ новинокъ русской литературы въ области беллетристики и науки, важнѣйшихъ журнальныхъ статей и лучшихъ изъ вновь выходящихъ книгъ. Задача изданія—помощь читающей публикѣ разобраться въ массѣ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ и въ періодической печати. Тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или возможности слѣдить за новыми журналами и книгами, подробное изложеніе содержанія новыхъ произведеній литературы съ приведеніемъ наиболее характерныхъ отрывковъ изъ нихъ можетъ до извѣстной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Въ этихъ видахъ приложены особая заботы о томъ, чтобы №№ изданія доставляли возможно болѣе интереснаго для чтенія матеріала. Въ журналѣ помѣщаются и произведенія беллетристики русской и иностранной, романы, рассказы, очерки и проч., а также литературно-критическія и научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, преимущественно по вопросамъ, выдвигаемымъ въ русской литературѣ. О книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, даются отзывы въ отдѣлѣ „Библиографія“.

Редакторъ-издатель И. В. Скворцовъ.

Тридцатый годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ

30-й г. изд.

на иллюстрированные журналы

30-й г. изд.

„ПРИРОДА и ОХОТА“

и

„ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“.

Журналы „Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“ циркулярно Главнаго штаба Военнаго Министерства рекомендованы по войскамъ. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ одобренъ для фундаментальныхъ библиотекъ.

Подписчики получаютъ 12 книгъ „Природы и Охоты“ (выходить ежемѣсячно) и 50 №№ „Охотничьей Газеты“.

Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Премія: „Звѣри Россіи“—

обширный трудъ въ нѣсколько томовъ, со множествомъ иллюстрацій въ текстѣ профессора звѣрописи А. С. Степанова и художника Высотскаго и

съ „Альбомомъ звѣрей Россіи и охотъ на нихъ“,

будутъ выходить при книгахъ журнала „Природа и Охота“ до окончанія всего труда.

ПРЕМІЯ 1902 года:

Охотничій календарь Л. П. Сабанѣва.

Полная справочная книга для ружейныхъ и псовыхъ охотниковъ. Дополненное и исправленное 4-е изданіе съ 500 рисунками въ текстѣ, до 800 стр. большаго формата. Съ приложеніемъ къ книгѣ лѣчебника собакамъ, описанія всѣхъ породъ собакъ, дрессировки, натаски и проч. и законовъ объ охотѣ.

Въ журналахъ печатаются: Разказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи.—Описаніе способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и ужения, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ—борзыхъ, гончакъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дрессировки, натаски и лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣстонахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденція изъ всѣхъ мѣстностей Имперіи.—Ветеринарный отдѣлъ.—Юридическій отдѣлъ.—Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей.—Библиографическія замѣтки.—Обзоръ иностранной литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. и доставк. 15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., за границу 20 руб. Разсрочка по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: **Москва, Пречистенка, д. Станицкой.**

Редакторъ-издатель Н. В. Турнинъ.

Открыта подписка на 1902 годъ
на ежемѣсячный художественно-иллюстрированный журналъ
„ОХОТНИЧЬЕ ДѢЛО“.

Подписная цѣна на годъ 2 руб. съ пересылкой.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ два листа большого формата. Роскошныя иллюстраціи, помѣщаемыя въ журналѣ, знакомятъ съ лучшими художественными произведеніями русскихъ и иностранныхъ художниковъ, съ выдающимися по красотѣ экстерьера собаками и проч. При редакціи образована испытательная комиссія по охотничьему оружію для пристрѣлки ружей, пробы пороховъ, пыжей, дробы, пуль и проч. Результаты пристрѣлокъ, пробъ и научныхъ изслѣдованій публикуются въ журналѣ. Подписчики пользуются совѣтами комиссіи по охотничьему оружію. Безвозмездный выборъ ружей производится подписчикамъ также однимъ изъ членовъ испытательной комиссіи.

Подписка принимается въ Москвѣ (Пречистенка, д. Станицкой), въ редакціи „Охотничье Дѣло“. Подписная цѣна на годъ съ перес. и дост. 2 рубля.

Подписка на 1902 годъ на журналъ
„ДѢЯТЕЛЪ“.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Программа журнала слѣдующая:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Письма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ трезвости въ Россіи и за границею. 10) Протоколы Казанск. Общ. трезвости. 11) Критика и библіографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна, только за полный годъ, 2 рубля.

Журналъ за 1897 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни. Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900 годы платятъ 8 рублей.

Редакторъ-издатель А. Соловьевъ.

Открыта подписка на 1902 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
„Прикаспійскую торгово-промышлен. газету“.

Подписная плата:

въ Астрахани: на годъ 4 р., на полгода 2 р. 75 к., на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣсяць 75 к.; въ другіе города и села: на годъ 4 руб. 50 к., на полгода 3 руб., на 3 мѣсяца 2 руб., на 1 мѣсяць 85 коп.

Годовые подписчики получаютъ газету въ поябрѣ и декабрѣ **БЕЗПЛАТНО.**

годъ III. **Открыта подписка на 1902 годъ** 3 РУБЛЯ.

на научно-спеціальный и бытовой журналъ

ВѢСТНИКЪ ГОМЕОПАТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ,

издаваемый въ г. Харьковѣ подъ редакціей д-ра Е. Дюкова.

Журналъ имѣетъ задачей, во 1-хъ, разработку вопросовъ, касающихся теоріи и практики гомеопатическаго лѣченія и общественно-бытовой стороны дѣла гомеопатіи въ Россіи и за границей; во 2-хъ, устраненіе предубѣжденія и выясненіе недоразумѣній, существующихъ относительно гомеопатіи и раздѣляющихъ врачей на два враждебныхъ лагеря—аллопатовъ и гомеопатовъ. Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 2-хъ печат. лист. Цѣна ТРИ руб. съ пересылкой, на 1/2 года 1 р. 50 к. Допускается разсрочка по соглашенію. Подписка принимается въ редакціи: Харьковѣ, Екатеринославская. 26.

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ

И

ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ.

Выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, не менѣе 24 стр. каждый, подъ редакціей профессора В. А. Циммермана и приватъ-доцента В. Ф. Когана. . .

Программа журнала: Оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элементарной математики. Статьи, посвященныя вопросамъ преподаванія математики и физики. Научная хроника. Разныя извѣстія. Математическія мелочи. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшавшихъ. Упражненія для учениковъ. Задачи, предложенныя на испытаніяхъ зрѣлости. Библиографическій отдѣлъ: обзоръ иностранныхъ журналовъ; замѣтки и рецензіи о новыхъ книгахъ. Объявленія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Подписная цѣна съ пересылкой за годъ 6 руб., за полугодіе 3 руб. Учителя и учительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіеся при непосредственныхъ сношеніяхъ съ конторой редакціи платятъ за годъ 4 руб., за полугодіе 2 руб. Допускается разсрочка подписной платы по соглашенію съ конторой редакціи. Книгопродавцамъ 5⁰/₀ уступки.

Отдѣльные номера текущаго семестра по 30 к., прошлыхъ семестровъ по 25 к.

Журналъ за прошлые годы по 2 р. 50 к., а учащимся и книгопродавцамъ по 2 р. за семестръ. Семестры XVI и XXIII распроданы.

Пробный номеръ высылается по первому требованію.

Адресъ для корреспонденцій: Одесса. Въ редакцію „Вѣстника Опытной Физики“.

Городекой адресъ: Нѣжинская, 47.

Редакторъ В. А. Циммерманъ.

Издатель В. А. Гернетъ.

Принимается подписка на

1902 г.

„ЖУРНАЛЪ

Годъ II.

Невропатологіи и Психіатріи

имени С. С. Корсакова“,

издаваемый Обществомъ Невропатологовъ и Психіатровъ
при Московскомъ университетѣ.

Журналъ будетъ выходить книжками отъ 10—12 печатныхъ листовъ каж-
дые 2 мѣсяца и, кромѣ оригинальныхъ статей по Невропатологіи, Психіатріи-
Психологіи, Антропологіи, Медико-Педагогическимъ вопросамъ и Судебной Ме-
дицинѣ, будетъ заключать въ себѣ систематическіе обзоры и рефераты, на
которые редакція обратитъ особое вниманіе съ цѣлью дать читателю возможно
полную картину современнаго состоянія Невропатологіи, Психіатріи и сопро-
дѣльныхъ наукъ. Кромѣ того, въ журналѣ будетъ помѣщаться обширный би-
блиографическій указатель какъ русской, такъ и иностранной литературы.

**Годовая цѣна съ пересылкою и доставкой десять руб-
лей. За границу 12 рублей.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣ-
вичье поле, Клиника Нервныхъ Болѣзней.

Открыта подписка на новую газету

ЕЖЕДНЕВНИКЪ

ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Духовная и умственная жизнь культурныхъ народовъ наиболѣе ярко и про-
грессивно отражается въ литературѣ и искусствахъ. „Ежедневникъ“ ста-
вить себѣ прямою задачею: слѣдить изо дня въ день, внимательно и убѣж-
денно, за всеми выдающимися проявленіями литературы, беллетристики, науки,
театра, музыки, живописи, ваянія, зодчества и др. искусствъ, какъ въ Рос-
сіи, такъ и за границей. Къ участию въ газетѣ приглашены извѣстные лите-
раторы, критики и художники, списокъ которыхъ будетъ объявленъ своевременно.
Завѣдываніе литературнымъ и театральнымъ отдѣлами принялъ на себя **К. Н.
Льдовъ**. ♦ Подписка принимается въ конторахъ: редакціи (Спб., В. Коню-
шенная, 6—4) и типографіи „Балашевъ и Ко“ (Фонтанка, 95), а также во
всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна съ дост. и перес.: на годъ—**8 руб.**, на 6
мѣс.—**5 р.**, на 3 мѣс.—**3 р.** Подписавшіеся на 1902 г. получаютъ газету въ
текущемъ году **безплатно**. Первый номеръ выйдетъ 1-го декабря. Желающіе
ознакомиться съ „Ежедневникомъ“ благоволятъ прислать свой адресъ;
пробный номеръ будетъ высланъ имъ **безплатно**.

Редакторъ-издатель Э. Н. Борманъ.

Открыта подписка на 1902 г. (3 годъ изданія).

Начало подписного года съ 1-го ноября 1901 г.

Ежемесячный художественно-литературный журналъ

ОТДЫХЪ.

Задачи журнала—распространеніе эстетическихъ началъ въ русской жизни. Издаваемый по типу заграничныхъ художественно-иллюстрированныхъ изданій, съ ежемесячно мѣняющейся обложкой, выполненной въ краскахъ.

Подписная цѣна: 3 р. за годъ (12 номеровъ) съ дост. и перес. За 8 мѣс. 2 р. 50 к., за 4 мѣс. 1 р. 50 к., отдѣльные номера 35 к. Съ перес. за гран. 6 р. При высылкѣ журнала наложеннымъ платежомъ цѣна за годъ (12 номер.) 3 р. 50 к. За 8 мѣс. 3 р., за 4 мѣс. 2 р. (взимаемые за первый номеръ), отдѣльныхъ номеровъ 50 к. При заказѣ 10 экземпляровъ одиннадцатый—бесплатно.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ „Отдыхъ“: 75 к. строка петитомъ въ 1 столб. На обложкѣ: вторая страница 300 р., третья—200 р., послѣдняя въ краскахъ—1.000 руб.

Типографіей Евг. Тиле преemn., изготовлены роскошные переплеты съ золотымъ тисненіемъ для „Отдыха“ за 1900—1901 г., цѣною въ 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к. Оставшееся небольшое количество полныхъ экземпляровъ за 2-й годъ изданія продаются въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ по 4 руб., съ пересылкою 5 руб.

Главная контора, С.-Петербургъ, Адмиралтейскій каналъ, № 17.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Годъ 2-й на 1902 годъ Годъ 2-й

на ежедневную

литературно-политическую, общественную и коммерческую газету

„ЮЖНЫЙ КУРЬЕРЪ“,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ ГОР. КЕРЧИ.

Номера для ознакомленія высылаются бесплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкою иногороднимъ: на годъ — 7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб., къ 1-му апрѣля 2 руб., и къ 1-му іюля 2 руб. Новые подписчики, внесшіе полностью подписную плату за 1902 годъ, получаютъ газету со дня подписки до 1-го января 1902 г. бесплатно.

Иногородніе адресуютъ: въ Керчь, въ редакцію „Южнаго Курьера“.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ: за строку петита или ея мѣсто на первой страницѣ въ первый разъ 15 коп., въ слѣдующіе разы — 10 коп.; послѣ текста—10 и 6 коп.

Издатель Б. І. Харитонъ.

Редакторъ Д. Т. Овсѣнко.

Открыта подписка на 1902 г. на еженедельный, иллюстрированный, религиозно-нравственный

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

4 рубля за годъ
съ пересылкой.

КОРМЧИЙ

2 руб. 50 коп.
за полг. съ пер.

(пятнадцатый годъ изд.).

«КОРМЧИЙ» одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

За **ЧЕТЫРЕ** рубля въ годъ „КОРМЧИЙ“ даетъ:

52 №№ журнала, украшеннаго рисунками, и Современнаго Обзорѣня.

52 №№ иллюстриров. листковъ по воскреснымъ житіямъ святыхъ.

24 книжки для народа, подъ общимъ заглавіемъ:

„Народная библіотека Кормчаго“.

Содержаніемъ книжекъ будутъ служить разные религиозно-нравственные рассказы.

При одновременной выпискѣ десяти экземпляровъ журнала за 1902 годъ одиннадцатый высылается бесплатно.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Ордынка, д. Бажановой (кв. Протоіерея Скорбяч. ч.).

Редакторы: протоіереи { С. П. Ляпидевскій.
И. Н. Бухаревъ.

Изд. свящ. С. С. Ляпидевскій.

За прежніе года журналъ „КОРМЧИЙ“ продается по ТРИ РУБЛЯ съ перес.

Есть сброшюрованные экземпляры за 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 гг. При выпискѣ журнала за всѣ восемь лѣтъ цѣна 20 рублей съ пересылкой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ПЕРМСКІЙ КРАЙ“.

Газета издается въ гор. Перми и выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ; въ эти послѣдніе дни подписчикамъ рассылаются телеграммы „Россійск. Телегр. Агентства“.

Собственные корреспонденты имѣются во всѣхъ городахъ и многихъ селлахъ и заводахъ Пермской и Вятской губ., а также въ Петербургѣ, Москвѣ и губернскихъ городахъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ 6 р., 11 мѣс.—5 р. 50 к., 10 мѣс.—5 р., 9 мѣс.—4 р. 50 к. 8 мѣс.—4 р., 7 мѣс.—3 р. 50 к., 6 мѣс.—3 р., 5 мѣс.—2 р. 50 к. 4 мѣс.—2 р., 3 мѣс.—1 р. 80 к., 2 мѣс.—1 р. 20 к., 1 мѣс.—60 к.

Допускается разсрочка на льготныхъ условіяхъ.

Подписываться можно на всѣ сроки, но не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Учителямъ народныхъ училищъ и церк.-приход. школъ и законоучителямъ этихъ училищъ при годовой подпискѣ на газету предлагается скидка 20%, съ разсрочкой уплаты подписной суммы въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ.

Плата за объявленія и публикаціи: впереди текста—15 коп. за строку, послѣ текста—5 коп. за строку. За годовыя, полугодовыя и многократныя объявленія значительная скидка по соглашенію.

Редакція и контора газеты: Пермь, Пермская ул., № 59.

Редакторъ-издатель С. А. Басовъ.

Открыта подписка на 1902 годъ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ общественной жизни, политики, литературы и торговли **ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.**

Условія подписки:

съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ 7 рублей,

11 мѣс. — 6 руб. 50 коп., 10 мѣс. — 6 руб., 9 мѣс. — 5 руб. 50 коп.,
8 мѣс. — 5 руб., 7 мѣс. — 4 руб. 50 к., 6 мѣс. — 4 руб., 5 мѣс. — 3 р. 50 к.,
4 мѣс. — 3 р., 3 мѣс. — 2 р. 40 к., 2 мѣс. — 1 р. 70 к., 1 мѣс. — 90 к.,
1/2 мѣс. — 50 коп.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ 1 рубль въ мѣсяцъ до выплаты всей суммы, **обязательно** при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ—**въ разсрочку**, иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1-го и 16-го числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія: за каждую строку цѣнита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или **за занимаемое строкой мѣсто**, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ впереди текста, плата въ двое дороже. За объявленія, печатаемые отъ 20 разъ дѣлается уступка отъ 10⁰/₀, 30 разъ—15⁰/₀, 40—разъ 20⁰/₀, 50 разъ—25⁰/₀, 60 разъ—30⁰/₀, отъ 70—100 разъ—40⁰/₀, не менѣе 100 — 150 разъ уступка 50⁰/₀. За адресъ, въ 5 строкъ, на 1-й стр. газеты—10 р. въ годъ—150 разъ, 6 р.—за 75 разъ, 4 р.—за 38 разъ и 2 р.—за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 коп. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., при чемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производится:

Въ Орлѣ—въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника“, Зинovieвская улица, д. № 2, и въ отдѣленіи ея—Московская ул., аптека. магазинъ Полякъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Ельцѣ—на Соборной ул., д. Маличкина, бывшій Пантелеевыхъ, рядомъ съ Преображенской церковью, В. Д. Лукашовъ.

Въ Брянскѣ—Авиловская ул., домъ Сурнина, А. К. Федоровъ.

Только розничная продажа газеты:

Въ Москвѣ, Петровск. лин., кн. торг. Анисимова; въ Ельцѣ, у газетчика М. И. Давыдова; въ Брянскѣ, въ библи. г. М. И. Юдина и г. Федорова; въ Карачевѣ, въ магазинѣ А. Н. Хализева; въ Ливнахъ, бібліотека г. Крафтъ; въ Болховѣ, Ново-Московск. ант. Р. Г. Вольперта; въ Рославлѣ, писче-бумажный магаз. Д. В. Рафаилова; въ Липецкѣ, книжн. магаз. А. И. Полянскаго.

Редакторъ-издатель А. И. Аристовъ.

Открыта подписка на 1902 годъ

(XX-й годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖНАЯ РОССІЯ“

(БЫВШ. ЮЖАНИНЪ).

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условий, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Форматъ газеты нѣсколько увеличенъ.**Условія подписки на газету «Южная Россія»:**

Безъ доставки и пересылки.

На годъ	7 р.	— к.
» 11 мѣсяцевъ	6	50
» 10	6	10
» 9	5	60
» 8	5	10
» 7	4	60
» 6	4	—
» 5	3	75
» 4	3	—
» 3	2	50
» 2	1	50
» 1	1	—

Съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылкой иногороднимъ.

На годъ	8 р.	— к.
» 11 мѣсяцевъ	7	50
» 10	7	—
» 9	6	40
» 8	6	80
» 7	5	20
» 6	4	50
» 5	4	—
» 4	3	25
» 3	2	75
» 2	2	—
» 1	1	20

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 коп. въ мѣсяць. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить чрезъ январь 1903 года. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкой: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к., безъ доставки: къ 1 января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ три срока съ доставкой: къ 4-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му юня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му юня—2 р.

Подписка принимается: въ г. Николаевѣ (Херс. губ.) въ конторѣ „Южной Россіи“, уг. Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера; въ г. Кременчугѣ у А. М. Михлевица, Большая Мѣщанская, д. Петрунькина, № 68 (противъ торговыхъ банъ Сандомирскаго); въ С.-Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о.

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

Открыта подписка на 1902 годъ на дѣтскій иллюстрированный журналъ

Годъ изданія
23-й.

ИГРУШЕЧКА

ДЛЯ МЛАДШАГО
ВОЗРАСТА.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы МАРИИ къ приобрѣтенію въ бібліотеки.

„Игрушечка“ съ 1897 года даетъ своимъ подписчикамъ въ видѣ бесплатнаго приложенія шесть иллюстрированныхъ томиковъ, подъ общимъ названіемъ „Библіотечка Игрушечка“. Въ журналѣ помѣщаются рассказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ русскимъ переводомъ.

Шесть томиковъ „Библіотечки Игрушечка“ въ 1902 году будутъ посвящены отечествовѣдѣнію.

При журналѣ „Игрушечка“ существуетъ ДВА особыхъ отдѣла:

1) Годъ XIII. **ДЛЯ МАЛЮТОКЪ.** (До 8-ми лѣтняго возраста).

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими рисунками. Особой подписки на отдѣлъ „Для малютокъ“ нѣтъ.

Подписчики „Игрушечки“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, кромѣ шести книжечекъ, получаютъ еще отдѣльную премію, приуроченную къ этому возрасту.

2) Педагогическое изданіе, посвященное вопросамъ воспитанія дѣтей и самообразованія матерей:

НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ.

(Годъ изданія IX). (Выходитъ 9 разъ въ годъ). Цѣна отдѣльно 3 р.

Вступая въ 9-й годъ изданія, редакция „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“, будетъ пользоваться сотрудничествомъ тѣхъ же лицъ, которые въ теченіе восьми лѣтъ, помогая редакціи своимъ участіемъ, способствовали успѣху этого изданія. Главная задача—помочь женщинѣ-матери, въ особенности неопытной, разобраться въ тѣхъ коренныхъ вопросахъ, которые ей ежедневно предъявляетъ жизнь. Въ 1902 г. будетъ печататься рядъ статей по семейному праву.

Годовая подписная цѣна: съ дост. и перес. въ Россіи:

„Игрушечка“ съ шестью томикомъ „Библіотечка Игрушечка“ въ Россіи 3 р., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“ и двумя преміями 5 р., „Игрушечка“ съ педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ 5 р., „Игрушечка“ съ отдѣломъ „Для малютокъ“, 2-мя преміями и педагогическимъ изданіемъ „На помощь матерямъ“ 7 р., „На помощь матерямъ“ отдѣльно 3 руб.

За границу каждое изданіе на 2 руб. дороже.

Адресъ: **С.-Петербургъ, Гончарная, д. 10.**

Редакторъ-издательница **А. Н. Пыикова-Толмъцова**

1902 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1902 г.

ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

съ бесплатнымъ приложеніемъ Сборника рѣшен. Угол. и Гражд. Кассац. Деп. и Общ. Собран. Прав. Сен. и Собранія узакон. и распор. Правительства.

Выходить два раза въ недѣлю *): по воскресеньямъ и четвергамъ,

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Годовая подписная цѣна съ дост. и перес. 7 р. Допускается разсрочка въ платежи: при подпискѣ—4 р. и къ 1 апрѣля—остальные 3 р.

Правительственныя и общественныя учрежденія, а также должностныя лица этихъ учреждений, въ правѣ подписываться въ кредитъ, но при условіи, чтобы: а) требованія были заявлены на бланкѣ присутствія, съ указаніемъ числа, мѣсяца, года и №; б) при требованіи были присланы два рубля, и в) въ требовательномъ бланкѣ опредѣленъ былъ срокъ, къ которому должны быть доставлены въ редакцію остальные подписныя деньги (5 р.) за газету, при чемъ учрежденіе принимаетъ на себя отвѣтственность за своевременную присылку остальныхъ денегъ (5 р.), до истеченія того года, на который сдѣлана подписка.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59).

Программа: Передовыя статьи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательства.—Статьи и замѣтки специально-юридическаго содержания. — Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетоны.—Рѣшенія Правительствующаго Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, призванныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ. — Новыя книги и отзывы о нихъ (библиографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшія полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщение въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтового ящика“, справокъ о резолюціяхъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписнаго года, дѣлается бесплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правительствующаго Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассационныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

* Въ дни Рождества Христова равно на сырной, страстной и пасхальной недѣляхъ, а также въ два дѣтніе мѣсяца (съ 15 іюня по 15 августа) газета выходитъ по одному разу въ недѣлю.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имуще- ственныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ кон- торною редакціею.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и къмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и долж- ностнымъ лицомъ приняты прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое пра- вительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условий, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ какъ порученія, преду- смотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены тре- бованія, указанные въ §§ 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣднія изъяснить согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

художественно-педагогическій журналъ

„ВѢСТНИКЪ УЧИТЕЛЕЙ РИСОВАНІЯ“.

Программа журнала: 1) Правительственныя распоряженія по педагогической, художественной и художественно-промышленной части. 2) Художественная и педагогическая хроника. 3) Обзоры и сообщенія о русскихъ и иностранныхъ педагогическихъ, художественныхъ и художественно-промышленныхъ выстав- кахъ, музеяхъ, школахъ, классахъ и т. п. 4) Обзоръ русскихъ и иностран- ныхъ педагогическихъ и художественныхъ газетъ и журналовъ; сообщенія и отзывы о программахъ, руководствахъ, пособіяхъ и различныхъ усовершен- ствованіяхъ въ дѣлѣ преподаванія рисованія, черченія и чистописанія. 5) Фелье- тоны. Статьи по текущимъ педагогическимъ и художественнымъ вопросамъ. 6) Сообщенія и отчеты о конкурсахъ и дѣятельности художественныхъ и пе- дагогическихъ учреждений, обществъ, комиссій, съѣздовъ и т. п. 7) Краткія извѣстія. 8) Некрологи. 9) Объявленія.

Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, будутъ помѣщаться приложенія на отдѣль- ныхъ листахъ въ видѣ рисунковъ, чертежей, таблицъ, русскихъ и переводныхъ сочиненій въ предѣлахъ программы.

12 номеровъ въ годъ. Срокъ выхода 15-е число каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб.

Подписной годъ начинается 15-го сентября.

Подписка принимается: отъ городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій, 40 въ Москвѣ—въ Берлинскомъ художественномъ магазинѣ Ю. Ф. Брокмана, Не- глинный проѣздъ, домъ Третьяковыхъ.

Изгороднихъ просятъ обращаться исключительно на имя редактора-издателя
А. Н. Смирнова. С.-Петербургъ, Озерной пер., д. № 6, кв. 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 годъ

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей старшаго возраста

ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ

(изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова).

22-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ допущенъ въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и бібліотеки и въ библ. средн. учебн. завед.

Съ 1902 г., кромѣ атласа картинъ въ краскахъ по всеобщей этнографіи, всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разсылаться новое бесплатное иллюстрированное приложеніе „БИБЛИОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ“ собраніе произведеній лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, доступныхъ для дѣтей и юношества. Въ 1902 г. будутъ даны четыре томика, заключающіе въ себѣ: 1) сочиненіе К. Фламмаріона—Маленькая Астрономія и 2) историческая повѣсть Марка Твена—„Жанна д'Аркъ“. Цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой—6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и главной конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 28.

ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ

(двадцать пятый годъ изданія),

ежедневная газета, съ будущаго года будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ (размѣра „Русск. Вѣд.“) по слѣдующей, утвержденной правительствомъ программѣ:

1) Приказы по военному и гражданскому управленіямъ Кавказа и Закавказья. 2) Статьи по внутреннимъ и краевымъ вопросамъ. 3) Обзорніе иностранной политической жизни. 4) Научно-литературный отдѣлъ. 5) Общая хроника: внутренняя и иностранная. 6) Библиографія. 7) Мѣстный отдѣлъ: театръ, музыка и корреспонденціи. 8) Справочный отдѣлъ и объявленія. ♦ Текстъ газеты будетъ иллюстрироваться. ♦ По понедѣльникамъ и послѣпраздничнымъ днямъ подписчикамъ будутъ разсылаться телеграммы.

Подписная цѣна остается безъ измѣненія, а именно: иностороннимъ: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р. ♦ Подписка принимается исключительно въ конторѣ изданія: Тифлисъ, Головинскій, № 3.

1902 г. ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ Годъ XXI.

→ РЕБУСЪ, ←

знакомящій читателей съ современною научною разработкой вопросовъ психической области, какъ-то: **медіумизма** (спиритизма), животнаго магнетизма, **гипнотизма**, ясновидѣнія, двойного зрѣнія, мысленнаго внушенія, видѣнія призраковъ: приживленныхъ, присмертныхъ, посмертныхъ и т. п. На страницахъ журнала помѣщаются описанія сеансовъ извѣстныхъ медіумовъ въ Россіи и за границею. Статьи по **астрологіи**, знакомящія съ этой наукой, и теоретически и практически: составленіе гороскоповъ. Статьи по оккультизму, заключающія въ себѣ ученіе древнихъ и новѣйшихъ оккультистовъ. Беллетристика: романы, повѣсти и рассказы.

Годъ съ дост. 5 р., безъ дост. 4 р., 1/2 года съ дост. 3 р., безъ дост. 2 руб. Разсрочка: при подпискѣ 2 руб.; 1-го апрѣля, 1-го іюля и 1-го окт. по 1 р.

Адресъ: Царское село (Петербургской губ.), редакція журнала „Ребусъ“.

ВЪ СКЛАДАХЪ ИЗДАНИЙ А. Ю. МАНОЦКОВОЙ

Москва, 1) тип. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^о**; 2) маг. „**Книжное Дѣло**“, Моховая; 3) Спб., книжн. складъ **Звонарева**, Б. Московская, 12 и 4) Спб., типографія Мин. Путей Сообщенія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^о**,

находятся слѣдующія новыя книги собственнаго изданія:

П. Лафаргъ. „Умственный трудъ и машина“. Переводъ съ франц. Ц. 45 к.

Л. Штейнъ. „Къ аграрному вопросу“. Вып. I (самостоятельное дѣло). Исторія землевладѣнія и поземельнаго права до половины XIX в. Цѣна 75 к.

Эр. Махъ. „Научно-популярныя очерки“. Вып. I (представляющей самостоятельное дѣло). „Этюды по теоріи познанія“. Переводъ А. Мейера, подъ редакціей П. К. Энгельмейера, съ предисловіемъ къ русск. изд. Э. Маха.

Эр. Махъ. „Научно-популярныя очерки“. Вып. II (самостоятельное дѣло).

„Научно-популярная бібліотека А. Маноцковой“ для юношества и самоучекъ, первая серія:

№ 1. К. Петерсъ. „Популярная минералогія“. 58 рисунк. Цѣна 80 к.

№ 2. Проф. I. Нусбаумъ. „Основы біологіи“. 40 рисунок. Цѣна 80 к.

№ 3. З. Герингъ. „Основы политической экономіи“. (Экономич. бесѣды). Цѣна 75 к.

№ 4. Д-ръ Штерлингъ. „Наука о здоровьи“. (Основы гігіены). 13 рисунок. Цѣна 80 коп.

Выписывающіе изъ главнаго склада всю серію дѣлкомъ получаютъ ее за 6 р. съ пересылкой. Съ требованіями обращаться въ **Москву, магазинъ „Книжное Дѣло“** (отдѣленіе книгоиздательства и главный складъ изданій А. Ю. Маноцковой), а равно и въ другіе склады.

Принимается подписка на 2-ю и 3-ю серіи

„Научно-популярной бібліотеки А. Ю. Маноцковой“ для юношества и самоучекъ.

ВТОРАЯ СЕРІЯ.

№ 1. Фраасъ. „Геологія“, съ мног. рис.

№ 2. Гюнтеръ. „Физическая географія“, съ мног. рис.

№ 3. Бернштейнъ. „Популярная химія“, съ политипаж.

№ 4. Гейльпернъ. „Астрономія“, съ мног. рис.

№ 5. Эльзенгансъ. „Популярная Психологія и Логика“.

№ 6. Захаріасъ. „Дарвинизмъ“.

№ 7. Томъ. „Описательн. ботаника“ (системат. и морфологія), съ мног. рис.

№ 8. Габерланъ. „Популярн. этнографія“, съ мног. рис.

ТРЕТЬЯ СЕРІЯ.

№ 1. I. Вальтеръ. „Общая океанографія“.

№ 2. А. Бишофъ. „Основа финансовой науки“.

№ 3. Ф. Кирхнеръ. „Этика“.

№ 4. Морзелли. „Общая социологія“.

№ 5. Заборовскій (съ дополн. по Неймайеру и Гетчинсону) — „Палеонтологія“, съ мног. рис.

№ 6. Брефельдъ. „Популярн. бактериологія“, съ рис.

№ 7. Э. Д. „Исторія мірозданія“, съ рисунок.

№ 8. Т. Филта. „Всеобщая исторія“.

По соображеніямъ редакціоннымъ и цензурнымъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ авторовъ могутъ быть замѣнены другими. Подписная цѣна на каждую серію порознь 5 руб., на обѣ серіи вмѣстѣ 9 руб.

— По выходѣ изъ печати цѣна будетъ значительно повышена. —

Обѣ серіи выйдутъ въ теченіе 1901—2 года и будутъ заключать въ себѣ до 100 листовъ каждая, т.-е. по 10 — 15 листовъ въ каждой книгѣ.

Допускается разсрочка: а) при подпискѣ на одну серію 3 руб. и при полученіи 4-го №—остальные 2 руб. (наложеннымъ платежомъ); б) при подпискѣ на обѣ серіи 5 руб. и при полученіи 8-го № — остальные 4 руб. (вложеннымъ платежомъ).

Для земствъ, различныхъ казенныхъ и общественныхъ учреждений допускается болѣе льготныя условія подписки, а именно:

1) При подп. на 10 и болѣе экз. каждой серіи дѣлается уст. съ подп. цѣны—10%	
2) " " " 25 " " " " " " " " —15%	
3) " " " 50 " " " " " " " " —20%	
4) " " " 100 " " " " " " " " —25%	

Съ требованіями и подпиской слѣдуетъ обращаться въ главный ~~связь~~ и отдѣленіе книгоиздател. А. Ю. Маноцковой: Москва, магазинъ „КНИЖНОЕ ДѢЛО“, Моховая, 26.

Проспекты по первому требованію высылаются бесплатно.

IX годъ изданія.

Открыта подписка на 1902 г.

на ежедневную общедоступную газету (кромѣ дней послѣ праздниковъ).

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“

издающуюся въ Томскѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ	4 р.	3 р. 30 к.	2 р. 30 к.	40 к.
Съ перес. въ другіе города	5 " "	4 " — "	3 " — "	50 "
Съ пересылкой за границу	9 " "	7 " — "	5 " — "	1 р.

За печатаніе въ „Сибирской Жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку петита—20 коп., позади текста—10 коп. За разсылку объявленій при газетѣ вѣсомъ не болѣе лота—7 руб. за 1000 экземпляровъ

Подписка и объявленія принимаются: въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Иногородніе требованія свои адресуютъ: въ г. Томскѣ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.

Издатель П. Макушинъ.

Редакторы: П. Макушинъ.
А. Макушинъ.

Открыта подписка на 1902 годъ (13-й г. изд.)

на общепедагогической журналъ для школы и семьи

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1901 года напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ моихъ служебныхъ воспоминаній. С. Бобровскаго; 2) Эволюція воспитанія и образованія у различныхъ народовъ. М. Страховой; 3) Изъ жизни французской начальной школы. Ея же; 4) Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. П. Мижуева; 5) Къ вопросу о подготовкѣ учителей среднихъ учебн. заведеній (Германія). А. Готлиба; 6) Подготовка учителей новыхъ языковъ въ Германіи, Австріи, Франціи и Швейцаріи. Графа А. Мусина-Пушкина; 7) Особенности игръ и тѣлесныхъ упражненій въ современной Германіи. Д-ра А. Виреуса; 8) Первый международный конгрессъ педагог. печати въ Парижѣ. Е. Ковалевскаго; 9) Отдѣлъ русскаго начального образованія на всемирной выставкѣ въ Парижѣ. С. Игнатенкова; 10) Въ американской гимназіи. И. Рубинова; 11) Дѣятельность управления Кавказскаго уч. округа за послѣднее 20-тилѣтіе. Н. Попова; 12) Школьная гигиена (по Котельмалу). М. Брейтмана; 13) Взглядъ на педагога въ современномъ обществѣ. М. Лысковскаго; 14) Школа и воспитаніе. О. Роговой; 15) Задачи и средства эстетическаго воспитанія въ средней школѣ. А. Миронова; 16) Къ вопросу объ оцѣнкѣ баллами познаній учащихся. Я. Гуревича; 17) Каникулярныя развлеченія учениковъ средн. уч. заведеній. П. Акимова; 18) Къ университетскому вопросу. Проф. Е. Будде; 19) Комиссія по преобразованію средней школы и результаты ея занятій. Я. Гуревича; 20) Къ предстоящей реформѣ нашей средней школы. Проф. А. Архангельскаго; 21) Живая школа. М. Караулова; 22) Объ учительскихъ семинаріяхъ. А. Тарновскаго; 23) Къ вопросу о реформѣ духовной средней школы. А. Кремлевскаго; 24) Результаты съѣзда русскихъ дѣятелей по коммерческому образованію. Е. Гаршина; 25) Замѣтки по вопросамъ сельскохоз. образованія. И. Мещерскаго; 26) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1900 и 1901 гг. И. Бѣлоконскаго; 27) Къ вопросу о расширеніи курса начальной школы. М. Новикова; 28) Къ вопросу о реформѣ городскихъ училищъ. И. Сердюкова; 29) По вопросу о реформѣ городскихъ училищъ. К. Тихомирова; 30) Наши методы преподаванія и умственный паразитизмъ. В. Вахтерова; 31) Грамматика русскаго литературнаго языка, какъ предметъ изученія въ университетѣ и въ средней школѣ. Проф. Е. Будде; 32) По поводу постановки естествовѣдѣнія въ будущей средней школѣ. Проф. В. Шимкевича; 33) Отечественное вѣдѣніе въ средней школѣ. Я. Руднева; 4) Нѣскольکو словъ объ учебникѣ древней исторіи. Проф. Н. Карѣева; 35) Первые уроки исторіи. К. Иванова; 36) Въ защиту натурального метода преподаванія новыхъ языковъ. Л. Деше; 37) Обученіе чтенію сознательному, правильному и выразительному. М. Тростникова; 38) Замѣтки о постановкѣ преподаванія исторіи (по экспонатамъ Парижск. вист. 1900 г.). И. Евсева и мн. др. статьи.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессиональнаго образованія В. В. Барюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печатныхъ листовъ каждая.

П О Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А .

въ Петербургѣ безъ доставки 7 р.; съ доставкой 7 р. 50 к.; для иногороднихъ съ пересылкою 8 р.; за границу 9 р. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за 6 р. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15⁰/₀

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Диговская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.

Открыта подписка на 1902 г.

на еженедельный, общедоступный, иллюстрированный журнал для семьи

IV-й г.
изд.

СПУТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ

IV-й г.
изд.

подъ редакціей и при ближайшемъ участіи гг. профессоровъ и врачей по ихъ специальностямъ.

52 номера журнала даютъ своимъ читателямъ массу полезныхъ статей и свѣдѣній, изложенныхъ вполне доступнымъ и понятнымъ языкомъ, по всемъ вопросамъ популярной медицины, гигиены и санитаріи, освѣщающихъ всѣ могущіе интересовать читателя вопросы сохраненія его здоровья.

24 приложения, содержащія въ себѣ полезныя и необходимыя свѣдѣнія по домоводству, домохозяйству, фальсификаціи продуктовъ, сельскому хозяйству, ветеринаріи и т. д., по скольку они затрагиваютъ вопросы о человѣч. здоровьѣ и вполне примѣнны при каждой семейной обстановкѣ. Кромѣ того въ теченіе 1902 года подписчики получаютъ

— б е з п л а т н о —

16 приложений весьма полезныхъ въ каждой семьѣ:

12 книгъ общедост. библіотеки „ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ“.

Подача первой помощи, проф. Эсмарха, съ рисунками. — Здоровые и больные нервы, проф. Крафтъ-Эбинга. — Искусство продлить жизнь, проф. Эбштейна. — Поваренная книга. Діететика для желудка. больн., проф. Видерта. — Массажъ и его примѣненіе. Д-ра Бернъ, съ рисунками. — Водолѣченіе. (Дома у себя.) Д-ра Дюваль, сочин. удостоен. преміи Парижск. Академіи. — Гигіена повседневной жизни, проф. Гравиць. — Какъ сохранить здоровье дѣтей, проф. Фишль. — Гигіена кожи, волосъ и ногтей, проф. Ралле. — Гигіена зубовъ и рта, проф. Бертенъ. — Глазъ и уходъ за нимъ, проф. Фика. — Домашняя гимнастика, д-ра Ангерштейна и

ОБЩЕДОСТУПНОЕ РУКОВОДСТВО къ

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ БОЛѢЗНЕЙ

И СОХРАНЕНІЮ ЗДОРОВЬЯ. Бъ 4-хъ томахъ.

Подъ редакціей проф. Г. В. Хлопина. — Введеніе проф. Ф. Ф. Эрисмана.

Подписавшіеся на 1902 г. и внесшіе годовую плату до 20 декабря с. г. получаютъ 8 №№ журнала съ двумя къ нимъ приложениями **за ноябрь и декабрь 1901 года** **бесплатно** — кромѣ того, въ началѣ года одновременно всѣ 4 тома „Руководства къ предупрежденію болѣзней“.

Цѣна съ пересылкой на годъ **5** р. Разсрочка допускается.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала „Спутникъ Здоровья“, С.-Петербургъ, Коломенская ул., собств. домъ.

Отвѣтственный редакторъ А. О. Дукать.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ
(четвертый годъ изданія)
на еженедѣльную газету
ПРАВДА,

выходящую безъ предварительной цензуры подъ редакціей прив.-доц. В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго, при ближайшемъ участіи І. В. Гессена, О. О. Грузенберга, пр.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. І. Петражицкаго по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложеній: Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и „Законодательный Вѣстникъ“, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ распубликованныя въ 1902 г. общія узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ, и тѣ указы Правител. Сената и административныя распоряженія, которые представляютъ существенное значеніе для разъясненія смысла законовъ.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „Права“ бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой—7 р., на полгода—4 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ 1 мая 3 р. За границу на годъ—10 р. Отдѣльные номера продаются по 20 к.

Главная контора: С.-Петербургъ, Дмитровскій пер., № 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г.

на литературную, политическую, обществ. и коммерческ. газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ

выходящую въ г. Казани ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.
ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго камско-волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Въ городъ безъ дост.

Въ городъ съ дост.

На 12 мѣс. 6 р. 25 к.	На 6 мѣс. 3 р. 25 к.	На 12 мѣс. 7 р. — к.	На 6 мѣс. 4 р. — к.
„ 11 „ 5 „ 75 „	„ 5 „ 2 „ 75 „	„ 11 „ 6 „ 50 „	„ 5 „ 3 „ 50 „
„ 10 „ 5 „ 25 „	„ 4 „ 2 „ 25 „	„ 10 „ 6 „ — „	„ 4 „ 3 „ — „
„ 9 „ 4 „ 75 „	„ 3 „ 1 „ 75 „	„ 9 „ 5 „ 50 „	„ 3 „ 2 „ 25 „
„ 8 „ 4 „ 25 „	„ 2 „ 1 „ 20 „	„ 8 „ 5 „ — „	„ 2 „ 1 „ 50 „
„ 7 „ 3 „ 75 „	„ 1 „ — „ 60 „	„ 7 „ 4 „ 50 „	„ 1 „ — „ 75 „

Иногороднимъ съ пересылкой: на 12 м. 9 р., на 11—8 р. 50 к. на 10—8 р., на 9—7 р. 25 к., на 8—6 р. 50 к., на 7—5 р. 75 к., на 6—5 р., на 5—4 р. 25 к., на 4—3 р. 50 к., на 3—2 р. 75 к., на 2—2 р., на 1—75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 юля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта 2 р., 1 июня 2 р. и 1 августа 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1902 г. безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету бесплатно со дня подписки до 1-го января 1902 года.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

ЕЖЕГОДНИКЪ ПО ГЕОЛОГИИ И МИНЕРАЛОГИИ РОССИИ

издаваемый подъ редакціей Н. Криштафовича

(6-й годъ изданія).

ПРОГРАММА.

I. Оригинальныя статьи и замѣтки. II. Систематическіе указатели литературы. III. Систематическіе обзоры литературы. IV. Рефераты. V. Извѣстія объ экспедиціяхъ, экскурсіяхъ и пр. VI. Личныя извѣстія. VII. Разныя извѣстія. VIII. Музеи и коллекціи.

„Ежегодникъ“ печатается на русскомъ и параллельно на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ.

„Ежегодникъ“ выходитъ **ежемесячно**, исключая двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (10 выпусковъ въ годъ, каждый выпускъ объемомъ въ 5 печатныхъ листовъ).

Редакционный годъ съ 1 апрѣля по 1 апрѣля.

Подписная цѣна за годъ съ пересылкой—**6 рублей** въ Россіи, за границу—**15 марокъ = 20 франкамъ**.

Подписна принимается въ Редаціи (п. Ново-Александрія, Люблинской губ.) и въ книжныхъ магазинахъ: Эггерса, Суворина, Риккера, Карбасникова, Оглобина, Иогансона и во всѣхъ др.

Плата за объявленія—на всѣхъ европейскихъ языкахъ—за одинъ разъ: за стран. (in 4°) 20 руб., за 1/2 стр. 10 руб., за 1/4 стр. 5 руб., за 1/8 стр. 3 руб.

Комплектъ „Ежегодника“ за предыдущіе года (44 выпуска, составляющихъ 5 томовъ) 35 руб. 50 коп. для новыхъ подписчиковъ 28 руб.

Редакторъ-Издатель Н. І. Криштафовичъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ.**1902 г.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1902 г.на **ПОЛИТИЧЕСКУЮ НАУЧНУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ****ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,**

выходящую въ Одессѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ съ иллюстраціями въ текстѣ. Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.

По возможности на каждомъ № „Южнаго Обозрѣнія“ помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: въ Одессѣ съ доставкой на домъ на годъ—6 руб., 6 мѣс.—3 руб. 50 коп., 3 мѣс.—1 руб. 80 коп., 1 мѣс.—60 коп. На города (съ пересылкой) на годъ—8 руб., 6 мѣс.—4 руб., 3 мѣс.—2 руб., 1 мѣс.—1 руб.

Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., собственн. домъ.

Редакторъ Н. П. Цанни.

Издатель Г. М. Белейсонъ.

Открыта подписка на 1902 г. (XXI годъ изданія)

НА ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

РОДНИКЪ.

Годовое изданіе „Родника“ состоитъ изъ 12 книгъ (около 2800 столбцовъ текста и 500 рисунковъ). „Родникъ“ рекомендованъ, одобренъ и допущенъ для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Содержаніе РОДНИКА составляютъ:

I. Беллетристика, въ которой редакція старается давать больше такихъ вещей, которыя съ интересомъ прочтутъ и взрослые, для чего постоянно привлекаетъ въ журналъ писателей, работающихъ въ журналахъ для взрослыхъ.

II. Біографія, главнымъ образомъ „людей труда и сильной воли“.

III. Статьи и очерки, знакомящіе дѣтей съ народной поэзіей и сказаніями всѣхъ странъ и народовъ.

IV. Статьи популярно-научнаго характера изъ исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, относящіяся до родного быта и природы и написанныя главнымъ образомъ русскими учеными и путешественниками, хорошо изучившими родину.

V. Очерки изъ современной жизни, знакомящіе дѣтей съ выдающимися событиями русской и иностранной жизни.

VI. Описанія игръ, занятій, опытовъ и мелкія свѣдѣнія научнаго характера.

Переводы съ иностранныхъ языковъ даются въ умѣренномъ количествѣ, въ виду того, что дѣтскій журналъ прежде всего долженъ знакомить дѣтей съ родной природой и жизнью.

Обращено особенное вниманіе на внѣшность изданія: помимо многочисленныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, въ „Родникѣ“ помѣщаются отдѣльныя картинки въ краскахъ и снимки съ произведеній извѣстныхъ художниковъ, русскихъ и иностранныхъ.

Вмѣстѣ съ „Родникомъ“ издается ежемѣсячный педагогическій листокъ:

Воспитаніе и Обученіе,

посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія. „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ ежемѣсячно выпусками большого формата въ 32—64 столбца убористой печати.

Условія подписки на 1902 годъ прежнія:

На годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“ **5 руб.** На годъ съ дост. и перес. за 12 книгъ „Родника“ и 12 №№ „Воспитаніе и Обученіе“ **6 руб.** За границу **8 руб.** Отдѣльно за 12 №№ педагогическаго листка „Воспитаніе и Обученіе“—**2 рубля.**

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій просп., 90—92, при магазинѣ книгъ и учебныхъ пособій **Н. Н. Мореза.**

Издатель: { Н. Моревъ.
Алексѣй Альмедингенъ.

Редакторъ Алексѣй Альмедингенъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1902 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя въ Россіи и за границей въ книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученыя записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 рублю. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **В. Мищенко.**

Открыта подписка на 1902 г. (IX г. изд.)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ

Русская Музыкальная Газета

(съ иллюстраціями).

Подписная цѣна: съ доставкой: на 1 годъ 3 руб., на 6 мѣс. 1 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р., съ пересылкой: на 1 годъ 3 р. 50 к., на 6 мѣс. 2 р. на 3 мѣс. 1 р. 25 к. Съ перес. за границу на годъ 4 р. Отдѣльные №№ по 10 коп., съ пер. 15 коп. Пробные №№ высылаются за 7 коп. марку.

Подписка принимается: въ отдѣленіяхъ конторы: въ С.-Петербургѣ—въ музыкальномъ магазинѣ І. Юргенсона (Большая Морская, 9); въ Москвѣ—въ музыкальной торговлѣ Василій Бессель и К^о (Петровка 12); Кіевѣ—въ книжномъ и музык. магазинѣ Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29); въ Одессѣ—въ нотномъ и инструментальномъ магазинѣ Г. и В. Бальцъ,—и во всѣхъ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ. Редакція и Гл. контора: Спб. М. Морская 6.

Ред.-Изд. *Нил. Фундеицень.*

LA REVUE

ANCIENNE

Revue des Revues.

Un Numéro spécimen
sur demande.

XII-e ANNÉE.

24 Numéros par an
Richement illustrés.

Peu de mots, beaucoup d'idées.

Directeur: Jean Finot.

Au prix de 24 fr. (ou en envoyant par la poste 9 roubles on a un abonnement d'un an pour LA REVUE, richement illustrée.

„Avec elle, on sait tout, tout de suite“ (Alex. Dumas fils), car „LA REVUE est extrêmement bien faite et constitue une des lectures les plus intéressantes, les plus passionnantes“ (Francisque Sarcey); „rien n'est plus utile que ce résumé de l'esprit humain“ (E. Zola); „elle a conquis une situation brillante et prépondérante parmi les grandes revues françaises et étrangères“ (Les Débats);

La Revue paraît le 1-er et le 15 de chaque mois et ne publie que des articles inédits signés par les plus grands noms français et étrangers.

La Revue publie également les analyses des meilleurs articles parus dans les périodiques du monde entier, caricatures politiques, des romans et nouvelles, dernières inventions et découvertes, etc., etc.

La collection annuelle de La Revue forme une vraie encyclopédie de 4 gros volumes, ornés d'environ 1500 gravures et contenant plus de 400 articles, études, nouvelles, romans, etc.

Les Abonnés reçoivent de nombreuses primes de valeur. (Demander nos Prospectus).

On s'abonne sans frais dans tous les bureaux de poste de la France et de l'étranger chez tous les principaux libraires du monde entier et dans les bureaux de La Revue.

Rédaction et Administration: 12, AVENUE DE L'OPÉRA, PARIS.

Открыта подписка на 1902 г.

на большую ежедневную политическую, общественную
и литературную газету,

издаваемую безъ предварительной цензуры,
съ еженедѣльными иллюстрированными добавленіями,

„Русскій Листокъ“

(XIV годъ изданія).

Газета принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ изданій, благодаря своему чисто русскому направленію, безусловной свѣжести и новизнѣ помѣщаемыхъ сообщений и всего матеріала, а также благодаря живости, краткости и ясности печатаемыхъ въ ней статей извѣстныхъ журналистовъ. Всѣ административныя новости (сообщаемыя по телефону изъ Петербурга и по телеграфу изъ другихъ мѣстъ) появляются въ **„РУССКОМЪ ЛИСТКѢ“** не только одновременно съ петербургскими газетами, но даже часто и раньше послѣднихъ.

Свои корреспонденты имѣются во многихъ городахъ Россіи и за границей—въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Софіи, Римѣ, Женевѣ и друг., а въ случаяхъ особой важности командированы специальные корреспонденты. (Въ истекшемъ году было послано 6 кор.—въ Данцигъ, Реймсъ и Дюнкеренъ на торжества, въ Брюссель—на конгрессъ, въ Боснію и Герцеговину—во время смутъ.)

Обширность программы **„РУССКАГО ЛИСТКА“** даетъ возможность предложить читателямъ большое обиліе самаго разнообразнаго матеріала. Ежедневно въ фельетонахъ помѣщаются лучшіе романы, повѣсти, историческія и научныя статьи.

Иллюстрированныя добавленія извѣстныя по своей художественности, въ 1902 г., какъ было и въ истекшемъ 1901 г., будутъ выходить **еженедѣльно** и за годъ составятъ объемистый томъ съ массою рисунковъ, портретовъ, модъ и т. п. Всѣ болѣе крупныя событія дня иллюстрируются фотографическими снимками нашего фотографа.

Подписная цѣна:

8 р. на ГОДЪ съ доставкой и пересылкой **ВОСЕМЬ р.** **8 р.**
на 6 мѣс. **4 р. 50 к.**, на 4 мѣс. **3 р. 30 к.**, на
3 мѣс. **2 р. 50 к.**, на 2 мѣс. **1 р. 70 к.**, на 1 м.
90 коп.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка:

при подпискѣ—5 р. и къ 1 іюля—3 р. или при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 іюля—2 р. Кроме того, допускается особая разсрочка по 1 руб. въ мѣсяць—въ теченіе 8 мѣсяцевъ, считая съ января.

Адресъ главной конторы: Москва, Мясницкая улица, домъ № 20.

Свои отдѣленія—въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ, Калугѣ и Рязани.

Редакторъ-издатель *Н. Л. Кавецкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 годъ на

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

(одиннадцатый годъ изданія)

съ приложеніемъ твореній святого Аѳанасія, архіепископа
александрійскаго.

Въ 1902 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ ежемѣсячно, книжками въ пятнадцать и болѣе печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ:

1) Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ; 2) Исслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи; 3) Изъ современной жизни: обзоръ важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи; 4) Систематическій обзоръ текущей русской журналистики, преимущественно духовной, а также критики, рецензій и библиографіи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ; 5) Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго (продолженіе), и протоколы Совѣта Академіи за истекшій 1901 годъ (полностью). Въ качествѣ собственнаго приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ всѣмъ подписчикамъ его въ 1902 году будутъ даны:

первая и вторая части Твореній святого Аѳанасія, архіеписк. александрійскаго
въ русскомъ переводѣ.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ первыхъ двухъ томовъ твореній св. Аѳанасія Александрійскаго

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Примѣчаніе. Безъ пересылки **семь** рублей, за границу—**десять**.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ проф. А. Спасскій.

„СЛАВЯНСКІЙ ВѢКЪ“.

(II-й годъ изданія.)

(Съ 1-го августа 1901—30-е іюля 1902.)

Подписка:

Въ Австро-Венгріи: на годъ 10 кронъ, на полгода 5 кронъ.
„ Германіи „ „ 10 марокъ „ „ 5 марокъ.
„ Россіи „ „ 6 рублей „ „ 3 рубля.

Подписываться можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Въ Сербіи на годъ 12 динаровъ, на полгода 6 динаровъ.
„ Болгаріи „ „ 12 левовъ, „ „ 6 левовъ.
„ Черногоріи „ „ 10 кронъ, „ „ 5 кронъ.

Во всѣхъ прочихъ странахъ, вошедшихъ въ почтовый союзъ, на годъ 14 франковъ, на полгода 7 франковъ.

Адресъ редакціи: Wien, VIII/3 Bennogasse № 22.

Редакторъ-издатель д-ръ Д. Н. Вергунъ.

БЪЛГАРСКА СБИРКА

списание за книжнина, исторически и общественни знания.

Българска Сбирка ще издава и пръвз 1902 года (IX г.) еднажъ въ мѣсеца, освѣтъ юли и августъ въ размѣръ отъ 4—5 печатни листове. „В. Сб.“ съдържа: I. Изящна книжнина: разкази и стихотворения.—II. Отечествовъдение: статии отъ минадотони.—III. Икономически общественно—педагогически въпроси.—IV. Книжовни оцѣнки.—V. Прѣгледъ на списания.—VI. Що става въ нашеско и на чужбина.—VII. Нашенска и чужда дѣтоискъ.—VIII. Разни въсти.

Годишно струва 8 лева въ България, 9 на чужбина, 3 рубли въ Русия.

На ученици, селски учители, свещенници, на писаритѣ въ разнитѣ канцеларии „Българска Сбирка“ се отстъпва по 6 лева годишно (10 книжки), ако предпочатъ въ администрацията.

Най-доброто изплащае на аборамента е съ пощенски записъ който се праща въ администрацията.

Стари годишни течения: Намѣрватъ се за продажъ въ администрацията на I—VII год. течение за 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899 и 1900 година на „Българска Сбирка“. Цѣна: I г. и VII по 8 л., II, IV, V и VI г. по 7 л. III г. 6 лева. И седемтъ год. течения, струватъ 68 л. купени направо отъ администрацията, се отстъпватъ за 54 л., изпроводени въ прѣплата.

Всичко за „Българска Сбирка“ се изпроважда въ София, ул. Славянска № 26, дѣто е редакцията и администрацията.

Редакторъ С. С. Бобчевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

В О Л Ы Н Ъ.

(Двадцать четвертый годъ изданія.)

Подписная цѣна:

на 12 мѣс.—6 р., на 11 м.—5 р. 50 к., на 10 м.—5 р., на 9 м.—4 р. 50 к., на 8 м.—4 р., на 7 м.—3 р. 50 к., на 6 м.—3 р., на 5 м.—2 р. 50 к., на 4 м.—2 р., на 3 м.—1 р. 50 к., на 2 м.—1 р. 10 к., на 1 м.—60 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ по 5 коп.

Подписка принимается въ гор. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Большой Бердичевской улицѣ, въ Архьерейскомъ домѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если подписка принята въ главной конторѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 ч. утра до 6 ч. пополудни.

Редакторъ-издатель Г. И. Коровицкій.

О ПОДПИСКѢ НА 1902 ГОДЪ НА ВѢСТНИКЪ ПРАВА,

Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества,
издаваемый подъ редакціей Г. Б. Слюзберга.

Условія подписки:	На годъ:	По полугодіямъ.	
		Январь.	Іюнь.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р.
Въ " " съ доставкою	8 " 50 "	4 " 50 "	4 "
Въ другихъ город. съ доставкою	9 " — "	5 " — "	4 "
За границей	12 " — "	7 " — "	5 "
Отдѣльныя книги журнала	1 "		

Подписка принимается: въ конторѣ „Вѣстника Права“, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Сергіевская, 62.

Открыта подписка на 1902 г. на ежемѣсячный литературный журналъ

НОВОЕ ДѢЛО.

Съ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ еженедѣльной общественно-политической ГАЗЕТЫ.

Журналъ **Новое Дѣло** издается, какъ продолженіе 34-лѣтняго изданія **Недѣли и Книжечъ Недѣли**, при томъ же составѣ редакціи.

Направленіе и характеръ „Новаго Дѣла“ остается тождественнымъ съ „Недѣлей“. Развитие общественной самодѣятельности, горячее вниманіе къ народнымъ нуждамъ, участіе къ жизненнымъ интересамъ всѣхъ сословій, усовершенствованіе нашихъ юридическихъ и экономическихъ отношеній, развитіе жизнедѣятельности страны путемъ не узкоплеменной, но обще-русской самостоятельной культуры—вотъ основныя черты этого направленія.

Ежемѣсячное изданіе „Новаго Дѣла“, служащее продолженіемъ „Книжечъ Недѣли“, предназначается для строгаго и тщательнаго подбора произведеній художественной литературы, статей философскихъ, культурныхъ, біографій, путешествій, литературной критики и т. п., а также для того отдѣла обзора движенія мысли и литературы, который за границей составляетъ такъ называемыя „Журналы журналовъ“.

Еженедѣльное изданіе „Новаго Дѣла“, служащее продолженіемъ газеты „Недѣля“, представляетъ собою разработанную и освѣщенную лѣтопись текущей политической, общественной, экономической и научной жизни.

Подписная цѣна: на ежемѣсячный журналъ: на годъ—7 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 75 к. съ пересылкой. Тоже, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты, на годъ—10 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—2 р. 50 к., на 1 м.—85 к. съ пересылкой. За границу на 3 р. дороже. Книгопродавцамъ уступка. Гг. иногороднымъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, въ С.-Петербургѣ), гдѣ также принимаются и объявленія.

Подписчики „Недѣли“ платятъ за годовое изданіе **журнала и газеты** вмѣсто 10 руб. 7 руб.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Гончарная, 10.

Подписка принимается, кромѣ конторы редакціи, также въ отдѣленіяхъ конторы „Новаго Дѣла“: при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Н. П. Карбасникова, въ С. Петербургѣ и Москвѣ и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н. Я. Оглоблина и въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Рукописи для редакціи могутъ быть адресованы В. П. Гайдебурову, С.-Петербургъ, Фонтанка, д. 37.

Редакторъ-издательница А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАНИЕ РУССКАГО БИБЛИОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры 8 разъ въ годъ въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца (кромя лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ печатаются: научныя статьи и материалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей преимущественно въ области истории русской литературы и русской исторіи; извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ, указатели и библиографическія работы, отчеты о дѣятельности Русскаго Библиологическаго Общества, объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

А. В. Андреевъ, Н. Н. Бахтинъ, А. К. Бороздинъ, В. О. Боцяновскій, С. Н. Брайлоскій, А. И. Браудо, Н. М. Буда-Жемчужниковъ, А. М. Бѣловъ, С. А. Венгеровъ, О. А. Витбергъ, Э. А. Вольтеръ, Н. А. Гастфрейндъ, Б. М. Городецкій, П. А. Дилакторскій, Г. А. Ильинскій, І. И. Югансонъ, В. В. Каллашъ, В. Н. Кораблевъ, Н. И. Коробка, А. О. Круглый, И. А. Кубасовъ, Г. З. Кунцевичъ, А. Л. Липовскій, А. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, Х. М. Лопаревъ, Е. А. Ляцкій, А. І. Лященко, М. Н. Мазаевъ, В. В. Майковъ, А. І. Малейнъ, А. Э. Мальмгренъ, В. Л. Модзалевскій, В. Н. Перетцъ, П. В. Петровъ, Е. В. Пѣтуховъ, В. И. Саитовъ, А. В. Селивановъ, П. К. Симони, В. В. Синовскій, А. В. Смирновъ, А. И. Соболевскій, В. И. Срезневскій, А. М. Филипповъ, В. А. Францевъ, К. І. Храневичъ, П. Н. Шефферъ, С. Н. Шубинскій, П. Е. Щеголевъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ «Литературный Вѣстникъ» за 1901 годъ одобренъ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1901, ноябрь, стр. 34).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ: съ доставкою и пересылкою въ Россіи 5 р., за границу 6 р.

На полгода въ Россіи 3 р., за границу 3 р. 50 к.

Цѣна за отдѣльную книжку 1 руб. (выписывающіе отдѣльныя книжки изъ редакціи за пересылку не прибавляютъ).

О всѣхъ новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются рецензіи.

Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, 2) для иногороднихъ—въ редакціи „Литературный Вѣстникъ“, С.-Петербургъ, Подольская ул., д. 11, кв. 12. 3) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.

Редакторы: А. І. Лященко,
М. Н. Мазаевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1902 г.

на ежедневную общественно-политическую и литературную газету

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

ПРИБАЛТИЙСКІЙ КРАЙ

въ г. Ригѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

безъ доставки въ конторѣ редакціи на 1 м.—50 к., на 2 м.—1 р., на 3 м.—1 р. 25 к., на 4 м.—1 р. 75 к., на 5 м.—2 р. 25 к., на 6 м.—2 р. 50 к., на 7 м.—3 р., на 8 м.—3 р. 50 к., на 9 м.—3 р. 75 к., на 10 м.—4 р. 25 к., на 11 м.—4 р. 50 к., на годъ—5 р. Съ доставкой на домъ въ г. Ригѣ и съ пересылкою въ др. мѣста Имперіи на 1 м.—75 к., на 2 м.—1 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 75 к., на 4 м.—2 р. 50 к., на 5 м.—3 р. 25 к.; на 6 м.—3 р. 50 к., на 7 м.—4 р. 25 к., на 8 м.—5 р., на 9 м.—5 р. 25 к., на 10 м.—6 р., на 11 м.—6 р. 50 к., на годъ—7 р. За границу, въ государствѣ Всеобщаго Почтового Союза на 1 м.—1 р. 50 к., на 2 м.—3 р., на 3 м.—3 р. 50 к., на 4 м.—5 р., на 5 м.—6 р. 50 к., на 6 м.—7 р., на 7 м.—8 р. 50 к., на 8 м.—10 р., на 9 м.—10 р. 50 к., на 10 м.—12 р., на 11 м.—13 р. 50 к., на годъ—14 р.

ПОДПИСКА на газету и заказы на объявленія принимаются въ конторѣ газеты (Рига, Больш. Песочная улица, № 24).

Газета печатается въ собственной типографіи.

Редакторъ Н. Г. Молоствовъ.
Издатель А. А. Крюгеръ.

1902.

АГБЮРЪ

XX г.

ежемесячный иллюстрированный дѣтскій журналъ съ педагогическимъ отдѣломъ.

Во всей Имперіи единствен-
ныя иллюстрированныя
периодическ. изданія на
армянскомъ языкѣ.

ТАРАЗЪ

XIII г.

еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

Годовая плата журнала „Агбюръ“ 3 рубля (за границу 4 руб. „Таразъ“—6 руб. (за границу—10 руб.)).

Адресъ: Тифлисъ, редакція журнала „Агбюръ“ или „Таразъ“ (Tiflis, Caucase) Rédaction du journal „Agbüř“ ou „Tagaz“.

Редакторъ-издатель Т. Я. Назарьянъ.